ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
Казанского университета

серия

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Uchenye Zapiski
Kazanskogo Universiteta
Seriya Gumanitarnye Nauki

2025

Том 167 Книга 2
Volume 167 Issue 2

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки

рецензируемый научный журнал

2025
Т. 167, кн. 2

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОСНОВАНЫ В 1834 ГОДУ

Редакционная коллегия

Главный редактор

Д.А. Таюрский – первый проректор – проректор по научной деятельности, д-р физ.-мат. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Члены редколлегии

Е.А. Горобец (зам. гл. редактора) – канд. филол. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Л.Р. Ахмерова (секретарь) – канд. филол. наук, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Е.М. Абайдельдинов – д-р юрид. наук, проф., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан
Н.Ф. Алефиренко – д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
А.И. Алиев – д-р юрид. наук, проф., Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджанская Республика
Б.С. Алишев – д-р психол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Й. Баберовски – д-р наук, проф., Берлинский университет имени Гумбольдта, г. Берлин, Германия
Б.А. Байтанаев – д-р ист. наук, проф., Институт археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки МОН, г. Алматы, Республика Казахстан
С.А. Балашенко – д-р юрид. наук, проф., Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь
Н. Вайс – д-р наук, проф., Университет Потсдама, г. Потсдам, Германия
Д.Х. Валеев – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Г.А. Волков – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
Г.Х. Гилазетдинова – д-р филол. наук, проф., Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия
С.Ю. Головина – д-р юрид. наук, проф., Уральская государственная юридическая академия, г. Екатеринбург, Россия
Б.М. Гонгало – д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия
Л.П. Громова – д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
А. Квятковская – д-р психол. наук, Институт психологии, Польская академия наук, г. Варшава, Польша
А.М. Лушников – д-р юрид. наук, проф., Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия
Н.Л. Лютов – д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия
Д.Е. Мартынов – д-р ист. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
О.М. Мельникова – д-р ист. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия
В.М. Мокиенко – д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; Университет им. Эрнста Морица Арндта, г. Грайфсвальд, Германия
М.М. Мюллер – д-р наук, проф., Лейпцигский университет, г. Лейпциг, Германия
Г.П. Мягков – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
И.А. Невская – д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия
Е.М. Николаева – д-р филос. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Ф.Ш. Нуриева – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.Н. Пашкуров – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.О. Прохоров – д-р психол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.Н. Рарог – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия
Л.П. Репина – д-р ист. наук, чл.-корр. РАН, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия
Л. Росси – проф. по рус. лит., Миланский государственный университет, г. Милан, Италия
Й. Сипко – д-р наук, проф., Прешовский университет в Прешове, г. Прешов, Словакия
А.Г. Ситдиков – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
М.В. Талан – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
И.А. Тарханов – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Д.В. Ушаков – д-р психол. наук, акад. РАН, Институт психологии РАН, г. Москва, Россия

Т.Я. Хабриева – д-р юрид. наук, акад. РАН, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия
Ю Хаймей – д-р права, Нанкинский педагогический университет, Институт правовой модернизации Китая, г. Нанкин, Китай
А.Н. Чумаков – д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
М.Д. Щелкунов – д-р филос. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Й. Эккенга – д-р юрид. наук, проф., Университет имени Юстуса Либига, г. Гиссен, Германия
Р. Ястшембски – д-р права, проф., Варшавский университет, г. Варшава, Польша

Научные редактор:
Г.П. Мягков – д-р. ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Редактор *Л.Р. Ахмерова*
Редактор английского текста *А.О. Кармазина*

Учредитель и издатель: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-41876 от 27 августа 2010 г.

Журнал реферируется/индексируется в DOAJ, ROAD, EBSCO, eLIBRARY.RU, Google Scholar,
ERIH PLUS, CEEOL, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, КиберЛенинка.
Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс 19421. Цена свободная

Адрес издателя и редакции «Ученые записки Казанского университета»:
420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18
Телефон: (843) 233-73-01; e-mail: *uz.ku@kpfu.ru*; сайт: http://kpfu.ru/uz-rus/gum

---

Дата выхода в свет 11.06.2025.
Формат 60x 90/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 18,73. Уч.-изд. л. 15,86.
Тираж 300 экз. Заказ 25/6

Отпечатано в типографии Издательства
Казанского университета
420008, Республика Татарстан, Казань,
ул. проф. Нужина, д. 1/37

© Казанский федеральный университет, 2025

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki

Proceedings of Kazan University. Humanities Sciences Series

Peer-Reviewed Scientific Journal

2025
Vol. 167, No. 2

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA FOUNDED IN 1834

Editorial Board

Editor-in-Chief

Dmitrii A. Tayurskii – First Vice-Rector – Vice-Rector for Scientific Activities, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Members of Editorial Board

E.A. Gorobets (Deputy Editor-in-Chief) – PhD in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
L.R. Akhmerova (Secretary) – PhD in Philology, Kazan Federal University, Kazan, Russia
E.M. Abaidel'dinov – Doctor of Law, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan
N.F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Belgorod State University, Belgorod, Russia
A.I. Aliev – Doctor of Law, Professor, Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan
B.S. Alishev – Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
J. Baberowski – Doctor of History, Professor, Humboldt University of Berlin, Berlin, Germany
B.A. Baitanaev – Doctor of History, Professor, A.Kh. Margulan Institute of Archeology, Almaty, Republic of Kazakhstan
S.A. Balashenko — Doctor of Law, Professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus
N. Weiß – Doctor of Science, Professor, University of Potsdam, Potsdam, Germany
D.Kh. Valeev – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
G.A. Volkov – Doctor of Law, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia
G.Kh. Gilazetdinova – Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Language, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia
S.Yu. Golovina – Doctor of Law, Professor, Ural State Law Academy, Yekaterinburg, Russia
B.M. Gongalo – Doctor of Law, Professor, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia
L.P. Gromova – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
A. Kwiatkowska – Doctor of Psychology, Institute of Psychology of Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland
A.M. Lushnikov – Doctor of Law, Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia
N.L. Lyutov – Doctor of Law, Associate Professor, O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia
D.E. Martynov – Doctor of History, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
O.M. Mel'nikova – Doctor of History, Associate Professor, Udmurt State University, Izhevsk, Russia
M.M. Muller – Professor of Psychology, University of Leipzig, Leipzig, Germany
G.P. Myagkov – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
I.A. Nevskaya – Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
E.M. Nikolaeva – Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
F.Sh. Nurieva – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.N. Pashkurov – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia A.O. Prokhorov – Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.N. Rarog – Doctor of Law, Professor, O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia
L.P. Repina – Doctor of History, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Universal History, Moscow, Russia
L. Rossi – Professor of Russian Literature, University of Milan, Milan, Italy
J. Sipko – Doctor of Science, Professor, University of Presov, Presov, Slovakia
A.G. Sitdikov – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
M.V. Talan – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
I.A. Tarkhanov – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
D.V. Ushakov – Doctor of Psychology, Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology, Moscow, Russia
T.Ya. Khabrieva – Doctor of Law, Member of Russian Academy of Sciences, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Yu Haimei – Doctor of Law, Nanjing Normal University, Institute for Chinese Legal Modernization Studies, Nanjing, China
A.N. Chumakov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

M.D. Schelkunov – Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
J. Ekkenga – Doctor of Law, Professor, Justus Liebig University Giessen, Giessen, Germany
R. Yastshembski – Doctor of Law, Professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Science Editor:
G.P. Myagkov – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Editors: *L.R. Akhmerova*
English Editor: *A.O. Karmazina*

Founder and Publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kazan (Volga Region) Federal University".
The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media
Registration certificate PI No. FS77-41876 dated August 27, 2010.

The journal is abstracted and/or indexed in DOAJ, ROAD, EBSCO, eLIBRARY.RU, Google Scholar,
ERIH PLUS, CEEOL, Cyberleninka, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat.
The journal is included in the list of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main results
of dissertations for the Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees.

Subscription index: 19421. Free price

Contacts: Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta, ul. Kremlevskaya 18, Kazan, Republic of Tatarstan, 420008 Russia
Phone: (843) 233-73-01; e-mail: uz.ku@kpfu.ru; сайт: http://kpfu.ru/uz-eng/hum

Date of publication: June 11, 2025.
Page size: 60*90/8. Offset printing. Conventional
printing sheet: 18,73. Publisher's signature: 15,86.
Circulation: 300 copies. Order: 25/6

Printed in KFU Publishing House
ul. Prof. Nuzhina 1/37, Kazan, Republic of Tatarstan,
420008 Russia

© Kazan Federal University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РОССИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Кубанцева И.А. Участие Мордовской республиканской библиотеки в патриотическом движении и помощи Красной армии в годы Великой Отечественной войны 7

Митюков Н.В., Ким Ю.Л. Опыт реконструкции судового состава на примере хозяйств Сарапульского района УАССР периода Великой Отечественной войны 17

Хаблиева Л.Ч. Организация военного обучения в годы Великой Отечественной войны (по материалам архивных источников Северной Осетии) 30

Чанышев Р.Н., Пеньковцев Р.В., Шарафутдинов Д.Р. К вопросу о выборе места проведения Тегеранской конференции 1943 г. 43

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ XIX–XX ВЕКОВ

Загидуллин И.К. Мусульманин в микросекулярном обществе: К. Насыри – преподаватель православных духовных учебных заведений Казани (1855–1870 годы) 53

Хабибуллина Д.А. Историко-культурное наследие Каюма Насыри: вопросы хронологии и формирование юбилейной практики 67

Афанасьев А.Ю. Старообрядческое купечество в промышленном развитии Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX века 78

Муфтахутдинова Д.Ш. Роль татарских медресе Волго-уральского края в формировании казахской образовательной системы (вторая половина XIX – начало XX века) 91

Ларионов Д.С., иерей. Наследие профессоров церковно-исторической школы Казанской духовной академии в деле становления кафедры церковной истории в Императорском Казанском университете в XIX – начале XX столетия 103

Ежова С.А., Альпин Ю.А. Профессор математики Н.Н. Парфентьев и реорганизация Казанского университета в первые десятилетия советской власти 122

Литвин А.А., Яковлев А.Е. Взаимодействие контор Торгсина Среднего Поволжья с местными партийными властями 143

Шайдуллин И.И. Вклад пионерской организации в преодоление безграмотности в татарских школах в 20–30-е годы XX века 154

Титова Т.А., Гасанов С.К. Конфессиональный фактор в формировании этнокультурной идентичности азербайджанского населения Республики Татарстан 167

ИСТОРИОГРАФИЯ

Пузанов В.В. Из опыта саморефлексии украинской советской историографии 179

Щукин Г.А., Недашковская Н.И. Дискуссия Н.И. Кареева и Л.З. Слонимского: антропологический разворот 193

Слискова В.В. «Других новостей у меня нет…»: письмо историка Н.И. Радцига Н.И. Карееву (1931 г.) 207

CONTENTS

HISTORY OF RUSSIA: SOCIOCULTURAL AND ETHNOPOLITICAL STUDIES

CELEBRATING THE 80TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

Kubantseva I.A. The role of the Mordovian Republican Library in the patriotic movement and its support for the Red Army during the Great Patriotic War 7

Mitiukov N.V., Kim Yu.L. Reconstruction of the fleet composition employed by enterprises in the Sarapul district of the Udmurt ASSR during the Great Patriotic War 17

Khablieva L.Ch. Organization of military training during the Great Patriotic War (insights from archival research on North Ossetia) 30

Chanyshev R.N., Penkovtsev R.V., Sharafuddinov D.R. On the choice of venue for the Tehran Conference of 1943 43

HISTORY OF RUSSIA: 19TH–20TH CENTURIES

Zagidullin I.K. A Muslim in a micro-secular society: K. Nasyri as a teacher at Orthodox theological schools in Kazan (1855–1870) 53

Khabibullina D.A. Kayum Nasyri's historical and cultural heritage: Chronological problems and the evolution of anniversary commemorations 67

Afanasyev A.Yu. Old Believer merchants and industrial development of the Kazan Governorate during the second half of the 19th and early 20th centuries 78

Muftakhutdinova D.S. Tatar madrasas of the Volga-Ural region and their role in the development of the Kazakh educational system (from the second half of the 19th to early 20th century) 91

Larionov D.S., Priest. Intellectual heritage of professors from the church history school of Kazan Theological Academy and its role in the development of the Department of Church History at Kazan Imperial University during the 19th and early 20th centuries 103

Ezhova S.A., Al'pin Yu.A. Professor of mathematics N.N. Parfentiev and the reorganization of Kazan University in the early decades of Soviet rule 122

Litvin A.A., Yakovlev A.E. Interaction of Togrsin's trade offices in the Middle Volga region with local party authorities 143

Shaidullin I.I. The role of the Pioneer Organization in struggling against illiteracy in Tatar schools during the 1920s and 1930s 154

Titova T.A., Gasanov S.K. Confessional factor in shaping the ethnocultural identity of the Azerbaijani community in the Republic of Tatarstan 167

HISTORIOGRAPHY

Puzanov V.V. Self-reflection in Ukrainian Soviet historiography during the period of perestroika 179

Shchukin G.A., Nedashkovskaya N.I. A debate between N.I. Kareev and L.Z. Slonimsky: The anthropological turn 193

Sliskova V.V. "I have no other news to share for now…": A letter from historian N.I. Radtsig to N.I. Kareev (1931) 207

ИСТОРИЯ РОССИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Оригинальная статья

УДК 02:172.15"1941/45"(470.345)
https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.7-16

Участие Мордовской республиканской библиотеки в патриотическом движении и помощи Красной армии в годы Великой Отечественной войны

И.А. Кубанцева

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Россия

kubancevair@rambler.ru

Аннотация

В статье рассмотрен вопрос об участии Мордовской республиканской библиотеки в мероприятиях патриотической направленности и оказании помощи воинам Красной армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Основным источником для раскрытия темы послужили архивные документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Республики Мордовия. Главной задачей исследования являлся анализ направлений работы учреждения, несвойственных библиотечной деятельности, среди которых мероприятия по освоению военно-оборонных знаний, овладению навыками противовоздушной и санитарной обороны группой самозащиты библиотеки, активное включение в кампанию по сбору теплых вещей для отправки на фронт. Приведены сведения о количестве средств, перечисленных коллективом в фонд обороны страны, а также на формирование танковой колонны и звена самолетов. Показаны формы сотрудничества учреждения с тыловыми частями и подразделениями Красной армии, с эвакогоспиталями, дислоцированными на территории Мордовской АССР. Преимущественно женский коллектив библиотеки, преодолевая трудности и лишения, справился с поставленными задачами. Его общий вклад в содействие мобилизации масс для борьбы с врагом был высоко оценен. После окончания Великой Отечественной войны часть сотрудников библиотеки была отмечена государственными наградами.

Ключевые слова: Мордовская республиканская библиотека, центр пропаганды политических и военных знаний, мероприятия патриотической направленности, внестационарные пункты библиотеки, тыловые части, эвакогоспитали

Для цитирования: *Кубанцева И.А.* Участие Мордовской республиканской библиотеки в патриотическом движении и помощи Красной армии в годы Великой Отечественной войны // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 2. С. 7–16. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.7-16.

Original article

https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.7-16

The role of the Mordovian Republican Library in the patriotic movement and its support for the Red Army during the Great Patriotic War

I.A. Kubantseva

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

kubancevair@rambler.ru

Abstract

The role of the Mordovian Republican Library in patriotic initiatives and its valuable support for the Red Army during the Great Patriotic War (1941–1945) is analyzed. Based on archival documents from the Central State Archive of the Republic of Mordovia, it is demonstrated how the library expanded its mission in the wartime by engaging in military and defense training, mastering skills in air raid preparedness and sanitary defense within its self-defense unit, and actively participating in campaigns to collect warm clothing for the front. The financial contributions made by the library's staff to the national defense fund, including the donations that helped build a tank column and an air squadron, are detailed. The library's collaboration with rear units and subunits of the Red Army, as well as evacuation hospitals stationed in the Mordovian ASSR, is discussed. Despite the war hardships, the library's employees, who were mostly women, successfully fulfilled their duties. Their achievements in facilitating mass mobilization were recognized by the Soviet leadership as an important part of the national war effort. Several employees from the library's staff were honored with state awards in the post-war period.

Keywords: Mordovian Republican Library, center for raising political and military awareness, patriotic events, mobile libraries in rear units and evacuation hospitals

For citation: Kubantseva I.A. The role of the Mordovian Republican Library in the patriotic movement and its support for the Red Army during the Great Patriotic War. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 2, pp. 7–16. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.7-16. (In Russian)

Введение. Начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война кардинально изменила приоритеты социокультурной сферы. В одном из специальных обращений Наркомпроса РСФСР и ЦК профсоюза работников политико-просветительных, учебных и научных учреждений «Ко всем работникам просвещения РСФСР», подготовленном в июне 1941 г., содержался призыв подчинить всю культурно-просветительную деятельность и работу библиотек задачам обороны страны, организовать среди населения широкую пропаганду постановлений партии и правительства, сообщений Информбюро и распоряжений военных. Работникам просвещения, включая библиотекарей, было рекомендовано содействовать мобилизации масс для борьбы с врагом, продвигать военно-оборонные знания, помогать населению овладевать навыками противовоздушной и санитарной обороны [1, с. 12]. Задачи, стоявшие перед библиотеками в сложных условиях войны, были конкретизированы в приказе Наркомпроса РСФСР «О работе массовых библиотек в военное время», принятом

в октябре 1941 г. Документ обязывал сотрудников библиотек регулярно проводить политинформации в трудовых коллективах, рассказывать о самоотверженности и героизме воинов РККА, о героях трудового фронта в тылу, а также оказывать помощь населению на производственных предприятиях в освоении новых профессий [2, с. 10].

Все направления деятельности библиотек были подчинены задачам военного времени. Перестраивать работу предстояло в сложных условиях. Библиотеки Мордовской АССР, как и страны в целом, в кратчайшие сроки обязаны были стать эффективными центрами пропаганды политических и военных знаний. Вся работа учреждений увязывалась с вопросами укрепления обороноспособности государства [3, с. 69].

Результаты исследования. С первых дней войны возросла роль патриотического движения, в которое активно включались предприятия, организации и учреждения республики. Начало этому было положено в июле 1941 г. с формирования народного ополчения. В г. Саранске оно было одним из самых многочисленных и насчитывало на 1 сентября 1941 г. 1 734 человека [4, с. 194]. Частью данного соединения был отряд ополченцев республиканской библиотеки в количестве 18 человек [5, с. 63]. Кроме того, в библиотеке была создана группа самозащиты, состоявшая из 24 человек. В круг их ответственности входили вопросы, связанные с противовоздушной и противохимической обороной (ПВХО). Одно из первых занятий в рамках ПВХО состоялось 3 июля 1941 г. после окончания рабочего дня в 21 час (ЦГА РМ1, д. 1, л. 7). Члены группы самозащиты следили за инвентарем противопожарного звена, регулярно проверяли его готовность к работе, организовывали тренировки коллектива библиотеки по работе в противогазах (ЦГА РМ1, д. 1, л. 13).

В августе 1941 г. предписывалось организовать санитарную дружину из членов отряда народного ополчения библиотеки и продолжить военную подготовку, при этом «добиваться активного участия всего коллектива и досрочно завершить обучение» (ЦГА РМ1, д. 1, л. 12). Практические навыки по военному делу осваивались на занятиях в рамках всевобуча. Работа в этом направлении проводилась и в предвоенный период, но более активно и предметно она началась после выхода 17 сентября 1941 г. постановления ГКО «О всеобщем обязательном обучении военному делу». Занятия проводились во внерабочее время по специальной программе. На них ежедневно отводились 3 часа, а в выходные дни – 4 часа [6, с. 190]. Функционировавшие в г. Саранске пункты всевобуча должны были обеспечиваться соответствующими тематическими изданиями. В 1941 г. городской комитет принял относительно всеобщего военного обучения соответствующее постановление, в котором обязал Мордовскую республиканскую библиотеку им. А.С. Пушкина обеспечивать учебный процесс литературой из ее передвижного фонда. Решения городского комитета беспрекословно выполнялись (ЦГА РМ1, д. 1, л. 14).

В рамках оборонной работы библиотека налаживала связь с кружками ПВХО и ГСО («Готов к санитарной обороне») на предприятиях города с целью оказания помощи в обеспечении литературой. В первые месяцы войны организовать такую работу эффективно не удавалось (ЦГА РМ1, д. 1, л. 12). Тесную связь со штабом местной противовоздушной обороны библиотеке (МПВО) удалось установить к 1942 г. Помощь всевобучу по снабжению литературой оказывалась в полном объеме. В местах проведения занятий по военному образованию в г. Саранске формировались передвижные фонды, оформлялись книжные выставки по запросу организаторов и слушателей. Непосредственное участие во многих мероприятиях, проводимых в штабах МПВО, принимала заведующая передвижным фондом Мордовской республиканской библиотеки им. А.С. Пушкина тов. Купер (ОМРБ, л. 71).

В самой же библиотеке оформлялась и действовала на постоянной основе книжная выставка «Что читать по военному обучению?», составлялись одноименные рекомендательные списки литературы.

Подготовка персонала в рамках программы ПВХО и ГСО началась вскоре после выхода постановления ГКО «О всеобщем обязательном обучении военному делу». В процессе всевобуча сотрудники библиотеки осваивали практические навыки маскировки здания, знакомились с мероприятиями противохимической защиты [7, с. 65]. На начало октября 1941 г. досрочно завершили обучение по программе ГСО 28 человек (ЦГА РМ1, д. 1, л. 12). В ноябре 1941 г. отряд самообороны республиканской библиотеки осуществлял подготовку к сдаче зачета на право ношения значка ПВХО и ГСО (ЦГА РМ1, д. 1, л. 13). Его обладатели обязаны были подтвердить это право, для чего периодически устраивались самопроверки знаний в объеме первой и второй ступеней программы ПВХО. Очередное такое мероприятие состоялось в октябре 1942 г. Ответственными за него были назначены сотрудники библиотеки Петрова и Уханова (ЦГА РМ1, д. 2, л. 5).

В годы войны регулярно проводились занятия группы самозащиты. Пристальное внимание уделялось подготовке противопожарного звена. Поступавшие на работу в библиотеку сотрудники зачислялись в группу самозащиты (ЦГА РМ1, д. 2, л. 3). В начале лета 1943 г. данное соединение пополнили работники парткабинета, музея, института усовершенствования учителей. Все они размещались в здании библиотеки, и по этой причине было принято решение вышестоящего руководства их объединить (ЦГА РМ1, д. 2, л. 5).

Коллектив республиканской библиотеки поддержал широко развернувшуюся в Мордовской АССР кампанию по сбору теплых вещей для бойцов РККА. Начало ее было положено 7 сентября 1941 г. после утверждения постановления Мордовского обкома ВКП(б). С выходом документа во всех районах республики и в г. Саранске создавались местные комиссии. К октябрю 1941 г. такие структуры были сформированы повсеместно. Так, вопрос о сборе вещей для красноармейцев находился на контроле директора и членов партактива библиотеки. На общих собраниях коллектива обсуждался ход проведения кампании, разъяснялись спорные вопросы с целью добиться понимания необходимости сдачи вещей на пункты приема. К выполнению поставленных задач подключились 26 сотрудников из 28. Двое отказались от участия в данном мероприятии – ранее их исключили из рядов ВКП(б) (ЦГА РМ1, д. 1, л. 13). Первое время передавались вещи из личного гардероба граждан. Впоследствии одежду для красноармейцев сотрудники приобретали на свои денежные средства. В ноябре 1942 г. при рассмотрении вопроса о ходе проведения кампании по сбору теплых вещей для РККА обратили внимание на то, что единолично купить что-то ценное для бойцов удается не каждому. С учетом высказанных замечаний коллектив библиотеки решил заказывать вещи для красноармейцев в одной из городских мастерских по пошиву одежды. Директор библиотеки В.В. Холопова выразила готовность договориться с руководством ателье о покупке у них одежды для бойцов с последующей передачей в пункты приема вещей для отправки в Красную армию (ЦГА РМ1, д. 1, л. 18). В то же время сотрудники республиканского учреждения были непосредственно вовлечены в работу пунктов по сбору теплых вещей для РККА. Они не только занимались агитационной работой среди домохозяев города, но и помогали принимать, сортировать, чистить и стирать одежду (ЦГА РМ1, д. 1, л. 13).

В одном из протоколов общего партийного собрания библиотеки в декабре 1942 г. были представлены промежуточные итоги проделанной работы. Они свидетельствовали о том, что в целом коллектив активно включился в кампанию по сбору теплых вещей для бойцов

Красной армии. Сотрудниками Мордовской республиканской библиотеки им. А.С. Пушкина было сдано в пункты приема 15 шапок, полотенца, сапоги, полушубок, теплые чулки, варежки. Отмечалось также, что отдельные товарищи сдали одежды за время проведения кампании гораздо больше, чем весь остальной коллектив. На достигнутом решили не останавливаться. Профсоюзной организации и членам ВЛКСМ учреждения было поручено на регулярной основе продолжать агитационную работу среди библиотекарей и читателей, а также представить предложения по дальнейшему улучшению реализации задач в рамках данной акции (ЦГА РМ1, д. 2, л. 1).

Параллельно со сбором теплых вещей для РККА в конце 1941 г. и на протяжении всего 1942 г. в республике разворачивалось движение по сбору денежных средств на формирование танковой колонны и звена самолетов «Советская Мордовия» [4, с. 141]. Трудящиеся Мордовской АССР, желая скорой победы над врагом, с пониманием отнеслись к данному призыву. К реализации этого начинания подключились и сотрудники Мордовской республиканской библиотеки им. А.С. Пушкина. В ноябре 1941 г. трудовым коллективом было принято решение о перечислении 10 % от месячного заработка на формирование танковой колонны. Реализации намеченного предшествовала кропотливая работа среди сотрудников. Благодаря убедительным разъяснительным беседам к передаче средств подключились все без исключения библиотекари и технический персонал. Учреждением было собрано на эти цели 920 руб. (ЦГА РМ1, д. 1, л. 16, 17). Помимо указанной суммы, коллектив передал 12 000 руб. в фонд сборки танка «Красный библиотекарь» (ОМРБ, л. 71). В конце 1942 г. среди сотрудников объявлялся денежный сбор на формирование звена самолетов от республики (ЦГА РМ1, д. 2, л. 21). Работа в указанном направлении продолжалась в учреждении на протяжении всех военных лет.

Агитаторы из числа библиотечных работников занимались активным распространением денежно-вещевой лотереи среди домохозяев г. Саранска (ЦГА РМ1, д. 2, л. 6). В 1942 г. в трудовом коллективе Мордовской республиканской библиотеки им. А.С. Пушкина развернулась подписка на первый военный государственный заем. По оценке Саранского горкома ВКП(б), работа в рамках этого патриотического начинания прошла в учреждении «на высоком уровне», что отмечалось в одной из информационных сводок организационного отдела. В результате деятельности дирекции библиотеки на 1 апреля 1942 г. было собрано по подписке 7 135 руб. (ЦГА РМ1, д. 2, л. 8). По итогам 1942 г. организация передала в фонд обороны страны более 3 000 руб. (ОМРБ, л. 71).

Пристальное внимание уделялось не менее важному для патриотического движения вопросу – заботе о семьях фронтовиков. Непосредственным решением материальных и бытовых проблем домохозяйств красноармейцев занимались специально созданные комиссии при городских и районных исполкомах Мордовской АССР. В оказание помощи семьям военнослужащих наравне со всеми учреждениями была вовлечена и Мордовская республиканская библиотека. Ответственными за данное направление назначили сотрудников Румянцеву и Дыдыкину. По поручению администрации они посещали семьи сослуживцев, выявляли бытовые проблемы, интересовались устройством детей в школы и детские сады. Посильную помощь коллектив библиотеки оказывал Мельниковой, Гришиной, Серебряковой, члены семей которых находились на фронте (ЦГА РМ1, д. 2, л. 1). Каждой из них ежегодно за счет библиотеки завозили по 2 куб. м дров на зиму. Дополнительная денежная помощь со стороны дирекции не оказывалась из-за ограниченных финансовых возможностей учреждения (ЦГА РМ1, д. 3, л. 4–5).

Патриотический настрой проявлялся в деятельности Мордовской республиканской библиотеки им. А.С. Пушкина при организации помощи раненым бойцам и командирам Красной армии. Обеспечивая обслуживание в эвакогоспиталях библиотеки системы Наркомпроса, руководствовались распоряжением, согласованным 18 июля 1941 г. несколькими ведомствами – Народным комиссариатом просвещения РСФСР, Главным управлением РККА и культотделом ВЦСПС [8, с. 90]. В сжатые сроки предстояло обустроить стационарные библиотеки при эвакогоспиталях г. Саранска, завезти оборудование для того, чтобы по первому требованию начать в них работу. С началом войны все организационные вопросы предписывалось решить до 2 августа 1941 г. (ЦГА РМ1, д. 3, л. 7). Подшефными для библиотеки были определены три из четырех лечебных армейских учреждения города. За каждым из них закреплялся куратор. Так, директор Мордовской республиканской библиотеки им. А.С. Пушкина В.В. Холопова оказывала помощь в организации библиотечной работы госпиталю № 1314, размещавшемуся в здании фельдшерско-акушерского училища и школы № 12, О.П. Петрова координировала это направление в эвакогоспитале № 3050, развернувшемся на базе республиканской больницы, а А.Ф. Ксенофонтова была прикреплена к лечебному учреждению № 3052 в школе № 1 (ЦГА РМ1, д. 1, л. 8). Координатором всей деятельности библиотек-филиалов в подшефных медико-санитарных учреждениях города была назначена А.Г. Кузнецова (ЦГА РМ1, д. 1, л. 7). Сотрудники Мордовской республиканской библиотеки ответственно подходили к выполнению своих обязанностей, о чем свидетельствовали отзывы с мест. Положительные отклики поступали на деятельность библиотекарей Кузнецовой, Овчинниковой, Пивоваровой. Они не только эффективно выполняли свою непосредственную работу, но и выступали организаторами постановок спектаклей, лекций по литературе [9, с. 64]. Бойцы отмечали профессионализм при подборе книг по запросам, доброжелательность в обращении с ранеными красноармейцами. Высокий уровень культурно-массовой работы сотрудников библиотеки отмечался в материалах стенгазет госпиталя № 1314 (ОМРБ, л. 70).

В военные годы политпросветработа велась не только среди бойцов, находившихся на лечении, но и в тыловых воинских частях и подразделениях, располагавшихся в Мордовии. Агитационно-пропагандистская деятельность среди этой категории читателей осуществлялась на базе передвижных библиотек, организованных Мордовской республиканской библиотекой им. А.С. Пушкина. Так, в 1942 г. учреждением было сформировано 35 передвижных пунктов. Большая их часть работала в воинских частях, госпиталях и на предприятиях города (ОМРБ, л. 63). Информация, раскрывавшая пункты дислокации воинских частей в регионах страны и наличие предприятий, относилась к категории государственной тайны (ЦГА РМ3, л. 13). Уполномоченные Мордовского отделения Главлита и профильные отделы НКВД строго отслеживали материалы на предмет неразглашения секретных сведений. Со временем условия описания тех или иных объектов в коммуникационном пространстве менялись. На освещение ранее «закрытых» вопросов получали разрешение, но в ограниченном порядке. Учитывая требования цензурного ведомства, Мордовская республиканская библиотека им. А.С. Пушкина в 1943 г. указывала в отчетных материалах количество воинских подразделений, охваченных внестационарным обслуживанием. На тот период на территории республики насчитывалось шесть таких пунктов (ОМРБ, л. 63).

Комплектованием литературы для внестационарной работы в городе занималась тов. Купер (ОМРБ, л. 70). У читателей передвижек спросом пользовались художественная литература патриотической тематики, книги из раздела техники (ОМРБ, л. 44). В помещениях,

где осуществлялось библиотечное обслуживание, оформлялись книжные выставки по военной тематике («Борьба русского народа с немецкими рыцарями», «Ворошилов и Красная армия»), вывешивалась наглядная агитация. По запросам агитаторов и лекторов сотрудники Мордовской республиканской библиотеки подготовили за первый год войны более 25 списков литературы по темам: «Советский Союз и Красная армия – решающая сила разгрома фашизма», «Фашизм – злейший враг славянских народов», «Патриотические мотивы в творчестве Л.Н. Толстого» и др. (ОМРБ, л. 6). Агитационно-пропагандистская работа среди военнослужащих Красной армии ориентировалась на требования ЦК ВКП(б), озвученные в одном из июльских номеров газеты «Правда» за 1941 г., где говорилось о том, что вся партийно-политическая, массово-разъяснительная, агитационно-пропагандистская работа должна быть подчинена интересам фронта, задачам организации отпора врагу [10, с. 57].

Заключение. Таким образом, с первых дней Великой Отечественной войны учреждения культуры кардинальным образом перестраивали свою работу с учетом требований военного времени. В тот период в библиотечной практике появились несвойственные для нее направления. Реализация их осуществлялась в рамках патриотических кампаний, инициируемых партийными и советскими органами власти. Мордовская республиканская библиотека им. А.С. Пушкина как одно из ведущих культурно-просветительных учреждений принимала участие практически во всех мероприятиях в рамках патриотического движения, разворачивавшегося в республике. Так, сотрудники учреждения входили в соединение народного ополчения г. Саранска. В библиотеке были сформированы отряд самообороны и санитарная дружина. Весь персонал осваивал навыки военного дела в рамках всевобуча, занятия которого проходили ежедневно после окончания рабочего дня. Коллектив библиотеки принимал участие в кампании по сбору теплых вещей для воинов РККА. Библиотекари сообща и в индивидуальном порядке приобретали вещи в специализированных организациях для последующей их передачи бойцам, помогали в сортировке и стирке одежды на пунктах приема. Параллельно вели агитационную и разъяснительную работу среди домохозяев о целесообразности данной акции. Сотрудники библиотеки с пониманием относились к развернувшимся кампаниям по сбору средств на формирование танковой колонны и звена самолетов от республики, на протяжении всего военного времени перечисляли средства в фонд обороны страны, подписывались на военные государственные займы и лотереи [11, с. 79].

Патриотический настрой проявлялся при организации библиотечного обслуживания тыловых частей и подразделений Красной армии, воинов, находившихся на лечении в госпиталях. Агитационно-пропагандистская работа среди военнослужащих в тылу велась в тесной связи с задачами, решаемыми армейскими соединениями [12, с. 184]. Сотрудничество библиотеки с эвакогоспиталями строилось исходя из потребностей каждого медицинского учреждения. Одним из способов доставки книг в подшефные медицинские учреждения оставались передвижки или книгоношество. Со временем передвижки стали активнее использоваться библиотекой, так как они позволяли более оперативно отвечать за запросы военнослужащих и раненых красноармейцев. В целом шефская помощь, оказываемая коллективом Мордовской республиканской библиотеки им. А.С. Пушкина эвакогоспиталям и тыловым частям, оценивалась положительно. Одним из образцовых среди библиотек армейских лечебных учреждений г. Саранска считался книжный фонд госпиталя № 3051, размещавшийся в здании пединститута (ЦГА РМ2, л. 37). Иначе обстояло дело с передвижками, развернутыми в медицинских учреждениях в районах республики. Они нуждались не только в актуальной литературе, но и в квалифицированных кадрах. Специфика органи-

зации внестационарной работы библиотек обострила одну из главных проблем – сохранность книжного фонда. Большая часть утраченных книг в Мордовской республиканской библиотеке им. А.С. Пушкина приходилась на организованные учреждением филиалы и передвижные пункты (ЦГА РМ4, л. 25). Например, только за один 1944 г. было безвозвратно утеряно из фондов библиотеки 580 экземпляров (ОМРБ, л. 40).

Несмотря на все трудности и лишения, с которыми сталкивались сотрудники Мордовской республиканской библиотеки в годы Великой Отечественной войны, они оставались коллективом, способным выполнить задачи, стоявшие в целом перед страной. Недаром 14 сотрудников библиотеки были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

ЦГА РМ1 – Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. 896-П.: Первичная партийная организация Республиканской библиотеки г. Саранска Мордовской АССР. Оп. 1. Д. 1. 19 л.; Д. 2. 24 л; Д. 3. 19 л.

ОМРБ – Отчеты Мордовской республиканской библиотеки им. А.С. Пушкина за 1929–1949 годы. Саранск, 1950. 270 с.

ЦГА РМ2 – ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 3. Д. 663: Докладные записки, отчеты, сведения, справки работников обкома, райкомов, горкомов ВКП(б), руководство эвакогоспиталями обкома партии и другие материалы о деятельности госпиталей: о партийно-политической работе, об их хозяйственном состоянии, о шефской помощи и проведении 25-годовщины Октября в госпиталях. 219 л.

ЦГА РМ3 – ЦГА РМ. Ф. Р-586. Оп. 3. Д. 16: Приказы по Главлиту МАССР по производственной деятельности. Информационные письма, циркуляры Главлита МАССР. 93 л.

ЦГА РМ4 – ЦГА РМ. Ф. 228. Оп. 1. Д. 849: Постановления, распоряжения, указания СНК МАССР, переписка с учреждениями республики, доклады и докладные записки Наркомата просвещения и районных отделов народного образования МАССР о политико-просветительной работе. 72 л.

Литература

1. Фронтовые будни библиотек. 70-летию Великой Победы посвящается: в 7 т. / [Ред.-сост. Л.М. Коваль]. М.: Журнал «Библиотека», 2013. Т. 7. 480 с.
2. Библиотечное дело в России в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 – май 1945) / Сост. А.Л. Дивногорцев. М.: Изд-во Рос. гос. б-ки «Пашков дом», 2000. 421 с.
3. *Кубанцева И.А.* Особенности библиотечного обслуживания населения Мордовии в начале Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия. 2021. № 1. С. 69–73.
4. Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. / А.П. Солдаткин, Л.Г. Филатов, Э.Ю. Сальникова [и др.]. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия, 2005. Т. 2. 421 с.
5. *Меркушкина Л.Г.* Национальная библиотека им. А.С. Пушкина Республики Мордовия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 (в свете новых архивных документов) // Финно-угорский мир. 2010. № 1. С. 60–67.
6. Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. / Редкол.: А.А. Данилов (отв. ред.) [и др.]. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия, 2005. Т. 1. 382 с.

7. *Гусев А.В.* Система подготовки групп самозащиты местной ПВО в годы Великой Отечественной войны // Вестник СамГУ. 2011. № 7(88). С. 63–67.
8. *Мазурицкий А.М.* Очерки истории библиотечного дела периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Под ред. В.А. Фокеева. М.: МГУК: РГБ, 1995. 210 с.
9. *Кубанцева И.А.* Партийно-политическая работа в эвакогоспиталях Мордовии в первые годы Великой Отечественной войны // История и современное мировоззрение. 2025. Т. 7, № 1. С. 61–65. https://doi.org/10.33693/2658-4654-2025-7-1-61-65.
10. Культурно-просветительная работа в Вооруженных силах СССР / Б.П. Уткин, В.И. Аникович, И.М. Подобед [и др.]. М.: Воениздат, 1984. 335 с.
11. *Осташкин В.Н.* Содержание, основные направления и формы деятельности учреждений культуры в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 // Социология. 2020. № 1. С. 78–92.
12. *Гуркин Н.К., Исаева А.П.* Культурное наследие России и патриотическое воспитание накануне и в годы Великой Отечественной войны // Управленческое консультирование. 2016. № 5. С. 181–191.

References

1. *Frontovye budni bibliotek. 70-letiyu Velikoi Pobedy posvyashchaetsya* [Libraries in the Frontline. Celebrating the 70th Anniversary of the Great Victory]. Vol. 7. Koval' L.M. (Ed.). Moscow, Zh. "Biblioteka", 2013. 480 p. (In Russian)
2. Divnogortsev A.L. *Bibliotechnoe delo v Rossii v period Velikoi Otechestvennoi voiny (iyun' 1941–mai 1945)* [Librarianship in Russia during the Great Patriotic War (June 1941–May 1945)]. Moscow, Izd. Ross. Gos. Bibl. "Pashkov Dom", 2000. 421 p. (In Russian)
3. Kubantseva I.A. Features of library services for the population of Mordovia at the beginning of the Great Patriotic War (1941–1945). *Vestnik NII Gumanitarnykh Nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*, 2021, no. 1, pp. 69–73. (In Russian)
4. Soldatkin A.P., Filatov L.G., Sal'nikova E.Yu., et al. *Mordoviya v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Mordovia during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Vol. 2. Saransk, NII Gumanit. Nauk Pravitel'stve Resp. Mordoviya, 2005. 421 p. (In Russian)
5. Merkushkina L.G. A.S. Pushkin National Library of the Republic of Mordovia during the Great Patriotic War of 1941–1945 (insights from new archival documents). *Finno-Ugorskii Mir*, 2010, no. 1, pp. 60–67. (In Russian)
6. Danilov A.A. et al. (Eds.) *Mordoviya v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Mordovia during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Vol. 1. Saransk, NII Gumanit. Nauk Pravitel'stve Resp. Mordoviya, 2005. 382 p. (In Russian)
7. Gusev A. V. System of training local air self-defense groups during the Great Patriotic War. *Vestnik SamGU*, 2011, no. 7(88), pp. 63–67. (In Russian)
8. Mazuritskii A.M. *Ocherki istorii bibliotechnogo dela perioda Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Essays on the History of Librarianship during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Fokeev V.A. (Ed.). Moscow, MGUK, RGB, 1995. 210 p. (In Russian)
9. Kubantseva I.A. Party and political work in the evacuation hospitals of Mordovia during the first years of the Great Patriotic War. *Istoriya i Sovremennoe Mirovozzrenie*, 2025, vol. 7, no. 1, pp. 61–65. https://doi.org/10.33693/2658-4654-2025-7-1-61-65. (In Russian)
10. Utkin B.P., Anikovich V.I., Podobed I.M., et al. *Kul'turno-prosvetitel'naya rabota v Vooruzhennykh silakh SSSR* [Cultural and Educational Work in the USSR Armed Forces]. Moscow, Voenizdat, 1984. 335 p. (In Russian)
11. Ostashkin V.N. The mission, major objectives, and activities of cultural institutions during the Great Patriotic War of 1941–1945. *Sotsiologiya*, 2020, no. 1, pp. 78–92. (In Russian)
12. Gurkin N.K., Isaeva A.P. Cultural heritage and patriotic education in Russia on the eve of and throughout the Great Patriotic War. *Upravlencheskoe Konsul'tirovanie*, 2016, no. 5, pp. 181–191. (In Russian)

Информация об авторе

Кубанцева Ирина Алексеевна, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
E-mail: *kubancevair@rambler.ru*
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9772-9708

Author Information

Irina A. Kubantseva, Dr. Sci. (History), Associate Professor, Department of Cultural Studies and Library and Information Resources, National Research Ogarev Mordovia State University
E-mail: *kubancevair@rambler.ru*
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9772-9708

Поступила в редакцию 16.12.2024
Принята к публикации 14.02.2025

Received December 16, 2024
Accepted February 14, 2025

Оригинальная статья

УДК 930.2:94(47).084.8
https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.17-29

Опыт реконструкции судового состава на примере хозяйств Сарапульского района УАССР периода Великой Отечественной войны

Н.В. Митюков[1] ✉, Ю.Л. Ким[2]

[1]Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН, г. Ижевск, Россия
[2]Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия

✉*nico02@mail.ru*

Аннотация

На сегодняшний день вследствие ограниченности источниковой базы отсутствует системное описание истории отечественного водного транспорта; выводы, полученные на основе анализа деятельности пароходств, распространяются на весь водный транспорт региона. Для проверки правомерности подобного подхода предпринята комплексная реконструкция состава флотов камских хозяйств Удмуртии. На первом этапе проводилась реконструкция судового состава и его эволюции на основе архивных фондов хозяйств, после чего для доказательства полноты полученного списка осуществлялась его верификация на основе данных Удмуртского статистического управления. Предлагаемая методика показала свою эффективность на примере реконструкции судового состава периода Великой Отечественной войны. Сделан вывод о невозможности распространения выводов, полученных только на основе данных по Камскому речному пароходству, на весь водный транспорт региона. Кроме того, выявлен ряд закономерностей в работе удмуртских хозяйств в военные годы. Поскольку они выполняли важные оборонные заказы, то с потерей Донбасса вынуждены были перейти на альтернативные энергоносители (дрова и торф), которые приходилось возить за 30–40 км, что придавало флоту стратегическую важность. В результате мобилизация судового состава в удмуртских хозяйствах отсутствовала, а численность флота к концу войны даже незначительно возросла. Также для увеличения эффективности использования имевшихся ресурсов производилась рокировка судов даже между хозяйствами разных наркоматов.

Ключевые слова: анализ источников, реконструкция динамики судового состава, Великая Отечественная война, Сарапульский район, водный транспорт

Для цитирования: *Митюков Н.В., Ким Ю.Л.* Опыт реконструкции судового состава на примере хозяйств Сарапульского района УАССР периода Великой Отечественной войны // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 2. С. 17–29. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.17-29.

Original article

https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.17-29

Reconstruction of the fleet composition employed by enterprises in the Sarapul district of the Udmurt ASSR during the Great Patriotic War

N.V. Mitiukov[1] ✉, Yu.L. Kim[2]

[1] Udmurt Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia
[2] Udmurt State University, Izhevsk, Russia

✉*nico02@mail.ru*

Abstract

Due to the limited availability of primary sources, the history of Russian river transport is still sketchy and lacks a systematic description. Existing historical accounts are based on the results from the analysis of the activities of individual steamship enterprises that have been extrapolated to the entire water transport system of the region. In order to verify the validity of such generalizations, this study undertakes a comprehensive two-stage reconstruction of the fleet composition in Udmurtia's Kama enterprises: at the first stage, the fleet composition and its evolution are reconstructed using the archival records of local enterprises; at the second stage, the completeness and reliability of the obtained dataset are verified against the records provided by the Udmurt Statistical Office. The proposed approach is found to be effective for the period of the Great Patriotic War, also when applied to the reconstruction of the fleet of enterprises not represented in the archival records (the Sarapul Distillery and the Sarapul Timber Depot). However, it is methodologically unsound to extrapolate the results obtained for the Kama steamships to the full scope of river transport in the region. In addition, the workflow of Udmurt enterprises during the wartime is considered. They were engaged into fulfilling critical defense orders and, with the loss of the Donbass, were forced to switch to alternative energy sources (firewood and peat), which had to be transported over 30–40 km, thus increasing the strategic value of the fleet. As a result, the vessels used by Udmurt enterprises were not mobilized, and the regional fleet even slightly expanded by the end of the war. To further optimize available resources, the vessels were redistributed between different people's commissariats.

Keywords: source analysis, reconstruction of fleet composition dynamics, Great Patriotic War, Sarapul district, water transport

For citation: Mitiukov N.W., Kim Yu.L. Reconstruction of the fleet composition employed by enterprises in the Sarapul district of the Udmurt ASSR during the Great Patriotic War. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 2, pp. 17–29. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.17-29. (In Russian)

Введение. История советского водного транспорта до настоящего времени полна парадоксов. С одной стороны, в рамках планового хозяйства весь водный транспорт, казалось бы, должен быть взят на жесткий учет, но с другой – наличие в СССР разветвленных ведомственных структур позволяло осуществлять планирование и учет в рамках этих ведомств.

В связи с вышеуказанным до настоящего времени не было обобщающих комплексных работ о речном транспорте, составленных на основе изучения флотов всех учреждений региона.

Если в названии подобной работы и не отражен тот факт, что в ней описана история речного транспорта на основе данных о пароходствах, то даже при поверхностном анализе это становится очевидным. Например, диссертация Е.В. Харловой формально посвящена речному транспорту Западной Сибири, но при рассмотрении списка источников выясняется, что автор использовал лишь фонды пароходств Западной Сибири [1]. Аналогичным образом в диссертации В.Г. Зюрина особую значимость для истории Тихвинской водной системы советского периода имеют документы, изданные Северо-Западным пароходством и Наркоматом водного транспорта [2]. В работе О.А. Гоманенко приведены данные о потерях речного транспорта в ходе Сталинградской битвы, но, как указывает сам исследователь, это лишь суда, подведомственные Наркомату речного флота [3].

Очевидно, причины подобной однобокости следует искать в специфике источниковой базы. По линии Наркомречфлота с разной степенью регулярности публиковались расписания движения флота, диспетчерские справочники и другая подобная литература. Фонды пароходств также содержат достаточно полную делопроизводственную документацию, включающую приказы о постановке принятых судов на учет, их списании. В ежегодных отчетах регулярно даются списки наличного флота. Но по линии других наркоматов, хозяйства которых также имели весьма значительный флот, подобная документация отсутствует. Так, например, архивный фонд сплавного треста «Камлесосплав» (ГАПК. Ф. Р-1006, далее ГАПК), чей флот по численности был вполне сопоставим с Камским речным пароходством, аналогичных данных не содержит. Делопроизводственная документация, очевидно определяемая требованиями Наркомлеспрома, включает многочисленные приказы и документы о заготовках леса, выполнении плана и т. п. при полном отсутствии информации о состоянии имеющегося флота. Специалисты по истории лесных хозяйств СССР с горечью констатируют: «…отчетливо выявлялась серьезная проблема отсутствия в архивных фондах важных материалов по отдельным предприятиям и промышленным объединениям…» [4, с. 33].

Аналогичная ситуация складывалась в хозяйствах, входивших в структуры наркоматов легкой, оборонной промышленности и др., и усугублялась, в случае если флот предприятия выполнял заведомо вспомогательные функции. Тогда даже в специальных формах по учету водного транспорта на предприятии могли ставить прочерки по всем графам, несмотря на то что флот у него был, как это делалось, например, на заводе № 235, передавшем все суда заводскому профкому.

Таким образом, составление списка флотов хозяйств определенного региона превращается в нетривиальную задачу, предполагающую прежде всего разработку методов анализа имеющейся в фондах документации, на основе которой можно выявить данные о флоте. На втором этапе работы для доказательства того, что составленный список является исчерпывающим, привлекались документы Удмуртского отделения статистики. Данные по флотам отдельных хозяйств в нем полностью обезличены, но мы исходили из того, что общее число указанных судов должно сходиться с таковым в реконструированных списках.

Реконструкция флотов сарапульских хозяйств. Большинству сарапульских хозяйств нами были посвящены отдельные работы, краткий конспект которых приведен ниже. Данные об имеющемся флоте помещены в табл. 1.

1. Сарапульский горперевоз всю войну обеспечивал переправу через Каму [5]. Он входил в Сарапульский горкомхоз Наркомхоза. В 1939 г. в хозяйстве имелись железные катера:

«Стрела», «Коммунар» и «Освод», а также деревянные паромы: № 1, № 2, № 3 и № 4. Все катера войну пережили. Паром № 1 погиб во время ледохода в 1941 г., паром № 2, ставший с 1942 г. № 1, пережил войну и был списан в 1949 г. Паром № 3, с 1942 г. ставший паромом № 2, в 1943 г. пострадал во время ледохода и был разграблен местными жителями. Паром № 4 в конце навигации 1942 г. использовался как дебаркадер в с. Тарасово, где вмерз в лед. Из-за ветхого состояния его разобрали на дрова на месте стоянки.

2. Сарапульский освод по состоянию на апрель 1940 г. имел в своем составе два спасательных катера и 35 шлюпок (ЦГА УР1. Д. 2, л. 64). В свою очередь, в 1938 г. статьи расходов хозяйства распределялись на катер № 1 с двигателем СТЗ (30 л. с.) и катер «Спасательный» с двигателем ГАЗ (40 л. с.) (ЦГА УР1. Д. 13, л. 8). Это объяснялось тем, что у освода была спасательная станция и специальный пост. Первое судно эксплуатировалось в 1939 г. 127 ч., а второе лишь 4 ч., так что, очевидно, на станции был катер № 1, а для поста начали строить второй, чтобы «вписаться» в нормы. Указанную «странность» в сроке эксплуатации объясняет «Отчет о наличии моторного флота Удм[уртского] республ[иканского] освода по состоянию на 1/V-40 г.». Судя по нему, «буксирный катер» с двигателем СТЗ был построен в Сарапуле в 1937 г. и его предполагалось эксплуатировать до 1942 г. Судно работало как спасательное, имело двигатель на керосине, грузоподъемность составляла 12 т. Второй катер с мотором ГАЗ-А, также сарапульской постройки 1939 г., предполагалось эксплуатировать до 1944 г. Он тоже числится как спасательный, имел двигатель на бензине, грузоподъемность 750 кг. Среди всех судов Удмуртского освода эти два были самые крупные (ЦГА УР1. Д. 15, л. 48). Таким образом, второй катер построили лишь в 1939 г., очевидно к концу навигации, поэтому он в тот год почти не эксплуатировался. Но в IV квартале 1940 г. у Сарапульского освода числится лишь один моторный катер в 40 л. с. (ЦГА УР1. Д. 15, л. 163), и, судя по отчетам, он находится на балансе в 1941 г. (ЦГА УР1. Д. 35, л. 84) и во II квартале 1942 г. (ЦГА УР1. Д. 35, л. 40).

3. Сарапульский гортоп в 1936 г. хозяйственным способом построил для своих нужд катер «Гортоп» с длиной корпуса 10.5 м [6]. На судне стоял двигатель «Интер» в 30 л. с., этот катер числился в хозяйстве все войну. Из несамоходного флота гортоп имел баржи № 1 и № 2, списанные в 1940 г. При этом баржа № 2, вероятно, использовалась как стоечная до 1945 г. В 1940 г. построена баржа № 3, списанная в 1946 г., а в 1941 г. – № 1, списанная в 1945 г.

4. Сарапульский лесокомбинат в 1940–1947 гг. имел нижеследующие суда [7]. Полуглиссер № 1250 (двигатель ГАЗ М-1, 52 л. с.) был приобретен в 1940 г., в 1945 г. разукомплектован. Катер «Большевик» (двигатель СТЗ-30, 32 л. с.) был построен в 1937 г., использовался Сарапульским рейдом «Камлесосплава» как № 57, приобретен лесокомбинатом в 1943 г., к 1956 г. числился на балансе лесокомбината. Катер «Комсомолец» (двигатель СТЗ-30, 32 л. с.) был передан на баланс в августе 1945 г. вместе с Сарапульской лесобазой. В марте 1946 г. его получил трест «Камлесосплав», и в 1946–1948 гг. он находился в составе флота Сарапульского рейда «Камлесосплава». Катер № 1 (двигатель ЧТЗ газогенераторный, 60 л. с., 1937 г. постройки) в августе 1945 г. вместе с базой передан лесокомбинату. Полуглиссер «Быстрый» (тип НКЛ-27, двигатель ГАЗ-ММ, 52 л. с.) приобретен из нового судостроения в июне 1946 г.

5. Сарапульская лесобаза не имеет своего архивного фонда, но было установлено, что в 1938 г. она получила новый катер «Комсомолец» (32 л. с.) [8]. Он числится единственным судном лесобазы в 1943 г. Но в 1945 г. среди судов, переданных Сарапульскому лесокомбинату от ликвидированной лесобазы, кроме «Комсомольца» там числится также генераторный катер № 1 (60 л. с.). Год получения судна неизвестен.

6. Сарапульский рейд треста «Камлесосплав» с 1939 г. имел в работе катер № 57 [9], который в 1943 г. передали Сарапульскому лесокомбинату (там он работал как «Большевик»). После ликвидации Сарапульского леспромхоза в 1939 г. рейду передали катера № 1, № 2 и № 3. В том же году катер № 1 списали (бывшая «Комсомолка» 1929 г. постройки). Катер № 2 (40 л. с.) в 1941 г. получило Сокольское агентство. Разъездной катер № 3 в 1940 г. передали для капитального ремонта такелажно-транспортной конторе. В 1941 г. в хозяйстве находился катер № 40 (52 л. с.) (ГАПК. Оп. 1. Д. 14, л. 85). С 1942 по 1943 г. на рейде числился катер № 33 (52 л. с.) (поскольку документов о приеме-передаче нет, можно предположить, что это бывший № 40). В 1943 г. появились катера «Пионер» (32 л. с.) и № 17 (25 л. с.), эксплуатировавшиеся до начала 60-х годов XX в. В 1944 г. в течение одной навигации на рейде числился катер № 54 (25 л. с.), с 1945 г. – № 58 (150 л. с.). Наконец, в 1945 г. появился полуглиссер № 44.

В 1939 г. на рейде числился шитик № 30 (ГАПК. Оп. 1. Д. 8, л. 139). Он упоминается в плане ремонта флота по Сарапульскому рейду на 1944 г. (СГА1. Д. 73, л. 16), но при распределении флота на навигацию 1944 г. судно уже не значится (СГА1. Д. 96, л. 59). Форма о наличии оборудования в составе хозяйства не учитывает несамоходные суда и в 1946 г., зато в 1947 г. указаны шитик № 10 и безымянная орляна (они отсутствуют на момент начала года, но имеются на его конец) (ЦГА УР2. Д. 1264, л. 11 об). Приказом по тресту от 10 апреля 1947 г. безымянная орляна (9 т) Сарапульского рейда получала наименование О-13 (СГА1. Д. 173, л. 109 об).

7. Дулесовский леспромхоз (мехлесопункт) образовался в 1939 г. путем разукрупнения Сарапульского леспромхоза. В основном флот передали Сарапульскому рейду «Камлесосплава», но часть судов досталась Дулесовскому леспромхозу. Весь рассматриваемый период там числились катер № 35 (32 л. с.) и шитик «Орляна» (15 т), использовавшийся как паром [10]. Оба судна в 1948 г. были переданы вновь образованному Сарапульскому леспромхозу.

8. Сарапульский кожкомбинат зимой 1941/1942 г. из-за острой производственной необходимости построил катер «Кожкомбинат» (32 л. с.) для перевозки леса. В 1956 г. судно передали Осташковскому кожзаводу. В 1948 г. для перевозки дров хозяйство также построило шитик [11].

9. Сарапульский спиртовой завод в удмуртских архивах не имеет своего фонда, но, судя по переписи водного транспорта хозяйств Сарапульского района, в 1936 г. у него на балансе был катер «Шмидт» (1935 г. постройки, 30 л. с.) (СГА2. Д. 64, л. 5). В 1943 г. судно в хозяйстве уже не значится.

Табл. 1. Флот камских хозяйств УАССР в 1940–1947 гг.[1]

Table 1. Fleet composition of Kama enterprises in the Udmurt ASSR during 1940–1947

Судно	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947
Самоходный флот								
«Освод» (32 л. с.)	ГП	ГП	ГП	ГП	ГП	ГП	ГП	УМР
«Стрела» (32 л. с.)	ГП	ГП	ГП	ГП	ГП	ГП	ГП	РС
«Коммунар» (25 л. с.)	ГП	ГП	ГП	ГП	ГП	ГП	ГП	УМР

[1] Примечание: ГП – Сарапульский горперевоз, УМР – Управление малых рек, РС – Сарапульский райсовет, О – Сарапульский освод, ГТ – Сарапульский гортоп, ЛК – Сарапульский лесокомбинат, СР – Сарапульский рейд треста «Камлесосплав», ЛБ – Сарапульская лесобаза, ДЛ – Дулесовский леспромхоз, КК – Сарапульский кожкомбинат, СЗ – Сарапульский спиртзавод, С – списан или передан в другую организацию.

«Спасательный» (40 л. с.)	О	О	О	О	О	О	О	О
№ 1 (32 л. с.)	О	?	–	–	–	–	–	–
«Гортоп» (32 л. с.)	ГТ	ГТ	ГТ	ГТ	ГТ	ГТ	ГТ	ГТ
№ 1250 (52 л. с.)	ЛК	ЛК	ЛК	ЛК	ЛК	С	–	–
№ 57 / «Большевик» (32 л. с.)	СР	СР	СР	ЛК	ЛК	ЛК	ЛК	ЛК
«Комсомолец» (32 л. с.)	ЛБ	ЛБ	ЛБ	ЛБ	ЛБ	ЛК	СР	СР
№ 1 (60 л. с.)	–	–	?	?	ЛБ	ЛК	ЛК	ЛК
«Быстрый» (52 л. с.)	–	–	–	–	–	–	ЛК	ЛК
№ 2 (32 л. с.)	СР	С	–	–	–	–	–	–
№ 3 (12 л. с.)	СР	С	–	–	–	–	–	–
«Пионер» (32 л. с.)	–	–	–	СР	СР	СР	СР	СР
№ 17 (25 л. с.)	–	–	–	–	СР	СР	СР	СР
№ 33 (52 л. с.)	–	СР	СР	СР	–	–	–	–
№ 54 (25 л. с.)	–	–	–	–	СР	СР	–	–
№ 58 (150 л. с.)	–	–	–	–	–	СР	СР	СР
№ 44 (52 л. с.)	–	–	–	–	–	СР	СР	СР
№ 35 (32 л. с.)	ДЛ	ДЛ	ДЛ	ДЛ	ДЛ	ДЛ	ДЛ	ДЛ
«Кожкомбинат» (32 л. с.)	–	–	КК	КК	КК	КК	КК	КК
«Шмидт» (32 л. с.)	СЗ	СЗ	?	–	–	–	–	–
Несамоходный флот								
Паром № 1 (35 т)	ГП	С	–	–	–	–	–	–
Паром № 2 / № 1 (40 т)	ГП	ГП	ГП	ГП	ГП	С	–	–
Паром № 3/№ 2 (35 т)	ГП	ГП	ГП	С	–	–	–	–
Паром № 4 (40 т)	ГП	ГП	С	–	–	–	–	–
Паром № 1 (40 т)	–	–	–	–	–	–	ГП	УМР
Паром № 2 (40 т)	–	–	–	–	–	ГП	ГП	УМР
Баржа № 1 (45 т)	ГТ	С	–	–	–	–	–	–
Баржа № 2 (45 т)	ГТ	С	–	–	–	–	–	–
Баржа № 3 (100 т)	ГТ	ГТ	ГТ	ГТ	ГТ	ГТ	ГТ	С
Баржа № 1 (75 т)	–	ГТ	ГТ	ГТ	ГТ	ГТ	ГТ	ГТ
Шитик № 30 (60 т)	СР	СР	СР	СР	СР	–	–	–
Шитик «Орляна» (15 т)	ДЛ	ДЛ	ДЛ	ДЛ	ДЛ	ДЛ	ДЛ	ДЛ
Шитик № 10 (? т)	–	–	–	–	–	–	–	СР
Орляна О-13 (? т)	–	–	–	–	–	–	–	СР

Чтобы удостовериться в том, что составленный список (табл. 1) является исчерпывающим, проведем анализ данных Удмуртского статистического управления.

По отчетам, поданным в Центральное статистическое управление, в 1940 г. часть хозяйств в Сарапуле имела свой флот. В письме к госинспектору начальник группы транспорта и связи отмечал: «По предварительным данным организации г. Сарапула имеют собственные пароходы, речные катера, баржи: 1) Камлесосплав, 2) Гортоп, 3) Горсовет (перевоз в Ершовку), 4) Пивзавод, 5) Промкомбинат, 6) Ликероводочный завод, 7) Освод, 8) Лесопильный завод» (СГАЗ. Д. 173, л. 22). В своем ответе на полученный запрос Промкомбинат Сара-

пульского райисполкома УАССР ответил: «Сарапульский промкомбинат сообщает, что имел лодку с мотором, каковая использовалась исключительно по переброске пиломатериалов для своего производства через реку Каму. Судов, занимавшихся перевозкой пассажиров и грузов на сторону в 1939 г., и сейчас в Сарапульском промкомбинате не имеется» (СГАЗ. Д. 173, л. 24). Сарапульский лесопильный завод также указал: «Лесозавод ни своего собственного, ни арендованного речного флота не имеет» (СГАЗ. Д. 173, л. 26). Ликеро-водочный завод сообщил, что «в 1939 году речного транспорта не имел» (СГАЗ. Д. 173, л. 30 об). По-видимому, по остальным хозяйствам также были получены отрицательные ответы, в связи с чем начальник группы докладывал госинспектору: «Пересылаем поступившие к нам сведения о работе речного транспорта за 1939 г. по организациям: 1/ Транспортному отделу Горкомхоза / Горперевозу и 2/ Осводу. Последняя организация имеет только спасательные суда. Грузоперевозки и пассажироперевозки не производятся. Пивзавод, Промкомбинат, Ликеро-водочный завод и Лесопильный зав[од] сообщили, что они в 1939 г. и на 1 января речных транспортных средств не имели» (СГАЗ. Д. 173, л. 26).

Два вышеуказанных хозяйства, отчитавшихся о наличии флота, прислали следующие сведения. Транспортный отдел горкомхоза (Горперевоз), входивший в Наркомхоз, занимался перевозкой между Сарапулом и с. Ершовка. На 1 января 1940 г. он имел три самоходных судна. Кроме того, в хозяйстве было три парома грузоподъемностью 95 т. За прошедшую навигацию флот перевез 70 200 т грузов (СГАЗ. Д. 173, л. 30). Сарапульский освод, подчинявшийся Союзосводу СССР, затруднился указать район плавания, но заявил о наличии двух самоходных судов в 70 л. с., которые использовались как спасательные. Пассажиров и другие грузы организация не перевозила (СГАЗ. Д. 173, л. 31). Судя по всему, Камлесосплав и гортоп также предоставили регистрационные формы о наличии у них флота, которые в деле отсутствуют.

Информация о сарапульских хозяйствах, имевших флот в 1940 г., дополняется документацией Удмуртского статуправления, где есть бланк, заполненный Наркомлесом УАССР. Он показал у себя три буксирных судна суммарной мощностью 63 л. с. Это хозяйство занималось в основном пассажирскими перевозками через Каму от Яромаски до Сарапула (5 км), а также грузовыми перевозками от Чернушки до Сарапула (50 км) и по Воткинскому пруду (12 км) (ЦГА УР2. Д. 153, л. 2 об). Поскольку далее в отдельной форме приведены сведения по Воткинскому мехлесопункту (2 буксирных парохода в 72 л. с. и одна баржа грузоподъемностью 250 т) (ЦГА УР2. Д. 153, л. 4), можно предположить, что в эту форму вошли суда Дулесовского мехлесопункта, который имел в 1940 г. один буксирный катер мощностью 30 л. с. и одно сухогрузное несамоходное судно грузоподъемностью 10 т и он занимался как пассажирскими (1270 чел.), так и грузовыми перевозками (375 т) (ЦГА УР2. Д. 153, л. 6–6 об). Сарапульский рейд «Камлесосплава» имел в своем составе два буксирных катера в 60 л. с. и одну единицу несамоходного флота в 60 т. Пассажирскими перевозками хозяйство не занималось, за год им было перевезено 6 700 т леса (ЦГА УР2. Д. 153, л. 7–7 об). Сарапульский горперевоз осуществлял паромную переправу с одного берега Камы на другой, протяженность ее составила 1.5 км. Он имел в своем составе три буксирных катера в 85 л. с. и три несамоходных судна (парома) грузоподъемностью 80 т (ЦГА УР2. Д. 153, л. 8). Сарапульский гортоп в основном перевозил дрова между Рычино и Сарапулом по маршруту протяженностью 22 км. Его флот составляли одно буксирное судно в 30 л. с. и три несамоходных в 150 т (ЦГА УР2. Д. 153, л. 10). Наконец, Сарапульский освод имел у себя одну мотолодку в 40 л. с. и 25 шлюпок, используемых для спасательных целей (ЦГА УР2. Д. 153, л. 12).

Все указанные сведения полностью совпадают с данными табл. 1.

На 1941 г. в сводной форме о наличии речного флота отмечены следующие хозяйства: Наркомлес – лесопильный завод, один глиссер; Наркомлес – лесобаза, один катер; Наркомлегпром – кожкомбинат, один катер; Наркомпищепром – спиртовой завод, один катер; Наркомречфлот – Сарапульская пристань, есть флот (неустановленное число) (СГАЗ. Д. 213, л. 4–4 об). В упомянутой ведомости указаны следующие суда из табл. 1: лесопильный завод – глиссер № 1250 лесокомбината, лесобаза – катер «Комсомолец», кожкомбинат – катер «Кожкомбинат», спиртовой завод – катер «Шмидт».

Статистические данные за 1943 и 1947 гг. сведены в табл. 2 и 3.

Табл. 2. Список организаций г. Сарапула, имеющих годные к эксплуатации суда на 10 мая 1943 г. (СГАЗ. Д. 213, л. 89)[2]

Table 2. Sarapul-based enterprises possessing serviceable vessels as of May 10, 1943 (Archives Division of the Sarapul City Administration, File 213, L. 89)

Наркомат	Состав флота	Мощность	Грузоподъемность	Примечание
Горперевоз				
НККХ	Катер «Освод»	30 л. с.	3.5 т	Буксирует до 40 т
	Катер «Стрела»	30 л. с.	2.5 т	Буксирует до 40 т
	Катер «Коммунар»	25 л. с.	2.5 т	Буксирует до 70 т
	Паром № 1	–	30 т	Под паруса не приспособлены
	Паром № 2	–	20 т	
Гортоп				
НКМТП	Катер	30 л. с.	*	Буксирует до 100 т
	Рыбница	–	90 т	Под паруса не приспособлены
	Баржа	–	35 т	
Освод				
ЦК Освод	Катер	40 л. с.	*	Буксирует до 5 т
Пристань				
НКРФ	Газоход № 24	60 л. с.	*	Буксирует до 120 т
	Газоход № 16	60 л. с.	*	Буксирует до 120 т
	Катер № 4	32 л. с.	*	Буксирует до 50 т
	Баржа О-79	–	120 т	
	Баржа О-75	–	120 т	
	Баржа О-31	–	130 т	
	Баржа 2	–	120 т	
Камлесосплав				
НКЛП	Катер	30 л. с.	1.5 т	Буксирует до 6 т
	Катер	32 л. с.	2 т	Буксирует до 10 т
Лесобаза				
НКЛП	Катер	30 л. с.	*	–
Лесокомбинат				
НКЛП	Катер	30 л. с.	–	Буксирует до 40 т

[2] Примечание: * – для перевозки грузов не приспособлен, НККХ – Наркомат коммунального хозяйства, НКМТП – Наркомат местной топливной промышленности, НКРФ – Наркомат речного флота, НКЛП – Наркомат лесной промышленности.

Табл. 3. Состав флотов хозяйств Удмуртии в 1947 г. (ЦГА УР2. Д. 951)

Table 3. Fleet composition of Udmurtia's enterprises in 1947 (Central State Archives of the Udmurt Republic, File 951)

Хозяйство	Грузопассажирские		Буксирные		Несамоходные	
	Кол-во	л. с.	Кол-во	л. с.	Кол-во	тонны
Министерство легкой промышленности						
Сарапульский кожзавод	0	0	1	32	0	0
Министерство лесной промышленности						
Дулесовский леспромхоз	1	30	0	0	0	0
Сарапульский рейд «Камлесосплава»	1	50	4	175	2	75
Сарапульский лесокомбинат	1	52	2	90	0	0
Министерство коммунального хозяйства						
Сарапульский горперевоз	1	30	1	25	2	80
Министерство местной топливной промышленности						
Сарапульский гортоп	0	0	1	30	1	100

В табл. 2 приведены нижеследующие суда (по информации на 1943 г.). Горперевоз: катера «Освод», «Стрела», «Коммунар» указаны правильно; паром № 1 и № 2 – бывшие паромы № 2 и № 3; Гортоп: безымянный катер в 30 л. с. – это «Гортоп», рыбница в 90 т – это баржа № 3 с изначальной грузоподъемностью 100 т, безымянная баржа в 35 т, скорее всего, только что построенная баржа № 1 (75 т); Освод: катер в 40 л. с. – катер «Спасательный»; Камлесосплав: два безымянных катера в 30 и 32 л. с. – это «Пионер» и № 33 (мощность первого одинакова в обеих таблицах, что касается второго – либо ошибка в данных, либо в 1943 г. его двигатель переделали на газогенераторный, из-за чего в табл. 2 попали старые данные); Лесобаза: безымянный катер в 30 л. с. – «Комсомолец»; Лесокомбинат: безымянный катер в 30 л. с. – полученный в 1943 г. году от Сарапульского рейда катер № 57, ставший «Большевиком».

В табл. 3 указаны нижеследующие суда (по информации на 1947 г.). Сарапульский кожзавод: буксирный катер 32 л. с. – «Кожкомбинат»; Дулесовский леспромхоз: один грузопассажирский катер в 30 л. с. – катер № 35, шитик «Орляна» не учтен; Сарапульский рейд: один грузопассажирский катер в 50 л. с. (разъездной катер № 44, 50 л. с.), четыре буксирных в 175 л.с. (№ 17 – 25 л. с., «Пионер» – 30 л. с., «Комсомолец» – 30 л. с., № 58 – 150 л. с., сумма не сходится, возможно, мощность № 58 указана в 100 л. с.); два несамоходных судна в 75 т – это шитик Ш-10 и орляна О-13; Сарапульский лесокомбинат: один грузопассажирский катер в 52 л. с. (разъездной катер «Быстрый»), два буксирных в 90 л. с. (№ 1 – 60 л. с. и «Большевик» – 30 л. с.); Сарапульский горперевоз: один грузопассажирский катер в 30 л. с. («Освод»), один буксирный в 25 л. с. («Коммунар»), два несамоходных грузоподъемностью 80 т (паромы № 1 и № 2 по 40 т постройки 1931 и 1946 гг.), третьего катера к этому времени в хозяйстве уже не было; Сарапульский гортоп: один буксирный катер в 30 л. с. («Гортоп»), одно несамоходное судно 100 т (баржа № 1), у баржи грузоподъемность снижена, возможно, из-за длительного срока эксплуатации.

Анализируя информацию табл. 1, которая, таким образом, подтверждается данными статуправления, можно увидеть, что ряд судов «пропадает» и через некоторое время появляется в другом хозяйстве.

Первая пара – это катер спиртзавода «Шмидт» и катер «Пионер» «Камлесосплава». Судя по документации последнего, в 1962 г., незадолго до списания, он числился как катер типа К-15, 1938 г. постройки, регистровый номер 73201. На судне был двигатель в 54 л. с. (ГАПК. Оп. 2. Д. 619, л. 19). Но в годы войны на нем стоял керосиновый СТЗ-30, который, по-видимому, заменили на ДТ-54 в 50-х годах XX в.

Вторая пара – это катер № 1 Сарапульского освода и катер № 1 лесокомбината. Ни фонд Сарапульского освода, ни фонд Удмуртского не дают исчерпывающей информации по характеристикам катера № 1. Известно лишь, что он был построен в 1937 г. и имел двигатель в 30 л. с. Катер № 1 Сарапульского лесокомбината, напротив, имеет достаточно подробное описание в акте его передачи от лесобазы лесокомбинату. Длина его корпуса составляла 14 м, ширина 2.5 м, высота бортов 1.3 м. Корпус металлический, двигатель газогенераторный ЧТЗ (СГА4. Д. 37, л. 42). Факт замены керосинового двигателя СТЗ-30 на генераторный в годы войны удивления не вызывает. На Каме в 1942–1943 гг. подобную «операцию» провели не одному десятку катеров. А в том же тресте «Камлесосплав» был даже составлен план перевода судов на газогенераторы с организацией производства в мастерских треста всего необходимого оборудования.

Заключение. Предлагаемая в настоящей статье методика реконструкции судового состава на основе системного рассмотрения хозяйств флота конкретного района с последующей коррекцией информации по данным статистических отчетов показала свою эффективность на примере флотов камских хозяйств Удмуртии периода Великой Отечественной войны. Удалось восстановить даже флоты хозяйств, не представленные в архивных фондах (Сарапульский спиртзавод и Сарапульская лесобаза).

На примере изучения камских хозяйств Удмуртии можно заключить, что данные по Камскому речному пароходству, функционировавшему в республике (Сарапульский и Камбарский порты), ввиду численности судов не могут претендовать на репрезентативность (например, в табл. 2 это 7 судов из 20). Без учета транзитного судового состава их количество составляет около трети от суммарных флотов всех удмуртских хозяйств. Таким образом, выводы о работе водного транспорта в ходе войны, основанные только лишь на данных Камского речного пароходства, скорее всего, будут неверны.

В годы Великой Отечественной войны хозяйства Сарапульского района выполняли важные оборонные заказы. Как показывает анализ их работы, флот в них в основном использовался для доставки леса, так как вследствие потери Донбасса они вынуждены были перейти на альтернативные энергоносители (дрова и торф). Поскольку в окрестностях Сарапула леса не было, его приходилось возить за 30–40 км, что придавало флоту стратегическую важность. В результате, судя по табл. 1, мобилизация флота в хозяйствах Сарапульского района отсутствовала (за исключением выполнения Сарапульским горперевозом задач по заказу военных); напротив, его численность к концу войны даже незначительно увеличилась (за счет Сарапульского рейда «Камлесосплава» и кожкомбината). Что касается несамоходного флота, то он в течение войны пополнялся за счет собственного судостроения по мере списания старого состава.

Кроме того, для увеличения эффективности использования ресурсов, очевидно, проводилась рокировка имевшегося флота. Хотя источниковая база не позволяет это установить достоверно, можно с высокой долей вероятности утверждать, что Сарапульский спиртзавод, полностью зависевший от доставки леса «Камлесосплавом», передал последнему катер «Шмидт» («Пионер»). Аналогичным образом Сарапульский освод, чей

буксирный катер № 1 совершенно не соответствовал спасательным функциям, был передан в распоряжение некоего лесного хозяйства, в итоге оказавшись в 1943 г. в составе Сарапульской лесобазы.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Источники

ГАПК – Государственный архив Пермского края. Ф. Р-1006 Оп. 1. Д. 8: Приказы по Управлению треста «Камлесосплава» за 1939 г. с документальной ревизией и по личному составу. 193 л.; Д. 14: Приказы по тресту «Камлесосплав» по производственным вопросам и личному составу за 1941 год. 189 л.; Оп. 2. Д. 619: Материалы о наличии и состоянии паромотофлота. 60 л.

СГА1 – Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. Р-409. Оп. 1. Д. 73: Приказы по тресту «Камлесосплава». 86 л.; Д. 96: Приказы и распоряжения треста «Камлесосплава» за 1945 г. 172 л.; Д. 173: Приказы лесосплавного треста «Камлесосплава» и министерства лесной промышленности. 202 л.

СГА2 – Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 64: Документы о наличии судов речного флота по району (списки) за 1936 г. 84 л.

СГА3 – Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. Р-43. Оп. 1. Д. 173: Учет транспорта и связи. 1940 год. Том I. 105 л.; Д. 213: Учет транспорта и связи. 1941 год. 148 л.

СГА4 – Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 37: Приказы Наркомлеса СССР и Акт сдачи-приемки Сарапульской лесобазы Удмуртского Управления Главснаблеса при СНК СССР за 1945 год. 51 л.

ЦГА УР1 – Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. Р-544. Оп. 1 Д. 2: Отчет о работе Сарапульского райосвода за 1938 г. 69 л.; Д. 13: План судоремонта спасательного и профилактического флота Сарапульского райосвода, штатное расписание Сарапульского и Воткинского райосводов на 1939 г. 156 л.; Д. 15: Отчет о работе райосводов за 1939 г. 206 л.; Д. 35: Отчет о работе Сарапульского райосвода за 1941 г. 155 л.

ЦГА УР2 – Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 153: Годовые отчеты по внутреннему водному транспорту промышленных предприятий за навигацию 1940 года. 30 л.; Д. 951: Годовые разработки по жел. дорожному и водному транспорту и связи за 1947 год. 71 л.; Д. 1264: Годовой отчет Камлесосплава, Сарапульский р-н за 1947 год. 32 л.

Литература

1. *Харлова Е.В.* Речной транспорт Западной Сибири в 1921–1941 гг.: дис. … канд. ист. наук. Тюмень, 2012. 200 с.
2. *Зюрин В.Г.* Развитие Тихвинской водной системы и ее влияние на экономику и население края в XIX – первой половине XX в.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2008. 182 с.
3. *Гоманенко О.А.* Новые данные о потерях речного флота в ходе Сталинградской битвы // Стрежень. 2003. № 3. С. 293–321.
4. *Воейков Е.В.* История лесной промышленности Поволжья предвоенных пятилеток в материалах архивных фондов: проблема исчезнувших документов // Изв. Самарского научного центра РАН. Сер. Историч. науки. 2022. Т. 4, № 1. С. 32–38. https://doi.org/10.37313/2658-4816-2021-4-1-32-38.
5. *Митюков Н.В., Ким Ю.Л.* Флот Сарапульского горперевоза по делопроизводственной документации 1926–1947 гг. // Гардарика. 2024. Т. 11, № 1. С. 86–107. https://doi.org/10.13187/gard.2024.1.86.
6. *Митюков Н.В., Файзуллин Р.В., Ким Ю.Л.* Флот Сарапульского гортопа в 1932–1956 гг. // Вопросы истории. 2024. № 3. С. 62–77. https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202403Statyi15.

7. *Митюков Н.В., Ким Ю.Л.* Флот Сарапульского лесокомбината в 1940–1956 гг. // Русская старина. 2023. Т. 14. № 1. С. 22–28. https://doi.org/10.13187/rs.2023.1.22.
8. *Митюков Н.В., Ким Ю.Л.* Флот Сарапульской лесобазы 1936–1945 гг. // Восточно-Европейский науч. вестн. 2023. Т. 19. № 1. С. 30–32.
9. *Митюков Н.В., Ким Ю.Л.* Сарапульский рейд треста «Камлесосплав» в годы Великой Отечественной войны // Военный сборник. 2023. Т. 11. № 1. С. 43–49. https://doi.org/10.13187/vs.2023.1.43.
10. *Митюков Н.В.* Флот Дулесовского леспромхоза в 1940-е гг. // Вестн. ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. 2021. № 1. С. 20–26.
11. *Митюков Н.В., Ким Ю.Л.* Флот Сарапульского кожевенного комбината (завода) 1941–1956 гг. // Русская старина. 2023. Т. 14, № 2. С. 92–98. https://doi.org/10.13187/rs.2023.2.92.

References

1. Kharlova E.V. River transport of Western Siberia in 1921–1941. *Cand. Sci. (History) Diss*. Tyumen, 2012. 200 p. (In Russian)
2. Zyurin V.G. The development of the Tikhvinskaya water system and its influence on the economy and population of the region during the 19th and first half of the 20th centuries. *Cand. Sci. (History) Diss*. St. Petersburg, 2008. 182 p. (In Russian)
3. Gomanenko O.A. Updates on the river fleet losses during the Battle of Stalingrad. *Strezhen'*, 2003, no. 3, pp. 293–321. (In Russian)
4. Voeikov E.V. A history of forestry in the Volga region during the pre-war five-year plans according to archival collections: The problem of missing documents. *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentra RAN. Seriya Istoricheskie Nauki*, 2022, vol. 4, no. 1, pp. 32–38. https://doi.org/10.37313/2658-4816-2021-4-1-32-38. (In Russian)
5. Mitiukov N.W., Kim Yu.L. The Sarapul City Ferry fleet based on records of 1926–1947. *Gardarika*, 2024, vol. 11, no. 1, pp. 86–107. https://doi.org/10.13187/gard.2024.1.86. (In Russian)
6. Mitiukov N.V., Faizullin R.V., Kim Yu.L. The fleet of the Sarapul's Gortop in 1932–1956. *Voprosy Istorii*, 2024, no. 3, pp. 62–77. https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202403Statyi15. (In Russian)
7. Mitiukov N.W., Kim Yu.L. The fleet of the Sarapul Timber Plant in 1940–1956. *Russkaya Starina*, 2023, vol. 14, no. 1, pp. 22–28. https://doi.org/10.13187/rs.2023.1.22. (In Russian)
8. Mitiukov N.W., Kim Yu.L. Fleet of the Sarapul timber base 1936–1945. *Vostochno-Evropeiskii Nauchnyi Vestnik*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 30–32. (In Russian)
9. Mitiukov N.W., Kim Yu.L. The Sarapul raid of the trust "Kamlesosplav" during the Great Patriotic War. *Voennyi Sbornik*, 2023, vol. 11, no. 1, pp. 43–49. https://doi.org/10.13187/vs.2023.1.43. (In Russian)
10. Mitiukov N.V. Fleet of the Dulesovo timber industry enterprise in the 1940s. *Vestnik VlGU imeni A.G. i N.G. Stoletovykh*, 2021, no. 1, pp. 20–26. (In Russian)
11. Mitiukov N.W., Kim Yu.L. Fleet of the Sarapul tannery (plant), 1941–1956. *Russkaya Starina*, 2023, vol. 14, no. 2, pp. 92–98. https://doi.org/10.13187/rs.2023.2.92. (In Russian)

Информация об авторах

Митюков Николай Витальевич, доктор технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН
E-mail: *nico02@mail.ru*
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0968-9353

Ким Юрий Леонидович, соискатель кафедры экономической теории, Удмуртский государственный университет
E-mail: *lgkim@yandex.ru*

Author Information

Nicholas W. Mitiukov, Dr. Sci. (Engineering), Associate Professor, Leading Researcher, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences
E-mail: *nico02@mail.ru*
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0968-9353

Yury L. Kim, Applicant, Department of Economic Theory, Udmurt State University
E-mail: *lgkim@yandex.ru*

Поступила в редакцию 10.02.2025 Received February 10, 2025
Принята к публикации 10.04.2025 Accepted April 10, 2025

Оригинальная статья

УДК 371.217.3(571.1)(091)
https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.30-42

Организация военного обучения в годы Великой Отечественной войны (по материалам архивных источников Северной Осетии)

Л.Ч. Хаблиева

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Россия

lara6715@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме подготовки боевых резервов для Красной армии в годы Великой Отечественной войны. На основе архивных источников Северной Осетии рассмотрены мероприятия по реализации всеобщего венного обучения в регионе. Материалы фондов Центрального государственного архива и Государственного архива новейшей истории Республики Северная Осетия-Алания дают возможность изучить исторический опыт подготовки без отрыва от производства обученных военных резервов для Красной армии в условиях военного времени. Особое внимание уделено особенностям практической реализации zвсеобщего военного обучения в отдельных районах Северо-Осетинской АССР. Представленный материал позволяет дать оценку качеству военной подготовки призывного контингента в Северной Осетии в первые годы войны, развитию учебной материальной базы всеобщего военного обучения, пути решения организационных вопросов, роли и значению всевобуча в подготовке боевого резерва для фронта. Источниковая база и имеющаяся историография по теме исследования дают возможность определить трудности и недостатки в работе по реализации всеобщего военного обучения, способы их устранения. Сделан вывод о том, что в годы Великой Отечественной войны партийно-государственному аппарату удалось не только мобилизовать призывной контингент на подготовку высококвалифицированных кадров для Красной армии, но и организовать массовое всеобщее военное обучение, позволившее в короткие сроки подготовить боевые резервы для Красной армии.

Ключевые слова: всеобщее военное обучение, боевые резервы, Великая Отечественная война, Северо-Осетинская АССР, тыл, Красная армия

Благодарности. Исследование выполнено в рамках поддержанного Российским научным фондом проекта № 23-28-00326.

Для цитирования: *Хаблиева Л.Ч.* Организация военного обучения в годы Великой Отечественной войны (по материалам архивных источников Северной Осетии) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 2. С. 30–42. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.30-42.

Original article

https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.30-42

Organization of military training during the Great Patriotic War (insights from archival research on North Ossetia)

L.Ch. Khablieva

North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

lara6715@yandex.ru

Abstract

The building of combat-ready reserves for the Red Army during the Great Patriotic War is analyzed based on the results of an archival research on universal military training in North Ossetia. Using the materials from the Central State Archive of the Republic of North Ossetia–Alania and the State Archive of the Modern History of the Republic of North Ossetia–Alania, a historical perspective on the military training in the region without disruption to industrial production under the wartime conditions is provided. Special attention is paid to variations in the organization of military training across the North Ossetian ASSR territory. The quality of pre-conscription training in North Ossetia during the early years of the war, the development of infrastructure for universal military training, the resolution of organizational challenges, and the role of universal military training in ensuring the timely preparation of combat reserves for the front are assessed. Key obstacles and limitations in the implementation of universal military training, as well as strategies employed to overcome them, are identified using the archival records and existing historiographical sources. It is concluded that the Soviet leadership not only successfully trained and integrated the conscription pool into the Red Army but also developed an effective system of universal military training for all citizens, which enabled the rapid deployment of combat reserves.

Keywords: universal military training, combat reserves, Great Patriotic War, North Ossetian ASSR, rear, Red Army

Acknowledgments. This study was supported by the Russian Science Foundation (project no. 23-28-00326).

For citation: Khablieva L.Ch. Organization of military training during the Great Patriotic War (insights from archival research on North Ossetia). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 2, pp. 30–42. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.30-42. (In Russian)

Введение. Открытие ранее засекреченных архивных фондов периода Великой Отечественной войны определило круг дискуссионных тем, которые нуждаются в более глубоком рассмотрении. Среди них вопросы подготовки без отрыва от производства обученных военных резервов для фронта. Несмотря на то, что проблема организации всеобщего военного обучения, роль и значение мобилизации людских ресурсов для подготовки в короткие сроки боевых резервов для армии нашли отражение в советской и российской историографии, степень исследованности обозначенных научных вопросов нельзя признать достаточной.

Историографический анализ проблемы позволяет заключить, что различные аспекты организации всеобщего военного обучения, допризывной военной подготовки молодежи

были освещены в ряде исследований. Г.П. Шатунов рассматривает деятельность комсомольских организаций Советской армии [1, с. 84–90], И.А. Пешков характеризует деятельность партийных органов по организации и реализации всевобуча [2, с. 45], Н.Я. Комаров в работе, посвященной деятельности Государственного комитета обороны, представил материалы по организации всевобуча [3, с. 33]. Обширный материал по подготовке боевого резерва для Красной армии содержится и в других работах, освещающих деятельность Государственного комитета обороны [4, с. 128] и городских комитетов обороны на местах [5, с. 274]. П.Л. Футорянский подчеркивает, что немалое внимание уделялось подготовке истребителей танков [6, с. 24]. Н.В. Чернышева анализирует цели и задачи всеобщего военного обучения, организацию подготовки населения, масштабы и способы подготовки [7, с. 10].

В последние годы тема организации всеобщего военного обучения стала предметом изучения региональных исследований. В Бурят-Монгольской АССР, где ранее не было традиции несения срочной военной службы, довоенную подготовку прошли тысячи военнообязанных призывников [8, с. 95]. Одной из сложностей всевобуча в Бурятии являлась территориальная разбросанность населенных пунктов и небольшое количество граждан, подлежащих обучению [9]. Главную роль в обеспечении действующей армии подготовленными людскими резервами играла организация массового военного обучения населения [10, с. 33]. А.В. Аверьянов и Д.М. Грядский, исследуя вопросы военного обучения на юге РСФСР в первые годы Великой Отечественной войны, отмечают, что меры, принимаемые партийно-государственными органами власти и управления, бывали запоздалыми, низкий уровень боевой и политической подготовки боевых резервов был связан с тем, что слушатели получали теоретические знания, а практические занятия зачастую отсутствовали [11]. М.А. Бикмеев приходит к выводу, что в Башкирской АССР в годы войны был накоплен большой опыт подготовки резервов для вооруженных сил по линии всевобуча [12, с. 148]. Г.А. Ткачева обращает внимание на то, что подготовка мобилизационного резерва Дальнего Востока проходила по территориально-производственному принципу [13, с. 805]. Г.Б. Кайтуков отмечает, что Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны держал ситуацию с организацией военного дела в Северной Осетии на постоянном контроле [14, с. 87].

Материалы и методы. Настоящее исследование основывается на неопубликованных источниках – материалах фондов архивов Северной Осетии (ЦГА РСО-А, ГАНИ РСО-А) и газеты «Социалистическая Осетия». Выявленные документы дают возможность представить объемы и масштабы всеобщего военного обучения, этапы его реализации и т. д. Цель настоящей работы – изучение организации всеобщего военного обучения в условиях военного времени на основе архивных материалов Северной Осетии.

Результаты и обсуждение

Развертывание работы по организации всеобщего военного обучения. Масштабные боевые потери, понесенные Красной армией в начале Великой Отечественной войны, требовали подготовки в короткие сроки обученных военных резервов. В соответствии с постановлением Государственного комитета обороны от 17 сентября 1941 г. «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» подготовкой боевых резервов для Красной армии занимались Наркомат обороны и специально созданный орган – Главное управление всеобщего военного обучения и отделы всеобщего военного обучения при военкоматах. Получив импульс «сверху», местные партийные и советские органы в конце сентября 1941 г. приступили к работе по развертыванию всевобуча [15, с. 84].

Специально сформированные призывные комиссии занимались учетом контингента, подлежащего обучению военному делу, затем при фабриках, заводах, мастерских, учреждениях создавались учебные пункты, где проводились занятия без отрыва от основной работы по расписанию, подготовленному райвоенкоматами. Несмотря на сложности военного времени, пункты обеспечивали хотя бы минимальным набором учебных, наглядных пособий, макетами винтовок и другого оружия, необходимого для занятий по тактической подготовке (ЦГА РСО-А1, л. 26). Обучение первой очереди без отрыва от места работы по 110-часовой программе коснулось юношей допризывного возраста 1923 и 1924 годов рождения, а также военнообязанных запаса из числа необученных в возрасте до 45 лет. Одновременно проводился учет мелкокалиберного оружия, шанцевого имущества у единоличных владельцев (ЦГА РСО-А2, л. 36). Обучение призывников и военнообязанных на учебных пунктах производилось в составе учебных отделений или взводов [16, с. 123].

Совместно с оборонными обществами комитеты ВЛКСМ создавали на предприятиях кружки по изучению военного дела [17, с. 11]. Заводы «Электроцинк», ВРЗ и «Стеклотара» выделили у себя помещения для учебных пунктов, занятия проводились с первой сменой с 18 часов до 21 часа, со второй и третьей сменами заводов ВРЗ и «Стеклотара» – с 12 до 15 часов (ГАНИ РСО-А6, л. 200).

Во всех районах Северной Осетии были созданы учебные пункты, каждый из которых оснащался необходимым учебным материалом и наглядными пособиями. Преподаватели были подобраны из числа среднего командного, политического состава и младшего начсостава запаса, а также из числа наиболее подготовленных рядовых военнослужащих старших возрастов, не призванных в армию. Все они прослушали трехдневный семинар по программе военного обучения. С 1 октября 1941 г. в г. Орджоникидзе и всех районах республики началось военное обучение граждан (СО1, с. 3). Опыт первых двух недель всевобуча в Северной Осетии показал, что не везде к этому важнейшему делу отнеслись с должным вниманием. В некоторых районах обозначенную обязанность возложили исключительно на военкоматы и организации Осоавиахима, в то время как всевобуч являлся задачей всех партийных, советских, комсомольских, профсоюзных организаций (СО5, с. 1).

При развертывании такой масштабной деятельности отмечались и определенные трудности и недостатки. Работа срывалась по разным причинам. В с. Ахсарисар несколько занятий не было проведено из-за отсутствия инструктора и освещения на военно-учебном пункте (ГПГО2, с. 212). Такая же ситуация сложилась в с. Сурх-Дигора. Зачастую занятия могли не состояться по причине низкой посещаемости. Например, в с. Чикола председатель колхоза не отпустил на занятия пять человек (ГАНИ РСО-А2, л. 14).

Основными недостатками в организации всевобуча в Северной Осетии являлись нехватка оборудования для военно-учебных пунктов, низкая посещаемость военных занятий учащимися. Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны поручил Наркомпросу Северо-Осетинской АССР до 5 февраля 1942 г. устранить указанные недостатки, провести политмассовую работу как среди слушателей, так и среди преподавателей, организовать на учебных пунктах социалистическое соревнование и выпуск стенных газет, поручить районным комитетам ВКП(б) направить на учебные пункты политруков из коммунистов-преподавателей, оказывая им практическую помощь в работе (ГАНИ РСО-А3, л. 27).

Несмотря на отмеченные недостатки, на заседании Орджоникидзевского городского комитета ВКП(б) 26 января 1942 г. работа по подготовке военнообязанных и призывников первой очереди военному делу по программе всевобуча была признана удовлетворитель-

ной. На этом же заседании РК ВКП(б), горвоенкомат и заведующих военными отделами РК ВКП(б) обязали обеспечить проведение учебы со второй очередью мобилизованных в точно установленные сроки, исключить попытки, практикуемые руководителями хозяйственных организаций, отрывать военнообязанных и призывников от учебы (ГАНИ РСО-А5, л. 35), обеспечить стопроцентный выпуск обучающихся второй очереди (ГАНИ РСО-А4, л. 102).

Бюро ГК ВКП(б) отмечает недостаточную успеваемость обучающихся на пунктах всевобуча и в подразделениях специалистов. Так, например, по всевобучу первой очереди по причине неуспеваемости во вторую очередь перевели одиннадцать человек, из второй в третью – только пять. В связи с упомянутыми недостатками были приняты следующие решения:

1) обязать горвоенкома

а) усилить контроль за прохождением обучения на пунктах всевобуча третьей очереди и в спецподразделениях второй очереди, добиваясь стопроцентной посещаемости;

б) закрепить командный и политический состав за подразделениями до конца учебы, запретить производить какую бы то ни было его замену;

2) в целях лучшего обучения команд специалистов дополнительно выделить помещения: в Ленинском районе – помещения школ № 5, 3, в Промышленном районе – № 11, в Затеречном – № 7 (ГПГО2, с. 212).

Всеобщее военное обучение населения Северной Осетии по 110-часовой программе первой и второй очереди было закончено со следующими показателями: из 662 чел. на «отлично» сдали экзамен 27 %, на «хорошо» – 44 %, на «посредственно» – 29 %, средняя оценка составила 3.9 балла. В подразделениях обучался 201 человек, из них были скомплектованы команды автоматчиков, станковых пулеметчиков, истребителей танков и минометчиков. Программа обучения была завершена на средний балл 3.7 (ДОКО1, с. 124).

Городской военкомат на основании указаний Закавказского фронта от 7 января 1943 г. «О военном обучении четвертой очереди допризывников рождения 1926 г. и старших возрастов, не прошедших ранее обучения по 110-часовой программе» приступил к работе своевременно. По городу было организовано пять учебных пунктов, из них два – в Промышленном районе, два – в Ленинском, один – в Затеречном районе. Этого было достаточно, чтобы обеспечить полный охват подлежащего обучению контингента. К регулярным занятиям приступили, согласно расписанию планов горвоенкомата, с 15 января 1943 г. (ГПГО1, с. 183).

Для организации работы Бюро ГК ВКП(б) вынесло постановление, в котором было указано следующее:

1) поручить горвоенкому тов. Синюкову не позже 15 марта 1943 г. полностью доукомплектовать командным составом все учебные пункты города и установить регулярное расписание командирской учебы;

2) под личную ответственность секретарей РК ВКП(б) не позже 10 марта 1943 г. подобрать политически грамотных коммунистов на должности заместителей начальников учебных пунктов и политруков подразделений;

3) рекомендовать горвоенкомату по договоренности с начальником гарнизона привлекать к занятиям на пунктах всевобуча командный состав из войсковых частей города;

4) обязать секретаря ГК ВЛКСМ тов. Беляева оказывать повседневную помощь в проведении политмассовой работы среди бойцов всевобуча, обращая особое внимание на содействие в выпусках боевых листков в подразделениях;

5) обязать руководителей предприятий, в частности ВРЗ (тов. Морозов), «Электроцинк» (тов. Хугаев), ускорить изготовление учебного пособия для пунктов всевобуча, согласно заявке горвоенкомата;

6) обязать председателей райисполкомов совместно с начальниками РК милиции закончить в ближайшее время выявление граждан 1926 года рождения и передачу данных о них в систему всевобуча для прохождения военной подготовки;

7) предупредить руководителей предприятий, учреждений и секретарей парторганизаций о том, что они несут персональную ответственность за стопроцентную посещаемость занятий всевобуча и создания для этого условий военнообязанным гражданам, подлежащим прохождению всевобуча.

Мобилизация в повседневной жизни населения Северо-Осетинской АССР в годы Великой Отечественной войны. В свободное от работы время трудящиеся станицы Змейской и селения Эльхотово Кировского района изучали на учебных пунктах «материальную часть» винтовки, пулемета. В Змейской были созданы группы кавалеристов, которые два раза в неделю обучались приемам верховой езды. В Эльхотово были сформированы группы стрелков, изучавшие винтовку и тренировавшиеся в меткой стрельбе.

Большой размах получило массовое обучение граждан противохимической и противовоздушной обороне. В Кировском районе подготовили большое количество инструкторов, которые развернули среди населения подготовку к противовоздушной обороне. Девушки изучали санитарное дело: 400 человек сдали нормы на значок ГСО первой ступени, 117 – на значок ГСО второй ступени. Из них были созданы три сандружины (СО2, с. 3).

В Орджоникидзевском районе республики пункты всевобуча были оборудованы в помещении станичного совета станицы Архонской. Гражданам, подлежащим военному обучению, райвоенкомат вручил повестки. В первый день обучения все они явились на учебный пункт станицы, занимались сначала строевой подготовкой, затем изучали дисциплинарный устав (СО3, с. 3). Был подобран и утвержден командный состав учебных пунктов. Например, начальником пункта в Архонской был назначен младший командир запаса, директор неполной средней школы тов. Мирошниченко, в селении Гизель – военрук средней школы Каргаев (СО2, с. 3).

Алагирский учебный пункт разместился в средней школе № 1. Накануне начала занятий там собрали всех граждан, подлежащих военному обучению. С ними провели собрание, рассказали о значении всеобщего военного обучения, зачитали постановление Государственного комитета обороны, затем разбили людей по взводам и отделениям (СО3, с. 3).

В Правобережном районе республики успешно проходили занятия на пунктах, созданных при Бесланском маисовом комбинате и в селении Ольгинском (СО6, с. 2).

В Ардонском районе не учли всей важности всевобуча и подготовились к началу занятий плохо. Выделенное в Ардоне помещение при райвоенкомате не отвечало требованиям, в одной комнате занимались два взвода, не было учебных столов. Военком района накануне обучения не собрал военнообязанных, подлежащих военному обучению, не провел организационного собрания, не разбил людей по взводам.

Существенные недостатки в работе были отмечены в Ленинском и Промышленном районах г. Орджоникидзе. В ряде пунктов этих районов не был подобран полностью командный состав, посещаемость составляла 80–85 %, отсутствовала твердая воинская дисциплина. К тому же военно-учетные столы при районных отделениях милиции не уточнили списки военнообязанных (СО8, с. 2).

На вагоноремонтном заводе г. Орджоникидзе занятия проходили в помещении главной конторы. Все подразделения были укомплектованы командным составом из числа командиров запаса РККА. Рабочие и служащие завода занимались строевой подготовкой, изучали противогаз, вели подготовку одиночного бойца (СО4, с. 4).

Как было отмечено выше, в работе по организации всевобуча выявлялись определенные трудности и недостатки. Такого массового военного обучения населения ранее не проводилось, военные комиссариаты, партийные комитеты и исполкомы Советов не имели соответствующего опыта. На заседании Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны 17 января 1941 г. отмечалось, что всеобщее военное обучение в Ирафском районе Северной Осетии организовано неудовлетворительно. Военно-учебные пункты были оборудованы плохо, отсутствовали учебно-наглядные пособия по изучению миномета, пулемета, химической и саперной подготовке. На Ахсарисарском военно-учебном пункте из-за отсутствия начальствующего состава не было проведено пять занятий подряд, в селениях Сурх-Дигора и Ахсарисар были сорваны занятия из-за отсутствия освещения (ГАНИ РСО-А1, л. 12). Всего в Ирафском районе республики было организовано восемь пунктов всевобуча, в том числе в селениях Чикола, Сурх-Дигора, Лескен, Средний и Новый Урух. Лучшим пунктом, где была стопроцентная посещаемость, считался Чиколинский, его начальником являлся тов. Хекилаев (СО9, с. 2).

Политическая работа всегда была важнейшим средством обучения бойца Красной армии. Ее роль еще более возросла в годы Великой Отечественной войны. Не меньшее значение массовая политико-воспитательная работа имела для народного ополчения и всевобуча. На недостатки последнего было указано на VIII пленуме Северо-Осетинского обкома ВКП(б), среди них упоминалась в том числе неудовлетворительная организация массовой политической работы. Например, на двух крупных предприятиях Промышленного района г. Орджоникидзе – заводах «Электроцинк» и ВРЗ – до 17 октября 1941 г. не был подобран и проверен политсостав. Задачами политработы в рамках всевобуча были организация социалистического соревнования на лучшее и быстрейшее усвоение программы; выпуск стенгазет, боевых листков и ведение через них повседневной агитации за учебу; разъяснение бойцам необходимости учебы, ответы на интересующие граждан вопросы. Политрукам для этого не требовалось ни программ, ни специального времени. Газета, сообщение Совинформбюро, боевые эпизоды Отечественной войны, важнейшие телеграммы – все это являлось материалом для политической информации, короткой беседы, подробного обзора (СО7, с. 1).

Дни и часы занятий по военной подготовке не должны были нарушать нормального хода работы предприятий и учреждений и наносить ущерба производству [18, с. 82]. Трудящиеся Бесланского маисового комбината, подлежащие обязательному военному обучению, активно взялись за овладение современным военным искусством. На занятия всевобуча рабочие и служащие комбината являлись аккуратно, без опозданий. За все время существования учебного пункта был зафиксирован единственный случай неявки бойца на занятия без уважительной причины. Было развернуто социалистическое соревнование на лучшую подготовку между отдельными взводами, а также между бойцами всевобуча (СО10, с. 2). Классная комната была оборудована таблицами, макетами, различными моделями вооружения. Это был настоящий военный кабинет, в оснащение которого внес большой вклад заводской пункт Осоавиахима. Остальное было изготовлено самими бойцами по инициативе комсомола и при содействии администрации комбината. Например, учебные ружья в достаточном количестве были сделаны руками бойцов-столяров (СО12, с. 2).

Военнообязанные колхозов имени И. Сталина и имени С. Орджоникидзе селения Гизель также приступили к изучению военного дела. Бойцы ознакомились с «материальной частью» винтовки, противогазом, на тактических учениях усвоили, как должно вести себя отделение в наступательном бою, в разведке. Особое внимание командир взвода уделил

подготовке одиночного бойца (СО11, с. 2). В Ирафском районе республики командный состав военно-учебных пунктов в большинстве случаев был укомплектован недостаточно квалифицированными кадрами. Зачастую это были комиссованные фронтовики-инвалиды и снятые с военного учета по возрасту [19].

Материалы о ходе военного обучения публиковались также в номерах газеты «Социалистическая Осетия». В публикациях отмечается, что «хорошо проводят занятия командиры М. Томаев, Н. Еризов, Спирин, Юдин, Соложенко. Неплохо организован всевобуч на пунктах, где начальниками Богомолов и Коломиец. Руководители большинства предприятий и учреждений города всячески содействуют нормальному ходу занятий на пунктах. Однако находятся и такие хозяйственники, которые тормозят дело всевобуча. Начальник одного из цехов кожзавода тов. Герцман почему-то не отпускает на учебу допризывника тов. Хачатуряна. Дирекция швейной фабрики систематически задерживает на работе в дни всевобуча допризывников Когоряна, Хачатурова, Шукурова, Смотрикова, Амиридзе, причем выдает даже им об этом официальные справки. Директор юридической школы тов. Цвеер командирует военнообязанного тов. Кадзова “по делам службы” обязательно в дни учебы. Некоторые хозяйственники пытаются оправдываться тем, что всевобуч, мол, проводится без отрыва от производства. Но они забывают, что никому не дано права отрывать военнообязанных от всевобуча. Задача хозяйственников всячески содействовать этому большому и нужному делу. Их обязанность добиваться, чтобы не было случаев неявки военнообязанных на пункты всевобуча» (СО13, с. 4).

Военное обучение учащихся образовательных учреждений. Учащиеся старших классов школ проходили всеобщее обязательное военное обучение по 110-часовой программе. Военное обучение в школах города было введено с 10 января 1942 г., а к апрелю того же года старшеклассники должны были завершить программу всевобуча, после чего предусматривались экзаменационные испытания (теоретические и практические), проходившие при строгом соблюдении инструкции, утвержденной Наркоматом обороны [20]. Всевобучем было охвачено 509 школьников г. Орджоникидзе. Для лучшей его организации в районах города создали специальные пункты. В каждом районе был установлен единый день занятий, когда учащиеся занимались только военным обучением.

Итоги первого месяца работы пунктов всевобуча показал, что многие учащиеся относятся к военному обучению с большой ответственностью. Однако имелись и серьезные недостатки, среди них – плохая посещаемость занятий учащимися, подлежащими всевобучу, частые неявки по неуважительным причинам, а также опоздания. Посещаемость по Ленинскому району составляла лишь 90 %, по Затеречному району – 82 %. Не лучше дело обстояло в Промышленном районе, особенно плохо – в школах № 22, 27, 26 и др. Плохая посещаемость и слабая дисциплина были результатом недостаточной политико-воспитательной работы. Для устранения указанных недостатков предлагалось устраивать на пунктах всевобуча лекции и беседы, регулярно выпускать стенные газеты и боевые листки, организовывать соревнования – за лучшую постановку учебной работы должны были соревноваться отделение с отделением, взвод с взводом, пункт с пунктом. Еще один недостаток – слабая учебно-материальная база пунктов. Некоторые пункты были недостаточно оборудованы, имели мало учебно-наглядных пособий – моделей гранат, макетов танков, различных схем и таблиц, чучел, шанцевого инструмента и т. д. (СО14, с. 2).

Ученики старших классов Архонской средней школы на военных занятиях обучались навыкам владения винтовой и другим боевым оружием, умению самоокапывания, метания

гранат, маскировки. На пункте состоялось несколько занятий на тему «Боец в обороне». Организованно проходила в Архонской средней школе и химическая подготовка, где ученики изучали боевые отравляющие вещества (СО13, с. 4).

Учебные подразделения групп всеобуча. После того как в подразделениях Алагирского района закончилась отработка последних тем программы, у всевобучников второй очереди были приняты зачеты. Лучшие результаты показал военно-учебный пункт г. Алагира, где начальником был тов. Гоголев, а политруком – тов. Гриненко. Командиры этого пункта Зеленский и Демерджи добились в своих взводах твердой воинской дисциплины. Многие бойцы усвоили «материальную часть» винтовки, гранаты, тактику боя и т. д. на «отлично» и «хорошо». Всевобучники: рабочий пожарной охраны Сергей Рамонов, колхозник Дзамболат Басиев, рабочий Леонид Спирин, учитель Борис Ревазов – сдали испытания на «отлично». Комиссия райвоенкомата приняла зачеты и от бойцов Цраурского военно-учебного пункта. Хорошо обученный резерв Красной армии подготовил также Суадагский военно-учебный пункт. Алагирский райвоенкомат привлекал к военной учебе всех военнообязанных, почему-либо не прошедших обязательное военное обучение. В районе организовали подразделение, в котором готовили бойцов-снайперов (СО15, с. 2).

Из-за огромных потерь на фронте армии требовались обученные резервы, в том числе истребители танков, подрывники, минометчики и стрелки (автоматчики, пулеметчики и снайперы) [21, с. 581]. Созданные в г. Орджоникидзе учебные подразделения выпустили группу минометчиков и автоматчиков, которые владели навыками использования оружия при наступлении и обороне. Группа снайперов тренировалась на практических занятиях в меткой стрельбе. Снайперы станицы Архонской досрочно закончили учебу и сдали испытания, из них многие на «отлично» и «хорошо». Бойцы-снайперы селения Эльхотово на протяжении всей учебы были отличниками боевой и политической подготовки. На тактических учениях, стреляя из боевой снайперской винтовки, они показывали образцы высокого мастерства. Бойцов-отличников этого учебного подразделения командование пункта представило к награде значком «Отличник РККА» (СО15, с. 2).

Таким образом, выявленные документы позволяют заполнить научные лакуны в изучении организации всеобщего военного обучения в годы Великой Отечественной войны и охарактеризовать основные направления этой работы.

На основе анализа материалов исследования можно сделать вывод о том, что, несмотря на недостатки в решении задач по организации военного обучения на территории Северо-Осетинской АССР, работа по массовой подготовке боевого резерва для армии по 110-часовой программе, организации военно-политической работы на военно-учебных пунктах, обеспечению их материальными ресурсами, учебными и наглядными пособиями в короткие сроки была выполнена. Система всеобщего военного обучения стала действенным механизмом подготовки бойцов-специалистов из числа годных к службе мужчин 1923 и 1924 годов рождения, а также военнообязанных старших возрастов. Всевобуч как форма допризывной военной подготовки, в свою очередь, позволил заложить на региональном уровне основы системы подготовки обученных резервов для Красной армии. Система всеобщего военного обучения стала действенным механизмом допризывной военной подготовки, когда в короткие сроки были обучены годные к службе боевые резервы для воинских частей Красной армии.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

ГАНИ РСО-А1 – Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия-Алания – ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 15: Протокол № 21 заседания Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны. 216 л.

ГАНИ РСО-А2 – ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 15: Протокол № 21 заседания Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны. 216 л.

ГАНИ РСО-А3 – ГАНИ РСО-А. Ф.3. Оп. 1. Д. 15: Протокол № 22 заседания Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны. 216 л.

ГАНИ РСО-А4 – ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 15: Протокол № 31 заседания Бюро Орджоникидзевского городского комитета ВКП(б). 216 л.

ГАНИ РСО-А5 – ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 168: Протокол № 83 заседания Бюро Орджоникидзевского городского комитета ВКП(б). 274 л.

ГАНИ РСО-А6 – ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 164: Протокол № 68 заседания Бюро Орджоникидзевского городского комитета ВКП(б). 223 л.

ГПГО1 – Городские партийно-государственные органы управления в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Орджоникидзе/Владикавказ): документы и материалы: в 4 т. / Авторы-сост.: Л.Ч. Хаблиева, У.Ш. Тедеева, Г.Б. Тускаева. Владикавказ: СОГУ им. К.Л. Хетагурова; СОГМА Минздрава РФ, 2022. Т. 3. Январь – октябрь 1943 г. 296 с.

ГПГО2 – Городские партийно-государственные органы управления в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Орджоникидзе/Владикавказ): документы и материалы: в 4 т. / Сост.: Е.В. Туфанов, С.А. Хубулова, Л.Ч. Хаблиева и др. Ставрополь: АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2022. Т. 1. Июнь 1941 г. – июль 1942 г. 272 с.

ДОКО1 – Деятельность Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны и органов государственной власти и управления Северо-Осетинской АССР в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны: сборник документов и материалов / Сост. Л.Ч. Хаблиева. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2020. 356 с.

СО1 – *Белова Т.* Учебу начнем в срок // Социалистическая Осетия. 1941. 27 сент. № 229 (2473).

СО2 – Учебу начинать организованно // Социалистическая Осетия. 1941. 30 сент. № 231 (2475).

СО3 – Первый день прошел организованно // Социалистическая Осетия. 1941. 3 окт. № 234 (2478).

СО4 – *Галина Е.* На учебном пункте // Социалистическая Осетия. 1941. 14 окт. № 243 (2487).

СО5 – Бойцы всевобуча, готовьтесь бить врага! // Социалистическая Осетия. 1941. 18 окт. № 247 (2481).

СО6 – *Шестопалов И.* Марш подразделения // Социалистическая Осетия. 1941. 19 октября, № 248 (2492).

СО7 – Политработа на пунктах всевобуча // Социалистическая Осетия. 1941. 22 окт. № 250 (2494).

СО8 – *Гуриев К.* Быстрее устранить недостатки всевобуча // Социалистическая Осетия. 1941. 25 окт. № 253 (2497).

СО9 – *Гецаев З.* Военнообязанные за учебой // Социалистическая Осетия. 1941. 2 нояб. № 260 (2504).

СО10 – *Агаев Г.* Соревнуются на лучшую подготовку // Социалистическая Осетия. 1941. 13 нояб. № 269 (2513).

СО11 – *Тлатати С.* Всевобучники селения Гизель // Социалистическая Осетия. 1941. 22 нояб. № 277 (2521).

СО12 – *Дубов В.* На военно-учебном пункте // Социалистическая Осетия. 1941. 17 дек. № 298 (2542).

СО13 – *Васильев В.* Ученики овладевают военным делом // Социалистическая Осетия. 1942. 15 февр. № 39 (2594).

СО14 – *Тотоев М.* Военное обучение в школах // Социалистическая Осетия. 1942. 21 февр. № 44 (2599).

СО15 – *Кучалава С.* Как мы прошли всевобуч // Социалистическая Осетия. 1942. 27 мая. № 123 (2678).

ЦГА РСО-А1 – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания – ЦГА РСО-А. Ф. Р. 56. Оп. 2. Д. 44: Протокол № 48 заседания Орджоникидзевского горисполкома. 224 л.

ЦГА РСО-А2 – ЦГА РСО-А. Ф. Р. 56. Оп. 2. Д. 52: Протокол № 39 заседания Орджоникидзевского горисполкома. 128 л.

Литература

1. *Шатунов Г.П.* Комсомольские организации Советской Армии – передовой отряд армейской молодежи. М.: Воен. изд-во, 1953. 132 с.
2. *Пешков И.А.* Коммунистическая партия – организатор Всевобуча: учеб. пособие по истории КПСС. М.: Высш. школа, 1975. 95 с.
3. *Комаров Н.Я.* Государственный комитет обороны постановляет...: Документы. Воспоминания. Комментарии. М.: Воениздат, 1990. 428 с.
4. *Печенкин А.А.* Государственный Комитет Обороны в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1994. № 4-5. С. 126–142.
5. *Ежова Г.В.* Государственный комитет обороны – орган чрезвычайного управления в годы Великой Отечественной войны // Науч. тр. СЗАГС. 2011. Т. 2, № 1 (2). С. 274–277.
6. *Футорянский П.Л.* Государственные комитеты обороны Поволжья и Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны // Вестн. ОГУ. 2009. № 1 (107). С. 24–26.
7. *Чернышева Н.В.* Организация всеобщего военного обучения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам архивных источников Кировской области) // Военно-историч. журн. 2015. № 6 (662). С. 10–14.
8. *Соболева А.Н.* Допризывная подготовка молодежи БМАССР в 1923–1941 гг. // Историч. журн.: научные исследования. 2019. № 5. С. 95–101. https://doi.org/10.7256/2454-0609.2019.5.30609.
9. *Соболева А.Н.* Организация всеобщего военного обучения в Бурятии в 1941–1945 годах. // Вестн. ЧГУ. 2022. № 4. С. 104–110. https://doi.org/10.47026/1810-1909-2022-4-104-110.
10. *Лешукова Е.В.* Практика военно-оборонной работы по подготовке боевых резервов для РККА в 1941–1943 гг. на территории Ханты-Мансийского национального округа // ОНВ. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8. № 3. С. 33–41. https://doi.org/10.25206/2542-0488-2023-8-3-33-41.
11. *Аверьянов А.В., Грядский Д.М.* Организация военной подготовки и обучения на Юге РСФСР в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2020. Т. 8, № 2. С. 18. https://doi.org/10.24411/2311-1763-2020-10239.
12. *Бикмеев М.А.* Башкортостан в годы Второй мировой войны, 1939–1945. Уфа, 2000. 350 с.
13. *Ткачева Г.А.* Оборонно-массовая подготовка дальневосточников к защите Отечества в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2022. Т. 27, № 3. С. 805–820. https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-3-805-820.
14. *Кайтуков Г.Б.* Допризывная подготовка учащихся средних школ Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Т. 13. № 2. С. 87–98. https://doi.org/10.17748/2075-9908-2021-13-2-87-98.
15. *Яценко К.В.* Подготовка боевых резервов для Красной армии в начале Великой Отечественной войны (на материалах Воронежской, Курской и Тамбовской областей) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 4 (60). С. 84–90. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4162/, свободный.
16. *Ковалев А.С., Калинин О.Н.* Организация всеобщего военного обучения на территории Красноярского края в первые годы Великой Отечественной войны // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 4 (38). С. 123–131.

17. *Ляушин В.П.* Участие молодежных организаций севера Сибири в подготовке боевых резервов для фронта в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Омский науч. вестн. 2006. № 7 (43). С. 11–15.
18. *Соколова В.И.* К вопросу о начальном всеобщем военном обучении граждан ЧАССР в годы Великой Отечественной войны // Вестн. ЧГУ. 2006. № 1. С. 68–82.
19. *Хаблиева Л.Ч. Болотаева М.О.* Организация всеобщего военного обучения в Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны // Глобальный научный потенциал. 2015. № 11 (56). С. 143–145.
20. *Мухаметов П.А.* Организация военной подготовки в учебных заведениях Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестн. ОГПУ. Электронный научный журнал. 2015. № 1 (13). С. 113–120. URL: http://vestospu.ru/archive/2015/articles/Mukhametov1-13.html, свободный.
21. *Бредихин В.Е.* Подготовка боевых резервов для Красной армии в специальных комсомольско-молодежных формированиях Тамбовской области (1941–1943 гг.) // Вестн. ТГТУ. 2003. Т. 9, № 3. С. 581–586.

References

1. Shatunov G.P. *Komsomol'skie organizatsii Sovetskoi Armii – peredovoi otryad armeiskoi molodezhi* [Komsomol Organizations of the Soviet Army – the Vanguard of Army Youth]. Moscow, Voen. Izd., 1953. 132 p. (In Russian)
2. Peshkov I.A. *Kommunisticheskaya partiya – organizator Vsevobucha: ucheb. posobie po istorii KPSS* [The Communist Party as the Organizer of Universal Military Training: A Textbook on the CPSU History]. Moscow, Vyssh. Shk., 1975. 95 p. (In Russian)
3. Komarov N.Ya. *Gosudarstvennyi komitet oborony postanovlyaet…: Dokumenty. Vospominaniya. Kommentarii* [The State Defense Committee Declares...: Documents. Memoirs. Commentaries]. Moscow, Voenizdat, 1990. 428 p. (In Russian)
4. Pechenkin A.A. The State Defense Committee in 1941. *Novaya i Noveishaya Isotriya*, 1994, no. 4-5, pp. 126–142. (In Russian)
5. Ezhova G.V. The State Defense Committee as the emergency management body during the Great Patriotic War. *Nauchnye Trudy SZAGS*, 2011, vol. 2, no. 1, pp. 274–277. (In Russian)
6. Futoryanskii P.L. The State Defense Committees of the Volga region and the North Caucasus during the Great Patriotic War. *Vestnik OGU*, 2009, no. 1 (107), pp. 24–26. (In Russian)
7. Chernyshova N.V. Organization of universal military training during the Great Patriotic War of 1941–1945 (a case study of archival records on the Kirov region). *Voenno-Istoricheskii Zhurnal*, 2015, no. 6 (662), pp. 10–14. (In Russian)
8. Soboleva A.N. Pre-conscription training of the Buryat-Mongol ASSR youth in 1923–1941. *Istoricheskii Zhurnal: Nauchnye Issledovaniya*, 2019, no. 5, pp. 95–101. https://doi.org/10.7256/2454-0609.2019.5.30609. (In Russian)
9. Soboleva A.N. Organization of universal military training in Buryatia in 1941–1945. *Vestnik ChGU*, 2022, no. 4, pp. 104–110. https://doi.org/10.47026/1810-1909-2022-4-104-110. (In Russian)
10. Leshukova E.V. Military and defense practices in the training of combat reserves for the Red Army during 1941–1943 in the Khanty-Mansi national district. *ONV. Seriya Obshchestvo, Istoriya, Sovremennost'*, 2023, vol. 8, no. 3, pp. 33–41. https://doi.org/10.25206/2542-0488-2023-8-3-33-41. (In Russian)
11. Aver'yanov A.V., Gryadskii D.M. Organization of military training and instruction in the south of the RSFSR during the early stage of the Great Patriotic War (1941–1942). *Nauka. Obshchestvo. Oborona*, 2020, vol. 8, no. 2, p. 18. https://doi.org/10.24411/2311-1763-2020-10239. (In Russian)
12. Bikmeev M.A. *Bashkortostan v gody Vtoroi mirovoi voiny, 1939–1945* [Bashkortostan during the Second World War, 1939–1945]. Ufa, 2000. 350 p. (In Russian)

13. Tkacheva G.A. Mass defense training of Russian Far Easterners for the defense of their Fatherland during the Great Patriotic War (1941–1945). *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 27, no. 3, pp. 805–820. https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-3-805-820. (In Russian)
14. Kaitukov G.B. Pre-conscription training of secondary school students in North Ossetia during the Great Patriotic War. *Istoricheskaya i Sotsial'no-Obrazovatel'naya Mysl'*, 2021, vol. 13, no. 2, pp. 87–98. https://doi.org/10.17748/2075-9908-2021-13-2-87-98. (In Russian)
15. Yatsenko K. V. Training of combat reserves for the Red Army in the early years of the Great Patriotic War (a case study of the Voronezh, Kursk, and Tambov regions). *Uchenye Zapiski. Elektronnyi Nauchnyi Zhurnal Kurskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2021, no. 4 (60), pp. 84–90. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4162/. (In Russian)
16. Kovalev A.S., Kalinin O.N. Organization of universal military training in the Krasnoyarsk region during the early stage of the Great Patriotic War. *Problemy Sotsial'no-Ekonomicheskogo Razvitiya Sibiri*, 2019, no. 4 (38), pp. 123–131. (In Russian)
17. Lyaushin V.P. Involvement of youth organizations in Northern Siberia in training combat reserves for the front during the Great Patriotic War (1941–1945). *Omskii Nauchnyi Vestnik*, 2006, no. 7 (43), pp. 11–15. (In Russian)
18. Sokolova V.I. On the initial universal military training of the Chuvash ASSR citizens during the Great Patriotic War. *Vestnik ChGU*, 2006, no. 1, pp. 68–82. (In Russian)
19. Khablieva L.Ch., Bolotaeva M.O. Organization of universal military training in North Ossetia during the Great Patriotic War. *Global'nyi Nauchnyi Potentsial*, 2015, no. 11 (56), pp. 143–145. (In Russian)
20. Mukhametov P.A. Organization of military training in educational institutions of the Bashkir ASSR during the Great Patriotic War of 1941–1945. *Vestnik OGPU. Elektronnyi Nauchnyi Zhurnal*, 2015, no. 1 (13), pp. 113–120. URL: http://vestospu.ru/archive/2015/articles/Mukhametov1-13.html. (In Russian)
21. Bredikhin V.E. Training of combat reserves for the Red Army in special Komsomol youth organizations of the Tambov region (1941–1943). *Vestnik TGTU*, 2003, vol. 9, no. 3, pp. 581–586. (In Russian)

Информация об авторе

Хаблиева Лариса Черменовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры российской истории, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
E-mail: *lara6715@yandex.ru*
ORCID: orcid.org/0000-0001-9845-7137

Author Information

Larisa Ch. Khablieva, Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Department of Russian History, North Ossetian State University
E-mail: *lara6715@yandex.ru*
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9845-7137

Поступила в редакцию 20.10.2024 Received October 20, 2024
Принята к публикации 19.12.2024 Accepted December 19, 2024

Оригинальная статья

УДК 327
https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.43-52

К вопросу о выборе места проведения Тегеранской конференции 1943 г.

Р.Н. Чанышев✉, Р.В. Пеньковцев, Д.Р. Шарафутдинов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

✉*spacecowboy85@bk.ru*

Аннотация

Тегеранская конференция имела колоссальное значение для решения задач военного времени, а также для формирования послевоенного мирового порядка. В статье изучены обстоятельства встречи лидеров трех государств, которая ознаменовала собой точку бифуркации в системе международных отношений. Системный подход к анализу международных реалий предполагает понимание того, что манифестация глобальных международных отношений в первой половине XX в. проходила в два этапа: после окончания Первой, а потом и Второй мировой войны. Отмечается, что Тегеранская конференция стала своего рода символическим мостом при переходе от нестабильной Версальско-вашингтонской системы с ее неэффективной Лигой Наций к биполярной системе международных отношений. Подчеркнута важность создания ООН, функционирующей и сегодня. Сделан вывод о значимости изучения истории подготовки конференций союзных держав и дипломатии Второй мировой войны для понимания специфики краеугольных исторических событий, которые не только заложили фундаментальные основы международных отношений XX в., но и оказывают влияние на современную мировую политику. Раскрыта сложность вопросов организации Тегеранской конференции. Отмечена роль Советского Союза в выборе места проведения Тегеранской конференции, а также в обеспечении безопасности на встрече глав государств.

Ключевые слова: антигитлеровская коалиция, Тегеранская конференция, Вторая мировая война, послевоенный миропорядок, дипломатия

Для цитирования: *Чанышев Р.Н., Пеньковцев Р.В., Шарафутдинов Д.Р.* К вопросу о выборе места проведения Тегеранской конференции 1943 г. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 2. С. 43–52. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.43-52.

Original article

https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.43-52

On the choice of venue for the Tehran Conference of 1943

R.N. Chanyshev✉, R.V. Penkovtsev, D.R. Sharafuddinov

Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia

✉*spacecowboy85@bk.ru*

Abstract

The Tehran Conference had the utmost significance for the Allied military strategy in World War II and decided the fate of the post-war world order for generations to come. It was a critical juncture, a bifurcation point, in the course of international relations. This article examines the situation in which the meeting between the three Allied powers took place. In line with the systematic approach to global realities, two main stages can be distinguished in the development of world diplomacy during the first half of the 20th century: in the aftermath of World War I and following World War II. In this light, the Tehran Conference is seen as a symbolic bridge from the unstable Versailles–Washington system, with its ineffective League of Nations, to the emerging global bipolarity. It was also the moment when the United Nations, a valid arena for navigating global issues, came into being. It is concluded that a better understanding of how the Allied conferences were organized and the wartime interactions proceeded gives access to a clearer vision of the historical milestones that determined the evolution of international relations in the 20th century and continue to influence global political dynamics. The complexities in the organization of the Tehran Conference are discussed. The Soviet Union's role in selecting the venue and ensuring the safety of the event is defined.

Keywords: Allies of World War II, Tehran Conference, World War II, post-war world order, diplomacy

For citation: Chanyshev R.N., Penkovtsev R.V., Sharafuddinov D.R. On the choice of venue for the Tehran Conference of 1943. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 2, pp. 43–52. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.43-52. (In Russian)

Введение. Вторая мировая война считается одним из наиболее трагических событий в истории человечества, оказавших влияние на развитие мировых процессов на десятилетия вперед. Разрешение конфликта предполагалось возможным только при совместном участии в борьбе с фашистской угрозой ведущих государств. Наибольший вклад в победу над агрессором внес Советский Союз, сумевший мобилизовать все имеющиеся ресурсы для достижения поставленных целей.

К концу 1943 г. фашистские силы оказались перед лицом разгрома. СССР одержал победу под Сталинградом и Курском, а союзники значительно продвинулись в Северной Африке и Южной Италии. Перед союзными государствами встал вопрос о том, как действовать дальше: когда открывать второй фронт, как решать послевоенные вопросы в Европе и как начать военные действия против Японии [1, с. 87].

Обозначенный эпизод Второй мировой войны обоснованно привлекает внимание исследователей и подробно освещается в научной литературе. Так, М.С. Суханов и А.Н. Геращенкова в работе, посвященной организации Тегеранской конференции, отмечают: «В исторической литературе, затрагивающей проблему подготовки Тегеранской конференции, содержится информация о том, что впервые идея ее проведения зародилась в ходе Московской конференции 12–17 августа 1942 года, на которой присутствовали И. Сталин, У. Черчилль и специальный̆ помощник президента США А. Гарриман. Однако запись переговоров главы советского правительства и премьер-министра в ночь с 15 на 16 августа 1942 года позволяет сделать вывод о том, что Черчилль предложил Сталину остановиться в Великобритании, если тот примет решение встретиться с Рузвельтом в районе Исландии. Возможное пребывание Сталина в Великобритании предполагало его встречу с премьер-министром, но о совместной трехсторонней конференции лидеров речи не шло. В связи с этим инициатором проведения данной конференции по праву следует считать Ф.Д. Рузвельта, который в посланиях И.В. Сталину и У. Черчиллю от 2 декабря 1942 года предложил организовать встречу лидеров СССР, США и Великобритании (встречу умов) с целью разработки окончательной стратегии борьбы против Германии и ее союзников и урегулирования ряда вопросов послевоенного устройства мира» [2, с. 32].

«Существовала общая политическая цель, – пишет английский историк Л. Вудворд, нанести поражение врагу в войне, но “победа” ни в коем случае не была однозначным понятием. Она имела один смысл для Соединенных Штатов, другой для Англии и… третий – для России». <…> Уже тогда США добивались установления своего единоличного господства в послевоенном мире, в то время как Англия стремилась всеми силами сохранить свои позиции. Вместе с тем США и Англия были готовы при рассмотрении коренных вопросов ведения войны и мирного урегулирования объединиться в дипломатической борьбе против Советского Союза» (ИД, с. 406).

Существовавшие между союзниками разногласия – это объективная реальность, однако стремление покончить с общим врагом естественным образом выходило на первый план, открывая пространство для диалога, а для этого необходимо было выработать единое понимание по ряду наиважнейших вопросов. Лидерами антифашистской коалиции было принято конструктивное предложение о встрече глав государств, тем не менее возникли разногласия, касающиеся места ее проведения. Этот вопрос лидеры обсуждали почти год с декабря 1942 г. по ноябрь 1943 г. Предполагаемое место встречи, безусловно, должно было отвечать требованиям безопасности, а также подходить лидерам трех держав географически.

28 ноября – 1 декабря 1943 г. председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР И.В. Сталин, президент Соединенных Штатов Америки Ф. Рузвельт и премьер-министр Великобритании У. Черчилль встретились в Тегеране для обсуждения вопросов совместного ведения войны странами антигитлеровской коалиции и послевоенного устройства мира. Дискуссии, имевшие место на встрече, и принятые на ней решения были столь значимы, что конференция вошла в историю как выдающееся по тем временам событие международной жизни и продолжает привлекать внимание научной общественности многих стран [3, с. 3].

Результаты исследования. Руководители СССР, США и Великобритании понимали важность и необходимость личной встречи, переписка по этому вопросу велась в течение долгого времени. Советскому руководству казалось целесообразным провести конференцию ближе к территории СССР, американской стороне длительное нахождение за пределами США представлялось весьма неудобным.

Правоту аргументации И.В. Сталина подтверждает и У. Черчилль, который, будучи на Квебекской конференции вместе с Ф.Д. Рузвельтом в августе 1943 г., в своем письме Верховному главнокомандующему Советской армией отмечал: «Я полностью понимаю, что Вы не можете оставить фронт в этот критический период, когда Вы заняты руководством победоносным движением Ваших армий» (Пер., с. 142).

Еще до начала 1943 г. Ф.Д. Рузвельт в качестве предполагаемого места проведения конференции серьезно рассматривал Северную Африку, а после встречи с У. Черчиллем в Канаде вновь поднял этот вопрос. Речь шла об Алжире, Тунисе, Хартуме и Касабланке. Понимая, что из-за климатических условий могут возникнуть сложности, американский лидер впоследствии подверг эту идею сомнению и предлагал в качестве варианта район Берингова пролива. У. Черчилль поддерживал идею Хартума, также предлагая Кипр и даже Лондон. И.В. Сталин, в свою очередь, ссылаясь на все ту же невозможность далеко выезжать за пределы СССР, предложил в качестве вариантов для встречи Архангельск или Астрахань, но не получил согласия от Ф.Д. Рузвельта, считавшего, что «ни Астрахань, ни Архангельск не подходят» (Пер., с. 147). Тем не менее лидеры США и Великобритании, находясь на встрече в Квебеке, предложили И.В. Сталину в качестве альтернативы Фэрбенкс на Аляске, где они могли бы «подвергнуть изучению всю обстановку в целом» (Пер., с. 147), однако советский лидер, руководствуясь все теми же указанными выше причинами, отказался.

В начале сентября 1943 г. И.В. Сталин в качестве подходящего места для встречи предлагает Иран. Советская сторона настаивала на том, чтобы провести конференцию именно в Иране также и в связи с обстановкой на фронте, так как, являясь не только представителем государства, но и Верховным главнокомандующим Советской армией, Иосиф Сталин не мог надолго покидать столицу, поскольку должен был осуществлять контроль за ходом военных действий [4, с. 17]. Так, в личном и секретном послании премьер-министру У. Черчиллю и президенту Ф.Д. Рузвельту И.В. Сталин отмечал: «Я всецело разделяю Ваше мнение и мнение г. Рузвельта о важности встречи нас троих. Вместе с тем я очень прошу понять мое положение в момент, когда наши армии с исключительным напряжением ведут борьбу с главными силами Гитлера… В такой момент, по мнению всех моих коллег, я не могу, без ущерба для наших военных операций, уехать от фронта…» (Пер., с. 149).

Рассуждая о предпочтительности Тегерана в качестве оптимального места встречи для советской стороны, исследователи М.С. Суханов и А.Н. Геращенкова отмечают: «29 января 1942 года был подписан англо-советско-иранский договор, по которому СССР и Великобритания брали на себя обязательства уважать территориальную целостность Ирана, защищать его от агрессии со стороны Германии, содержать на территории Ирана сухопутные, морские и военно-воздушные силы и вывести их в шестимесячный срок после окончания боевых действий. В конце 1942 года военное присутствие на иранской территории усилили США, в марте 1943 года в Иране разместилась их военная миссия. В результате здесь находился ограниченный военный контингент всех трех стран, обеспечивающий безопасность на данной территории. Также Тегеран был расположен достаточно близко к советской границе, и оттуда была протянута нить телеграфа в Москву. Данное обстоятельство И.В. Сталин использовал в качестве главного аргумента в переписке с Ф.Д. Рузвельтом. К тому же крупнейшие победы Красной Армии над германской военной машиной при отсутствии второго фронта позволяли советской стороне диктовать свои условия» [2, с. 33].

Советский лидер почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы дать согласие на встречу. За ним уже стояли великие военные победы, возросшая мощь и авторитет Советского государства, позволявшие рассчитывать на успешное отстаивание интересов СССР [5, с. 139].

Изучив аргументы других сторон, В.Н. Бережков в своем исследовании пишет: «Рузвельт в свою очередь всячески оттягивал момент согласования места встречи. После того как в середине августа 1943 года Италия капитулировала, он предлагал Сицилию в качестве нового варианта встречи, также столицу Египта, столицу Эритреи и даже Турции. Он по-прежнему отказывался отправиться в Тегеран, обосновывая это тем, что горы на подходе к иранской границе часто исключают возможность полетов на несколько дней подряд. Вследствие этого самолет, доставляющий из Вашингтона различные документы, требующие срочного рассмотрения президентом, может надолго задержаться. Изложив свои соображения, Рузвельт назвал новое место встречи – Басру, куда он предлагал протянуть телефонную линию из Тегерана. Это послание было передано Сталину государственным секретарем Соединенных Штатов Корделлом Хэллом, находившимся в то время в Москве. Ознакомившись с посланием, Сталин сказал Хэллу, что не может не считаться с приведенными в послании аргументами относительно обстоятельств, мешающих президенту приехать в Тегеран» [6, с. 213–214].

Можно сделать вывод, что И.В. Сталин не собирался далее вступать в споры относительно места встречи, иного нежели Тегеран. Выезжать за пределы СССР в сложившейся ситуации было нецелесообразно, а столица Ирана была наиболее удовлетворяющим из всех вариантов. Он даже высказал госсекретарю К. Хэллу идею о том, что мог бы возложить свои обязанности по проведению переговоров на В.М. Молотова, который мог бы вылететь куда угодно.

В исторических источниках мы читаем: «Предметом спора и переговоров долгое время продолжал быть вопрос места проведении конференции, вызванное необходимостью держаться фронта лидерами государств и национальной, и личной безопасности. К тому же, со стороны Советского Союза не раз высказывалась критика по отношению к союзным государствам по причине того, что “Англия и США сговариваются, а СССР получал информацию о результатах сговора двух держав в качестве третьего пассивного наблюдающего”. Но, несмотря на имеющиеся противоречия, договоренность о сроках и месте проведения конференции была в итоге достигнута, хотя американский президент Рузвельт согласился на Тегеран только 8 ноября, но одновременно передал вопрос о сроках конференции в руки И. Сталина, заявив: “Мы… будем совещаться столько, сколько Вы сочтете возможным находиться в отъезде”» (Пер., с. 402).

Взаимоотношения между британской и американской сторонами накануне Тегеранской конференции были куда теснее, чем с СССР, который не был представлен на встречах в Касабланке, Вашингтоне и Квебеке; все вышеозначенное, безусловно, не устраивало советскую сторону, и этот лейтмотив проходил через всю переписку лидеров держав.

Главы США и Великобритании, Ф. Рузвельт и У. Черчилль, давно призывали советского лидера И.В. Сталина провести совместную конференцию, поскольку понимали: дальнейшие успехи Красной Армии приведут к значительному укреплению позиций СССР на мировой арене, что неизбежно приведет к расширению сферы его влияния и связанному с этим подъемом социалистических, национально-освободительных и демократических движений в мире. В подобных условиях открытие второго фронта могло стать не только актом помощи союзников Советскому Союзу, но и средством сохранения контроля США и Великобритании над региональными европейскими и международными делами [7, с. 181–182].

В Иране находились представительства, а также армии всех трех государств, это было связано с тем, что после операции англо-советских войск «Согласие» возможность прогерманского переворота в стране была ликвидирована, и это обеспечило нахождение военного контингента стран на территории Ирана [2, с. 33].

В период проведения конференции большое внимание уделялось обеспечению безопасности. Так, было принято решение обозначать конференцию словом «Эврика», а Тегеран, в котором проходила встреча – «Каир-III». Об этом И.В. Сталин и У. Черчилль условились в переписке еще до того, как Ф.Д. Рузвельт все-таки согласился на Тегеран.

Охранная группа заранее прибыла в Тегеран с целью изучения местности, аэропорта, вокзала, инфраструктуры города и, исходя из этого, создания плана обеспечения безопасности. Согласно этому плану, предполагалось минимальное передвижение главы советского государства по городу во избежание нападений со стороны противников, поэтому за период всей конференции Иосиф Сталин покинул здание посольства СССР в Иране лишь раз для того, чтобы провести встречу с шейхом Ирана. Для обеспечения полной безопасности было выделено большое количество охраны, постоянно сопровождавшее глав государств.

Большое внимание Советский Союз также уделил благоустройству места проведения, поэтому к началу встречи осуществили реставрацию здания советского посольства в Иране. Кроме того, была проведена связь между Тегераном и Москвой для обеспечения легкости передачи информации о том, что происходит на фронте и на конференции.

Символическое значение имело полотно кисти художника Аркадия Пластова, которое с собой в Тегеран привез И.В. Сталин. По воспоминаниям советского лидера, картина «Фашист пролетел» настолько впечатлила прибывших в советское посольство Ф.Д. Рузвельта и У. Черчилля, что они, в течение нескольких минут, глядя на нее, не могли вымолвить ни слова. Тело погибшего ребенка-пастушка на осеннем лугу после атаки улетающего вдаль немецкого истребителя – этот сюжет стал настоящей манифестацией экзистенциального ужаса, который приносит война. По всей вероятности, главы США и Великобритании были под сильным впечатлением от увиденной картины.

В международной историографии насчитывается более двух десятков конференций межсоюзнических государств во время и после Второй мировой войны. Традиционно принято выделять три основные, которые проходили под председательством глав трех основных государств-участников: СССР, США и Великобритании – и стали ключевым инструментом развития военной стратегии против агрессоров и закладывания основ послевоенного мира. Организация междусоюзнической встречи при участии глав СССР, США и Великобритании в Тегеране в конце 1943 г. происходила под влиянием колоссальных перемен на фронте и внушительного увеличения военного и политического веса Советского Союза в вопросе борьбы с фашизмом.

Изначально И.В. Сталин заявлял о необходимости очертить круг вопросов, подлежащих обсуждению лидерами трех государств: «Во многом такая настойчивость была вызвана не только общей настороженностью советской дипломатии по отношению к капиталистическим государствам, но и личным подходом И.В. Сталина. “Он вообще очень тщательно готовился к любому разговору. У него была справка по любому обсуждаемому вопросу”, он “владел предметом разговора досконально”» (ВОВ, с. 292).

Тем не менее в итоге повестка предстоящей конференции так и не была определена. Но и в таком случае исходя из итогов Московской конференции было понятно, что основным станет вопрос об открытии второго фронта весной 1944 г. Было принято решение сделать

это не позже мая 1944 г. Обсуждалась также проблема устройства послевоенной Европы, в частности государственного устройства и границ Польши. Однако вопрос о государственном устройстве так и остался открытым: если У. Черчилль выступал за возвращение в Польшу эмигрантского правительства, то И.В. Сталин выразил протест против этого, в связи с чем разрешение данного вопроса было отложено на более поздний срок [1, с. 92].

Не было достигнуто соглашения и по вопросу послевоенного устройства Германии. Союзные государства выступали за раздел государства с целью не допустить возрождения нацизма в будущем. Советским Союзом была предложена идея создания единого немецкого государства с гарантией ее демократического развития. Разгром Японии должны были осуществить Соединенные Штаты, а СССР намеревался предпринять военные действия в Маньчжурии после уничтожения фашистской Германии. Были намечены также контуры послевоенного устройства мира и обеспечения безопасности после войны.

Заключение. Тегеранская конференция стала одним из важнейших событий Второй Мировой войны, потому что показала необходимость тесного сотрудничества союзников по антигитлеровской коалиции для достижения общей цели. Стоит отметить, что решения, принятые на конференции, продемонстрировали переход на новую стадию, перелом в военных действиях, что было связано в первую очередь с решением об открытии второго фронта. Кроме того, сам факт, что государства смогли прийти к консенсусу по столь важным вопросам, говорит о том, что они смогли объединиться и начать формулировать общую военную стратегию: «Это также свидетельствует об улучшении доверия между тремя державами. “Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели”, – говорилось в “Декларации трех держав”, принятой на конференции и опубликованной 7 декабря» (ВОВ, с. 313).

В дополнение к вышеизложенному необходимо отметить следующее: в течение 1943 г. стало заметно, что вклад Великобритании в военном и экономическом плане не сможет сравниться с вкладом СССР или США. Соответственно, происходило выделение двух ключевых держав-лидеров: СССР и США. После Тегерана У. Черчилль говорил, что именно во время этой конференции понял, насколько британцы «маленькая нация» (ВОВ, с. 313).

По многим вопросам, начиная с места проведения конференции и заканчивая операцией по открытию второго фронта, США и Великобритания шли на уступки СССР, что говорит о его усиливающемся влиянии на международной арене в связи с успехами на фронтах.

Тегеранская Конференция убедительно показала, что, несмотря на коренное различие в политическом и социальном строе СССР, с одной стороны, и США и Англии – с другой, страны могли успешно сотрудничать в борьбе с общим врагом, искали и находили взаимоприемлемые решения возникавших между ними спорных вопросов, хотя зачастую подходили к этим вопросам с совершенно различных позиций, которые основывались в том числе и на различных геополитических интересах сторон [8, с. 109].

Колоссальный рост военно-экономического потенциалов СССР и США, которые являлись относительно новыми игроками на поле глобальных международных отношений, на фоне ослабления Англии был всеобъемлющ, что привело к трансформации стратегического баланса сил внутри антифашистской коалиции. Именно в Тегеране обозначенные изменения стали наиболее ощутимыми.

Вторая мировая война привела к огромным человеческим жертвам, разрушению инфраструктуры и социальным потрясениям. Ее результатом также стали значительные геополитические изменения, включая превращение СССР и США в сверхдержавы. Война способ-

ствовала созданию Организации Объединенных Наций, развитию международного права. Глобальный конфликт оказал глубокое воздействие на мировую экономику, что привело к росту индустриализации и технологическим изменениям, а также на область человеческих и общественных взаимоотношений. То, что перед войной казалось если не невозможным, то маловероятным, по ходу увеличения интенсивности и ожесточенности конфликта приобретало реальные формы. Одним из типичных примеров подобной трансформации явились советско-американские отношения, характер их качественных изменений и динамики [9, с. 132].

Опыт и уроки Второй мировой войны продолжают влиять на мировую политику, безопасность и международные отношения по сей день. Зверства, совершенные во время войны, включая геноцид и применение атомного оружия, послужили предупреждением для международного сообщества об опасности крайнего национализма и милитаризма.

Важное значение имело то, что на стороне антифашистской коалиции находились народы многих стран, которые искренне желали поражения германскому фашизму и победы антигитлеровской коалиции. Поэтому решения Тегеранской конференции, направленные на скорейшее завершение мировой войны, способствовали единению народов мира в борьбе с германским фашизмом [10, с. 177].

Война продемонстрировала важность международного сотрудничества и дипломатии в разрешении конфликтов. Тегеранская конференция заложила основы будущего миропорядка, а СССР сыграл колоссальную роль в вопросах организации и обеспечения безопасности встречи глав антигитлеровской коалиции.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Источники

ИД – История дипломатии: в 5 т. / Под ред. А.А. Громыко (и др.). М.: Политиздат, 1975. Т. IV. Дипломатия в годы второй мировой войны. 752 с.

Пер. – Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). 405 с.

ВОВ – Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. / Главная ред. комис.: А.Э. Сердюков (пред.) [и др.]. М.: Кучково поле, 2014. Т. 8. Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны / [М.М. Наринский (рук.) и др.; ред. комис. В.Г. Титов (пред.) и др.]. 863 с.

Литература

1. *Цветков А.И.* Тегеран – 1943. К 75-летию Тегеранской конференции трех союзных держав // Обозреватель – Observer. 2018. № 10 (345). С. 87–94.
2. *Суханов М.С., Гаращенкова А.Н.* Дискуссия лидеров СССР, США и Великобритании о месте и времени проведения трехсторонней встречи в 1943 году // Juvenis Scientia. 2019. № 2. С. 32–34. https://doi.org/10.32415/jscientia.2019.02.08.
3. *Ржешевский О.А.* Тегеран-43 // Новая и новейшая история. 2013. № 6. С. 3–21.
4. *Макаренко К.А.* Обеспечение государственной охраны и специальной связи при подготовке и проведении Тегеранской конференции // Cognitio Rerum. 2021. № 10. С. 16–20.
5. *Голуб Ю.Г.* Первая встреча «Большой тройки»: обстоятельства выбора времени и места // Клио. 2015. № 8 (104). С. 134–142.
6. *Бережков В.Н.* Страницы дипломатической истории. М.: Междунар. отношения, 1982. 502 с.

7. *Петренко Д.С.* Определение контуров новой всемирной универсальной организации на Тегеранской конференции союзников по антигитлеровской коалиции // Вестн. Моск. междунар. ун-та. 2024. № 1 (1). С. 180–187.
8. *Каноатова Г.И.* Тегеранская конференция и ее историческое значение // Вестн. ин-та языков. 2019. № 2 (34). С. 105–110.
9. *Шихов В.А.* На пути к Тегерану (трансформация советско-американских отношений накануне и в начальный период Второй мировой войны) // Запад, Восток и Россия: вопросы всеобщей истории. 2014. № 16. С. 132–139.
10. *Судавцов Н.Д.* Тегеранская конференция 1943 года – торжество антигитлеровской коалиции // Вестн. Прикаспия: археология, история, этнология. 2012. № 3. С. 169–177.

References

1. Tsvetkov A.I. Tehran – 1943. On the 75th anniversary of the Tehran Conference of the three Allied powers. *Obozrevatel'–Observer*, 2018, no. 10 (345), pp. 87–94. (In Russian)
2. Sukhanov M.S., Garashchenkova A.N. Discussion among the USSR, USA, and Great Britain leaders on the venue and time of the trilateral meeting in 1943. *Juvenis Scientia*, 2019, no. 2, pp. 32–34. https://doi.org/10.32415/jscientia.2019.02.08. (In Russian)
3. Rzheshevsky O.A. Tehran – 43. *Novaya i Noveishaya Istoriya*, 2013, no. 6, pp. 3–21. (In Russian)
4. Makarenko K.A. Ensuring national security and special communications during the organization and hosting of the Tehran Conference. *Cognitio Rerum*, 2021, no. 10, pp. 16–20. (In Russian)
5. Golub Yu.G. The first meeting of the "Big Three": The circumstances of the choice of time and venue. *Klio*, 2015, no. 8 (104), pp. 134–142. (In Russian)
6. Berezhkov V.M. *Stranitsy diplomaticheskoi istorii* [Chapters in Diplomatic History]. Moscow, Mezhdunar. Otnosheniya, 1982. 502 p. (In Russian)
7. Petrenko D.S. Defining the contours of a new universal organization at the Tehran Conference of the Allies on the anti-Hitler coalition. *Vestnik Moskovskogo Mezhdunarodnogo Universiteta*, 2024, no. 1 (1), pp. 180–187. (In Russian)
8. Kanoatova G.I. Tehran Conference and its historical significance. *Vestnik Instituta Yazykov*, 2019, no. 2 (34), pp. 105–110. (In Russian)
9. Shikhov V.A. On the way to Tehran (transformation of the Soviet–American relations on the eve and in the early stage of World War II). *Zapad, Vostok i Rossiya: Voprosy Vseobshchei Istorii*, 2014, no. 16, pp. 132–139. (In Russian)
10. Sudavtsov N.D. The Tehran Conference of 1943 as the triumph of the anti-Hitler coalition. *Vestnik Prikaspiya: Arkheologiya, Istoriya, Etnologiya*, 2012, no. 3, pp. 169–177. (In Russian)

Информация об авторах

Чанышев Рустем Наримович, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: *spacecowboy85@bk.ru*
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6482-1703

Пеньковцев Роман Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: *Roman.Penkovtsev@kpfu.ru*
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6579-5786

Шарафутдинов Денис Радиевич. кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: *sfincs_88@mail.ru*
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8897-8593

Author Information

Rustem N. Chanyshev, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of International Relations, World Politics, and Diplomacy, Kazan Federal University
E-mail: *spacecowboy85@bk.ru*
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6482-1703

Roman V. Penkovtsev, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of International Relations, World Politics, and Diplomacy, Kazan Federal University
E-mail: *Roman.Penkovtsev@kpfu.ru*
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6579-5786

Denis R. Sharafuddinov, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of International Relations, World Politics, and Diplomacy, Kazan Federal University
E-mail: sfincs_88@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8897-8593

Поступила в редакцию 25.02.2025 Received February 25, 2025
Принята к публикации 25.04.2025 Accepted April 25, 2025

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ XIX–XX ВЕКОВ

Оригинальная статья

УДК 37:27(470.41-25)"1855/1870"
https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.53-66

Мусульманин в микросекулярном обществе: К. Насыри – преподаватель православных духовных учебных заведений Казани (1855–1870 годы)

И.К. Загидуллин

Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

zagik63@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрена деятельность Каюма Насыри в качестве преподавателя татарского языка в православных духовных учебных заведениях Казани в 1855–1870 гг. Микросекулярное общество, в котором оказался татарский просветитель, с одной стороны, ограничивало его контакты с традиционным мусульманским сообществом, вывело из сферы «общественного контроля» его религиозные практики и повседневную жизнь, с другой – сформировало новый круг общения в рамках учебно-методических и научных интересов. Находясь в системе православного религиозного образования, К. Насыри в своем быту сохранял целостность мусульманского религиозного уклада. Однако в условиях отсутствия традиционного конфессионального окружения происходило определенное снижение его религиозной активности. Благодаря самоотверженной научно-педагогической работе и товарищеской помощи представителей русской и татарской интеллигенции К. Насыри состоялся как ученый-языковед, этнограф и исследователь-методист. Именно в этом микросекулярном обществе сформировались контуры его просветительской программы. Активно изучая научную литературу, знакомясь с периодической печатью и общаясь с казанскими преподавателями-тюркологами и востоковедами, К. Насыри стал одним из представителей высокообразованной отечественной интеллигенции.

Ключевые слова: Каюм Насыри, татарское просветительство, Казанская православная духовная семинария, микросекулярное общество

Для цитирования: *Загидуллин И.К.* Мусульманин в микросекулярном обществе: К. Насыри – преподаватель православных духовных учебных заведений г. Казани (1855–1870 годы) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 2. С. 53–66. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.53-66.

Original article

https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.53-66

A Muslim in a micro-secular society: K. Nasyri as a teacher at Orthodox theological schools in Kazan (1855–1870)

I.K. Zagidullin

Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

zagik63@mail.ru

Abstract

Kayum Nasyri's work as a teacher of the Tatar language at Orthodox theological schools in Kazan during the period from 1855 to 1870 is explored. In the micro-secular society of that time, his ties to the traditional Muslim community were weakened, distancing his religious practices and everyday life from "public oversight." At the same time, this setting integrated him into a new intellectual world that aligned with his teaching and research interests. Despite being part of the Orthodox educational system, K. Nasyri maintained his Muslim way of life, even as the absence of a strong confessional community led to a slight decline in his religious activities. His dedication to scholarship and pedagogy, along with the support from prominent figures of the Russian and Tatar intelligentsia, shaped him into an outstanding linguist, ethnographer, and methodological expert. Within this micro-secular context, his enlightenment program took form. Engaging with scholarly literature, periodicals, and discussions with Kazan's leading Turkologists and Orientalists, K. Nasyri became one of the most educated members of the Russian intelligentsia.

Keywords: Kayum Nasyri, Tatar enlightenment, Kazan Orthodox Theological Seminary, micro-secular society

For citation: Zagidullin I.K. A Muslim in a micro-secular society: K. Nasyri as a teacher at Orthodox theological schools in Kazan (1855–1870). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 2, pp. 53–66. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.53-66. (In Russian)

Введение. В биографии великого татарского просветителя Каюма Насыри можно выделить несколько этапов. Габделькаюм родился 2 (14) февраля 1825 г. в деревне Малые Ширданы Свияжского уезда Казанской губернии (современный Зеленодольский район Республики Татарстан) в семье муллы «без указа» (неофициального) Габденнасыра Хусаинова. Воспитывался в традиционной мусульманской семье, получил домашнее образование, по примеру отца-каллиграфа овладел красивым почерком, переписывал религиозные рукописи, в 16 лет поступил в Сагидовское медресе г. Казани.

После 14-летнего периода учебы в медресе (1841–1855 гг.) К. Насыри приступил к преподавательской деятельности в православных духовных учебных заведениях губернского города (1855–1870 гг.), затем последовал «учительский период» в казенной русско-татарской школе (1871–1877 гг.). В «вольный период» (1877–1902 гг.), когда он занимался главным образом обучением на дому, ученым были написаны и изданы труды, которые составляют золотой фонд татарской общественной мысли второй половины XIX в.

После завершения обучения в Сагидовском медресе Казани у Каюма была возможность стать муллой в сельской махалле, что обеспечило бы ему безбедное существование. Однако К. Насыри не захотел стать духовным лицом. Полагаем, что такое решение было принято под воздействием нескольких факторов.

Прежде всего следует отметить, что в семье Габденнасыра Хусаинова считалось, что все выдающиеся предки рода достигли высокого общественного положения и пользовались в округе авторитетом благодаря знанию русского языка и сотрудничеству с властями [1, с. 7; 2, с. 61]. Занимаясь составлением прошений и выступая в качестве доверенного лица по общественным делам перед администрацией и в земских судах, отец Каюма продолжил традиции своих предков. Выпускник медресе, избранный жителями родной деревни на приходскую духовную должность, отказался от духовной карьеры и занялся торговлей. Члены семьи Габденнасыра выросли в обстановке открытости к русской культуре и русским людям. Свою роль сыграла, очевидно, и интегрированность шакирда Каюма, благодаря обучению в Михайловском начальном училище Казани, в инокультурную среду.

Важно также отметить, что в стенах медресе Каюм остро ощущал душевный дискомфорт: сильнее, чем от бедности, страдал от одиночества. О своем взаимодействии с окружающими в письме старшему брату Габдельхаю от 23 апреля 1858 г. он сообщал буквально следующее: «…есть ли что-либо тяжелее одиночества? Испытал же я горесть одиночества. Около 15 лет провел в медресе. Никто там меня не понимал, я был одиноким»[1] (I, с. 557). Получается, что в стенах медресе, среди сверстников-шакирдов и хальф, К. Насыри чувствовал свою невостребованность и душевную пустоту. Неожиданное предложение преподавать в русском православном учебном заведении позволило ему, возможно, впервые в жизни почувствовать свою полезность для общества. Приглашение было воспринято им как спасительная возможность избавиться от душевного одиночества, кроме того, у него была и мотивация в совершенстве изучить русский язык [3, с. 46].

Результаты и обсуждение. Своим поступком Каюм «перешел черту», бросив вызов всему мусульманскому сообществу, которое обвинило его в «измене» исламу. К. Насыри неслучайно получил прозвище «Урыс Каюм» («Русский Каюм»), означавшее, что он преподает родной язык будущим православным священникам с целью их подготовки в качестве миссионеров, призванных осуществлять христианизацию его единоверцев. В то же время необходимо отметить силу духа К. Насыри. В тот момент, когда абсолютное большинство мусульман избегало общения с православными священниками, опасаясь за свою веру, Каюм не испытывал страха потери своей религиозной идентичности.

Следует также упомянуть, что К. Насыри был не первым мусульманином, преподававшим в православных учебных заведениях. В изучаемый период в Казани существовала трехступенчатая система подготовки православных духовных кадров. Обучение татарскому языку в Казанском православном духовном училище и Казанской духовной семинарии (КДС) рассматривалось как подготовка знающих татарский язык молодых людей для поступления на противомусульманское отделение Казанской духовной академии (КДА) [4, с. 36].

Свидетельство об окончании Казанского православного духовного училища давало право на поступление в среднее профессиональное религиозное учебное заведение – местную духовную семинарию. Оба эти заведения подчинялись КДА, которая являлась высшей ступенью профессионального православного духовного образования. В КДА кафедра та-

[1] Перевод наш. – *И. З.*

тарского языка и татарский класс были открыты в 1845 г. В 1846–1848 гг. преподаватель мусульманской каллиграфии восточного разряда Казанского университета Мухаммадгали Махмудов по совместительству вел в КДА уроки татарского языка, а в 1849–1859 гг. татарский язык в качестве практиканта преподавал Биктимир Янбулатович Юсупов [5, с. 74].

В 1854 г. при КДА было учреждено миссионерское противомусульманское отделение, преподавателями которого были назначены Н.И. Ильминский, Г.С. Саблуков (с 1856 г.) и практикант Ямбулатов[2] [6, с. 146].

С 1 марта 1855 г. Каюм Насыри в возрасте 30 лет начал вести занятия в Казанском православном духовном училище [7, с. 43], сменив Хайруллу Айбетова.

29 сентября 1855 г. правление КДС ходатайствовало перед администрацией КДА об открытии трех классов для практических занятий по татарскому языку. Учитель татарского языка из духовной семинарии Г.С. Саблуков рекомендовал руководству перевести К. Насыри из духовного училища в КДС. Его фамилия значится в именных списках преподавателей семинарии начиная с сентября 1855 г. [8, с. 218–220].

Учебная работа отнимала у Каюма значительное время. В духовном училище изучению татарского языка отводилось по два урока в неделю в среднем и высшем отделениях, в КДС учебная нагрузка составляла в младшем отделении – 3, в среднем – 5, в старшем – 4 часа в неделю [9, с. 75].

Новая профессия повлияла прежде всего на место проживания Каюма. Он стал жителем русской части Казани. Квартиры большинства преподавателей КДС располагались в так называемом учительском корпусе [7, с. 45]. В комнату, расположенную в мансарде (чердаке) учебного заведения, К. Насыри заселился, когда стал штатным преподавателем КДС. В служебном жилье преподавателя-практиканта протекала крыша.

В русской части города у Насыри-мусульманина возникла проблема с питанием. Беспокоясь за работающего с большой нагрузкой любимого сына, родители отправляли к Каюму из деревни мальчиков-слуг. В 1857 г. по этому поводу К. Насыри пишет, что только что научился жить без прислуги, а ему снова прислали из деревни мальчика, каждый месяц много времени уходит на обучение каждого нового слуги его должностным обязанностям [3, с. 56]. Очевидно, не знавшие русского языка мальчики, находясь в состоянии глубокого стресса в необычной инокультурной среде, сбегали в родную деревню при первой возможности, а заботливые родители присылали на замену другого.

Не позднее 1860 г. К. Насыри начал снимать частную квартиру. В своем письме родителям от 10 октября 1860 г. он сообщал, что по-прежнему проживает у Мухаммадшаха, что было для него накладно в материальном отношении, и жаловался на отсутствие мальчика-слуги, а также писал, что, если найдется слуга, он переедет на прежнюю квартиру, хотя условия проживания там оставляют желать лучшего (II, с. 542–543). Односельчане опасались отправлять своих сыновей в качестве прислуги в здание духовной семинарии, где находилась служебная квартира.

В начале 1862/1863 учебного года К. Насыри по-прежнему арендовал жилье у того же хозяина. И в письме родителям от 15 октября 1862 г. вновь сообщал, что в случае появления прислуги переедет в прежнее жилье (II, с. 546). Осенью 1864 г. он снова проживал в здании семинарии (I, с. 565, 567).

В плане сохранения конфессиональной идентичности К. Насыри в стенах КДС не испытывал какого-либо давления со стороны коллег и руководства учебного заведения, хотя

[2] Б.Я. Юсупов.

жизнь в инокультурной среде и специфическое общение, безусловно, первоначально создавали для преподавателя татарского языка определенный дискомфорт. Находясь в системе православного религиозного образования, К. Насыри сохранял целостность мусульманского религиозного уклада. Однако в условиях отсутствия традиционного конфессионального окружения происходило определенное «снижение его религиозного капитала» (по выражению Л. Яннакона) [10, с. 187].

Важно отметить, что в обществе, в котором доминируют средневековые нормы религиозности, одежда представителя конфессионального сообщества может быть принципиальным маркером приверженности личности традиционным ценностям. В период работы в КДС К. Насыри одевался на европейский манер (III, с. 493), в частности, первым из мусульман татарских слобод Казани надевал «русские брюки» (IV, с. 96).

Необходимость обязательного присутствия на уроках, согласно расписанию образовательного учреждения, могла стать причиной того, что К. Насыри совершал пятикратные намазы не в строго установленное время. Также полагаем, что привычка ученого совершать пятничный полуденный праздничный намаз в домашних условиях, а не в соборной мечети (что является обязательным для правоверного мусульманина) также сложилась в период работы в КДС. Это произошло, скорее всего, вследствие острой критики и неприятия единоверцами его работы в семинарии. Не вызывает сомнения и тот факт, что привычка к курению, которое у мусульман Казани считалось тогда недопустимым для правоверного, также возникла у него в стенах КДС. Перечисленные факты позволяют говорить об определенных изменениях в религиозном поведении К. Насыри.

Следует отметить, что братья К. Насыри, которые длительное время проживали в русской среде, были еще больше подвержены влиянию инокультурной среды. В частности, старший брат Габдельхай, содержавший в Москве мыловареную мануфактуру, и его младшие братья Габдельгани и Габдельвали употребляли спиртные напитки [3, с. 44–45].

Безусловно, К. Насыри не прерывал контактов с традиционной религиозной средой, прежде всего – по линии родственных отношений. Он регулярно переписывался с родными братьями и родителями, если сам часто не писал, то любящие родители активно слали письма. Нередко родители, братья и сестра присылали заказы на пошив национальной одежды, головных уборов и обуви. Переписка со старшим братом Габдельхаем носила не только личностный, по и производственный характер: по его поручению К. Насыри доставал и отправлял в Москву разные материалы, необходимые для организации производства и продажи продукции мыловарни. На этом поприще он активно контактировал с представителями деловых кругов Казани, в том числе с татарскими предпринимателями.

В Казани проживал младший брат отца К. Насыри – Мухаммадгалим, с 1829 г. занимавший должность муэдзина при Соборной базарной мечети (Ак мечеть). Когда Габденнасыр Хусаинов приезжал из родной деревни в Казань, он останавливался в доме Мухаммадгалима. Очевидно, Каюм приходил сюда в гости не только во время приезда отца в Казань.

Возвращаясь несколько раз в год в отчий дом, К. Насыри соблюдал все нормы благочестивого мусульманина, в том числе ходил в мечеть на пятничный полуденный намаз. Полагаем, что с момента назначения младшего брата Габделькави в 1864 г. имамом-хатибом при мечети родной деревни казанский гость вместе с муллой часто приходили в мечеть для совершения намаза.

Казенное жалованье К. Насыри в семинарии было небольшим. В одном из писем родителям 1857 г. он сообщал по этому поводу следующее: «Пишете: живи с запасом. Как жить

с запасом? Что остается, если разделить 500 руб. на 360 дней: нужно месяц жить без еды и питья или занимать деньги в долг? И то, и другое не в моих силах. Вы совсем неверно рассуждаете о наличии у меня каких-либо денежных сбережений»[3] [3, с. 47].

Старший брат Габдельхай был для Каюма самым близким человеком, с которым ученый делился своими планами. В 1859 г. К. Насыри приезжал к нему в Москву (V, с. 356–357). Когда по возвращении в Казань изготовители ювелирных украшений стали расспрашивать его о стоимости драгоценных камней, он, увидев в этом возможность легко заработать, тотчас написал Габдельхаю об своей идее продать с выгодой на казанском рынке драгоценные камни и спрашивал его мнения по поводу присылки 10 тыс. камней бирюзы (V, с. 359). Однако нам не известно, нашел ли Габдельхай средства для реализации плана младшего брата.

В своих письмах после 1860 г. К. Насыри сообщал о желании создать семейный очаг. В 1865 г. 40-летний Каюм женился на дочери казанского ямщика Мусагита – Зюхре, после чего вернулся в традиционную языковую среду. Семейное благополучие подарило К. Насыри душевное спокойствие, о котором он мечтал многие годы. Однако счастливая семейная жизнь молодоженов оборвалась через год – в 1866 г. его любимая супруга умерла сразу после родов. На обложке своего Корана, который он каждый день брал в руки, убитый горем вдовец записал основные даты своей семейной жизни: никах с Зюхрой состоялся во второй декаде июня 1865 г.; вошел в дом невесты в качестве жениха он 12 августа; у жены случился выкидыш 16 июля 1866 г., в субботу, во время икенде (аср) намаза; мертворожденного ребенка нарек Габдельхаем и похоронил в тот же день; супруга умерла в воскресенье вечером, во время захода солнца; была похоронена в понедельник [3, с. 47–48].

К. Насыри всей душой стремился к семейному благополучию и комфорту. Только таким образом можно объяснить его переезд в дом тестя Мусагита, с которым у него сложились самые близкие родственные отношения, а неожиданная трагическая смерть Зюхры их еще более сблизила. По предварительной договоренности младшая дочь хозяина дома после достижения ею совершеннолетия должна была выйти замуж за Каюма. В качестве домашнего учителя К. Насыри с большим старанием и надеждами на семейную жизнь в течение нескольких лет преподавал свояченице разные науки: географию, математику и историю, и она, будучи прилежной ученицей, проявляла старание и заинтересованность в учебе, однако, достигнув 16-летнего возраста, не захотела выйти замуж за мужчину, который был в два с лишним раза старше. К. Насыри пришлось переехать из дома тестя. Свояченица, отвергнувшая предложение Каюма Насыри создать семью, вышла замуж за молодого человека. Этот поступок свояченицы лишил К. Насыри веры в женский пол [3, с. 48, 61]. После этого он больше не женился, проведя остаток жизни вдовцом[4].

В период работы в КДС узкий мусульманский круг общения К. Насыри состоял из небольшой группы лиц, вовлеченных в русскую культуру. Из числа представителей татарской интеллигенции, с которыми он поддерживал дружеские и деловые отношения, следует назвать прежде всего каллиграфа Мухаммадгали Махмудова (1824–1891), который в

[3] Перевод наш. – *И. З.*

[4] Мы солидарны с Г. Рахимом, который считает недостоверным утверждение Насреддина Худжаши, общавшегося с К. Насыри примерно за год до его кончины, когда просветитель уже сильно болел и порой временами терял память: на его вопрос: «Почему не женились, чтобы было кому ухаживать за вами в старости?» – К. Насыри якобы отвечал, что женился дважды. Первый раз – в молодости, однако с первой женой не возникло любовного чувства, поэтому развелись по ее просьбе. Со второй супругой было полное взаимопонимание, однако общение с ней стало отрицательно сказываться на написании трудов. На этот раз развелся сам с тем, чтобы не пострадали изыскания и труды [3, с. 48].

1850–1868 гг. работал учителем татарского языка Первой гимназии. В 60-е годы XIX в., когда Казанский университет открыл свои аудитории для вольнослушателей, Мухаммадгали Махмудов и Каюм Насыри стали посещать лекции, что сыграло огромную роль в углублении знаний последнего по гуманитарным наукам и в его просветительских проектах [11, с. 86]. Близкой к К. Насыри личностью также представляется искусный литограф Мухаммадвали Яхин, с которым они в 1862 г. совместно подали прошение об издании еженедельной газеты на татарском языке под названием «Таң йолдызы» («Утренняя звезда») [12]. К кругу общения ученого правомерно причислить и некоторых татарских купцов, с которыми К. Насыри общался в рамках выполнения производственных поручений старшего брата Габдельхая.

Общение с представителями русской интеллигенции и самообразование оказали большое влияние на становление К. Насыри как исследователя, популяризатора научных знаний и высокообразованного человека. В архиве просветителя среди документов, имеющих отношение к периоду его работы в КДС, отложилась написанная им собственноручно записка, свидетельствующая о его разносторонней образованности. К. Насыри пишет, что подготовлен и может сдать экзамены по следующим предметам: 1) русскому языку, 2) русской грамматике, 3) математике, 4) географии России и 5) русской истории, а также по арабскому, персидскому, турецкому, джагатайскому и татарскому языкам (VI, с. 1).

Ю.Ю. Синелина выделяет следующие циклы секуляризации в истории России: первый цикл – процесс секуляризации в дворянстве и части интеллигенции, второй – в средних слоях общества (разночинцы), третий – в среде рабочих и крестьян. Согласно ее концепции, разночинский период начался в 60-х годах XIX в. и продолжался до 1917 г. [13, с. 63; 14, с. 176]. Следовательно, педагогическая деятельность К. Насыри пришлась главным образом на разночинский период секуляризации России.

Обучение в российских вузах и гимназиях основывалось на традициях и достижениях светского европейского образования с исключением из них момента, связанного с вероисповедованием; учебный процесс осуществлялся по переводным или адаптированным учебным пособиям и учебникам. В высшей школе влияние православной религии было минимальным, а преподавание основ православия в гимназиях являлось во многом формальным. В рассматриваемый период в мировоззренческом плане гимназии и университеты являли собой фактически секулярную систему образования. Важно также отметить, что православная церковь была удалена от системы образования дворянства и крайне слабо влияла на его воспитание [15, с. 33–34].

Сотрудники Казанского университета, с которыми в соответствии со своими профессиональными интересами К. Насыри приходилось обращаться, являлись выпускниками вышеупомянутых гимназий и университетов. Таким образом, наряду с преподавателями светских дисциплин татарский ученый стал одним из представителей светской секуляризованной интеллектуальной прослойки российского общества.

Еще одной важной частью микросекулярного общества, в котором оказался К. Насыри в стенах КДС, были преподаватели православного учебного заведения, которые спокойно относились к исполнению преподавателем татарского языка своих религиозных обязанностей. Необходимо отметить, что тогда в миссионерских кругах Казани считалось, что светские науки и ислам не совместимы, поэтому распространение среди мусульман светских знаний воспринималось как ослабление ислама. Поэтому никто не препятствовал увлечению Каюма Насыри научными изысканиями [3, с. 64–65].

В начальный период работы К. Насыри в КДС его напарником в преподавании татарского языка был Н.И. Ильминский, организатор противомусульманского отделения КДА, однако в 1858/1859 учебном году из-за разногласий с ректором Казанской духовной академии он вынужден был уехать в Оренбург.

В архиве сохранилось письмо К. Насыри, написанное Н.И. Ильминскому в марте 1859 г., в котором татарский ученый сообщает о подготовленной им книге «Мәҗмәгыль әхвал» («Сборник сведений») (опубликована в 1895 г.) и словаре татарского языка, предназначенном для учащихся, и передает слова приветствия его супруге Екатерине Степановне [16, с. 127]. Значит, в тот период К. Насыри очень близко общался с Н.И. Ильминским, его приглашали в дом видного тюрколога.

В становлении К. Насыри как исследователя важную роль сыграл и преподаватель-востоковед, автор историко-археологического исследования по истории Золотой Орды Г.С. Саблуков (1804–1880). Его уход из семинарии в 1858/1859 учебном году К. Насыри переживал весьма болезненно; узнав о том, что Г.С. Саблуков уходит из КДС, татарский коллега пришел к нему домой, чтобы поддержать его в трудную минуту.

Теперь, после ухода из семинарии Н.И. Ильминского и Г.С. Саблукова, а из КДА – учителя татарского языка Биктимера Юсупова, К. Насыри считал, что остался в КДС практически один [16, с. 127]. Очевидно, эти трое составляли в 1855–1857 гг. ближайший круг его общения.

В своем вышеупомянутом письме старшему брату Габдельхаю от 23 апреля 1858 г. К. Насыри писал: «…в семинарии живу уже два года, там тоже одинок. Что же поделаешь. Не знаю я: куда ни пойди, везде мир тесен» (I, с. 557). Очевидно, адаптация к новым условиям жизни и работы у К. Насыри проходила негладко.

После Н.И. Ильминского татарский язык в паре с К. Насыри преподавал Яков Иванович Фортунатов, выпускник КДА. С ним К. Насыри также поддерживал дружеские и деловые отношения. В архиве К. Насыри сохранилась его записка с приглашением коллеги на чаепитие [16, с. 127]. В 60-е годы XIX в. они оба разрабатывали русско-татарские словари, что также свидетельствует о близости их научных интересов. Словарь Я.И. Фортунатова в связи с кончиной автора в 1870 г. остался в рукописи, а К. Насыри издал свой труд в 1878 г. [9, с. 94].

После возвращения Н.И. Ильминского в Казань в 1862 г., когда ученый-миссионер начал составлять учебно-методические пособия и учреждать миссионерские начальные школы для крещеных татар с целью предотвращения их перехода в ислам, отношение К. Насыри к бывшему напарнику по обучению татарскому языку претерпело существенные изменения.

В 1867 г. К. Насыри подготовил второе, дополненное, издание книги «Буш вакытларда укырга сүзләр. Берничә төрле нәрсәләр хакында. Бу дөньяларда ни-нәрсәләр бар, ни эшләр бар – белемгә мәел ителүчеләрне белешләндерер өчен» («Слова для чтения в свободное время. О некоторых различных вещах. Что есть в этом мире и какие дела происходят в этом мире – для ознакомления тех, кто стремится к знаниям»)[5], 44 страницы в ней занимал татарско-русский словарь, на остальных четырех десятках страниц были размещены научно-популярные сведения по анатомии человека, минералогии, другим естественным наукам и назидательные хикаяты-рассказы – тексты для чтения на уроках грамматики. Как оказалось, инициатором данного издания был Н.И. Ильминский, который, однако, не

[5] В объявлении о продаже этой книги издание именовалось «Сборник статей о приметах видимой природы» (VII, с. 1).

стал напрямую обращаться к К. Насыри и действовал через его коллегу и своего бывшего ученика Я.И. Фортунатова. Ученый-миссионер попросил Я.И. Фортунатова уговорить преподавателя-практиканта подготовить новый, расширенный вариант книги со словарем. Я.И. Фортунатов сумел убедить К. Насыри в необходимости второго издания (VII, с. 2), которое должно было способствовать более качественной подготовке будущих священников, призванных заниматься пастырским ремеслом в зонах контактов с «инородцами». В этот период письменных свидетельств общения татарского ученого с Н.И. Ильминским не выявлено.

К. Насыри также знал о событиях, связанных с посещением 1 октября 1866 г. исправляющим должность казанского губернатора вице-губернатором Е.А. Розовым и Н.И. Ильминским в сопровождении военного отряда, полиции и представителей православной церкви д. Малые Ширданы и соседних населенных пунктов, в которых проживали локальные группы крещеных татар, подавшие прошение на имя императора о разрешении перейти в ислам. Прибывшие увещевали их вернуться в лоно православной церкви, однако эти старания не возымели ожидаемого результата (VIII, с. 294). Власти поступали с активистами и руководителями движения «отпадения в мусульманство» как «с отступниками от веры и ослушниками правительства», производя аресты [17, с. 75, 77].

На почве научных и методических изысканий у К. Насыри наладились взаимопонимание и диалог с русской научной интеллигенцией Казани, в среде которой выделяется колоритная фигура востоковеда И. Готвальда (1813–1897). К моменту трудоустройства К. Насыри в КДС восточный разряд Казанского университета «переехал» в Санкт-Петербургский университет, в котором был организован восточный факультет. Из прежнего состава ориенталистов в Казани остался лишь иранист И. Готвальд, который работал научным библиотекарем университета (IX, с. 95–98).

Все подопечные К. Насыри, которых он обучал в стенах КДС, и студенты КДА, которые приходили к нему на консультации или брали индивидуальные уроки, являлись сыновьями городского и сельского православного духовенства. В таких семьях чтили религиозные традиции, и сыновей готовили к духовной карьере и пастырской службе. Однако по новому Уставу духовных учебных заведений 1867 г. в семинариях перестал соблюдаться принцип сословности при получении профессионального религиозного образования и коренным образом поменялась система обучения. Теперь в духовные семинарии поступали молодые люди и после окончания светских учебных заведений, и после домашнего обучения. Более того, первые четыре класса за исключением нескольких религиозных предметов являлись светскими [7, с. 48–49].

Некоторые из подопечных К. Насыри продолжали обучение в КДА. Среди его воспитанников, сделавших успешную чиновничью карьеру, следует отметить Василия Владимировича Катаринского (1846–1902), который как знающий татарский язык был по рекомендации Н.И. Ильминского определен в 1875 г. инспектором «инородческих» – татарских, башкирских и казахских – школ вновь учрежденного Оренбургского учебного округа и занимал эту должность до 1902 г. (X, с. 372).

В.В. Катаринский опубликовал на русском языке «Букварь для киргиз», «Первоначальный учебник русского языка для киргиз» (1894), с многочисленными дополнениями «Материалов к изучению киргизского языка» Н.И. Ильминского издал «Грамматику киргизского языка» (1897), которая получила высокую оценку тюрколога П.М. Мелиоранского [18, с. 217]. Он также составил «Материалы по этнографии киргиз» (1899), перевел на казахский язык

религиозные книги «Изге Иосиф» и «Изге гайыб» и предложил их в качестве учебников для казахско-русских училищ (XI, с.186–187).

Инспектор мусульманских школ В.В. Катаринский также являлся составителем изданного без авторства «Букваря для башкир» (1892), в котором был предложен алфавит из 39 букв на основе кириллицы; «Краткого русско-башкирского словаря» (1893), разделенного на 43 тематических раздела и содержащего 2 тыс. слов; «Башкирско-русского словаря» (1899), включающего более 2600 статей (X, с. 372).

Один из лучших учеников КДС по языкознанию П.П. Масловский изучал татарский язык у К. Насыри в духовном училище, затем, с 1860 г., – в КДС. Помимо уроков он часто беседовал с преподавателем, а также помог К. Насыри «обработать в педагогических целях» собранные им памятники народного творчества [9, с. 76] и, видимо, осуществлял литературное редактирование его научной статьи «Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся мимо влияния на жизнь их суннитского магометанства».

Среди студентов КДА, которых консультировал К. Насыри, значится будущий крупный чиновник Туркестана, ориенталист, этнограф и миссионер Н.П. Остроумов (1846–1930), который, вспоминая годы учебы в КДА в 1866–1870 гг., писал: «На 4-й год, по указанию Е.А. Малова, я занимался изготовлением диссертации на степень и по требованию темы должен был переводить мусульманскую книгу Рабгузи “Рассказы о пророках”. Это занятие поддерживало во мне усердие к арабскому языку. Книгу с помощью К. Насырова я осилил и в языке книжно-татарском весьма преуспел» [19, с. 32].

Будучи преподавателем духовной семинарии, К. Насыри писал в одном из писем своим родителям следующее: «Очень скучно, не знаю, как прожить жизнь. Хочется, чтобы жизнь поскорее закончилась. Другой человек, возможно, совершил бы что-либо. Слава богу, я, как брат пророка Аюпа, смиренный. Хотелось также быть братом пророка Нуха и братом пророка Сулеймана. Если не быть братом этих трех личностей, нельзя жить в этой жизни» [3, с. 60–61]. Трудно сказать, какие конкретные черты характера упомянутых пророков, жизнь которых была полна испытаний, имел в виду К. Насыри. Например, пророк Аюп получил известность благодаря безграничной стойкости и терпению. Пророк Сулейман известен тем, что знал много языков, понимал язык животных и птиц – жил в гармонии с природой. Пророк Нух перенес много издевательств со стороны неверных, однако неустанно продолжал проповедовать и выполнять возложенную Всевышним миссию, спас человечество от всемирного потопа, благодаря чему на Земле начался новый этап жизни: он служил высшим целям бытия.

Таким образом, в микросекулярном обществе, представленном русской интеллигенцией, преподавателями КДС и интегрированной в русскую культуру татарами-интеллектуалами, К. Насыри в какой-то момент оказался в одиночестве, несмотря на педагогическую загруженность и напряженную методическую и исследовательскую работу.

Заключение. Резюмируя, отметим, что микросекулярное общество, в котором жил Каюм Насыри в 1855–1870 гг., с одной стороны, ограничивало его контакты с традиционным мусульманским сообществом и «укрывало» от внешнего мира его религиозные практики и повседневную жизнь, с другой – создавало благодатную почву для формирования нового круга общения и интересов. В результате благодаря самоотверженной научно-педагогической работе и товарищеской помощи представителей русской и татарской интеллигенции в стенах КДС К. Насыри состоялся как ученый-языковед, этнограф и исследователь-методист.

Активно изучая научную литературу, знакомясь с периодической печатью и общаясь с преподавателями-тюркологами и востоковедами Казани, К. Насыри стал одним из пред-

ставителей образованной разночинной интеллигенции, занимавшейся научной и преподавательской деятельностью. Установленные в годы преподавания контакты с научной интеллигенцией Казани К. Насыри впоследствии развивал и наполнял новым содержанием в рамках своей исследовательской и просветительской деятельности. Кроме того, усвоение классно-урочной системы, основательное изучение методик преподавания, применявшихся в европейской образовательной системе и отечественных учебных заведениях, сыграли важную роль в его дальнейшей научно-методической работе.

Именно в этом миркосекулярном обществе у ученого сформировались контуры его просветительской программы, наглядным проявлением которой явилось поданное в 1862 г. совместно с хозяином литографии М. Яхиным ходатайство об издании первой среди тюркских народов России газеты «Таң йолдызы» («Утренняя звезда») на родном языке. В последующие годы идея просветительства была реализована в ежегодных календарях, которые с 1870 г. издавались благодаря огромному трудолюбию, энциклопедическим знаниям и идейности К. Насыри, поставившего перед собой цель донести до единоверцев полезную в повседневной жизни и быту информацию.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

I – Абыйсы Габделхәйгә язган хатлар // Каюм Насыйри: әдәби-тарихи һәм документаль-биографик җыентык / Төз. Р.Ф. Исламов. Казан: Җыен, 2017. Б. 555–574.

II – Әти-әнисенә язган хатлар // Каюм Насыйри: әдәби-тарихи һәм документаль-биографик җыентык / Төз. Р.Ф. Исламов. Казан: Җыен, 2017. Б. 540–554.

III –*әл-Кәчимири Габдулла бине Таҗетдин.* Габделкаюм ән-Насыйри // Каюм Насыйри: әдәби-тарихи һәм документаль-биографик җыентык / Төз. Р.Ф. Исламов. Казан: Җыен, 2017. Б. 493–496.

IV – *Насыйри К.* Татар этнографиясе материаллары // Каюм Насыри. Сайланма әсәрләр: 2 т. Казан Татарстан кит. нәшр., 1974. Т. 1. Б. 90–115.

V – Каюм Насыйри язган хатлар // Насыйри К. Сайланма әсәрләр: 4 т. / Төзүче, гарәп графикасыннан аерым текстларны гамәлдәге язуга күчерүче һәм кереш мәкалә авторы Х. Мәхмүтов. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. Т. 3. Б. 350–369.

VI – Центр письменного наследия ИЯЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 46: Разрозненные листы черновых записей К. Насыри. Рукописи на татарском и русском языках. 64 л.

VII – Центр письменного наследия ИЯЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 15: Объявления, написанные К. Насыри о продаже собственных изданий. Рукописный текст на татарском и русском языках. 2 л.

VIII – Представление исправляющего должность казанского губернатора вице-губернатора Е.А. Розова от 5 дек. 1866 г. за № 5505 // Ильминский Н.И. Казанская крещено-татарская школа. Материалы для истории христианского просвещения крещеных татар. Казань: Типогр. В.М. Ключникова, 1887. С. 291–312.

IX – *Ермолаева Г.* Готвальд Иосиф Федорович // Научная библиотека Казанского университета в лицах: в 2 ч. / Сост. В.И. Шишкин, Ж.В. Щелыванова. Казань: Казан. ун-т, 2011. Ч. 1. Сотрудники библиотеки, 1806–2007 гг. С. 95–98.

X – *Латыпова Р.М.* Катаринский Василий Владимирович // Башкирская энциклопедия: в 7 т. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2007. Т. 3. З–К. С. 372.

XI – Катаринский Василий Владимирович // Казакстан: национальная энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. Б. Аяган. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2005. Т. 3. К–М. С. 186–187.

Литература

1. *Гайнетдин М.* Каюм Насыйри: шәхес һәм иҗат // Насыйри Каюм. Сайланма әсәрләр: 4 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. Т. 1. Б. 3–9.
2. *Хайрутдинов А.Г.* Мифтах аль-Кур'ан: первый в мусульманском мире конкарданс Корана // Ислам в современном мире. 2016. Том 12. № 1. С.57–76.
3. *Рәхим Г.* Каюм Насыйриның тәрҗемәи хәле // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия / Редкол.: И.Г. Гомәров (проект җит. һәм җавап. мөх.), З.З. Рәмиев, А.М. Ахунов; төзүчеләр: Л.Ш. Гарипова, Г.М. Ханнанова. Казан: ТӘһСИ, 2020. Б . 42–81.
4. *Хабибуллина Д.А.* Деятельность Каюма Насыри в православных религиозных учебных заведениях // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2023. № 1. С. 34–43.
5. *Ханбиков Я.И.* Русские педагоги Татарии и их роль в развитии просвещения и педагогической мысли татарского народа (из истории русско-татарских педагогических связей). Казань, 1968. 136 с.
6. *Салахов М.М.* Востоковедение в Казанской духовной академии во второй половине XIX – начале XX века. Миссионерский аспект // Minbar. Islamic Studies. 2009. Т. 2, № 2. С. 144–155. https://doi.org/10.31162/2618-9569-2009-2-2-144-156.
7. *Липаков Е.В.* Казанская духовная семинария: историч. очерк. Казань: Центр инновац. технол., 2007. 131 с.
8. *Хасаншина Л.Ж.* «Желая открыть торговлю книгами» (документы о Каюме Насыри в фондах НА РТ) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2010. № 3/4. С. 217–221.
9. *Харлампович К.В.* П.П. Масловский и его переписка с Н.И. Ильминским (материалы для истории рус. миссии) // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии. Т. XXIII. Вып. 2. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1907. С. 67–109.
10. *Опалев С.А.* Критика теории секуляризма в теории рационализма // Религиоведческие исследования. 2010. № 3/4. С. 170–189.
11. *Рәхим Г.* Насыйриның тәрҗемәи хәленә гыйлавә // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия / Редкол.: И.Г. Гомәров (проект җит. һәм җавап. мөх.), З.З. Рәмиев, А.М. Ахунов; төзүчеләр: Л.Ш. Гарипова, Г.М. Ханнанова. Казан: ТӘһСИ, 2020. Б. 81–88.
12. *Каримуллин А.Г.* Издательская деятельность Каюма Насыри и проект газеты «Таң йолдызы» // Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыйри / Отв. ред. Я.Г. Абдуллин. Казань: ИЯЛИ, 1976. С. 175–183.
13. *Синелина Ю.Ю.* Церковь и интеллигенция. Мифы и реальность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 4 (110). С. 61–70.
14. *Синелина Ю.Ю.* О характере процесса секуляризации в России // Вопр. философии. 2002. № 12. С. 220–227.
15. *Синелина Ю.Ю.* О циклах изменения религиозности образованной части российского общества (начало XVIII в. – 1917 г.) // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 88–96.
16. *Гали М.* Каюм Насыйриның кулъязма мирасы // Каюм Насыйри. 1825–1945. Тууына 120 ел тулуга багышланган гыйльми сессия материалары / Җаваплы редактор Ш.А. Рамазанов. Казан: Татгосиздат, 1948. Б. 119–130.
17. *Загидуллин И.К.* К вопросу отпадения крещеных татар Казанской губернии в мусульманство 1866 года // Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода / Отв. ред. С.Х. Алишев. Казань: ИЯЛИ, 1990. С. 66–78.
18. *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л.: Наука, 1972. 272 с
19. *Шарафутдинов З.Т., Ханбиков Я.И.* История педагогики Татарстана. Казань: КГПУ, 1998. 307 с.

References

1. Gajnetdin M. Kayum Nasyri: Personality and work. In: *Kayum Nasyri. Selected Works.* Vol. 1. Kazan, Tatar. Kit. Neshr., 2003, pp. 3–9. (In Tatar)
2. Khairutdinov A.G. Miftah al-Qur'an: The first Quran concordance in the Muslim world. *Islam v Sovremennom Mire*, 2016, vol. 12, no. 1, pp. 57–76. (In Russian)
3. Rekhim G. Biography of Kayum Nasyri. In: Garipova L.Sh., Khannanova G.M. *Spiritual Heritage: Searches and Discoveries*. Gumerov I.G., Remiev Z.Z., Akhunov A.M. (Eds.) Kazan, TehSI, 2020, pp. 42–81. (In Tatar)
4. Khabibullina D.A. Kayum Nasyri's activities in Orthodox religious educational institutions. *Gasyrlar Avazy – Ekho Vekov*, 2023, no. 1, pp. 34–43. (In Russian)
5. Khanbikov Ya.I. *Russkie pedagogi Tatarii i ikh rol' v razvitii prosveshcheniya i pedagogicheskoi mysli tatarskogo naroda (iz istorii russko-tatarskikh pedagogicheskih svyazei)* [Russian Teachers in Tataria and Their Role in the Education and Pedagogical Thought Development of the Tatar People (From the History of Russian–Tatar Pedagogical Relations)]. Kazan, 1968. 136 p. (In Russian)
6. Salakhov M.M. Oriental studies at the Kazan Theological Academy from the second half of the 19th to early 20th Century. Missionary aspect. *Minbar. Islamic Studies*, 2009, vol. 2, no. 2, pp. 144–156. https://doi.org/10.31162/2618-9569-2009-2-2-144-156. (In Russian)
7. Lipakov E.V. *Kazanskaya dukhovnaya seminariya: istorich. ocherk* [Kazan Theological Seminary: A Historical Overview]. Kazan, Tsentr Innovatsionnykh Tekhnol., 2007. 131 p. (In Russian)
8. Khasanshina L.Zh. "Wishing to start a book trade" (documents about Kayum Nasyri from the collections of the National Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan). *Gasyrlar Avazy – Ekho Vekov*, 2010, no. 3/4, pp. 217–221. (In Russian)
9. Kharlampovich K.V. P.P. Maslovsky and his correspondence with N.I. Ilminsky (materials for the history of Russia's mission). In: *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii* [Proceedings of the Society of Archaeology, History, and Ethnography]. Kazan, Tipo-Lit. Imp. Univ., 1907, vol. XXIII, no. 2, pp. 67–109. (In Russian)
10. Opalev S.A. Criticism of the theory of secularism in the theory of rationalism. *Religiovedcheskie Issledovaniya*, 2010, no. 3/4, pp. 170–189. (In Russian)
11. Rekhim G. Supplement to the biography of Kayum Nasyri. In: Garipova L.Sh., Khannanova G.M. *Spiritual Heritage: Searches and Discoveries*. Gumerov I.G., Remiev Z.Z., Akhunov A.M. (Eds.). Kazan, TehSI, 2020, pp. 81–88. (In Tatar)
12. Karimullin A.G. Kayum Nasyri's work as a publisher and the project of the newspaper "Tan Yoldyzy". In: Abdullin Ya.G. (Ed.) *Vydayushchiisya prosvetitel'-demokrat Kayum Nasyiri* [Kayum Nasyri as an Outstanding Enlightener and Democrat]. Kazan, IYaLI, 1976, pp. 175–183. (In Russian)
13. Sinelina Yu.Yu. The church and the intelligentsia. Myths and reality. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny*, 2012, no. 4 (110), pp. 61–70. (In Russian)
14. Sinelina Yu.Yu. On the nature of secularization process in Russia. *Voprosy Filosofii*, 2002, no. 12, pp. 220–227. (In Russian)
15. Sinelina Yu.Yu. On the cycles of transformations in religiosity among the Russian educated elite (from the early 18th century to 1917). *Sociologicheskie Issledovaniya*, 2003, no. 10, pp. 88–96. (In Russian)
16. Gali M. Kayum Nasyri's manuscript heritage. In: *Kayum Nasyri, 1825–1945. Proc. Sci. Sess. Dedicated to the 120th Anniversary of His Birth*. Ramazanov Sh.A. (Ed.). Kazan, Tatgosizdat, 1948, pp. 119–130. (In Tatar)
17. Zagidullin I.K. On the apostasy of the baptized Tatars in the Kazan Governorate to Islam in 1866. In: Alishev S.Kh. (Ed.) *Natsional'nyi vopros v Tatarii dooktyabr'skogo perioda* [The National Question in Tataria before the October Revolution]. Kazan, IYaLI, 1990, pp. 66–78. (In Russian)

18. Kononov A.N. *Istoriya izucheniya tyurkskikh yazykov v Rossii. Dooktyabr'skii period* [The History of Turkic Language Studies in Russia. Before the October Revolution]. Leningrad, Nauka, 1972. 272 p. (In Russian)
19. Sharafutdinov Z.T., Khanbikov Ya.I. *Istoriya pedagogiki Tatarstana* [A History of Pedagogy in Tatarstan]. Kazan, KGPU, 1998. 307 p. (In Russian)

Информация об авторе

Загидуллин Ильдус Котдусович, доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра исламоведческих исследований, Академия наук Республики Татарстан
E-mail: *zagik63@mail.ru*
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0501-2177

Author Information

Il'dus K. Zagidullin, Dr. Sci. (History), Associate Professor, Senior Researcher, Center for Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences
E-mail: *zagik63@mail.ru*
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0501-2177

Поступила в редакцию 20.09.2024 Received September 20, 2024
Принята к публикации 19.12.2024 Accepted December 19, 2024

Оригинальная статья

УДК 94(574.1)
https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.67-77

Историко-культурное наследие Каюма Насыри: вопросы хронологии и формирование юбилейной практики

Д.А. Хабибуллина

Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

dinakhabib@yandex.ru

Аннотация

В настоящей статье исследовано историко-культурное наследие татарского ученого и просветителя второй половины XIX в. Каюма Насыри (1825–1902) в преддверии 200-летия со дня его рождения. Раскрывается роль письменных источников как основного объекта наследия, через который сохраняется память о просветителе. Особое внимание уделено вопросу формирования традиции памятования Каюма Насыри начиная с 20-х годов XX в. Изучена проблема установления точной даты рождения Каюма Насыри. Хотя в юбилейной практике за основу был принят 1825 г., анализ архивных источников, таких как паспорт ученого (1898 г.) и ревизские сказки (1858 г.), позволяет предположить, что реальная дата рождения может быть ближе к 1828–1829 гг. Подобные расхождения подчеркивают необходимость дальнейшего изучения биографии ученого. Юбилейная практика, связанная с фигурой К. Насыри, становится важным инструментом сохранения его наследия, способствуя популяризации его вклада в науку и образование. Сделан вывод о том, что, несмотря на разночтения в документах, коммеморации, связанные с 1825 г., сформировали устойчивую традицию, благодаря которой фигура Каюма Насыри закрепилась как символ татарской культуры и истории.

Ключевые слова: Каюм Насыри, просветитель, татарский деятель, культура татар, паспортная система, коммеморация, практика юбилея, смерть, рождение

Для цитирования: *Хабибуллина Д.А.* Историко-культурное наследие Каюма Насыри: вопросы хронологии и формирование юбилейной практики // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 2. С. 67–77. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.67-77.

Original article

https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.67-77

Kayum Nasyri's historical and cultural heritage: Chronological problems and the evolution of anniversary commemorations

D.A. Khabibullina

Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

dinakhabib@yandex.ru

Abstract

The historical and cultural heritage of Kayum Nasyri (1825–1902), a Tatar scholar and enlightener of the second half of the 19th century, is analyzed in anticipation of the 200th anniversary of his birth. The role of written texts as vessels of memory, both about him and his work, is demonstrated. The evolution of commemorative events that have been held from the 1920s up to now in order to honor K. Nasyri is described. The problem regarding his exact birth date is addressed. For commemorative purposes, it has been accepted that the scholar was born in 1825. However, a detailed analysis of archival sources, including his passport (1898) and the census records (1858), reveals a different possible birth year, from 1828 to 1829. Thus, further studies on K. Nasyri's biography are needed. The anniversary commemorations dedicated to him help preserve his heritage and spread awareness of his contribution to science and education. Despite the exposed contradictions with the archival sources, the tradition of commemorations tied to 1825 has solidified K. Nasyri as a symbol of Tatar culture and history.

Keywords: Kayum Nasyri, enlightener, Tatar public figure, Tatar culture, passport system, commemoration, anniversary celebration, death, birth

For citation: Khabibullina D.A. Kayum Nasyri's historical and cultural heritage: Chronological problems and the evolution of anniversary commemorations. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. 2025, vol. 167, no. 2, pp. 67–77. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.67-77. (In Russian)

Введение. Письменные источники, отражающие конкретную деятельность персоналий и являющиеся памятниками истории, можно считать основными объектами историко-культурного наследия. В упомянутом контексте изучение наследия татарского ученого и просветителя второй половины XIX в. Каюма Насыри (1825–1902) в преддверии 200-летия со дня рождения является особенно актуальным. Традиция памятования ученого начала складываться с 20-х годов XX в. Мероприятия, приуроченные к 100-летию (1925), 120-летию (1945), 150-летию (1975) и т. д. со дня рождения Каюма Насыри, проводились в форме больших конференций в среде научного сообщества, выпуска книг, издания рукописей и пр., что позволяло воссоздать определенный образ просветителя [1, с. 3].

Результаты и обсуждение. Если рассматривать историю самой традиции коммеморации, то нужно отметить, что юбилейная практика начала складываться еще в Древнем Риме,

когда римские императоры отмечали круглые даты с начала своего правления. Эта традиция актуализируется европейскими монархами в Новое время в период формирования наций. Практика юбилеев призвана объединять социум. Памятные даты специально выбирались, актуализировались для формирования пантеона героев европейских наций [2, с. 156].

В России практика юбилеев была введена Петром I, однако празднование круглых дат началось только в XIX в. Программа памятования крупных дат в XIX столетии была насыщенной: празднование юбилеев городов (Санкт-Петербурга (1703), Москвы (1847)), военных событий (Полтавская битва (1809), Бородинское сражение (1830)), дат со дня открытия учебных заведений (Московский университет (1855)), дней рождения А.С. Пушкина и Н.М. Карамзина.

В Российской империи в отличие от французской формулы единения нации «Свобода, равенство, братство» действовала иная – «Православие, самодержавие, народность», которой вторил сценарий торжеств. Он состоял из главных действ – церковной службы и военного парада, а основная роль отводилась императору [3, с. 82].

Несмотря на то, что год рождения Каюма Насыри достоверно неизвестен, точкой отсчета для всех вышеозначенных мероприятий является 1825 г. Возникает вопрос: кем и почему была выбрана именно эта дата? Юбилей – способ работы с памятью, он объединяет социум через общую историю и культурное наследие [4, с. 64]. В обозначенном контексте важно установить дату рождения ученого как точку отсчета в коммеморативной практике. И в этом смысле необходимо рассмотреть, как происходило «складывание памяти» о недавно ушедшем просветителе в дореволюционной или советской традиции памятования. Конкретная коммеморативная практика нашла отражение в татарской культурной среде, поскольку способствовала конструированию коллективной идентичности на новом этапе исторического развития [5, с. 83].

Каюм Насыри однозначно являлся одним из немногих в пантеоне дореволюционных исторических деятелей, о котором можно было говорить в советский период истории России: он никогда не служил в мечети, не имел никакой религиозной должности, преподавал крестьянским детям и т. д.

Умер Каюм Насыри осенью 1902 г. Согласно воспоминаниям, в последний путь его проводили несколько его учеников и племянник Мухаметбадиг Хусаинов, в доме которого он и скончался[1].

Большую часть жизни просветитель провел в Казани, но всегда сохранял тесную связь с родной деревней – Ширдан, расположенной в Свияжском уезде (сегодня Зеленодольский район Республики Татарстан) [6, с. 221]. Вместе со своими братьями он постигал там азы образования у своего отца Габденнасыра и деда Хусаина, которые являлись выпускниками лучших медресе Казанской губернии. В юношеском возрасте по стопам своего старшего брата Каюм был отправлен в Казань для поступления в медресе Сагитовых, где учился около 14 лет, до 1855 г.

Свою научную деятельность К. Насыри начинает как учитель татарского языка в Казанском духовном училище по рекомендации Г.С. Саблукова, известного в качестве автора одного из первых переводов Корана на русский язык. Через несколько лет его перевели в Казанскую духовную семинарию, где он был уже преподавателем практического курса та-

[1] Насыри Каюм // Tatarica. Татарская энциклопедия. URL: https://tatarica.org/ru/razdely/nauka/personalii/nasyri-kayum, свободный.

тарского языка [7, с. 49]. В этот период он пишет и издает свою первую книгу – «Краткая татарская грамматика, изложенная в примерах». Около 17 лет Каюм Насыри преподавал в духовных учебных заведениях Казани. За время работы он зарекомендовал себя не просто как педагог, но и как исследователь татарской культуры, приобрел значимые знакомства в среде русской интеллигенции, общался с такими известными деятелями казанского научного сообщества, как Н.И. Ильминский, Г.С. Саблуков, В.В. Радлов, А.Д. Троянский, Я.И. Фортунатов и др. [8, с. 85].

С конца 60-х годов XIX в. активизировалась работа Каюма Насыри с Императорским русским географическим обществом. В периодическом издании «Записки ИРГО» по отделению этнографии был опубликован труд ученого «Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся помимо влияния на жизнь их суннитского магометанства». Русская интеллигенция серьезно отнеслась к исследованию татарского ученого, так как им было важно узнать о жизни татар от самих татар [7, с. 53]. Данная работа была переиздана отдельной книгой в Санкт-Петербурге в 1880 г. Забегая вперед, хочется отметить сотрудничество К. Насыри с Обществом археологии истории и этнографии, которое случилось уже много позже. В 1896 г. в «Известиях общества археологии истории и этнографии» при Императорском Казанском университете вышло заметное исследование Каюма Насыри «Образцы народной литературы казанских татар», где были собраны татарские песни, загадки, пословицы и другие образцы татарского фольклора. В это время он тесно работал с известным тюркологом, секретарем, а позже председателем ОАЭИ Н.Ф. Катановым. В журнале «Деятель» при жизни Каюма Насыри в период с 1892 по 1901 г. было опубликовано 14 статей, посвященных книгам просветителя.

После прекращения работы противомагометанского отделения Казанской духовной семинарии К. Насыри совместно с В.В. Радловым предпринимает попытку открытия первой татарской школы, где преподавание велось на русском языке. Однако этот проект не состоялся в полном смысле. Каюм Насыри объяснял это тем, что был разочарован системой образования и педагогическими требованиями со стороны властей. Однако важно отметить, что позже благодаря учету предшествующего опыта была открыта Татарская учительская школа с полным педагогическим составом, отдельным зданием и детально проработанной методикой преподавания.

Исследователи биографии Каюма Насыри выделяют несколько периодов в его жизни. Последний и самый длительный принято связывать с его научной деятельностью, когда он всецело отдается написанию и изданию различных трудов [8, с. 93]. Каждый год начиная с 1871 г. и до самой смерти К. Насыри в свет выходило несколько его книг, реже одна. Важное место в издательской деятельности занимают календари ученого. Можно сказать, что работа над ними началась еще в 60-х годах XIX в., когда будущий просветитель преподавал в училище и семинарии при Казанской духовной академии. В это время он писал в Министерство внутренних дел прошения об издании периодической газеты «Таң йолдызы» («Утренняя звезда») (I, б. 419). Несмотря на отказ, Каюм Насыри не оставил своих намерений и с 1971 г. начал выпускать ежегодные календари. Эта работа была высоко оценена как среди русских ученых, так и в среде татарской общественности, что неоднократно подтверждалось в статьях и публикациях о Каюме Насыри. Его календари задолго до того, как подобные публикации стали действительно распространенным явлением, пользовались огромной популярностью. По насыщенности информацией и иллюстративности татарский календарь уступал разве что таким журналам, как «Нива» или “The Illustrated London News”.

Всего на протяжении жизни Каюма Насыри было издано разным тиражом около 40 книг. Среди них особое место занимают учебники: по арифметике – «Хисаплык» (1873, 1899); по геометрии – «Гыйлме һәндәсе» (1895); по географии – «Истыйлахате җәгърәфия» (1890), «Осуле җәгърәфия кәбир» (1894) (отдельные учебники по географии Африки (1898) и Аравии (1899)); по ботанике – «Гөлзар вә чәмәнзар» (1893); по языкознанию (арабский, татарский, русский языки) – «Кавагыйде кыйраәте рус мәҗмугасы» (1889), «Намүнә яки әнмүзәҗ» (1891), «Кавагыйде лисәне гарәб» (1896) (а также словари (1892, 1895)); по педагогике – «Әхлак рисаләсе» (1881, 1884, 1890, 1893, 1898, 1901) и «Тәрбия китабы» (1891, 1898), а кроме того – учебники по земледелию (1892), истории России (1890), карты и др. (I, б. 755).

Однако, несмотря на такое обилие учебной литературы, написанием и изданием которой К. Насыри занимался, исследователи особо выделяют его книгу «Фәвакиһелҗөләса фил әдәбият» (1884), называя ее новаторской и фундаментальной: в ней ученый писал об идейно-эстетических аспектах жизни [9, с. 337] и впервые рассуждал на такие темы, как человеческий разум, наука, этика, фольклор, литература, музыка и пр. [8, с. 88].

Каюм Насыри понимал, что татарскому обществу не хватает художественной литературы. Зная прекрасно персидский и арабский языки, он переводил иностранные произведения, обогатив при этом татарскую художественную литературу новыми книгами: «Кабуснамэ» (1882, 1898), «Кырык вәзир» (1875, 1891, 1900), произведениями для детей и подростков «Әбүгалисина кыйссасы» (1881, 1888, 1894, 1897, 1900) и др.

При этом Каюм Насыри предпринимал попытки открыть свой собственный книжный магазин, однако жандармерия не дала разрешения [6, с. 221], и просветителю иногда приходилось хранить книги, вышедшие из типографии, у себя дома. Шакирды приходили к нему домой, чтобы купить русско-татарский или татарско-русский словарь, учебники по русскому и татарскому языкам и др.

Трудно описать весь объем работы К. Насыри в области просвещения, ведь он очень многое не успел издать и труды остались в рукописном наследии, изданном его последователями, среди них – исторические и этнографические исследования о татарах, конкорданс Корана, воззвания и многое другое.

Деятельность ученого была востребованна и необходима в те времена, когда татарское образование и татарская общественность переживали новый расцвет. Можно сказать, что все представители передовой мысли татар начала XX в. выросли на книгах Каюма Насыри.

На протяжении всего XX в. К. Насыри оставался одним из самых изучаемых татарских деятелей: его труды переиздавались, публиковались неизданные рукописи, проводились круглые столы, ставились спектакли [10, с. 248]; был сохранен дом, где скончался просветитель; в фондах главного музея (ныне НМ РТ) формировали музейную коллекцию, что в последующем вылилось в отдельный музей [11, с. 73]. Однако в процессе сохранения культурного наследия могли быть допущены и некоторые неточности, например при определении даты рождения ученого.

Действительно ли Каюм Насыри родился в 1825 г.? В ходе изучения этого вопроса внимание было уделено архивным источникам, среди которых одними из ключевых являются паспорт просветителя, выданный в 1898 г., и ревизские сказки 1858 г. Другие источники являются лишь своеобразным дополнением. К ним относится рукопись «Зеркало жизни и поминание обыкновений. Биография Каюма Насырова», названная самим ученым автобиографией. В настоящей статье рассмотрены публикации и воспоминания о татарском

просветителе, изданные в период с 1902 по 1912 г., таких видных татарских деятелей, как Гаяз Исхаки, Ризаэтдин Фахретдин, которые первыми начали документировать и популяризировать биографию Каюма Насыри. В совокупности использованные архивные документы и историко-культурные исследования дают целостное представление о возможных разночтениях в дате рождения К. Насыри и позволяют взглянуть на его биографию под новым углом зрения.

В архиве Центра письменного и музыкального наследия «Мирасханә» Института языка литературы и искусств им. Г. Ибрагимова хранится большой объем материала, сохранившегося после смерти ученого: воспоминания, рукописи, книги, карты, родословные-шеджере, письма близких родственников, а также документы и др. Один из таких документов, на который стоило бы обратить пристальное внимание, – паспорт ученого. Его также часто демонстрируют в музее Каюма Насыри и акцентируют внимание именно на нем, когда говорят о дате его рождения.

Паспортная система была введена еще при Петре I как один из способов контроля за перемещением крестьян и солдат. Если паспортная система изначально была введена для учета передвижения определенных сословий российского общества, то при Екатерине II, в период проведения Губернской реформы 1775 г., паспорт стал обязательным для духовенства, дворян и чиновников. Для всех сословий действовало одно правило: паспорт выдавался на определенный срок. Бессрочным он стал с 1832 г., и только для определенных социальных групп (для крестьян и мещан – лишь с 1906 г.). Паспорт фиксировал информацию о том, кем и когда он был выдан, данные о владельце паспорта: фамилию, имя, отчество, дату рождения, возраст, семейное положение, место постоянного жительства, а также состояние на воинском учете, наличие прошлых паспортов и место прописки[2].

Паспортным записям соответствовали так называемые ревизские сказки, или ревизии, – основная форма учета податного и значительной части неподатного населения России в XVIII – середине XIX в.

Паспорт Каюма Насыри, который он получил в 1898 г., еще не мог быть бессрочным и был выдан ему на пять лет, так как он числился крестьянином. Из документа мы узнаем личные данные ученого, которые дополняют и уточняют биографию татарского просветителя.

Паспорт Каюма Насыри, который к этому времени приобретает вид, близкий к современным паспортам, представляет собой книжку небольшого размера. На первой странице фиксировалась информация о том, кому в каком году и кем был выдан документ: Абдулкаюму Абдулнасырову паспорт был выдан на пять лет в 1898 г. 22 июня (по старому стилю) Ширданским волостным старшиною Свияжского уезда Казанской губернии. На следующих страницах паспорта имеется информация о владельце документа, из которой мы узнаем, что Абдулкаюм Абдулнасыров являлся крестьянином магометанского вероисповедания, проживающим в деревни Малые Ширданы; в браке состоял; в графе «время рождения» стоит прочерк, а в графе «возраст» указано 69 лет. В конце документа стоит подпись владельца паспортной книжки, подразумевающая верность всего вышеизложенного (все тот же узнаваемый стиль письма просветителя – каллиграфический почерк, отражающий, однако, уже почтенный возраст ученого – буквы неровные, написанные дрожащей рукой) (I, б. 715).

[2] *Кружнов Ю.Н., Чернуха В.Г.* Паспортная система // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2322901, свободный.

Из всей приведенной выше информации обращает на себя внимание возраст ученого, так как, согласно подсчетам, он не совпадает с общепринятой датой его рождения – 1825 г. Если основываться именно на этой дате, то в паспорте должно было быть указано не 69 лет, а 73 года, или же паспорт должен был выдаваться не в 1898 г., а в 1902 г., что невозможно, так как в 1902 г. он умер, или, следуя информации в паспорте, датой рождения можно считать 1828 или 1829 г., а не 1825 г., что более вероятно.

Могла ли в паспорте быть ошибка, совершенная при внесении записи в 1898 г.? Скорее всего, нет: собственноручная подпись ученого в паспорте в данном случае подтверждает верность записанного.

Еще один документ, указывающий на 1828 или 1829 г. как на год рождения К. Насыри – это ревизская сказка (ревизии проводились каждые семь лет). Как уже говорилось выше, ревизские сказки и паспорт дублировали друг друга[3].

В экспозиции музея-библиотеки села Малые Ширданы Зеленодольского района хранится копия страниц ревизской сказки. В ней были записаны члены семьи Габденнасыра Хусаинова – отца семейства Насыровых. Оригинал упомянутой ревизской сказки находится в Национальном архиве Республики Татарстан. Она относилась к последней, десятой, ревизии и проводилась в 1857–1858 гг., была составлена в 1858 г. 6 мая в Казанской губернии (деревне Малые Ширданы Свияжского округа Большеачасырского отделения). В соответствующие графы вписывался возраст членов семьи, согласно предыдущей и нынешней переписи. Соответственно, в графе, где обозначались имена, мы видим запись: Абдулнасыр Хусаинов; его сыновья: Абдулхай, Абдулкаюм, Абдулгани, Абдулвали, Абдулкави. По предыдущей переписи, проводившейся в 1851 г., Абдулкаюму было 23 года (II, л. 869). Согласно следующей графе, в 1858 г. ему минуло 30 лет. Значит, годом его рождения может считаться 1828 г., что соответствует возрасту ученого, обозначенному в паспорте. Таким образом, мы видим, что записи, указанные в паспорте и в ревизских сказках очень близки и разница в датах рождения при подсчете составляет один год. По паспорту К. Насыри был рожден в 1829 г., по ревизским сказкам годом его рождения ученого можно считать 1828 г.

Кроме официальных документов, отражающих возраст просветителя, можно обратиться к письменному наследию, оставленному самим Каюмом Насыри.

В единственной рукописи автобиографического характера «Зеркало жизни и поминание обыкновений», которая могла бы начаться с даты рождения, как это обычно бывает в работах такого жанра, информация о годе рождения отсутствует (III, л. 2). Возможно, некоторая «неустойчивость» в документах и отсутствие записи в автобиографии могут говорить о том, что для Каюма Насыри как для представителя и носителя исламской культуры дата рождения не имела значения, а вот дата смерти считалась важной. Д.Г. Мухаметшин пишет, что намогильные памятники с надписями, где упоминались имя человека, дата смерти и изречения из священной книги мусульман – Корана, впервые появились в Аравии в VII–VIII вв. Подобная религиозная практика стала традицией и для Волго-уральского региона с конца IX – X в. [12, с. 59]. Исследователи татарских эпиграфических памятников до первой четверти XX в. наблюдают на мусульманских надгробиях фиксацию даты смерти, имени и отчества, а также изречения из Корана, что может подтверждать отсутствие у татар практики памятования дня рождения.

[3] *Ялбулганов А.А.* Ревизии // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: https://bigenc.ru/c/revizii-4e9237/?v=7534326, свободный.

Такую же «необязательность» в вопросе установления даты рождения мы видим, обращаясь к трудам исследователей творчества Каюма Насыри, где нет ни одной отсылки к первоисточнику в этом вопросе. Изучив весь библиографический массив о просветителе, мы не находим ссылки на метрические записи или другого рода документы, подтверждающие 1825 г. как год рождения. Откуда же появилась эта дата?

Первые упоминания о возрасте ученого мы находим в некрологе о Каюме Насыри, напечатанном одним из ведущих татарских писателей Гаязом Исхаки в газете «Тарджеман» 15 сентября 1902 г. Описывая все заслуги просветителя, Г. Исхаки отмечает, что ученый был первым и известным всему тюркскому миру издателем, из своих 77 лет жизни 50 посвятил написанию и изданию татарских книг. В качестве года рождения в некрологе упоминается 1825 г. (IV, б. 6). Эту же дату рождения мы видим в более поздних исследованиях. Через десять лет после смерти Каюма Насыри количество публикаций о нем увеличивается и наблюдается повышенный интерес к деятельности ученого и его роли в жизни татарского народа. На страницах журнала «Шура», приуроченных к десятилетию со дня смерти Каюма Насыри, татарский богослов и общественный деятель, являвшийся в то время редактором издания, Ризаэтдин Фахретдин первым опубликовал статью о нем, в которой фиксировалось, что К. Насыри умер в возрасте 77 лет в 1902 г. (I, б. 310). В течение 1912 и 1913 гг. журнал печатал научные статьи о деятельности ученого и воспоминания о нем.

В сборниках «Каюм Насыри мәҗмугасы» 1926 г., изданием которых руководил татарский писатель и на тот момент председатель Академического центра Наркомпросса ТАССР Галимджан Ибрагимов, также указывается в качестве даты рождения 1825 г. (I, б. 331). После 1945 г. один из ведущих исследователей творчества просветителя, Мухаммед Гайнуллин, при написании его биографии упоминает как год рождения 1825 г. (I, б. 348). Таким образом, в библиографии ученого весь последующий XX в. именно 1825 г. является общепринятой датой рождения Каюма Насыри, однако ни одна статья или воспоминание не имеют ссылки на официальный документ, подтверждающий это.

В таком случае на что могли ссылаться исследователи, когда писали о возрасте просветителя? Почему именно 1825 г. стал ими считаться годом его рождения? Здесь мы вновь возвращаемся к паспорту. На полях документа от руки темными чернилами на *иске имля* написаны даты рождения и смерти ученого: «Каюм Насыри туган 1825. Вафат 1902 булыр» (V). Кому принадлежит эта надпись, неизвестно, но ее авторами точно не являются ни вносивший записи в паспортные графы (волостной старшина), ни сам Каюм Насыри. И, несмотря на несовпадение с ревизией и паспортом ученого, татарская научная общественность приняла именно эту дату в качестве точки отсчета для проведения мероприятий, приуроченных к юбилейным датам.

Заключение. Имя Каюма Насыри вписано в историю татар как имя выдающегося просветителя. Он был автором более 40 книг, включая учебники по арифметике, геометрии, географии, языкознанию и педагогике. В своих трудах он выступал за развитие просвещения среди татар, в том числе через выпуск ежегодных календарей. Его просветительская деятельность еще при его жизни была высоко оценена русским научным сообществом: он систематизировал и популяризировал знания; переводы работа Каюма Насыри с русского на татарский и с татарского на русский языки, а также его труды по этнографии, которые ценились за достоверность и объективность, укрепляли межкультурный диалог. Татарская общественность только после смерти ученого оценила его деятельность, которая способствовала интеграции в русское научное и культурное сообщество.

Вопрос о годе рождения Каюма Насыри до сих пор является открытым. Разночтения в документах и отсутствие точных метрических записей говорят о том, что установление даты рождения ученого требует дальнейшей работы. Анализ паспортных данных и ревизских сказок, проведенный в данной статье, выявил разночтения относительно года рождения Каюма Насыри, поставив под сомнение 1825 г. в качестве общепринятой даты. Сопоставление информации из паспорта 1898 г., в котором указано, что ученому на момент получения документа было 69 лет, с данными ревизских записей позволяет предположить, что реальная дата рождения К. Насыри может быть ближе к 1828 или 1829 г.

Автобиографические записи самого Каюма Насыри не содержат сведений о конкретной дате рождения, исходя из чего можно предположить, что сам ученый не считал важным данный факт. Для мусульман дата рождения не обладала какой-либо значимостью, так как с точки зрения шариата, в контексте которого жили татары, значение имеет тот день, когда раб Всевышнего покидает бренный мир, а жизнь вечная наступает после смерти. Подобная трактовка позволяет понять, почему первые юбилейные памятования в честь Каюма Насыри, проводившиеся татарской общественностью, были приурочены к юбилейным датам со дня смерти. Например, в 1912 г. в честь десятилетия со дня его смерти в журнале «Шура» начали печатать статьи о просветителе.

После Первой мировой войны и революции традицию памятования со дня смерти сменяет традиция юбилейной практики, приуроченной ко дню рождения. Наследие Каюма Насыри стало объектом многочисленных мероприятий, которые способствовали популяризации его вклада в науку, образование и культуру татар. На протяжении XX в. интерес к личности и деятельности ученого сохранялся: исследовалась его биография, переиздавались труды, организовывались выставки и круглые столы, был создан музей. Данные коммеморативные практики стали важным инструментом сохранения наследия К. Насыри, что подтверждает их роль в формировании историко-культурной идентичности.

Перечисленные мероприятия, а также практика юбилейного празднования стали основой традиции, в рамках которой именно 1825 г. отмечается как год рождения ученого. Историко-культурное наследие Каюма Насыри – памятник эпохи. И можно с уверенностью сказать, что таковым он стал именно благодаря юбилейным практикам, которые проводились на протяжении всего XX в. и поддерживаются по сей день.

Конфликт интересов. Автор заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

I – Каюм Насыйри: әдәби-тарихи документаль-биографик җыентык / Төз. Р.Ф. Исламов. Казан: Җыен, 2017. 816 б.

II – Национальный архив РТ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 550: Ревизская сказка № 14 от 6 мая 1858 г. Казанской губернии Свияжского уезда Молвинской волости Большеачасырского сельского общества деревни Малых Ширданов о состоящих мужского и женского пола. 888 л.

III – Архив Центра письменного и музыкального наследия «Мирасханә» ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 11. Оп. 1. 4 л.

IV – Гаяз Исхакый: тарихи-документаль җыентык / Төз.-авт.: С. Рәхимова, З. Мөхәммәтшин, А. Зәһидуллин. Казан: Җыен, 2011. 964 б.

V – Паспортная книга Каюма Насыйри. 1898 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Мемориального дома-музея Каюма Насыйри. URL: https://nasiyri.tatmuseum.ru/my-product/pasportnaya-kniga-kayuma-nasyri-1898-g-2/, свободный.

Литература

1. *Гайнетдин М.* Каюм Насыйри: шәхес һәм иҗат // Насыйри Каюм. Сайланма әсәрләр: 4 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. Т. 1. Б. 3–9.
2. *Иванова Т.Н.* Юбилейные коммеморативные практики и развитие университетологии (на примере Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова) // Запад-Восток. 2018. № 11. С. 152–160.
3. *Шуб М.Л.* Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал // Челябинский гуманитарий. 2016. № 3 (36). С. 80–87.
4. *Булыгина Т.А., Кожемяко Т.Н.* Историческая память и юбилеи в России в XX–XXI веках // История и историческая память. 2012. Т. 6. № 6. С. 63–76.
5. *Романовская Е.В., Фоменко Н.Л.* Идентичность и коммеморация // Власть. 2015. № 7. С. 81–84.
6. *Хасаншина Л.* «Желая открыть торговлю книгами» (Документы о Каюме Насыри в фондах НА РТ) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2010. № 3/4. С. 217–221.
7. *Хабибуллина Д.А.* Деятельность Каюма Насыри в православных религиозных учебных заведениях Казани // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2023. № 1. С. 45–54.
8. *Шафигуллина Р.Ф., Хайрутдинов А Г.* Наследие выдающегося татарского ученого-энциклопедиста Каюма Насыри в свете восточной и западной научной парадигмы // Вестн. Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2018. № 1. С. 63–90.
9. *Шайдаева Л.Н.* Идейно-эстетические и структурные особенности «Фаваких аль-джуласа» Каюма Насыри // Вестн. Чуваш. ун-та. Гуманит. науки. 2009. № 4. С. 336–339.
10. *Арсланов М.* Спектакль «Каюм Насыри» на сцене Татарского академического театра им. Г. Камала // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2013. № 3–4. С. 248–255.
11. *Гилазев З.З.* Музей Каюма Насыри: основные этапы деятельности // Научный Татарстан. 2020. № 3. С. 73–75.
12. *Мухаметшин Д.Г.* Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2008. 132 с. (Археология евразийских степей; вып. 6).

References

1. Gajnetdin M. Kayum Nasyri: Personality and work. In: *Kayum Nasyri. Selected Works.* Vol. 1. Kazan, Tatar. Kit. Neshr., 2003, pp. 3–9. (In Tatar)
2. Ivanova T.N. Commemorations of anniversaries and the development of university studies (a case of Chuvash State University named after I.N. Ulyanov). *Zapad-Vostok*, 2018, no. 11, pp. 152–160. (In Russian)
3. Shub M.L. Current commemorative practices: Educational and pedagogical potential. *Chelyabinskii Gumanitarii*, 2016, no. 3 (36), pp. 80–87. (In Russian)
4. Bulygina T. A., Kozhemyako T.N. Historical memory and jubilees in Russia during the 20th and 21st centuries. *Istoriya i Istoricheskaya Pamyat'*, 2012, vol. 6, no. 6, pp. 63–76. (In Russian)
5. Romanovskaya E.V., Fomenko N.L. Identity and commemoration. *Vlast'*, 2015, no. 7, pp. 81–84. (In Russian)
6. Khasanshina L. "Wishing to start a book trade" (documents about Kayum Nasyri from the collections of the National Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan). *Gasyrlar Avazy – Ekho Vekov*, 2010, no. 3/4, pp. 217–221. (In Russian)
7. Khabibullina D.A. Activities of Kayum Nasyri in Orthodox religious educational institutions of Kazan. *Gasyrlar Avazy – Ekho Vekov*, 2023, no. 1, pp. 45–54. (In Russian)
8. Shafigullina R.F., Khairutdinov A.G. The heritage of Kayum Nasyri, a prominent Tatar scholar and encyclopedist, through the lens of eastern and western academic paradigms. *Vestnik Bibliotechnoi Assamblei Evrazii*, 2018, no. 1, pp. 63–90. (In Russian)
9. Shaidaeva L.N. Ideological-aesthetic and structural features of Kayum Nasyri's "Fawakih al-julasa". *Vestnik Chuvashskogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki*, 2009, no. 4, pp. 336–339. (In Russian)

10. Arslanov M. The play “Kayum Nasyri” on the stage of the Galiaskar Kamal Tatar Academic Theatre. *Gasyrlar Avazy – Ekho Vekov*, 2013, nos. 3–4, pp. 248–255. (In Russian)
11. Gilazev Z.Z. Kayum Nasyri Museum: Milestones in development. *Nauchnyi Tatarstan*, 2020, no. 3, pp. 73–75. (In Russian)
12. Mukhametshin D.G. *Tatarskie epigraficheskie pamyatniki. Regional’nye osobennosti i etnokul’turnye varianty* [Tatar Epigraphic Monuments. Regional Distinctions and Ethnocultural Variations]. Kazan, Inst. Ist. Akad. Nauk RT, 2008. 131 p. *Arkheologiya evraziiskikh stepei* [Archaeology of Eurasian Steppes], Vol. 6. (In Russian)

Информация об авторе

Хабибуллина Дина Амировна, соискатель Института татарской энциклопедии и регионоведения, Академия наук Республики Татарстан
E-mail: *dinakhabib@yandex.ru*

Author Information

Dina A. Khabibullina, Applicant, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies, Tatarstan Academy of Sciences
E-mail: *dinakhabib@yandex.ru*

Поступила в редакцию 10.12.2024 Received December 10, 2024
Принята к публикации 10.02.2025 Accepted February 10, 2025

Оригинальная статья

УДК 94(470.40)"20/21"
https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.78-90

Старообрядческое купечество в промышленном развитии Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX века

А.Ю. Афанасьев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

8andref8@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье исследована предпринимательская деятельность купцов-старообрядцев Казанской губернии в XIX – начале XX в. Определены сферы промышленности (а именно – мукомольное и сталелитейное производство), в развитии которых предприниматели-староверы принимали активное участие в обозначенный хронологический период. Выявлено, что старообрядцы преимущественно арендовали существующие казенные предприятия или строили новые мельницы и заводы; также выделены ключевые купеческие династии (Оконишниковы, Шамовы, Романовы и др.), которые добились значительных успехов благодаря рациональному управлению, использованию передовых технологий и поддержке собственных общин. Проанализированы социальные аспекты: условия труда на предприятиях, создание больничных касс для рабочих, а также противоречия между религиозными принципами старообрядцев и их деловой практикой. Сделан вывод о том, что, несмотря на трудности (бюрократические препятствия при аренде предприятий, ограниченность транспортной инфраструктуры и зависимость от местных ресурсов), купцы-старообрядцы Казанской губернии принимали активное участие в промышленной модернизации региона во второй половине XIX – начале XX в., ориентируясь на те сферы промышленности, которые не требовали значительных транспортных затрат и базировались на местных ресурсах.

Ключевые слова: старообрядческое купечество, Казанская губерния, мукомольное дело, сталелитейное дело, промышленность, экономика, модернизация

Для цитирования: *Афанасьев А.Ю.* Старообрядческое купечество в промышленном развитии Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 2. С. 78–90. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.78-90.

Original article

https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.78-90

Old Believer merchants and industrial development of the Kazan Governorate during the second half of the 19th and early 20th centuries

A.Yu. Afanasyev

Kazan Federal University, Kazan, Russia

8andref8@mail.ru

Abstract

The entrepreneurial activities pursued by the Old Believer merchants in the Kazan Governorate during the 19th and early 20th centuries are examined, with the focus on flour production and steelmaking as the two industrial sectors they specialized in by either renting state-owned enterprises or building new mills and factories. The most influential Old Believer merchant dynasties of that time involved the Okonishnikovs, Shamovs, Romanovs, etc. They all succeeded by effectively navigating their enterprises, using the latest equipment, and relying on support from their local communities. The working conditions at the enterprises managed by the Old Believers are described, as well as their efforts in providing healthcare support to workers by organizing sick funds and the problems they faced while trying to balance their religious values and entrepreneurial practices. It is concluded that, despite numerous challenges, including bureaucratic hurdles while trying to rent the enterprises, poor transportation, and the need to rely on local resources, the Old Believer merchants in the Kazan Governorate contributed significantly to the industrial modernization of the region, especially by developing the industrial sectors that were locally grounded and less dependent on transportation networks.

Keywords: Old Believer merchants, Kazan Governorate, flour production, steelmaking, industry, economy, modernization

For citation: Afanasyev A.Yu. Old Believer merchants and industrial development of the Kazan Governorate during the second half of the 19th and early 20th centuries. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 2, pp. 78–90. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.78-90. (In Russian)

Введение. Старообрядческое движение можно по праву считать одним из феноменов исторического развития России. Будучи на протяжении почти трех столетий социальной группой, находившейся в положении «гонимой» со стороны государства, староверы стали активными участниками многих общественных процессов. В имперский период их деятельность наиболее ярко прослеживалась в экономической сфере. Купцы-старообрядцы являлись одними из лидеров отечественного предпринимательства на протяжении всего XIX и в начале XX столетия. Особенно активно они участвовали в промышленной модернизации 30–90-х годов XIX в. Одним из следствий этого масштабного процесса как для купцов-староверов, так и для других предпринимателей стала организация частных промышленных предприятий.

Степень изученности. Проблема участия старообрядческого купечества в развитии отечественной промышленности имеет давнюю историографическую традицию. Так, еще во второй половине XIX – начале XX в. были опубликованы брошюры по истории и результативности работы предприятий Гучковых [1], Прохоровых (Мат.), Морозовых [2] и др. В целом упомянутые исследования можно отнести к первым попыткам анализа предпринимательской деятельности старообрядческого купечества.

«Марксистский» поворот в отечественной историографии, вызванный установлением контроля советского руководства над исторической наукой, привел к возникновению своеобразного парадокса. С одной стороны, советские историки продолжили изыскания по истории капиталистического развития страны. В работе К.Н. Тарновского «Советская историография российского империализма» (1964) был проведен подробный анализ исследований, посвященных промышленной модернизации страны в 30–90-х годах XIX в. и опубликованных в 20–50-х годах XX в. Ученый выделил основные этапы в развитии советской исторической науки, отличавшиеся повышением в исследовательском пространстве интереса к особенностям отечественного капитализма [3]. С другой стороны, содержание работ, посвященных российскому капитализму, свидетельствует о том, что их авторы не ставили перед собой задачу обозначить этноконфессиональную принадлежность купцов из-за атеистической политики советского правительства, оказывавшей воздействие и на отечественную историческую науку. В русле этой тенденции написана работа А.П. Негуляева «Завод-ветеран» (1968), в которой рассмотрена история завода «Серп и молот» [4]. До революции упомянутое предприятие принадлежало казанским купцам-старообрядцам Свешниковым. Несмотря на это, автор на протяжении всей работы ни разу не упоминает об их «особенной» конфессиональной принадлежности.

В современной научной литературе наблюдается постепенное возвращение к дореволюционным историографическим традициям. Одной из первых работ, посвященных связи старообрядческого купечества с промышленным развитием страны, является статья В. Вышегородцева «Старообрядческий капитализм» (1997). В ней автор соотносит успех старообрядческого предпринимательства с особенностями уклада жизни их общин [5, с. 3]. Важным исследованием, посвященным обозначенной проблеме и не потерявшим свою актуальность, является труд В.В. Керова «“Се человек и дело его”: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России» (2016) [6]. Говоря о связи религиозных основ старообрядцев и их купеческого дела, историк отмечает, что отличительной чертой староверческих общин являлась особая трудовая этика.

Следует отметить, что сейчас историография старообрядческого предпринимательства крайне обширна. Эти работы можно разделить на две основные категории: первые сосредоточены на изучении отдельных купеческих династий [7–9], вторые анализируют торгово-промышленную деятельность староверов в различных регионах Российской империи [10–12]. При этом на современном этапе отсутствуют исследования, посвященные анализу участия старообрядческого купечества Казанской губернии в промышленном развитии региона. Несмотря на то, что И.Р. Латыпов рассматривает роль купцов-староверов в экономической жизни Казанской губернии в целом, в его диссертации (2011) вместе с тем отсутствует анализ конкретных направлений их предпринимательской деятельности [13]. Существенным недостатком работы является игнорирование автором статистических данных по оборотам торговли и объемам произведенной продукции.

Постановка проблемы. Подобное состояние исследований по истории старообрядческого купечества Казанской губернии актуализирует вопрос об их месте в развитии промышленного производства региона в XIX – начале XX в. В настоящей статье внимание уделено купцам-старообрядцам именно г. Казани, что обусловлено его статусом губернского центра и наибольшей концентрацией староверов среди прочих населенных пунктов региона.

Результаты и обсуждение. В период своего становления на губернском рынке, а именно в первой половине XIX в., основным типом экономической деятельности купцов-старообрядцев являлась торговля. Так, в качестве главного товара для продажи старообрядцами Казанской губернии были выбраны хлеб и рыба – продукты, имеющие постоянный спрос среди населения. Например, к концу 10-х годов XIX в. один из первых магнатов-староверов В.А. Савинов владел в Казани 28 лавками, из которого 25 были хлебными [14, с. 78]. Помимо него хлебом в Казанском крае торговали Оконишниковы[1], Коровины [14, с. 96], Романовы [15, с. 120], Барабановы [16, с. 124] и др. Наиболее успешными в продаже рыбы среди старообрядцев оказались Коровины. В 30–40 годах XIX в. они владели рыбными лавками в центре Казани на Рыбнорядской площади, а также на Бакалдинской пристани, где торговали сушеной рыбой [14, с. 97].

Выбор продукта обусловливался следующими факторами: повышенный спрос и минимальное взаимодействие с правительством. Так, московские купцы-старообрядцы в качестве главной отрасли своей торговли выбирали именно хлопчатобумажное производство, поскольку его продукция моментально сбывалась на рынке. Как отмечал Дж. Уэст, использование подобной «бизнес-стратегии» позволяло напрямую выходить на потребителя и практически не участвовать в сношениях с государственными органами [17, с. 40]. Таким же ходовым товаром для казанских предпринимателей-староверов становился хлеб. Заметим, в губернии, как и по всей империи, действовала интендантская закупка хлеба для государственных нужд [18, с. 360–361]. Однако в большинстве своем хлебное производство и торговля осуществлялись практически без вмешательства Петербурга.

Скупка и продажа хлеба, бесспорно, приносила значительный доход купцам-старообрядцам и позволяла им занимать лидирующие позиции на этом рынке. Однако, руководствуясь одним из главных принципов предпринимательской деятельности, а именно необходимостью постоянного увеличения прибыли, староверы искали новые формы развития собственного дела. Вследствие этого в старообрядческой среде стало появляться множество частных производств. Часть из них существовала за счет аренды староверами государственных предприятий. Другая же часть возникла по инициативе и при активном содействии самих купцов-старообрядцев. Подобные практики позволяли им, благодаря разнице в стоимости продукции, значительно увеличить собственную прибыль. Об этом свидетельствуют воспоминания ярославского крепостного крестьянина С.Д. Пурлевского, опубликованные в журнале «Русский вестник» в 1877 г. С.Д. Пурлевский, говоря о 30–40-х годах XIX в., утверждал, что цена 9 пудов ржи составляла 5–6 руб., в то время как мука того же веса стоила на 2 руб. дороже (Восп., с. 342). При осуществлении розничной торговли подобная разница в цене была не столь существенна. Свои положительные результаты она приносила в оптовой торговле, которой и занимались купцы-старообрядцы.

[1] *Абызова Р.Ю.* Основатели Печищинской мельницы // Традиции старообрядческой благотворительности: сборник материалов Республиканской научно-практической конференции с международным участием / Под ред. И.Е. Алексеева, Р.В. Царевского и В.П. Кириллова. Казань: Бриг, 2019. С. 99.

Осознавая подобную выгоду, староверы приступили к решению вопроса об организации собственных мельниц. Стоит отметить, что основным источником средств для начала какого-либо дела у староверов становился общинный капитал – денежная сумма, формировавшаяся из взносов каждого представителя того или иного согласия. Она не являлась частной собственностью и принадлежала всему причту [19, с. 137]. В случае необходимости попечитель общины мог направить эти средства определенному купцу в качестве стартового капитала. В связи с этим наиболее предпочтительным способом «запуска» собственного дела для старообрядцев являлась именно аренда мукомольных производств. Она позволяла предпринимателям моментально и без рисков решить ключевые вопросы о постройке помещений, закупке оборудования и найме рабочих. Однако и эта практика приводила к возникновению целого ряда проблем.

Иллюстрацией приведенного тезиса является опыт аренды купцами Я.Ф. Шамовым и И.П. Оконишниковым казанской городской мельницы в последней четверти XIX в. Большой проблемой на пути достижения поставленной данными предпринимателями цели стало получение статуса арендаторов. Принадлежавшая ранее купцу И.Н. Соболеву мельница перешла по наследству его родственникам. Они были обязаны содержать ее до окончания срока аренды. Я.Ф. Шамов и И.П. Оконишников решили хотя и частично, но избавить семью Соболевых от данных обязательств. В 1878 г. они обратились в Казанскую городскую думу с просьбой передать им в аренду расположенную на р. Казанке мукомольную мельницу. При этом староверы уже на первых порах стремились получить определенные выгоды и преференции. Они предложили сократить период выплат до того момента, когда у Соболевых по прежнему договору закончится срок аренды мельницы, и, в свою очередь, обещали полностью обновить оборудование и произвести ремонт производства (ГА РТ1, л. 9–10 об.).

Однако Казанская городская дума, ссылаясь на установленное законодательство, купцам отказала. На ее решение не повлиял даже предшествующий предпринимательский опыт купца И.П. Оконишникова, который к тому моменту уже владел мельницей в с. Шушары Собакинской волости Казанского уезда[2]. Руководству города, прежде чем менять арендаторов мельницы, следовало провести торги. В результате были соблюдены правила, прописанные в законе, и казенная мельница на р. Казанке перешла в аренду к Я.Ф. Шамову и И.П. Оконишникову только после проведения необходимого конкурса.

Стоит отметить, что содержание староверами вышеозначенного производства не обходилось без сложностей. Делопроизводственная документация показывает, что предприниматели регулярно обращались к городской администрации с просьбой решить вопросы, мешавшие вести мукомольное дело. Так, в «Документах об отдаче в арендное содержание Оконишникову и Шамову городской мукомольной мельницы за 1878 г.» содержатся прошения о прекращении несанкционированной вырубки близлежащих рощ, укрепляющих берег, на котором стояла мельница; о временной ликвидации мостов и регулировании уровня воды искусственных прудов во время половодья. Самым тяжелым событием в период арендного держания стал пожар, уничтоживший производство. Однако прозорливость, присущая всему старообрядческому предпринимательству, сыграла важную роль в преодолении данной катастрофы. Купцы И.П. Оконишников и Я.Ф. Шамов заранее застраховали мельницы на случай подобных событий. Об этом свидетельствуют листы страхования, присутствующие в ранее упомянутом перечне документов (ГА РТ1, л. 14–140).

[2] Золотые страницы купечества, промышленников и предпринимателей Татарстана: в 2 т. / Гл. ред. Д.Ф. Тямаева; авт. сост.: Р.Р. Салихов, Л.М. Свердлова, Р.Р. Хайрутдинов, Д.Ф. Тамаева; пер. на татар. яз.: А.Н. Зайнуллина; пер. на англ. яз.: С.Г. Егоров, А.Ф. Валидова. Казань: Яналиф, 2001. Т. 2. С. 104.

Рассмотренная ситуация в целом показывает, что, несмотря на всю очевидную на первый взгляд выгоду арендного держания казенных мельниц, купцам-старообрядцам приходилось сталкиваться с трудностями, носившими прежде всего бюрократический характер. Пытаясь избежать их, староверы стремились организовывать собственные производства. Яркой иллюстрацией подобной тенденции служит опыт семьи Оконишниковых. В 1891 г. ими был зарегистрирован торговый дом «Иван Оконишников и сыновья». Его стартовый капитал составил 300 тыс. руб. Спустя четыре года, в 1895 г., в д. Печищи Верхнеуслонской волости Свияжского уезда Оконишниковыми была открыта механическая крупчато-вальцовая мельница, техническое оснащение которой являлось самым передовым в губернии для того времени. Так, в качестве главного источника энергии купцами был заказан паровой двигатель на 4.35 л. с., поставщиком которого выступила швейцарская фирма «Бюлер». Данный двигатель позволял вырабатывать около 1.7 млн пудов зерна в год. Более того, благодаря ему производился выпуск шести сортов пшеничной муки, манной крупы и отрубей[3]. Ответственным за поставку зерна для столь масштабного производства был назначен М.И. Оконишников. Он заключал договоры о поставках сырья с предпринимателями Самарской и Саратовской губерний[4].

В 70-х годах XIX в. успехом пользовалось и дело братьев Кузьмы и Василия Романовых [20, с. 82]. Приобретенные ими в 1860 г. две мельницы в селах Набережные Моркваши Свияжского уезда и Кульсеитово Казанского уезда позволили им увеличить собственные промышленные обороты. Так, в ноябре 1874 г. К.И. Романов выгрузил на Усть-Казанской пристани г. Казани 260 300 пудов пшеницы. Впоследствии весь объем зерна был отправлен на переработку в принадлежавшие семье мельницы.

Несмотря на эти успехи, Романовы все же испытывали ряд сложностей, возникавших в ходе организации производств. С первой еще в 60-х годах XIX в. столкнулся В.И. Романов. Им была открыта собственная паровая мельница в районе Адмиралтейской слободы г. Казани (ГА РТ2, л. 1). Важной для него задачей при организации производства стало выстраивание связей с транспортными артериями города. Вследствие этого купцу следовало приобрести пустопорожний участок, разделявший его мельницу и городскую дорогу. Для решения данной проблемы он в 1864 г. решил обратиться в Думу с просьбой разрешить ему совершить покупку. Кроме того, В.И. Романов пообещал руководству города, что проведет и ремонт дороги, проходящей через упомянутый участок (ГА РТ2, л. 2–3).

В ответ на прошение купца-старообрядца Городская дума выступила с решительным отказом, ссылаясь на установленное законодательство о проведении торгов. В результате руководство города изменило условия конкурса, внеся пункт о дороге, расположенной на пустопорожнем участке. Победитель по окончании торгов был обязан ее отремонтировать за счет собственных средств (ГА РТ2, л. 55). Таким образом, в Думе посчитали, что данная ситуация позволит в обход установленного бюджета частично наладить городские коммуникации. Подобное решение осложнило проведение торгов, однако прошение купца В.И. Романова все же было удовлетворено.

[3] *Абызова Р.Ю.* Основатели Печищинской мельницы // Традиции старообрядческой благотворительности: сборник материалов Республиканской научно-практической конференции с международным участием / Под ред. И.Е. Алексеева, Р.В. Царевского и В.П. Кириллова. Казань: Бриг, 2019. С. 99.

[4] Золотые страницы купечества, промышленников и предпринимателей Татарстана: в 2 т. / Гл. ред. Д.Ф. Тямаева; авт. сост.: Р.Р. Салихов, Л.М. Свердлова, Р.Р. Хайрутдинов, Д.Ф. Тамаева; пер. на татар. яз.: А.Н. Зайнуллина; пер. на англ. яз.: С.Г. Егоров, А.Ф. Валидова. Казань: Яналиф, 2001. Т. 2. С. 104.

Вторая проблема возникла у семьи Романовых в 1872 г. В этот год в ранее упомянутом с. Кульсеитово произошел разрушительный пожар. Одним из его последствий стало полное уничтожение романовской мельницы. В результате этой трагедии купеческая семья понесла убытки в размере 100 тыс. руб.[5]Тем не менее спустя два года производство было восстановлено, и предприятие продолжило выпускать значительные объемы продукции. Причина этого успеха кроется в ранее упомянутой хозяйственно-трудовой этике староверов, связанной с постоянным приращением прибыли и сохранением в любых ситуациях общинного капитала.

Ради процветания дела старообрядцы могли сотрудничать и с купцами-никонианами. Примером является семья Барабановых, которая совместно с Корольковыми, не исповедовавшими старообрядчество, в последней четверти XIX в. учредила «Торговый дом М. Корольковой и А. Барабановой с сыновьями». В 1892 г. в с. Набережные Моркваши ими была открыта мельница, оснащенная передовым бельгийским оборудованием [16, с. 124]. О величине производства муки этим торговым домом могут служить расчетные книги по пароходству, в которых указаны суммы, затрачиваемый фирмой на ремонт собственных судов. Данная документация датируется 1900-ми годами (ГА РТ3). Наличие пароходов у Корольковых и Барабановых напрямую свидетельствует о значительном увеличении их прибыли от мукомольного дела. Предприниматели могли торговать не только в городах, расположенных внутри губернии, но и выходить за пределы региона.

Аренда и организация мельниц купцами-старообрядцами не была единственным для них способом участия в промышленном производстве региона. Однако отказываться от мукомольного дела и уходить в иную сферу предпринимательства для купечества было крайне затруднительно вследствие особенности промышленного развития Казанской губернии. Данный регион с точки зрения развития железнодорожной сети занимал проигрышную позицию. Столица губернии была соединена с Москвой железной дорогой лишь к 1893 г., а Романовский мост через Волгу в районе ст. Свияжск, ставший важной транспортной артерией, был сдан лишь в 1913 г. Вследствие этого этот край был мало обеспечен продукцией для организации крупных производств [15, с. 12]. Более того, будучи ограниченным в сфере разработки природных ресурсов, губернский рынок не был способен активно развивать определенные сферы промышленности. Например, слабо была представлена тяжелая промышленность. Несмотря на это, некоторые предприниматели, в том числе и купцы-старообрядцы, все же пытались прочно закрепиться на иных рынках. Купец А.И. Коровин, значительно увеличив свой капитал, в 1848 г. приобрел у семьи Осокиных медеплавильный завод в с. Ныpты Мамадышского уезда. Данное производство было единственным по своему профилю для всей Казанской губернии и находилось в собственности Коровиных вплоть до 1872 г., когда оно было продано титулярному советнику К.И. Яхонтову [14, с. 67–68]. Организацией предприятий тяжелой промышленности, как А.И. Коровин, занимался А.Н. Свешников. В 1851 г. на границе Адмиралтейской и Пороховой слобод г. Казани им был организован «Чугунолитейный, машиностроительный, кузнечно-котельный и механический завод». В советское время он был национализирован и получил название «Серп и молот». На наш взгляд, выбор чугунолитейного производства был во многом связан с востребованностью его продукции на рынке.

Одной из главных тенденций второй половины XIX в. в сфере промышленности стало активное развитие пароходства, в котором принимали участие и купцы-старообрядцы, ко-

[5] Там же. С. 117.

торыми для транспортировки собственной торговой продукции приобретались пароходы. Среди таких предпринимателей следует отметить Х.Ф. Фомина [15, с. 73], В.И. Романова (ГА РТ4, л. 3 об.), чистопольские семейства Чукашевых и Челышевых [21, с. 239]. Наблюдая столь стремительное развитие этого вида транспорта, А.Н. Свешников понял, что судам будет необходим постоянный ремонт и техническое обслуживание. Именно фактор повышенного спроса и стал для него определяющим в деле организации собственного производства в сфере тяжелой промышленности.

Первоначальный капитал «Чугунолитейного, машиностроительного, кузнечно-котельного и механического завода» А.Н. Свешникова составлял всего 1 000 руб., которая была поделена им пополам. Первая часть суммы была затрачена на строительство здания для цеха, другая же – на покупку оборудования и сырья. Масштабы производства были крайне малы – один цех, в котором трудились 20 кузнецов и молотобойцев [4, с. 8]. Через пять лет А.Н. Свешников открыл новых цех, предназначавшийся для литейных процессов. Кроме того, он приобрел вагранку для плавки металла мощностью 200 пудов, позволяющей переплавлять чугун и выливать его в специальные формы для изготовления различных деталей пароходов [4, с. 10]. Клиенты не заставили себя долго ждать. Вскоре услуги, оказываемые заводом, стали пользоваться большим спросом среди собственников паровых судов. В теплое время года производство выполняло срочные работы по текущему ремонту. Зимой же рабочие приступали к капитальному ремонту около 40 пароходов, вставших на стоянку в затонах близ города (Аракчинский, Паратский и др.). Результативная работа завода обратила на себя внимание правительства, которое также решило воспользоваться услугами предприятия. В частности, производство выполняло заказы по ковке и литью, поступавшие к нему от казенного порохового завода [4, с. 10]. Спустя практически 20 лет после своего учреждения, в 1870 г., чугунолитейный завод А.Н. Свешникова объявил капитал в размере 23 тыс. руб. [4, с. 10], а к 1886 г. – 45 тыс. руб.[6] Таким образом, менее чем за 20 лет купеческий капитал вырос на 51.1 %. Подобное расширение производства требовало более тщательной регламентации жизни рабочего коллектива, в связи с чем А.Н. Свешников разделил рабочих по различным специальностям: кузнецы, формовщики, вагранщики, подсобные рабочие. Деятельность каждой из групп тщательно контролировалась [4, с. 10].

В целом увеличение масштабов купеческих производств актуализировало значимость проблемы охраны труда рабочих. Обозначенный вопрос для социально-экономического пространства Российской империи носил крайне острый характер. Низкий уровень безопасности на производстве, отсутствие законодательной базы и контроля за условиями труда со стороны государства приводили к большому количеству несчастных случаев и профессиональным заболеваниям среди рабочих [22, с. 24]. Купцы-старообрядцы, вероятно, осознавали наличие данных проблем и пытались найти способы их решения. В частности, создавались больничные кассы – специальные подразделения на производстве, занимавшиеся страхованием рабочих от несчастных случаев. Стоит сказать, что подобная тенденция была характерна для многих предприятий Российской империи [23, с. 116]. Инициатива организации данных учреждений зачастую исходила напрямую от руководства фабрик и заводов. Так, в 1913 г. на мельнице Оконишниковых одной из первых в регионе была организована

[6] Золотые страницы купечества, промышленников и предпринимателей Татарстана: в 2 т. / Гл. ред. Д.Ф. Тямаева; авт. сост.: Р.Р. Салихов, Л.М. Свердлова, Р.Р. Хайрутдинов, Д.Ф. Тамаева; пер. на татар. яз.: А.Н. Зайнуллина; пер. на англ. яз.: С.Г. Егоров, А.Ф. Валидова. Казань: Яналиф, 2001. Т. 2. С. 135.

больничная касса. Идея ее создания принадлежала управляющему мельницей А.А. Санникову (ГА РТ5, л. 1 об.).

Вместе с тем на некоторых старообрядческих производствах по-прежнему сохранялись опасные условия труда, приводившие к печальным последствиям. Так, в 1891 г. на мельнице «Торгового дома М. Корольковой и А. Барабановой с сыновьями» произошел несчастный случай. В.И. Новиков, являвшийся сторожем мельницы, по просьбе знакомого на один день заменил его на производстве. Очищая мукомольные вальницы от пыли, он неумышленно нарушил правила техники безопасности и в процессе работы не отключил оборудование, в результате чего лишился кисти. Оставшись инвалидом, В.И. Новиков потребовал от хозяев мельницы выплаты ежегодной пенсии в размере 900 руб. (для сравнения: средняя годовая заработная плата рабочих мельниц по стране на тот момент составляла примерно 85.9 руб. [24, с. 297]). При этом пострадавший отмечал, что подобные несчастные случаи имели место на мельнице и ранее (ГА РТ6, л. 1–3). В результате судебного разбирательства было установлено, что в происшествии был виновен сам рабочий: зная об установленных правилах безопасности, он решил ими пренебречь (ГА РТ6, л. 23). Помимо этого, за организацию расследования суд постановил присудить В.И. Новикову штраф в размере 60 руб. (ГА РТ6, л. 29 об.).

Следует отметить, что не все купцы-старообрядцы заботились об условиях труда рабочих своих предприятий, о чем свидетельствуют воспоминания мастера А.М. Счастливцева, работавшего на заводе А.Н. Свешникова с 1884 г. Его рассказы были записаны А.П. Негуляевым в 60-х годах XX в. в процессе создания книги «Завод-ветеран». Бывший мастер отмечал, что работать на этом производстве было невыносимо. Переработка или сверхурочные работы, обусловленные высоким спросом на местном рынке услуг по ремонту пароходов, купцом не оплачивались. Единственным поощрением за выполнение крупных и ответственных задач являлось ведро водки, которое ставилось во дворе рядом с цехами. При этом купец все же старался следовать духовным традициям старообрядчества. Согласно рассказам А.М. Счастливцева, хозяин отличался высокой религиозностью и заставлял подчиненных следовать его примеру. Так, во время празднования Пасхи он по традиции христосовался со всеми рабочими и дарил им крашеные яйца, в то же время любые сверхурочные работы, которые, как было сказано ранее, не оплачивались, он объяснял как «труд во славу Христа» [4, с. 10]. Однако подобная негативная оценка деятельности купца А.Н. Свешникова является довольно тенденциозной. Работа А.П. Негуляева, в которой приводятся воспоминания А.М. Счастливцева, была написана при советской власти, то есть в период тотального давления марксистской идеологии на историческую науку, в связи с чем вся книга буквально «пропитана» антибуржуазными настроениями и возвеличиванием роли пролетариата. Именно по указанной причине автор не мог упомянуть в своем исследовании хотя бы незначительные факты о человечном отношении А.Н. Свешникова к своим подчиненным.

Заключение. Таким образом, купцы-старообрядцы Казанской губернии принимали активное участие в промышленной модернизации региона во второй половине XIX – начале XX в. Наиболее яркими их представителями являлись Оконишниковы, Шамовы, Романовы, Барабановы, Свешниковы, Коровины. Их экономическая деятельность в мукомольном и сталелитейном деле отличалась высокой результативностью. Несмотря на ограниченность круга промышленных сфер, старообрядцы сумели занять в них лидирующие позиции, о чем свидетельствовали не только производство большого количества продукции, но и повышенный спрос на нее. Причины подобного успеха были заключены в рациональном ведении старообрядцами собственных дел, а именно в высокой клиентоориентированности,

правильном расположении мест сбыта продукции и удобном способе ее транспортировки. Более того, купцы постоянно стремились увеличить капитал, организуя новые производства или расширяя прежние при помощи установки передового технического оборудования.

При этом в среде крупных промышленников региона купеческое сообщество старообрядцев составляло малую часть, а число областей производства, в развитии которых его представители принимали участие, было весьма ограничено. Причина вышеописанной ситуации кроется в особенностях экономического развития Казанской губернии, а именно в ее значительном отставании в промышленном отношении от других высокоразвитых регионов. Позднее включение губернии в железнодорожное строительство привело к тому, что у предпринимателей, включая старообрядцев, было недостаточно ресурсов для организации крупных производств. Вследствие этого купцы-староверы ориентировались на те сферы, которые не требовали значительных транспортных затрат и базировались на местных ресурсах.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

Мат. – Материалы к истории Прохоровской трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. Годы 1799–1915. М.: Тип. Мамонтова, 1916. 478 с.

Восп. – Воспоминания крепостного. 1800–1860 // Русский вестн. 1877. Т. 130. Кн. 7. С. 320–347.

ГА РТ1 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1971: Документы об отдаче в арендное содержание Оконишникову и Шамову городской мукомольной мельницы за 1878 г. 147 л.

ГА РТ2 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 114. Оп.1. Д. 3842: Переписка с Казанским губернским правлением о выделении места казанскому купцу 1-й гильдии Романову для постройки паровой мукомольной мельницы в 5-й части г. Казани. 73 л.

ГА РТ3 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 362. Оп.1. Д. 6: Расчетная книга по пароходству. 119 л.

ГА РТ4 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 114. Оп. 1. Д. 2953: Переписка с купеческим старостой и Казанской полицией о проведении описания и оценки имений, принадлежащих купцам. 59 л.

ГА РТ5 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 523: Прошение доверенного торгового дома «И. Оконишников с сыновьями» о разрешении отдельной больничной кассы паровой крупчатой мельницы, находящейся в дер. Печищах Свияжского уезда. 3 л.

ГА РТ6 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 41. Оп. 3. Д. 1214: По иску крестьянина Владимира Иванова Новикова к купцу Николаю Степанову Барабанову об обязании его выдавать истцу 90 руб. ежегодного содержания за увечье (ц. и. 900 руб.). 30 л.

Литература

1. Очерк торговой и общественной деятельности мануфактур советника Е.Ф. Гучкова. СПб.: Тип. В. Веллинга, 1867. 19 с.
2. Мануфактура и фабрики торгового дома под фирмой «Савва Морозов с сыновьями»: к Всероссийской выставке 1870 г. М.: Тип. И.Н. Кушнера, 1870. 42 с.
3. *Тарновский К.Н.* Советская историография российского империализма. М.: Наука, 1964. 244 с.
4. *Негуляев А.П.* Завод-ветеран: из истории казанского завода «Серп и молот». Казань: Таткнигоиздат, 1968. 143 с.

5. *Вышегородцев В.* Старообрядческий капитализм // Былое. 1997. № 5 (70). С. 3.
6. *Керов В.В.* «Се человек и дело его…»: конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М.: Экон-Информ, 2016. 590 с.
7. *Агеев С.С.* Рязановы – купцы екатеринбургские. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 1998. 190 с.
8. *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. М.: Рус. кн., 1997. 196 с.
9. *Терентьев П.Н.* Прохоровы: «ситцевая» империя московских магнатов. М.: Генеральный директор, 2011. 248 с.
10. *Егорова Г.С.* Предпринимательская деятельность династий купцов-старообрядцев Владимирской губернии: вторая половина XVIII в. – 1917 г.: дис. … канд. ист. наук. Владимир, 2012. 209 с.
11. *Кочергина М.В.* Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760–1920 гг.): демографическое развитие старообрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура. Брянск: Ладомир, 2011. 436 с.
12. *Обухович С.А.* Старообрядчество Самаро-Саратовского Поволжья второй половины XIX – начала XX вв.: вклад в экономику и культуру края: дис. … канд ист. наук. М., 2008. 259 с.
13. *Латыпов И.Р.* Развитие старообрядческих общин Казанской губернии XIX – начала XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2011. 224 с.
14. *Свердлова Л.М.* Купечество Казани: дела и люди. Казань: Матбугат йорты, 1998. 167 с.
15. *Свердлова Л.М.* Казанское купечество: социально-экономический портрет (кон. XVIII – нач. XX в.). Казань: Татарское кн. изд-во, 2011. 318 с.
16. *Липаков Е.В.* Старообрядцы в Чистополе // Чистополь и чистопольцы. Из прошлого и настоящего. Казань: По городам и весям, 2004. С. 120–127.
17. *Уэст Дж.* О старообрядчестве // Купеческая Москва: Образы ушедшей российской буржуазии / Отв. ред.: Дж. Уэст, Ю.А. Петров; [пер. с англ. Ю.А. Петрова и Е.Н. Савиновой]. М.: РОССПЭН, 2007. С. 35–41.
18. Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М.: РОССПЭН, 2001. 622 с.
19. *Уэст Дж.* Старообрядцы и предпринимательская культура в Царской России // Современная конкуренция. 2009. № 3 (15). С. 130–143.
20. *Гибадуллин М.З.* Казанский городской общественный банк: создание, деятельность и участие в финансировании межрегиональной торговли // Russian Journal of Economics and Law. 2010. № 1 (13). С. 73–83.
21. *Гафиатуллина Л.Г.* Чистопольские купцы-промышленники второй половины XIX в. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2005. № 1-2. С. 238–242.
22. *Чеснокова Ю.*В. Эволюция развития социального страхования в России как основы формирования института защиты трудящихся // Право и государство: теория и практика. 2019. № 7 (175). С. 24–26.
23. *Гусаков Д.Б.* Развитие законодательства Российской империи о государственном социальном страховании рабочих в начале XX века // Вестн. ЧелГУ. 2011. Вып. 28. № 19 (234). С. 114–116.
24. *Кирьянов Ю.И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1979. 287 с.

References

1. *Ocherk torgovoi i obshchestvennoi deyatel'nosti manufaktur sovetnika E.F. Guchkova* [An Essay on the Commercial and Public Activities of Manufacturing Councilor E.F. Guchkov]. St. Petersburg, Tip. V. Vellinga, 1867. 19 p. (In Russian)
2. *Manufaktura i fabriki torgovogo doma pod firmoi "Savva Morozov s synov'yami": k Vserossiiskoi vystavke 1870 g.* [The Manufactory and Enterprises of the Savva Morozov and Sons Trading Company:

On the Occasion of the All-Russian Exhibition of 1870]. Moscow, Tip I.N. Kushnera, 1870. 42 p. (In Russian)

3. Tarnovskii K.N. *Sovetskaya Istoriografiya rossiiskogo imperializma* [Soviet Historiography of Russian Imperialism]. Moscow, Nauka, 1964. 244 p. (In Russian)
4. Negulyaev A.P. *Zavod-veteran: iz istorii kazanskogo zavoda "Serp i molot"* [A Veteran Plant: From the History of the "Serp i Molot" Kazan Metallurgical Plant]. Kazan, Tatknigoizdat, 1968. 143 p. (In Russian)
5. Vyshegorodtsev V. Old Believer capitalism. *Byloe*, 1997, no. 5 (70), p. 3. (In Russian)
6. Kerov V.V. *"Se chelovek i delo ego…": konfessional'no-eticheskie faktory staroobryadcheskogo predprinimatel'stva v Rossii* ["Behold the Man and His Deed...": Confessional and Ethical Factors of the Old Believer Entrepreneurship in Russia]. Moscow, Ekon-Inform, 2016. 590 p. (In Russian)
7. Ageev S.S. *Ryazanovy – kuptsy ekaterinburgskie* [The Ryazanovs – Merchants of Yekaterinburg]. Yekaterinburg, Inst. Ist. Arkhaeol. Ural. Otd. Ross. Akad. Nauk, 1998. 190 p. (In Russian)
8. Petrov Yu.A. *Dinastiya Ryabushinskikh* [The Ryabushinsky Dynasty]. Moscow, Russ. Kn., 1997. 196 p. (In Russian)
9. Terent'ev P.N. *Prokhorovy: "sitsevaya" imperiya moskovskikh magnatov* [The Prokhorovs: The "Chintz" Empire of the Moscow Magnates]. Moscow, Gen. Dir., 2011. 248 p. (In Russian)
10. Egorova G.S. Entrepreneurial activities of the Old Believer merchant dynasties in the Vladimir Governorate: From the second half of the 18th century until 1917. *Cand. Sci. (History) Diss*. Vladimir, 2012. 209 p. (In Russian)
11. Kochergina M.V. *Starodub'e i Vetka v istorii russkogo staroobryadchestva (1760–1920 gg.): demograficheskoe razvitie staroobryadcheskikh obshchin, predprinimatel'stvo, dukhovnaya zhizn', kul'tura* [Starodubye and Vetka in the History of the Russian Old Believers (1760–1920): Demographic Development, Entrepreneurship, Spiritual Life, and Culture of the Old Believer Communities]. Bryansk, Ladomir, 2011. 436 p. (In Russian)
12. Obukhovich S.A. Old Believers of the Samara-Saratov Volga region during the second half of the 19th and early 20th centuries: Their contribution to the economy and culture of the area. *Cand. Sci. (History) Diss*. Moscow, 2008. 259 p. (In Russian)
13. Latypov I.R. Development of the Old Believer communities in the Kazan Governorate from the 19th to early 20th century. *Cand. Sci. (History) Diss*. Kazan, 2011. 224 p. (In Russian)
14. Sverdlova L.M. *Kupechestvo Kazani: Dela i lyudi* [Kazan Merchants: Affairs and People]. Kazan, Matbugat Yorty, 1998. 167 p. (In Russian)
15. Sverdlova L.M. *Kazanskoe kupechestvo: sotsial'no-ekonomicheskii portret (kon. XVIII–nach. XX v.)* [Kazan Merchants: A Social and Economic Portrait (From the Late 18th to Early 20th Century)]. Kazan, Tatar. Kn. Izd., 2011. 318 p. (In Russian)
16. Lipakov E.V. Old Believers in Chistopol. In: *Chistopol' i chistopol'tsy. Iz proshlogo i nastoyashchego* [Chistopol and Its Citizens. From the Past and Present]. Kazan, Po Gorodam Vesyam, 2004, pp. 120–127. (In Russian)
17. West J. About the Old Believers. In: West J., Petrov I.A. (Eds.) *Kupecheskaya Moskva: Obrazy ushedshei rossiskoi burzhuazii* [Merchant Moscow: Images of Russia's Vanished Bourgeoisie]. Petrov Yu.A., Savinova E.N. (Trans.). Moscow, ROSSPEN, 2007, pp. 35–41. (In Russian)
18. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii XIX–XX vv.: sovremennyi vzglyad* [Economic History of Russia in the 19th–20th Centuries: A Contemporary Perspective]. Moscow, ROSSPEN, 2001. 622 p. (In Russian)
19. West J. Old Believers and entrepreneurial culture in tsarist Russia. *Sovremennaya Konkurentsiya*, 2008, no. 3 (15), pp. 130–143. (In Russian)
20. Gibadullin M.Z. Kazan City Public Bank: Its establishment, activities, and role in interregional trade financing. *Russian Journal of Economics and Law*, 2010, no. 1 (13), pp. 73–83. (In Russian)
21. Gafiatullina L.G. Chistopol industrial merchants during the second half of the 19th century. *Gasyrlar Avazy – Ekho Vekov*, 2005, nos. 1–2, pp. 238–242. (In Russian)

22. Chesnokova Yu.V. The evolution of social insurance in Russia as the foundation for the development of the labor protection institution. *Pravo i Gosudarstvo: Teoriya i Praktika*, 2019, no. 7 (175), pp. 24–26. (In Russian)
23. Gusakov D.B. The development of legislation on state social insurance for workers in the Russian Empire during the early 20th century. *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2011, vol. 28, no. 19 (234), pp. 114–116. (In Russian)
24. Kir'yanov Yu.I. *Zhiznennyi uroven' rabochikh Rossii (konets XIX–nachalo XX v.)* [Living Standards of Workers (from the Late 19th to Early 20th Century)]. Moscow, Nauka, 1979. 287 p. (In Russian)

Информация об авторе

Афанасьев Андрей Юрьевич, аспирант кафедры отечественной истории и архивоведения, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: *8andref8@mail.ru*
ORCID: https://orcid.org/0009-0002-3248-6618

Author Information

Andrei Yu. Afanasyev, Postgraduate Student, Department of Russian History and Archival Studies, Kazan Federal University
E-mail: *8andref8@mail.ru*
ORCID: https://orcid.org/0009-0002-3248-6618

Поступила в редакцию 20.02.2025 Received February 20, 2025
Принята к публикации 21.04.2025 Accepted April 21, 2025

Оригинальная статья

УДК 94
https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.91-102

Роль татарских медресе Волго-Уральского края в формировании казахской образовательной системы (вторая половина XIX – начало XX в.)

Д.Ш. Муфтахутдинова

Российский исламский институт, г. Казань, Россия

dilaratatar@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье раскрывается проблема влияния татарских новометодных медресе на становление казахской образовательной системы. На основе проблемно-хронологического подхода рассмотрен процесс становления и развития образования у тюркских народов Российской империи в динамике качественных и количественных изменений. В результате исследования выявлено, что до революции медресе на территории городов Казахской степи были в своем большинстве татарскими, построенными на деньги татарских предпринимателей, и именно в них в свое время училась бóльшая часть образованных казахов. Татарские медресе стали примером для организации собственной казахской образовательной системы. В начале XX в. по образцу татарских медресе стали открывать и казахские новометодные образовательные учреждения.

Ключевые слова: джадидизм, татары, казахи, ислам, самодержавие, образование

Для цитирования: *Муфтахутдинова Д.Ш.* Роль татарских медресе Волго-Уральского края в формировании казахской образовательной системы (вторая половина XIX – начало XX в.) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 2. С. 91–102. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.91-102.

Original article

https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.91-102

Tatar madrasas of the Volga-Ural region and their role in the development of the Kazakh educational system (from the second half of the 19th to early 20th century)

D.S. Muftakhutdinova

Russian Islamic Institute, Kazan, Russia

dilaratatar@mail.ru

Abstract

The influence of Tatar Jadid madrasas on the establishment of the Kazakh educational system is examined. Using a problem-oriented chronological approach, the spread of education among the Turkic peoples of the Russian Empire is traced. The dynamics of both qualitative and quantitative changes is discussed. The results obtained from the study reveal that, before the revolution, most madrasas in urban areas across the Kazakh Steppe were Tatar institutions financed by Tatar entrepreneurs. During that period, the majority of well-educated Kazakhs studied at these madrasas. The latter also provided a reference point for the development of the Kazakh educational system. In the early 20th century, following the Tatar model, Kazakh Jadid madrasas emerged.

Keywords: Jadidism, Tatars, Kazakhs, Islam, autocracy, education

For citation: Muftakhutdinova D.S. Tatar madrasas of the Volga-Ural region and their role in the development of the Kazakh educational system (from the second half of the 19th to early 20th century). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 2, pp. 91–102. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.91-102. (In Russian)

Введение. В 2018 г. автор настоящей статьи проходила научную стажировку в Институте востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Академии наук Республики Казахстан, где от директора института, Абсаттара Багисбаевича Дербисали, получила в подарок его книгу «Казакстан мешіттурі мен медреселері» («Мечети и медресе Казахстана») [1]. Листая хорошо иллюстрированное издание, можно было заметить, что большинство мечетей и медресе на фотографиях напоминали татарскую архитектуру, но, согласно содержанию книги, они воспринимались как казахские. Этот факт и сподвиг автора на более глубокое изучение обозначенной проблемы.

Материалы и методы. Этнокультурные и конфессиональные связи татар и казахов в области образования рассматривают в своих работах немало современных российских и казахстанских исследователей. К ним можно отнести З.А. Махмутова [2], В.З. Галиева[1],

[1] *Галиев В.З.* Участие татарских мулл в развитии образования среди казахов в 20–60-х годах XIX века (на материалах внешних окружных приказов) // Фаизхановские чтения № 5: Материалы Пятой ежегодной научно-практической конференции «Российские мусульмане на пути к религиозному и образовательному единству»: к 220-летию со дня учреждения Оренбургского магометанского духовного собрания: к 190-летию со

Л.Р. Муртазину [3], С.А. Асанову [4], З.С. Миннуллина [5], Г.М. Раздыкову [6], Е.У. Байдарова [7], Г.С. Султангалиеву [8], А.А. Гафарова, Л.Н. Бродовскую, В.В. Буравлёву [9], Р.Н. Гизатуллина [10], Э.М. Гибадуллину[2] [11], Н.Г. Суворову [12].

Цель настоящей работы – выявить роль татарских медресе Волго-Уральского края в формировании казахской образовательной системы. Данная цель предопределила ряд задач: рассмотреть причины появления новометодных медресе[3] в Казахской степи; изучить роль татарской буржуазии в формировании новометодного образования; выявить центры подготовки казахских шакирдов в медресе Волго-Уральского региона; описать первые казахские медресе, организованные по типу татарских.

В качестве методологии исследования использовался историко-генетический метод, который помог выявить этноконфессиональные связи татар и казахов, описать центры подготовки татарского и казахского духовенства и учительства в Волго-Уральском регионе. Благодаря применению типологического и историко-сравнительного методов удалось изучить первые казахские медресе, организованные по типу татарских.

Обсуждение. Большинство представителей татарского народа до революции проживало в Степном крае в городах. По результатам переписи 1897 г. доля татар в городах Казахской степи составляла более чем 32 % в Уральской области, в Акмолинской – чуть менее 81.6 %, в Сырдарьинской – 84 % [13, с. 222]. Большинство татар занималось мелким предпринимательством. Мещане среди татар Степного края составляли 33 % [11]. Это были мелкие торговцы и предприниматели, ремесленники, домовладельцы, отставные солдаты и т. д.

Там, где появлялись татары, строились мечети, открывались мактабы и медресе[4]. Большинство казахов занималось кочевым скотоводством и в городах не жило, а богатых казахов, способных содержать медресе и соборные мечети, среди них было крайне мало.

Сформировавшаяся в Оренбуржье мощная прослойка татарской буржуазии остро ощущала неконкурентоспособность тюрко-мусульманских народов в образовательном и технико-экономическом плане. Отсутствие людей с техническим и базовым экономическим образованием ставила во главу угла необходимость срочной модернизации тюрко-мусульманской образовательной системы [13, с. 219–234]. Это привело к масштабной благотворительной деятельности со стороны татарской буржуазии. Необходимо подчеркнуть, что татарские предприниматели не только строили здания мечетей и медресе, но и содержали мугалимов и имамов, оказывали материальную поддержку бедным учащимся, организовывали курсы повышения квалификации для преподавателей как в России, так и за рубежом, спонсировали выпуск учебной, богословской и светской литературы, периодической печати. При этом появление у татар, башкир и казахов своих национальных учебных заведений настораживало власти империи.

дня рождения Шигабутдина Марджани: к 185-летию со дня рождения Хусаина Фаизханова / Под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. Н. Новгород: Медина, 2009. С. 192–201.

[2] *Гибадуллина Э.М.* Векторы этноконфессиональных и социокультурных связей татар Поволжья и казахов Западного Казахстана во второй половине XVIII–XIX вв. // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Вып. 2. Материалы Всерос. науч. конф. «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв.)» (Казань, 5–6 октября 2011 г.). Казань: Ихлас; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 117–122.

[3] Новометодные медресе – высшие учебные заведения мусульман Волго-уральского региона, в которых наряду с религиозными предметами преподавались светские дисциплины.

[4] Мактаб – мусульманская начальная школа; медресе – мусульманская высшая школа.

В особо крупных размерах жертвовали средства на развитие системы образования у тюрко-мусульманских народов братья Хусаиновы (Ахмед, Абдулгани, Махмуд). Абдулгани Хусаинов на свои деньги открыл около 100 учебных заведений новометодного толка, свыше 20 женских школ в Оренбургской губернии и за ее пределами. Ахмед Хусаинов спонсировал строительство и оснащение знаменитого медресе в Оренбурге – «Хусаиния». Махмуд Хусаинов с 1892 по 1910 г. был членом «Общества вспомоществления нуждающимся ученикам и ученицам оренбургских городских ремесленного, приходских мужских и женских училищ». Еще одно знаменитое медресе – «Усмания» – было построено в 1887 г. на деньги этих же братьев. Число учащихся «Усмании» достигало 500 в год, а учились в нем 12 лет. Здесь преподавали такие известные татарские и казахские просветители, как З. Камали, С.С. Джантюрин, Г.Х. Терегулов[5].

Весьма известным в Волго-Уральском и Степном крае было медресе «Галия», открытое в Уфе в 1906 г. Его возглавил Зия Кемали (1873–1942). Это медресе было построено на деньги татарской и казахской знати, благотворителем выступил политический деятель, депутат Государственной думы, казахский султан Салимгирей Джантюрин, он же являлся председателем внешнего управления учебного заведения. Его жена Суфия (урожденная Тевкелева) завещала из личных средств 10 000 руб. на нужды медресе «Галия», а 5 000 руб. – на пополнение его библиотеки[6] . Семья Джантюриных перечислила на строительство медресе более 50 000 руб. В этом медресе готовили учителей для казахских школ. В свое время его окончила целая плеяда казахских поэтов, писателей, общественных деятелей, среди них: Магжан Жумабаев, Жиенгали Тлепбергенов, Беймбет Майлин, Сабит Донентаев, Аблай Рамазанов, Нугман Манаев, Манан Турганбаев, Мухамедгали Оразаев, Мустакым Малдыбаев, Таир Жомартбаев, Габдулхамит Каиров, Тусипбек Темирбеков, Ныгметолла Кузембаев, Ахмет Маметов, Б. Женекешев, М. Рахманберлиев и многие другие. Учащиеся медресе «Галия» с целью развития казахского литературного языка начали издавать в 1915 г. рукописный еженедельный журнал «Садак», редактором которого был известный казахский писатель, драматург Бимухамет Майлин, а впоследствии – Жиенгали Тлепбергенов [8, с. 38]. С началом массового изгнания татарских учителей из Степного края (согласно «Степному положению» 1868 г., учителями в Степи могли быть только казахи) медресе «Галия» резко увеличило прием учащихся из Центральной Азии: казахов, узбеков, каракалпаков и т. д. По данным Л.Р. Муртазиной, с 1906 по 1916 г. в медресе учились 242 ученика из Средней Азии [3, с. 128].

Одним из крупных центров подготовки мулл для казахского народа было и Стерлибашевское медресе. Здесь для казахских детей открыли три специальных класса: татарский, башкирский, казахский. В этом знаменитом медресе учился и преподавал знаменитый педагог-просветитель, поэт Мифтахетдин Акмулла (1831–1895). В 25-летнем возрасте он уехал в Степь, где обучал казахских детей [3, с. 128].

Еще одним знаменитым учебным заведением, в котором учились казахские шакирды, было медресе «Расулия» в городе Троицке. Оно получило широкую известность, когда его в 1894 г. возглавил видный богослов ишан-хазрат Зайнулла Расулев. На деятельность медресе значительную сумму пожертвовал выдающийся казахский педагог-просветитель

[5] Хусаиновы // Онлайн-энциклопедия Tatarica. URL: https://tatarica.org/ru/razdely/istoriya/novoe-vremya/personalii/husainovy, свободный.

[6] *Сабирзянов Г.С., Магиярова З.М.* Медресе «Галия» // Онлайн-энциклопедия Tatarica. URL: https://tatarica.org/ru/razdely/religiya/islam/galiya, свободный.

Ибрай Алтынсарин. Это учебное заведение также получало помощь от Троицкого мусульманского благотворительного общества, зарегистрированного 6 ноября 1904 г. Председателем общества был мулла Галей Яушев, заместителем – Мухамеджан Фазылжанов, членами правления были Хасан Бикматов, Насыбулла Габбасов, Хасанжан Габбасов, Латыф Яушев, Мухаммад-Галей Яушев, казначеем числился Шакиржан Учаров, а секретарем – Абдурахман Ахмаров [14, л. 28].

В программе преподавания медресе, разработанной Советом преподавателей [14, л. 1–25], отмечалось, что мактаб и медресе «Расулия» с 1872 г. работают при Пятой соборной мечети. В преамбуле программы указаны цели существования медресе, а именно: подготовка мулл и выпуск мугаллимов для начальных мусульманских училищ [14, л. 1]. Английский исламовед А. Бенигсен отмечал, что троицкое медресе «Расулия» отличалось самым высоким уровнем академического образования в мусульманском мире[7]. Из справки, поданной в жандармское управление в 1913 г., мы можем узнать имена учителей этого медресе и специализацию мугаллимов по предметам: Абдурахман Расулев преподавал толкование Корана, изречения пророка Мухамеда и новые шариаты; Мухзин Мутагаров – толкование Корана; Абдулгазиз Салахетдин – изречения пророка Мухамеда, историю ислама и законы религии; Рахимжан Однобаев вел всеобщую историю, арабский и татарский языки, естественную историю, химию, физику и татарскую историю; Харис Курбангалеев – географию, геометрию, арифметику, татарский язык, естественную историю, историю России; Кинжин Мухамед преподавал арабский язык, основные шариаты, учение религии; Вахутдин Исмагилов – арабский язык, Гариф Валеев – толкование Корана, вероучение, арифметику, географию, Священную историю, татарский язык; Валирахман Габитов преподавал толкование Корана, вероучение, арифметику и татарский язык; Гизатулла Назаров – толкование Корана, вероучение, арифметику, татарский язык; Юнус Юсупов – вероучение, арифметику и татарский язык. Все перечисленные учителя окончили медресе, в документе указано, что лишь Шарафутдин Еникеев являлся потомственным дворянином, он окончил казанскую учительскую школу и преподавал русский язык [14, л. 22]. Как видим, медресе было новометодным, наряду с богословскими предметами здесь преподавали русский и татарский языки, татарскую историю, историю России, всеобщую историю, естественную историю, химию, физику, географию, педагогику, геометрию, арифметику, этику. Несмотря на поддержку «обновленчества», шейх Зайнулла Расулев предостерегал своих коллег и от излишней вестернизации и призывал идти средним путем, уважая законы Российской империи. Неслучайно в рассматриваемой нами справке за подписью начальника Оренбургской губернии жандармского управления генерал-майора Бабича стояло резюме: «Неблагоприятных данных о направлении медресе или отдельных преподавателях не поступало» [14, л. 25].

Обучение в мактабе занимало четыре года, в медресе – семь лет. Вся учеба длилась одиннадцать лет. В первом классе медресе ученики изучали следующие предметы: чтение Корана, грамматику арабского и татарского языков, татарский язык, вероучение, арифметику, географию, историю ислама, чистописание, отечественную историю, русский язык. Во втором классе – чтение Корана, синтаксис арабского и татарского языков, чтение на арабском языке, географию, историю ислама, татарскую литературу, естествоведение,

[7] *Шаблей П.С.* Медресе «Расулия» и Казахская степь: суфизм, образование и межрегиональные связи в конце XIX – начале XXI вв. // Галимжан Ибрагимов и татароведение XX–XXI веков: материалы междунар. науч.-практ. семинара, посвященного 135-летию со дня рождения классика татарской литературы Г. Ибрагимова / Сост. А.Ф. Ганиева, Л.Ш. Галиева. Казань: ИЯЛИ, 2022. С. 285–293.

арифметику, русский язык. Программа третьего года обучения включала чтение Корана, синтаксис арабского языка, чтение на арабском языке, вероучение, географию, арифметику, геометрию, татарскую историю, историю ислама, гигиену, краткий курс педагогики, русский язык. В четвертом классе проходили толкование Корана, изречения пророка, вероучение, чтение на арабском языке, географию, всеобщую историю, физику и химию, теологию, русский язык. Программа пятого класса включала такие предметы, как толкование Корана, изречения пророка, вероучение, логику, чтение на арабском языке, арифметику, геометрию, физику и химию, географию, всеобщую историю, татарскую литературу, зоологию, теологию, русский язык. В шестом классе изучали толкование Корана, арабскую литературу, арифметику, алгебру, физику и химию, естествоведение, всеобщую историю, русский язык; и на последнем, седьмом году обучения преподавали толкование Корана, изречения пророка, основы религии, арифметику, алгебру, физику и химию, педагогику, всеобщую историю, естествоведение, этику, русский язык [14, л. 2–4]. Необходимо отметить, что шакирды медресе могли получить «аттестат учителя» и право на педагогическую деятельность только после сдачи выпускных экзаменов.

Авторитет шейха Зайнуллы Расулева был неоспоримым среди татар, башкир и казахов еще и потому, что он, усвоив достижения других культур, мог преподнести их с опорой на собственную тюркскую мусульманскую традицию[8], поэтому известность его медресе выходила далеко за пределы Волго-Уральского региона.

В медресе «Расулия» обучались великий казахский писатель С. Торайгыров, татарский журналист и педагог Х. Искендеров, каракалпакский поэт Ажинияз Косыбай-улы и другие. Среди казахов и татар был хорошо известен выпускник медресе казахский и татарский поэт, писатель, заместитель редактора журнала «Айкап», Еркем Алимов (Акрам Галимов) (1892–1913). Он печатался на страницах журнала как на казахском, так и на татарском языке под псевдонимом «Шала татар». Необходимо подчеркнуть, что один из первых казахских журналов «Айкап» стал издаваться именно в этом медресе [15, с. 16]. Бесспорно, многих прогрессивных деятелей сложной эпохи начала XX в. привели в «Расулию» новые методы обучения, а также довольно невысокая оплата – 8 руб. за весь курс, тогда как в медресе «Хусаиния» средняя плата составляла 100 руб., в медресе «Галия» – 15 руб. Как пишет Р.Р. Шангараев, в медресе «Расулия» обращали внимание на языческие пережитки в культуре казахов и стремились с этим бороться [16, с. 207]. В 1913 г. в названном учебном заведении обучалось от 240 до 250 учеников.

Необходимо отметить, что особенно содействовали образованию казахского населения татарские учебные заведения в Оренбургской губернии. Подготовкой учителей и духовенства для казахских мусульманских школ занимались все медресе Сеитова посада. К началу XX в. в Оренбургской губернии было более 150 мусульманских учебных заведений высшего звена, 152 медресе и 226 мектебов, в которых учились 14 379 мальчиков и 1 665 девочек [10, с. 88].

Новометодные медресе и мактабы в Тургайской области также содержались за счет татарского торгового и промышленного капитала. В Кустанае дома для размещения в них школ предоставили купцы Г. Бекмухаметов и М. Яушев, в Иргизе – купец Н. Габбасов. Нередко под школы отдавали свои дома и муллы, в частности С. Забиров в Кустанае; в Актюбинске школа была в доме у муллы Абдулгазиза Абдулбакиева [15, с. 17]. Известно, что

[8] *Насыров И.Р.* Великое видится на расстоянии (духовное наследие шейха Зайнуллы Расулева) // Исламский образовательный портал. URL: https://islamdag.ru/lichnosti/26637?ysclid=m94gxet8yk675029609, свободный.

новометодное медресе, открытое в 1907 г. предпринимателем З.Г. Галеевым в Челябинске, содержалось за счет вакфа, приносившго в год 1 200 руб. за счет его большого магазина, располагавшегося на улице Сибирской [13, с. 225].

Известный татарский предприниматель Мухамеджан Яушев поддерживал Третье медресе города Троицка, получавшее от него ежегодно 3 000 руб. [13, с. 225]. В Троицкой учительской семинарии в феврале 1913 г. находилось 250 учеников, в том числе около 50 из числа казахов. Благотворительная помощь оказывалась Яушевыми преподавателям А.Б. Баталу, Н. Ниязову и др. [17, с. 197–198].

Под влиянием татарского новометодного образования в начале XX в. стали открываться мактабы с преподаванием на казахском языке. Этому способствовало то, что в именно тогда у казахов появились свои буквари, изданные в Казани или Уфе, их авторами были учителя З. Ергалиев, К. Сыргалин, М. Нурбаев [18, с. 39]. Одним из первых подобного рода учебных заведений была «Мамания», школа братьев Мамановых в ауле Карагач Аксуского района Семиреченской области, построенная в 1904 г. В учебных программах, правилах внутреннего распорядка школа копировала уфимское медресе «Галия». С четвертого класса в медресе начинали вводить русский язык. Есенкул Маманов для поднятия престижа своего медресе стал давать в газете «Казах» и журнале «Айкап» объявления с целью приглашения лучших учителей [18, с. 39], на которые начали откликаться образованные казахи. Здесь служил видный казахский демократ-просветитель, юрист по образованию Т. Мусагалиев. В «Мамание» работал также известный писатель, публицист М. Малдыбаев [19, с. 429].

Большое значение для поддержки стандартизированного мусульманского новометодного образования имела деятельность типографии Гильмана Ибрагимовича Каримова, отца Фатыха Карима[9]. Приобрести типографию ему помогли братья Рамиевы. Гильман-ахун 30 лет проработал на поприще образования. Был ахуном Бугульминского уезда. Ярый кадимист, он даже вынашивал план убийства И. Гаспринского [20, с. 316], однако, познакомившись с последним ближе, Гильман-ахун понял, что взгляды и убеждения у них во многом совпадают, и стал все свои силы отдавать поддержке новометодного образования. В типографии, открытой им в 1901 г., за полтора года работы было издано 27 наименований книг тиражом 52 400 экземпляров. В 1902 г. Гильман-ахун умер, но его дело продолжил старший сын М.Г. Каримов[10]. В целом за годы существования этой типографии (15 лет) было напечатано 117 книг на казахском языке (особо ценным было издание учебников и учебных пособий). В частности, здесь вышла первая пропись на казахском языке за авторством Г. Джагфара «Уку – йазу», а также учебник по арифметике на казахском языке для первого и второго года обучения. Все остальные учебники, использовавшиеся в новометодных медресе в Степном крае, были на татарском языке[11]. Типография товарищества «Каримов, Хусаинов и Ко» была самой крупной в регионе, в ней было напечатано до 35 % всей казахской литературы, выпущенной до революции.

Благодаря татарским книгоиздателям, в частности братьям Нигматуллиным, у казахов появилась своя типография. В 1912 г. они открыли в Семипалатинске типографию «Ярдам сериктиги», при которой была и библиотека. По настоятельной просьбе казахских шакир-

[9] Фатых Карим (1909–1945) – татарский общественный деятель, писатель, журналист, просветитель.

[10] Паровая типография товарищества «Каримов, Хусаинов и Ко» // Бердская слобода. Уголокъ оренбургскаго краевѣда. URL: https://berdskasloboda.ru/parovaja-tipografija/, свободный.

[11] *Каримов Т.* История казахской книги и татарские книгопечатники // Проза.ру (proza.ru). URL: https://proza.ru/2015/06/15/1663, свободный.

дов типография братьев Нигматуллиных была выкуплена казахскими купцами [21, с. 130]. За очень короткий срок в ней было напечатано более 10 тыс. книг [22, с. 116].

Конец XIX – начало XX в. – время подъема национального самосознания у тюрко-мусульманских народов. Именно в этот период у татар, башкир и казахов появляется своя историография. «Кто же ты, если не татарин?» – вопрошал Шигабутдин Марджани в своей исторической работе «Мустафа аль-ахбар фи ахвали Казань ва Булгар» [23].

В начале XX в. в учебные планы новометодных медресе была включена такая дисциплина, как история тюрко-татарских народов. Появилась острая необходимость в написании учебников по национальной истории. Одним из первых был труд башкирского историка Мурата Рамзи, написанный на арабском языке, – «Известия и сведения о событиях в Казани, Булгаре и татарских царях». Книга вышла в двух частях в 1908 г. в Оренбурге при финансовой поддержке основателя медресе «Расулия» Зайнуллы Расулева [24, с. 5].

В самых крупных медресе Волго-Уральского региона курсы национальной истории вели выдающиеся просветители татарского народа. В медресе «Хусаиния» преподавали Фатых Карим и Риза Фахретдин, в медресе «Мухаммадия» – Газиз Губайдуллин, в медресе «Касимия» – Ахмет-Заки Валиди [15, с. 18]. Под влиянием татарских просветителей формировалось национальное самосознание казахской интеллигенции. Ярким подтверждением этого процесса можно считать появление труда казахского поэта и философа Ш. Худайбердиева «Турик, кыргыз-казак hам хандар шежереси» («Родословная правителей тюрков, киргиз-кайсаков»), напечатанного в Оренбурге в 1911 г. [15, с. 18]; кроме того, вышла в свет книга У. Абызгильдина «Мухтасар тарих киргизия» («Сокращенная история кыргызов») (Оренбург, 1913 г.). В трудах названных авторов история тюркских народов в евразийском пространстве начиналась с истории тюркских каганатов, Монгольской империи, Улуса Джучи и постордынских государств. В целях интеграции казахов в общеимперское пространство для государственных русско-казахских школ и казахских медресе в 1912 г. выходит учебник на казахском языке «История дома Романовых с прибавлением истории киргиз» К. Ходжаева, А. Касимова и С. Жангирова.

Заключение. Татарские новометодные школы способствовали становлению у казахов как своей стандартизированной светской системы образования на основе учебников на казахском языке, так и книгопечатания, что благоприятствовало формированию национальной интеллигенции. Необходимо отметить, что, поскольку уровень образования в ведущих джадидистских медресе до революции достиг уровня гимназий и прогимназий, дипломы новометодных медресе признавались советской властью. Дипломы выпускников медресе «Мухаммадия», «Касымия», «Галия», «Усмания», «Хусаиния», «Расулия», «Буби» в 1918 г. приравнивались к дипломам педагогических училищ. Многие выпускники этих медресе первых лет советской власти преподавали в дальнейшем в Средней Азии и Казахстане.

Татарская буржуазия сыграла значимую роль в развитии образовательной системы у тюрко-мусульманских народов. Названный процесс был связан с необходимостью модернизации образования, чтобы повысить его конкурентоспособность в условиях растущих социальных и экономических изменений. Такие медресе, как «Галия», «Усмания», «Расулия» и другие, стали важными учебными центрами, где преподавали не только религиозные, но и светские дисциплины. Эти учебные заведения способствовали подготовке учителей и просветителей, что было особенно важно для казахов и других народов Волго-Уральского региона. Финансовая помощь со стороны татарских предпринимателей, таких как братья Хусаиновы, казахско-татарская семья Джантюриных и др., была ключевым фактором создания и под-

держки образовательных учреждений. Их благотворительная деятельность способствовала развитию культуры и образования в регионе. Образовательные инициативы татар помогли сохранять и развивать национальную идентичность тюрко-мусульманских народов. Новометодные медресе показали способность адаптироваться к изменениям в образовательной политике, увеличивая прием учащихся из других регионов, что свидетельствовало об их значимости и востребованности в обществе. Таким образом, татарская культура и образовательные инициативы стали важными факторами формирования культурной среды в Казахской степи и способствовали развитию тюрко-мусульманских народов в начале XX в.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Литература

1. *Дербисали А.* Казакстаннын мешіттері мен медреселері: рухани шамширактар (IX–XX гг.). Алматы: Аруна, 2009. 495 б.
2. *Махмутов З.А.* Функции и некоторые результаты деятельности татарских мулл в Казахстане в трансформирующихся политических контекстах XVIII – середины XX в. // Вестн. РУДН. Сер.: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 61–73. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-61-73.
3. *Муртазина Л.Р.* Роль татар в развитии просвещения народов Туркестана и казахских степей (конец XIX – начало XX в.) // Вестн. ТГПУ (TSPU Bulletin). 2017. № 8 (185). С. 126–130. https://doi.org/1023951/1609-624X-2017-8-126-130.
4. *Асанова С.А.* Ислам в духовной культуре Казахстана начала XX века // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение / Отв. ред.: М.К. Козыбаев; редкол. Н.Т. Кенжебаев, А.К. Бисенбаев. Алматы: ТУДАП. 1994. С. 74–84.
5. *Миннуллин З.С.* Институт вакуфа у татар-мусульман в исторической ретроспективе // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2007. Т. 149, кн. 4. С. 114–121.
6. *Раздыкова Г.М.* История мусульманского образования в Казахстане. Павлодар: Кереку, 2010. 150 с.
7. *Байдаров Е.У.* Абай и джадидизм: единство знания и веры в духовном наследии мыслителей Центральной Азии // Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая – World of Great Altay. 2015. №1 (3). С. 213–228.
8. *Султангалиева Г.С.* Джадидизм и взаимодействие тюркоязычных народов Урало-Поволжья, Казахстана (конец XIX – начало XX в.) // Вестн. КазГУ им. аль-Фараби. Сер. Истор. 2001. № 3 (22). С. 32–39.
9. *Гафаров А.А., Бродовская Л.Н, Буравлёва В.В.* Проблемы инородческого образования мусульман в Российской империи (XIX – начало XX) // Образование и саморазвитие. 2012. № 4 (32). С. 171–176.
10. *Гизатуллин Р.Н.* Мусульманские учебные заведения дореволюционного Троицка (кон. XVIII – нач. XX вв.). Краткие очерки. Челябинск, 2016. 92 с.
11. *Гибадуллина Э.М.* Татарские городские общины Южного Казахстана во второй половине XIX – начале XX в.: социально-экономический аспект // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2017. № 7. С. 49–60.
12. *Суворова Н.Г.* Духовное и светское просвещение мусульман-кочевников и новокрещенных в контексте колонизации степного края (конец XIX – начало XX в.) // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Ист. науки». 2017. № 3 (15). С. 262–270. https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.3.262-270.
13. *Муфтахутдинова Д.Ш.* Благотворительная деятельность татарских предпринимателей в Степном крае (конец XIX – начало XX века) // Вестн. ОГПУ. Электронный научный журнал. 2023. № 2 (46). С. 219–234. https://doi.org/10.32516/2303-9922.2023.46.15.

14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 243. Д. 74Г: Особый отдел. О панисламизме. Оренбургская губерния, Тургайская область. Литература. 53 л.
15. *Толепбергени Ж.Т.* Мусульманское движение в Западном Казахстане и Южном Урале: особенности и тенденции взаимодействия (конец XIX и начало XX вв.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Актобе, 2010. 27 с.
16. *Шангараев Р.Р., Самигуллин М.Г.* Зайнулла Расулев и Галимджан Баруди: общественная деятельность и религиозные воззрения // История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе. Казань: РИУ, 2010. С. 199–221.
17. *Таиров Н.И.* Татарская буржуазия Поволжья и Приуралья: социальная деятельность, благотворительность и меценатство (60-е гг. XIX в. – 1917 г.). Казань: Изд-во КГУКИ, 2011. 279 с.
18. *Храпченков Г.М., Храпченков В.Г.* История школы и педагогической мысли Казахстана / Под общ. ред. Г.М. Храпченкова. Алматы: Университет «Кайнар», 1998, 168 с.
19. *Садвокасова З.Т.* Наследие алашской интеллигенции по проблемам просвещения казахских детей (в контексте казахской государственности) // Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая – World of Great Altay. 2018. Т. 4, № 3. С. 426–434.
20. Фатых Карими // Знаменитые личности: историко-биографический сборник / Авт.-сост. А. Ахунов, З. Миннуллин. Казань: Жиен, 2013. С. 316.
21. *Казиев С.Ш.* Национально-просветительское движение и проекты национализма в Казахстане в конце XIX – начале XX в. // Изв. АлтГУ. 2014. Т. 4, № 2 (84). С. 128-133.
22. *Махмутов З.А.* Духовная и образовательная деятельность татар в казахской степи в контексте внутренней политики Российской империи // Самарский научный вестн. 2017. Т. 6, № 1 (18). С. 113–117.
23. *Марджани Ш.* Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казань ва Булгар: (Источники по истории Казани и Булгара). Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. 414, [1] с.
24. *Ахмадуллин С.З.* «Талфик Ал-Ахбар…» (Свод сведений…») Мурада Рамзи как источник по истории башкир: дис. … канд. ист. наук. М., 2018. 250 с.

References

1. Derbisali A. *Kazakh Mosques and Madrassas. Spiritual Mentors (from the 9th to 20th Century)*. Almaty, Aruna, 2009. 496 p. (In Kazakh)
2. Makhmutov Z.A. The roles and some achievements of Tatar mullahs in Kazakhstan amid the changing political landscape of the 18th and mid-20th centuries. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 61–73. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-61-73. (In Russian)
3. Murtazina L.R. The role of the Tatars in the development of education among the peoples of Turkestan and the Kazakh Steppe (from the late 19th to early 20th century). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2017, no. 8 (185), pp. 126–130. https://doi.org/1023951/1609-624X-2017-8-126-130. (In Russian)
4. Asanova S.A. Islam in the spiritual culture of Kazakhstan during the early 20th century. In: *Kazakhstan v nachale XX veka: metodologiya, istoriografiya, istochnikovedenie* [Kazakhstan in the Early 20th Century: Methodology, Historiography, and Source Studies]. Kozybaev M.K., Kenzhebaev N.T., Bisenbaev A.K. (Eds.). Almaty, TUDAP, 1994, pp. 74–84. (In Russian)
5. Minnullin Z.S. Waquf institution among Tatars-Muslims in historical retrospective. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki*, 2007, vol. 149, no. 4, pp. 114–121. (In Russian)
6. Razdykova G.M. *Istoriya musul'manskogo obrazovaniya v Kazakhstane* [The History of Muslim Education in Kazakhstan]. Pavlodar, Kereku, 2010. 150 p. (In Russian)
7. Baidarov E.U. Abai and Jadidism: The unity of knowledge and faith in the spiritual heritage of Central Asian thinkers. *Uelken Altai Elemi – Mir Bol'shogo Altaya – World of Great Altay*, 2015, no. 1 (3), pp. 213–228. (In Russian)

8. Sultangalieva G.S. Jadidism and the interaction of the Turkic-speaking peoples in the Ural-Volga region, Kazakhstan (from the late 19th to early 20th century). *Vestnik KazGU imeni al'-Farabi. Seriya Istoriya*, 2001, no. 3 (22), pp. 32–39. (In Russian)
9. Gafarov A.A., Brodovskaya L.N., Buravleva V.V. Problems with the education of Muslim communities in the Russian Empire (from the 19th to the early 20th century). *Obrazovanie i Samorazvitie*, 2012, no. 4 (32), pp. 171–176. (In Russian)
10. Gizatullin R.N. *Musul'manskie uchebnye zavedeniya dorevolyutsionnogo Troitska (kon. XVIII–nach. XX vv.). Kratkie ocherki* [Muslim Educational Institutions of Pre-Revolutionary Troitsk (From the Late 18th to Early 20th Century). Brief Outlines]. Chelyabinsk, 2016. 92 p. (In Russian)
11. Gibadullina E.M. Tatar urban communities of Southern Kazakhstan during the second half of the 19th and early 20th centuries: A socio-economic aspect. *Iz Istorii i Kul'tury Narodov Srednego Povolzh'ya*, 2017, no. 7, pp. 49–60. (In Russian)
12. Suvorova N.G. Religious and secular education of Muslim nomads and newly baptized Christians during the colonization of the steppe region (from the late 19th to early 20th century). *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya "Istoricheskie Nauki"*, 2017, no. 3 (15), pp. 262–270. https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.3.262-270. (In Russian)
13. Muftakhutdinova D.Sh. Charitable activities of Tatar entrepreneurs in the steppe region (from the late 19th to early 20th century). *Vestnik OGPU. Elektronnyi Nauchnyi Zhurnal*, 2023, no. 2 (46), pp. 219–234. https://doi.org/10.32516/2303-9922.2023.46.15. (In Russian)
14. State Archive of the Russian Federation (GARF). Collect. 102. Inv. 243. File 74G: Special Department. About pan-Islamism. Orenburg Governorate, Torgay Region. Literature. 53 L. (In Russian)
15. Tolepbergeni Zh.T. The Muslim movement in Western Kazakhstan and the Southern Urals: Specific features and trends of interaction (from the late 19th to early 20th century). *Extended Abstract Cand. Sci. (History) Diss*. Aktobe, 2010. 27 p. (In Russian)
16. Shangaraev R.R., Samigullin M.G. Zainulla Rasulev and Galimdzhan Barudi: Public work and religious views. In: *Istoriya musul'manskoi mysli v Volgo-Ural'skom regione* [A History of the Islamic Thought in the Volga-Ural Region]. Kazan, RIU, 2010, pp. 199–221. (In Russian)
17. Tairov N.I. *Tatarskaya burzhuaziya Povolzh'ya i Priural'ya: sotsial'naya deyatel'nost', blagotvoritel'nost' i metsenatstvo (60-e gg. XIX v.–1917 g.)* [The Tatar Bourgeoisie of the Volga Region and the Cis-Urals: Social Activities, Charity, and Patronage (from the 1860s to 1917)]. Kazan, Izd. KGUKI, 2011. 279 p. (In Russian)
18. Khrapchenkov G.M., Khrapchenkov V.G. *Istoriya shkoly i pedagogicheskoi mysli Kazakhstana* [A History of Schools and Pedagogical Thought in Kazakhstan]. Khrapchenkov G.M. (Ed.). Almaty, Univ. "Kainar", 1998. 168 p. (In Russian)
19. Sadvokasova Z.T. The heritage of the Alash intelligentsia on the education of Kazakh children (in the context of Kazakh statehood). *Uelken Altai Elemi – Mir Bol'shogo Altaya – World of Great Altay*, 2018, vol. 4, no. 3, pp. 426–434. (In Russian)
20. Fatykh Karimi. In: Akhunov A., Minnulin Z. *Znamenitye lichnosti: istoriko-biograficheskii sbornik* [Distinguished Personalities: A Collection of Historical and Biographical Sketches]. Kazan, Zhien, 2013. p. 316. (In Russian)
21. Kaziev S.Sh. The national education movement and nationalism projects in Kazakhstan during the late 19th and early 20th centuries. *Izvestiya AltGU*, 2014, vol. 4, no. 2 (84), pp. 128–133. (In Russian)
22. Makhmutov Z.A. Religious and educational activities of Tatars in the Kazakh Steppe in the context of the internal policy of the Russian Empire. *Samarskii Nauchnyi Vestnik*, 2017, vol. 6, no. 1 (18), pp. 113–117. (In Russian)
23. Mardzhani Sh. *Sources on the History of Kazan and Bulgar*. Kazan, Tatar. Kn. Izd., 1989. 414 p. (In Tatar)
24. Akhmadullin S.Z. "Talfik Al- Ahbar …" (A Collection of Chronicles…) by Murad Ramzi as a source on the history of Bashkirs. *Cand. Sci. (History) Diss*. Moscow, 2018. 250 p. (In Russian)

Информация об авторе

Диляра Шамилевна Муфтахутдинова, кандидат исторических наук, доцент кафедры исламской теологии, Российский исламский институт
E-mail: dilaratatar@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/ 0000-0002-0522-4260

Author Information

Dilyara S. Muftakhutdinova, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Islamic Theology, Russian Islamic Institute
E-mail: *dilaratatar@mail.ru*
ORCID: https://orcid.org/ 0000-0002-0522-4260

Поступила в редакцию 10.02.2025 Received February 10, 2025
Принята к публикации 10.04.2025 Accepted April 10, 2025

Оригинальная статья

УДК 93/94
https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.103-121

Наследие профессоров церковно-исторической школы Казанской духовной академии в деле становления кафедры церковной истории в Императорском Казанском университете в XIX – начале XX столетия

Д.С. Ларионов, иерей

Казанская православная духовная семинария, г. Казань, Россия
Московская духовная академия, г. Сергиев Посад, Троице-Сергиева лавра, Россия

d.larion@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье рассмотрены научно-исследовательские портреты представителей церковно-исторической школы Казанской духовной академии XIX столетия, которые продолжали свою деятельность и за ее пределами, а именно в Императорском Казанском университете. Отмечается, что главным показателем сложившейся церковно-исторической школы являются развитие и преемственность научно-исследовательской традиции в работах по истории Церкви. Представлен анализ не исследованной ранее научной деятельности профессоров и преподавателей кафедры церковной истории в указанный период. Особое внимание уделено их вкладу в развитие церковной историографии и исследование религиозных течений и культурных аспектов православия. Деятельность каждого из ученых рассмотрена в контексте ее научной направленности, изучены ключевые темы и проблемы, которым они посвятили свои труды. Упомянуты также их ключевые работы обозначенного периода, обобщены их взгляды и подходы к изучению церковной истории, в научный оборот введены новые источники.

Ключевые слова: Императорский Казанский университет, Казанская духовная академия, протоиерей Александр Владимирский, И.М. Добротворский, Ф.А. Курганов, К.В. Харлампович, Н.В. Никольский, В.А. Керенский

Для цитирования: *Ларионов Д.С., иерей.* Наследие профессоров церковно-исторической школы Казанской духовной академии в деле становления кафедры церковной истории в Императорском Казанском университете в XIX – начале XX столетия // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 2. С. 103–121. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.103-121.

Original article

https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.103-121

Intellectual heritage of professors from the church history school of Kazan Theological Academy and its role in the development of the Department of Church History at Kazan Imperial University during the 19th and early 20th centuries

D.S. Larionov, Priest

Kazan Orthodox Theological Seminary, Kazan, Russia
Moscow Theological Academy, Sergiev Posad, Trinity Lavra of St. Sergius, Kazan, Russia

d.larion@mail.ru

Abstract

This article sketches out the portraits of scholars who represented the church history school of the Kazan Theological Academy during the 19th century and also performed their research outside its walls, at Kazan Imperial University. It is recognized as a separate school of thought because it developed and continued as a certain perspective on historical research. Here, the scholarly contributions of the professors from the Department of Church History at Kazan Imperial University are analyzed, with particular emphasis on their role in the advance of church historiography, as well as in the study of religious movements and cultural aspects of Orthodoxy. The key directions, themes, and problems addressed in their works are explored, and the most notable publications are discussed. Their views and methodological approaches to church history are summarized.

Keywords: Kazan Imperial University, Kazan Theological Academy, Archpriest Alexander Vladimirsky, I.M. Dobrotovrsky, F.A. Kurganov, K.V. Kharlampovich, N.V. Nikolsky, V.A. Kerensky

For citation: Larionov D.S., Priest. Intellectual heritage of professors from the church history school of Kazan Theological Academy and its role in the development of the Department of Church History at Kazan Imperial University during the 19th and early 20th centuries. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 2, pp. 103–121. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.103-121. (In Russian)

Введение. В первой половине XIX в. научно-исследовательская и просветительская деятельность стала в Российской империи одним из главных вопросов развития общества. Открывались просветительские центры и гимназии, училища и семинарии, духовные академии и университеты; проблема получения духовного и светского образования стояла очень остро. Императорский Казанский университет и Казанская духовная академия вошли в историю России, в частности Казанского края, как одни из ведущих и наиболее престижных учебных заведений того времени. Между духовным и светским образованием было много общего. Они имели тесную взаимосвязь в образовательном и научно-исследовательском процессах. Тон задавали Министерство народного просвещения и Священный синод, которые выпускали главные законодательные документы – уставы, оказывавшие огромное влияние на жизнь студентов и преподавателей.

Опираясь на вышеуказанный документ, учебное заведение должно было неукоснительно вводить в оборот все его предписания. Профессорско-преподавательской корпорации и студенчеству приходилось непросто в периоды реформирования, являвшегося следствием поиска идеальной формы образовательного процесса, который, в частности, выстраивал и оптимизировал научную и исследовательскую деятельность учебного заведения. Точками пересечения обозначенных аспектов и в духовном, и в светском учреждении являлись кафедры, представлявшие собой единство профессорско-преподавательской корпорации и студенчества. О взаимосвязи образовательных процессов и университета, и духовной академии в Казани свидетельствует и характер развития церковно-исторической науки. Так, представители церковно-исторической школы Казанской духовной академии внесли свой вклад в развитие кафедры церковной истории Императорского Казанского университета, формирование которой началось с 1819 г., когда церковную историю начали преподавать параллельно с библейской историей (Соб. зак., с. 842).

Протоиерей Александр Владимирский. Становление церковно-исторической науки в университете на базе самостоятельной кафедры в 50-х годах XIX столетия было ознаменовано появлением в профессорско-преподавательском составе выпускника-магистра Казанской духовной академии протоиерея Александра Поликарповича Владимирского (I, л. 3–5). На отца Александра были возложены обязанности преподавателя отдельной кафедры (I, л. 5): он читал лекции по церковной истории, догматике, нравственному богословию и церковному праву. Вдобавок к этому ему было поручено преподавание логики и психологии (БС, с. 2). С введением устава 1835 г. кафедра православного богословия не принадлежала ни к одному из факультетов университета, а церковная история как лекционная дисциплина входила в корпус предметов кафедры. Любопытно, что, согласно уставу, лекции по церковной истории читались на всех факультетах и в основном для студентов первого года обучения (ОПЛ1, с. 24).

За годы работы в научной сфере протоиерей Александр Владимирский проявил себя как деятель скорее научной богословской школы, нежели исторической1. Тем не менее отец Александр старался выполнять все поставленные перед ним задачи по чтению лекционного материала по истории Церкви, им была написана программа курса церковной истории (ОПЛ1, с. 24). На тот момент основными авторитетными научными пособиями по истории Церкви были «История Новозаветной Церкви» митрополита Филарета (Дроздова) и «Начертание церковной истории от библейских времен» архиепископа Иннокентия (Смирнова).

Период, на который пришлась деятельность отца Александра на университетской кафедре православного богословия, был непростым, переходным. Процесс воссоздания кафедры церковной истории как отдельного направления на одном из факультетов университета подходил к логическому завершению, что подтверждается решением Священного синода о разработке программы лекций по предмету, в которой были предусмотрены вопросы не только по библейской истории и начальному периоду истории древней Церкви, но и по истории периода разделенных Западной и Восточной церквей и, самое главное, по истории Русской православной церкви (II, л. 1). Конечно, А.П. Владимирский как преподаватель курса церковной истории был обеспокоен таким поворотом событий, и на то были веские

[1] *Липаков Е.В.* Владимирский Александр Поликарпович, протоиерей // Православная Энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Православная энциклопедия, 2017. Т. 9. С. 65–66.

основания, поскольку общее количество часов, отведенное на курс, осталось прежним. В 1852/1853 учебном году протоиерей Александр Владимирский читал лекции согласно разработанной программе, но, как показывает его отчет, он смог изложить материал лишь до периода Великого разделения Церквей (II, л. 1 об.), что было весьма «невыгодным» как для самого преподавателя, так и для студентов. Подобная ситуация могла привести к довольно частым в образовательном процессе Казанской духовной академии явлениям – пропускам определенных немаловажных тем и плохому усвоению материала студентами. Отец Александр предложил выход из данного положения – перераспределение лекционных часов по церковной истории на первом и втором курсе, что позволило бы ему как можно подробнее разъяснить основные исторические периоды развития Церкви и способствовало бы лучшему усвоению материала (II, л. 2–2 об). Спустя несколько лет часовая нагрузка по предмету была распределена в рамках нормы для аудиторной работы.

В 1863 г. в силу вступает новый университетский устав. Этот год стал знаменательным для церковно-исторической науки в образовательной системе Казанского университета – на историко-филологическом факультете была создана кафедра для формирования своей научной школы. Протоиерей Александр отчасти подготовил преподавательскую и научную среду для становления и развития в университете церковно-исторической науки, проработал и скорректировал программу, которая легла в основу дальнейшей разработки курса лекций по предмету (ОПЛ2, с. 4–6). В сфере преподавания и научного просвещения в стенах Казанского университета отец Александр трудился с 1852 по 1871 г. Как указывают источники, он проявил себя скорее как администратор, нежели как деятель науки (III, л. 1; КазДА, с. 774–775), тем не менее был избран почетным членом университета. За почти двадцать лет службы в этом учебном заведении он получил множество наград за свои труды на ниве духовного образования в Казанском крае (Ист. зап., с. 17). 11 августа 1871 г. протоиерей Александр Владимирский был назначен ректором Казанской духовной академии, где он продолжил свою педагогическую деятельность.

Корпус его научных исследований состоит из гомилетических, переводческих, богословских и исторических трудов. Выпускная работа А.П. Владимирского «Рассуждение о высоком достоинстве Богоматери и Ее значении в Царстве Благодати» представляет собой последовательный ряд размышлений автора о Божией Матери, подкрепленный изречениями святых отцов и деятелей Церкви (IV, л. 11). Ученый уделил внимание анализу значения Богоматери в христианской традиции в рамках сакрального пространства. Работа строится на анализе основных текстов Священного Писания, святоотеческого наследия, догматического учения Церкви и традиции, а также учения отцов Церкви.

В университетский период создаются проповеди отца Александра, приуроченные к определенным праздникам и событиям. Им был также отредактирован перевод сочинения французского пастора и историка Франсуа Эжена Арно «Защита Моисеева Пятикнижия против возражений отрицательной критики» (ЗМ, Ч. 1, с. 191–219, 276–290; Ч. 2. с. 13–31, 101–135, 181–211; Ч. 3. с. 10–28, 215–239, 315–337). Будучи ректором Казанской духовной академии, А.П. Владимирский написал немало статей, посвященных изучению библейской истории и опубликованных в периодическом издании академии «Православный собеседник» (ДЧ, с. 13–61; БА, с. 40–67, 484–509; КН, с. 10–33).

Итогом трудов протоиерея Александра Владимирского по развитию кафедры церковной истории стало расширение курса лекций, который делился на библейскую историю, исто-

рию Русской церкви и общую церковную историю. Вершиной его деятельности стало участие в делах Учебного комитета, членом которого он стал после 1892 г. (V, л. 1).

Профессор И.М. Добротворский. 18 июня 1863 г. вступил в силу новый устав университетов, который предписывал учреждение новых кафедр, в их числе была кафедра церковной истории на историко-филологическом факультете (Устав, с. 6). Это ознаменовало новый период для церковно-исторической науки Казанского университета, в который сформировалась целая историческая школа. Первым, кто открыл этот новый этап развития кафедры церковной истории, стал яркий представитель церковно-исторической школы Казанской духовной академии профессор Иван Михайлович Добротворский.

В академии студент Иван Добротворский проявил себя как подающий надежды исследователь и человек энциклопедического склада ума. Он одним из первых приступил к описи Соловецких рукописей, переданных в библиотеку Казанской духовной академии (ИК, с. 527). В круг его интересов вошло изучение русской церковной истории, в особенности истории русского раскола. Используя Соловецкие рукописи, он написал выпускную работу «Иргизские монастыри: исторический очерк» (VI), в рамках которой предложил анализ исторических событий и обзор идеологических разногласий и дискуссий, а также описал разнообразные общины и значимых персонажей, связанных с расколом и историей Иргизских монастырей. Большое внимание Иван Михайлович уделил научно-публицистической деятельности в академическом журнале «Православный собеседник» (VII, л. 1–1 об.). Тематика его статей была в основном сконцентрирована вокруг положения русского раскола в истории Русской церкви. Восемь лет своей преподавательской и научной деятельности И.М. Добротворский посвятил развитию и формированию новообразованной кафедры истории и обличения русского раскола Казанской духовной академии (Некр., с. 14).

Тогда в сфере образования были востребованы молодые исследователи, способные двигать науку вперед. Правление университета заметило молодого магистра Казанской духовной академии и предложило Ивану Михайловичу возглавить новую кафедру. И.М. Добротворский прекрасно понимал структуру светского образования и коренные его отличия от духовного. Для освоения новой должности и структурирования плана работы университетской кафедры он запросил помощь Правления в организации его командировки в заграничные учебные заведения. Историко-филологический факультет ходатайствовал перед Советом университета об утверждении И.М. Добротворского в звании доцента. 30 мая 1864 г. Иван Михайлович по итогам баллотировки был избран доцентом кафедры (VIII, л. 2), а в июне 1865 г., уже будучи заведующим кафедрой церковной истории, направлен в заграничную командировку (VII, л. 3–4). Современные исследователи истории Казанской духовной академии и семинарии упоминают исторический случай, когда факультет хотел отправить в командировку вместе с И.М. Добротворским еще и молодого перспективного исследователя Петра Васильевича Знаменского, которого по праву можно считать основателем церковно-исторической школы Казанской духовной академии (IX, л. 245), однако последнего не допустили к поездке. Этот момент своей жизни профессор и почетный член Казанского Императорского университета П.В. Знаменский впоследствии вспоминал как неудачный (X, л. 43).

В то время разработка программ и преподавание церковно-исторической науки в западных учебных заведениях находились на высоком уровне развития. Понимая это, И.М. Добротворский решил перенять заграничный опыт, что позволило бы должным об-

разом развить церковно-историческую науку Казанского университета[2]. По результатам своей командировки Иван Михайлович представил отчет, который являет собой научное сочинение о состоянии и положении церковно-исторической науки в католических и протестантских университетах Западной Европы (Отч. Добр.1, с. 308–320). И.М. Добротворский провел анализ прослушанных лекций, дал оценку основных пособий по истории Восточной церкви, кратко описал состояние местных библиотек и привел основные причины «ненадежности» пособий католических и протестантских историков. В 1868 г. по окончании командировки он был избран экстаординарным профессором кафедры (XI, л. 4).

По воспоминаниям студентов Казанской духовной академии, у Ивана Михайловича было научно-исследовательское стремление к изучению русских сект, но хорошим оратором он не был (ИК, с. 397). Профессор обозначил главную цель своих лекций – научить студентов жить с Церковью, видеть в ней союзника. Своей задачей он считал защиту умов студентов от возникших в то время либеральных общественно-политических и философских течений, таких как народники, стремившиеся «развалить» монархический строй. Подобные течения затронули и Казанский университет: так, преподаватель кафедры русской церковной истории духовной академии и университетской кафедры русской гражданской истории Афанасий Прокопьевич Щапов собрал вокруг себя тайный кружок единомышленников из числа демократически настроенных студентов [1, с. 654].

Прекрасно осознавая поставленную перед ним задачу по просвещению студенческих умов, которые были несведущими в вопросах жизни Церкви и легко могли поддаться влиянию возникавших общественно-политических течений, И.М. Добротворский в качестве темы своей первой лекции избрал «Предмет и метод церковной истории» (ПМ, с. 854 – 880). С первых строк можно заметить апологетический характер лекции[3]. Профессор дает ясное определение истории Церкви как истории веры и отношений человека с Богом. Лекцию можно разделить на две части. В первой Иван Михайлович объясняет, что представляет собой религия, в частности христианство, что есть Церковь и какое место она занимает в жизни человека. На основе исторических фактов он приводит доказательства религиозности каждого народа на протяжении всей истории человечества, а также отмечает главенство христианства над другими религиями. Вторая часть является размышлением о самом предмете религии, в частности о церковной истории (ПМ, с. 860–870). Здесь профессор, приводя мнения известных философов, богословов и рассуждения историков Новой Тюбингенской школы, начинает построение подробной периодизации церковной истории с возникновения еврейского народа, постепенно переходя к временам явления и проповеди Христа. Далее он характеризует период со времени проповеди апостолов до момента разделения Церкви на Восточную и Западную, а в завершение описывает современное положение Церкви.

На протяжении 16 лет профессор И.М. Добротворский неукоснительно исполнял свои обязанности главы кафедры церковной истории. Свои лекции читал регулярно, по три встречи в неделю (Некр., с. 41). Программу лекций по церковной истории Иван Михайлович разбил между курсами, охватив самые важные вопросы курса. Характер изложения

[2] В статье Е.В. Липакова и Е.В. Афонина указано, что И.М. Добротворский прослушал курс лекций в Тюбингене, Мюнхене, в Афинах изучал новогреческий язык. Параллельно посетил Египет, Палестину и Константинополь (см. *Липаков Е.В., Афонин Е.В.* Иван Михайлович Добротворский // Православная Энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Православная энциклопедия, 2017. Т. 15. С. 490).

[3] Рассуждая о религиозном состоянии народов в истории человечества, ученый пишет: «Народ без религии немыслим, как человек без души» (ПМ, с. 856).

им материала был таким, что исторические события или факты он дополнял объяснением вероучительных истин Церкви, особенностей богослужений, таинств, обрядов, что давало студентам возможность углубиться в тот или иной вопрос, иметь ясное представление об исторической картине.

Программа для первого курса историко-филологического факультета охватывала обширную тематику. В вводной лекции И.М. Добротворский давал определения понятиям «религия», «Церковь», «история Церкви», после чего излагал события от Рождества Христова до середины IX в., дополняя это изложение рассмотрением религиозно-нравственного состояния общества того периода (XII, л. 43–44). Лекции на втором курсе были посвящены изучению периода Великого раскола Церкви на Восточную и Западную. Сначала профессор рассматривал историческую линии событий жизни Восточной церкви до падения Константинополя в 1453 г., а Западной, Католической – до периода Реформации (XII, л. 51–52 об.). Студенты третьего и четвертого курсов знакомились с историей Католической и Протестантской церквей с XVI по первую половину XVII в. (XII, л. 59–60).

В 1879 г. по причине большой предметной загруженности на историко-филологическом факультете провели преобразования, которые затронули и кафедру церковной истории. Экстраординарный профессор факультета И.А. Бодуэн де Куртенэ предлагал оставить церковную историю только на двух курсах: либо на первом и втором, либо на третьем и четвертом (XIII, л. 6), видя в этом решении возможность разгрузить программу. И.М. Добротворский дал на это предложение письменный ответ, в котором ясно и четко указал на важность преподавания своего предмета (XIII, л. 12). Профессор принял решение перераспределить лекционные часы и внести небольшие дополнения. В частности, для студентов четвертого курса он расширил программу, дополнив изучение истории Восточной церкви рассмотрением ее положения в современный период (XIV, л. 28). Как указывает источник, в планах Ивана Михайловича было составление руководства по церковной истории. К большому сожалению, он не успел издать пособие, а большая часть лекционного материала была утеряна.

Научно-исследовательская работа И.М. Добротворского также продолжалась. Список его научных трудов впечатляет (XV, л. 7–8). Учебно-литературная деятельность Ивана Михайловича была направлена на исследование истории раскола и способов его разрешения, рассмотрение особенностей образованных в старообрядчестве сект и некоторых религиозных движений. Будучи профессором университета, он расширил круг своих научных интересов изучением истории Восточной и Западной церквей. Помимо магистерской диссертации, И.М. Добротворский составил труд «Люди Божии, русские секты так называемых духовных христиан», который представляет собой монографию, выстроенную на основе рукописных источников Соловецкой библиотеки, благодаря чему работа представляет особую ценность. Другой известный его труд «Борьба и разделение Церквей в половине XI века» написан на основании церковно-государственных актов указанного периода, собранных в 1861 г., и также является ценным пособием по изучению истории отношений между Восточной и Западной церквями. Иван Михайлович оставил богатое библиографическое наследие, которое состоит из двух переводов иностранных сочинений, 26 статей и 16 литературных изданий.

В 1881 г. исполнилось 25 лет с начала службы И.М. Добротворского на поприще образования. За эти годы профессор стал для студентов примером исследователя, посвятившего все свое время изучению предмета, а его труды признаны классическими в вопросе изучения общей и русской церковной истории. 7 сентября 1883 г. Иван Михайлович Добротворский умер от рака.

Профессор Ф.А. Курганов. В 1885/1886 учебном году вступил в силу новый университетский устав, который был ориентирован на возможность выбора студентами учебных курсов и их самостоятельную работу. К примеру, учащимся кроме основных предметов направления разрешено было выбрать курсы по интересам. Имелись определенные условия для зачисления студентов на выбранное направление, которые заключались в прохождении ряда испытаний на знание основных и выбранных предметов (XVI, л. 17–18). Преподавание лекционного материла было выстроено следующим образом. Четыре семестра студенты изучали основные предметы и после успешного прохождения испытаний выбирали специальные, распределенные по группам: исторические, словесные и классические (XVII, л. 10). К лекционным часам был добавлен дополнительный час, чтобы студенты могли задать вопрос преподавателю или обсудить тему лекции. По сути, образовательный процесс шел в обычном порядке: студенты слушали лекции, вели конспекты, преподаватель проверял их и проводил повторение пройденного материала.

До 1885 г. Казанский Императорский университет не мог найти достойной замены на должность заведующего кафедрой церковной истории. Согласно архивным документам, Министерство народного просвещения назначило на эту должность ординарного профессора Московской духовной академии, впоследствии известного и деятельного исследователя общей церковной истории Алексея Петровича Лебедева (XVIII, л. 1). Пробыл он в должности сравнительно недолго, причем даже ни разу не появился в Казанском университете. Достойную кандидатуру нашли в профессорско-преподавательской корпорации Казанской духовной академии – преемником И.М. Добротворского стал Федор Афанасьевич Курганов (XIX, л. 6).

Ф.А. Курганов был выдающимся ученым в области церковной истории и византологии. Его научные исследования были посвящены изучению церковно-государственных отношений в Восточной и Западной церкви и позволили представить целостную картину сложных взаимосвязей между Церковью и государством в различные периоды истории. Его магистерская диссертация «Устройство управления в церкви Королевства Греческого» (КГ, с. 560) и докторская диссертация «Отношения между церковной и гражданской властью в Византийской империи в эпоху образования и окончательного установления характера этих взаимоотношений (325–565)» (ОМ, с. 434) раскрывают особенности церковно-государственных отношений в Восточной Церкви.

Начало преподавания Ф.А. Курганова пришлось на первый период действия нового устава университетов. В 1885/1886 учебном году профессор прочел лекции по общей и древней истории, которые охватывали темы от зарождения Церкви до современного, настоящего ее положения. В отчете о преподавании предмета указано, что студентам было выдано 29 пособий, важных для закрепления материала. В их число входило восемь трудов немецких историков, две монографии французских ученых и 19 сочинений отечественных исследователей (ОПЛЗ, с. 8–9).

Ф.А. Курганов отличался своих предшественников тем, что уделял большое внимание изучению историографии церковной истории. Он подробно рассматривал различные исторические источники, позиции их авторов и методы исследования. Особый интерес Федор Афанасьевич проявлял к византийской средневековой историографии, так как именно эта эпоха оказала большое влияние на развитие церковной истории [2, с. 110]. Изучение сочинений западных историков также занимает важное место в его методологии. Он анализирует их работы и сравнивает с византийской традицией, выявляя различия и сходства в подходах к изучению церковной истории. Такое сравнительное исследование помогает Ф.А. Курганов-

ву лучше понять особенности историографии и ее влияние на формирование представлений о Церкви и религии (XX, л. 42–44). Он использует критический подход к изучению источников, учитывая их контекст и возможную предвзятость авторов.

В 1887 г. профессор Ф.А. Курганов начал читать специальный курс лекций по церковной истории, которую он преподавал потом в течение 20 лет. Этот курс был посвящен различным темам, которые не входили в основную программу и изучались за один учебный год, что давало студентам возможность углубленно изучать церковную историю, расширяя их знания за пределами стандартной программы.

Начиная с 1890/1891 учебного года в программу курса «Церковная история» был введен отдельный блок, посвященный истории Русской церкви. Это нововведение позволило студентам получить более подробное представление о развитии и роли последней в контексте церковной истории (XXI, л. 131–135) и значительно расширяло программу лекций, которая не «вписывалась» в учебные часы. Федором Афанасьевичем были представлены соображения для решения данного вопроса (XXII, л. 18).

20 ноября 1900 г. исполнилось 30 лет с момента начала деятельности ученого на ниве духовного образования в Казани. Профессор Ф.А. Курганов для своего академического и университетского окружения стал столпом церковно-исторической науки, его считали «великим ученым мужем, светилом богословской науки, которому принадлежит не одно открытие в области истории христианской церкви» [3, с. 840]. Федор Афанасьевич добился заметных успехов в области византологии и неоэллинизма и стал основателем собственной научной школы.

Ф.А. Курганову принадлежит глубокое исследование концепции «симфонии» в русской исторической дореволюционной науке. В докторской диссертации, написанной в 1880 г., он делает вывод о том, что упомянутая концепция не соответствует главенствовавшей тогда на Западе теории византийского цезаропапизма, которая утверждала полное подчинение Церкви императорской власти. Ф.А. Курганов представил «симфонию» как «двуединство» и «диархию» светской и духовной властей в контексте Византии [4, с. 109].

Из внушительного списка работ профессора Курганова помимо магистерской и докторской диссертаций можно выделить «Византийский идеал царя и царства и вытекающие отсюда, по сравнению его с идеалом церкви, отношения между церковной и гражданской властью» (ВИ, с. 36). В упомянутом сочинении на основе обобщенного научного подхода, отражены важные культурные и экономические аспекты Византийской империи, представлены основные точки зрения западных ученых и проведен критический анализ их суждений, в результате чего дано объективное представление о роли и влиянии Византии в выделенных сферах общественной деятельности. Другим важным трудом профессора являются «Наброски и очерки из новейшей истории румынской церкви» (РЦ, с. 1048), в котором, исходя из современных ему эмпирических данных о связях румынской церкви на Ближнем Востоке, автор предпринял исследование ее исторического развития во второй половине XIX в. Перу Ф.А. Курганова принадлежит большое количество статей и рецензий, опубликованных в журналах «Православный Собеседник», «Странник» и «Ученые записки Казанского университета» [5, с. 8].

По прошествии 25 лет службы Ф.А. Курганов, согласно поданному им прошению, решил остаться в качестве сверхштатного сотрудника в профессорско-преподавательском составе Казанского Императорского университета, а также параллельно преподавал в Казанской духовной академии (XXIII, л. 1–2), продолжая чтение своих лекций по общей церковной истории.

Профессор К.В. Харлампович. Согласно действовавшим с 1900 г. нормам университетского устава, после истечения срока службы Ф.А. Курганова кафедра объявлялась доступной для замещения (XXIV, л. 23). Перед началом 1900/1901 учебного года в Правление университета поступило прошение преподавателя латинского языка Казанской духовной семинарии Константина Васильевича Харламповича о принятии его в состав профессорско-преподавательской корпорации университета в качестве приват-доцента кафедры церковной истории для преподавания русской церковной истории (XXV, л. 13–15 об.). Как указывают биографические данные, К.В. Харлампович обучался не в казанских духовных школах, но и для представителей оных не являлся чужаком. В 1898 г. он защищает магистерскую диссертацию «Западнорусские православные школы XVI и начала XVII в.». Ровно через год он перерабатывает свой труд и издает исследовательскую работу «Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православия». Это было первое основательное исследование, в котором подробно и систематически рассматривались деятельность и отношения православных, католических, протестантских братств и братских школ на территории Украины и Беларуси. За эту работу помимо звания магистра он получил две премии (БС, с. 193). В 1900 г. Константин Васильевич приступил к преподаванию на кафедре церковной истории историко-филологического факультета.

В качестве приват-доцента К.В. Харлампович читал курсы, посвященные отдельным историческим аспектам истории Русской церкви. Для студентов и вольнослушателей они были необязательными. В 1900/1901 учебном году он прочитал лекции по истории раскола и старообрядчества, образования единоверия и провел занятия по истории духовного образования в России (ОПЛ4, с. 15–16). Со следующего года он начал преподавание полноценного курса истории Русской церкви. В качестве учебных пособий он предложил студентам труды П.В. Знаменского, Е.Е. Голубинского, митрополита Филарета (Дроздова) и митрополита Макария (Булгакова) (ОПЛ5, с. 13–14).

В 1902 г. на историко-филологическом факультете был вновь поднят вопрос о замещении кафедры церковной истории. Конкурс, согласно источникам, длился очень долго. Интересно заметить, что среди баллотирующихся был один из ярких представителей церковно-исторической школы, преподаватель русской гражданской истории Казанской духовной академии Федор Васильевич Благовидов. Однако по отношению к нему со стороны Правления академии было выражено недоверие в связи с его либеральными взглядами [3, с. 823]. В итоге кандидатом на замещение университетской кафедры церковной истории был избран К.В. Харлампович (СКУ1, л. 187). Совет университета решил все иначе, отказавшись утвердить представленную кандидатуру от историко-филологического факультета. Данное решение поразило Константина Васильевича, как можно увидеть из его личных воспоминаниях в труде «Pro domo sua», где отражены личные взгляды автора на описанную ситуацию. Лишь в 1909 г. К.В. Харлампович был утвержден заведующим кафедрой в качестве исполняющего обязанности экстраординарного профессора (СКУ2, л. 278).

К полноценному чтению лекций К.В. Харлампович приступает только после 1910 г. (по истечении 40 лет службы Ф.А. Курганова в образовательной сфере) (ОПЛ6, с. 12–14). Он вводит практические занятия для студентов в виде факультатива, посвященного анализу труда Евсевия Памфила «Церковная история» (ОПЛ7, с. 12). В своих исследованиях ученый

сосредоточился на двух ключевых аспектах церковной истории – синодальном периоде Русской православной церкви и истории Западнорусской церкви.

В 1912 г. с разрешения Правления историко-филологического факультета Константин Васильевич отправляется в командировку для приобретения научно-исследовательского опыта. В программу командировки входит посещение столичных архивов, библиотек и музеев (XXVI, л. 1–11). На основе набранного материала К.В. Харлампович написал и защитил докторскую диссертацию «Малороссийское влияние на великорусскую церковную историю» (XXVI, л. 12–14), посвященную изучению роли и влияния малороссийской культуры и духовной жизни на развитие и формирование православия в Российской империи. Ученый исследовал исторические источники, архивные материалы и другие первоисточники, чтобы выявить связи и взаимодействие между великорусскими и малороссийскими церковными традициями. В диссертации также анализировалась роль Киевской Руси, ее культурного наследия, идеологических и религиозных центров в формировании и развитии Православной церкви в Великороссии.

К.В. Харлампович стремится выявить не только общие черты великорусской и малороссийской церковной истории, но и различия, позволяющие понять уникальность каждой из названных традиций. Он рассматривает такие аспекты, как развитие церковного управления, обрядовая и богослужебная практика, богословие, история борьбы за автокефалию, а также влияние социокультурных процессов на развитие церковной жизни каждого региона [6, с. 104].

В контексте университетских исследований К.В. Харлампович важно отметить его научное направление, которое можно охарактеризовать как историко-краеведческое. В указанный период ученый специализировался на написании обширного корпуса статей-биографий, публикаций, посвященных истории Русской церкви, Казанского края и украинской земли. Особое внимание Константин Васильевич уделял детальному изучению состояния и развития духовных школ на территории России, исследовал их влияние на процесс просвещения населения и их роль в его социальном развитии (в его исследованиях присутствовал и личный интерес) [7, с. 10–16].

Приват-доцент Н.В. Никольский. Кафедра церковной истории Казанского университета продолжала пополняться учеными казанских духовных школ. 24 октября 1915 г. в состав кафедры в качестве приват-доцента был принят магистр богословия Казанской духовной академии, будущий известный этнограф и историк чувашских земель Николай Васильевич Никольский. Ему было выделено два часа в неделю для преподавания лекционного материала по истории христианского просвещения чувашей Поволжья (XXVII, л. 5). С 1899 по 1903 гг. Н.В. Никольский обучался в Казанской духовной академии [8, с. 38]. По окончании учебы ему была присвоена ученая степень магистра богословия за защиту диссертации «Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII вв. Исторический очерк». Николай Васильевич выбрал объектом своих исследований миссионерство в России, в частности в Казанском крае.

В научной практике Н.В. Никольский фокусировался на эффективной оценке этнографических особенностей, придерживаясь методологии исследования, принципов научного описания и анализа. Корпус его научных трудов состоит в основном из публикаций и монографий, обладающих значительной этнографической направленностью [9]. В них изложены актуальные вопросы, связанные с просвещением чувашского и инородческо-

го населения, а также с распространением христианства среди этнических групп Поволжья. В качестве примера можно привести статьи, напечатанные в популярных журналах и изданиях, таких как «Православный собеседник», «Инородное обозрение», «Живая старина» и другие [10, с. 46]. Следует особо отметить, что в своей исследовательской деятельности Н.В. Никольский большое внимание уделял важности изучения языков народов Поволжья, в частности чувашского языка, практический аспект которого освещался через разнообразные конспекты и большое количество этнографических заметок в контексте Поволжского региона [11, с. 314].

В период с 1916 по 1917 г. лекции, читаемые тремя преподавателями кафедры церковной истории, были организованы следующим образом. Профессор Ф.А. Курганов вел занятия по истории протестантских и римских церквей до начала XX в. Студенты, которые не сдали либо еще не сдавали экзамен по церковной истории профессору К.В. Харлампович, обязаны были их посещать. В то же время Константин Васильевич читал обязательные для посещения лекции и проводил факультативные практические занятия по истории Греко-Восточной церкви с VI по XX в. для студентов первого и второго курсов историко-филологического факультета. Эти занятия помогали студентам углубить свои знания о развитии Греко-Восточной Церкви и ее взаимодействии с другими религиозными и культурными течениями на протяжении долгого исторического периода. Кроме того, приват-доцент Н.В. Никольский читал для студентов первого курса лекции по истории христианского просвещения финских народов и тюркских инородцев Поволжья, знакомившие первокурсников с особенностями распространения просвещения и христианства в данном регионе. Студенты получали более полное представление об исторических процессах и влиянии религии на формирование культурного и духовного облика названных народов.

Таким образом, лекции преподавателей кафедры церковной истории давали студентам возможность упрочить свои знания о различных аспектах истории Церкви, развивать аналитическое мышление и иметь более широкий обзор важнейших событий и процессов, которые оказали влияние на развитие и трансформацию христианства в разных регионах, что фактически стало вершиной развития как самой кафедры, так и университетской церковно-исторической науки в целом.

Последние дни существования кафедры. Профессор В.А. Керенский. На закате существования кафедры церковной истории в Казанском университете была предпринята попытка создания на официальном уровне своей школы церковной истории, которая бы готовила собственные кадры для пополнения кафедры. Документация, отложившаяся в архиве, может дать ясное представление об указанном процессе (XXVIII, л. 5). Продвижением проекта занимался К.В. Харлампович, который также помог избрать стипендиата из числа выпускников. Им стал некий Андрей Алексеевич Широков[4], проживший интересную и в то же время трагическую жизнь. Константин Васильевич просил правление факультета взять одаренного студента по окончании университета на свое попечение. Через некоторое время Андрей Алексеевич стал получать стипендию от Министерства народного просвещения (XXIX, л. 6).

Следующий этап процесса создания своей школы для подготовки кадров церковно-исторической направленности состоял в определении ключевых дисциплин для испытания

[4] *Никитин Д.Н.* Иоанн (Широков), епископ Волоколамский // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Православная энциклопедия, 2010. Т. 23. С. 465–466.

на получение ученых степеней магистра и доктора церковной истории. Безусловно, общая церковная история стала основным предметом, однако в дополнение было предложено добавить экзамены по специальным предметам, таким как всеобщая история и история Русской церкви. Профессор К.В. Харлампович, как выпускник духовной школы, предлагал еще и некоторое количество богословских дисциплин, а именно каноническое право и христианское искусство. В итоге после долгих дискуссий был утвержден список предметов для получения степеней. Основным стала всеобщая церковная история, а дополнительными – история Русской церкви, история Средних веков и каноническое право (XXX, л. 9–11).

В 1917/1918 учебном году, согласно документам, работа кафедры шла своим чередом, однако в первом семестре не были прочитаны лекции профессора Ф.А. Курганова по причине его болезни (XXXI, л. 30; XXXII, л. 31). В число преподавателей кафедры вошел последний за всю историю существования церковно-исторической науки университета исследователь – Владимир Александрович Керенский.

В 1893 г. В.А. Керенский, впоследствии обладатель степеней доктора богословия и доктора церковной истории, специалист по истории западных исповеданий, успешно завершил свое обучение в Казанской духовной академии, защитив магистерскую диссертацию на тему «Происхождение старокатолицизма, его история и внутреннее развитие преимущественно в вероисповедном отношении. Историко-критическое исследование основных начал старокатолицизма в их отношении к православию» (XXXIII, 262 л.). Работа являлась историко-критическим исследованием, в которой использовалось сочетание исторических методов исследования и анализа с целью реконструкции основных начал старокатолицизма и изучения его отношения к православию. Особое внимание уделялось взаимодействию Западной и Восточной церквей, что позволило рассмотреть ключевые аспекты их взаимного влияния и сотрудничества. Диссертация вносит вклад в понимание исторических, религиозных и культурных аспектов старокатолицизма, а также расширяет познания о взаимодействии католичества с православием.

Для получения степени доктора богословия профессор В.А. Керенский в 1904 г. представил работу «Школа ричлианского богословия в лютеранстве», представляющую собой исследование концепции ричлианства в контексте лютеранской теологии, а также исторических корней лютеранства и влияния упомянутой концепции на преподавание и практику богословия в этом христианском ответвлении. Ричлианство, основанное на учении А. Ричля, являлось богословским направлением, акцентировавшим внимание на понятиях религиозного опыта и веры. Диссертация была написана на основе материала, собранного во время научно-исследовательских командировок ученого в университеты Бонна, Берна и Берлина, где В.А. Керенский слушал лекции известных протестантских и старокатолических ученых (XXXIV, л. 79). Более того, согласно воспоминаниям современников, профессор параллельно принимал участие в переговорах о воссоединении Русской православной и Англиканской церкви [3, с. 833]. Сферой его научных интересов были вопросы истории англиканства, протестантизма и старокатоличества [12, с. 90]. Примером научно-исследовательской работы ученого вдохновлялись многие студенты университета и академии. Известный церковный историк А.П. Лебедев в одной из своих статей называет В.А. Керенского лучшим исследователем истории западных вероисповеданий (УП, с. 58). Владимир Александрович мог стать родоначальником нового направления церковно-исторической школы Казанской духовной академии, а стал последним звеном формирования церковно-исторической науки

в университете. Фактически университетская кафедра церковной истории собрала специалистов ключевых церковно-исторических направлений: этнографа, византолога, исследователя западных исповеданий и специалиста по русской церковной истории. Однако в таком составе кафедра просуществовало недолго.

В 1918 г. на основании Декрета народных комиссаров профессоров Ф.А. Курганова, В.А. Керенского и К.В. Харламповича отстранили от занимаемых должностей на историко-филологическом факультете, но через пять месяцев они были восстановлены (XXXV, л. 30–33). Сохранилась отчетность по преподаванию Ф.А. Курганова: в 1919/1920 учебном году ему было выделено шесть часов на преподавание лекций в каждом семестре на протяжении года, он прочел лекции по истории православных церквей под турецким владычеством, церковной историографии и истории христианской религии I–IX вв. (XXXVI, л. 21–46). Остальным профессорам было также выделено по шесть академических часов для проведения лекций в каждом семестре учебного года. В период с 1919 по 1920 г. К.В. Харлампович прочитал серию лекций, посвященных эпохе Вселенских соборов, истории взаимоотношений Русской церкви с другими церквями, также провел лекции и практические занятия по истории Русской церкви. Н.В. Никольский прочитал курс по истории просвещения народов Поволжья в период с конца XVIII до середины XIX в., в рамках которого был представлен подробный анализ этнографии народов с момента их христианизации. В.А. Керенский проводил лекции по истории реформации в Западной церкви, истории основных сект, возникших на Западе, а также истории формирования института папства; кроме того, организовал два практических занятия.

Заключение. С начала 1920 г. кафедра церковной истории становится кафедрой истории религий (XXXVI, л. 1–3). Через год закрывается историко-филологический факультет и одновременно прекращается развитие церковно-исторической науки в университете. Дальнейшая судьба профессоров и преподавателей складывалась по-разному, в зависимости от конкретных обстоятельств. Однако каждый из них отдавал все свои силы сохранению церковно-исторической науки, бросая вызов современным им реалиям жизни.

В XIX – начале XX в. Казанский Императорский университет был одним из ведущих учебных заведений Российской империи, и кафедра церковной истории играла важную роль в образовательном процессе. Церковно-историческая наука Казанского университета фактически просуществовала сто лет. Приведенные выше факты из истории университета и академии говорят о значимости ее научного наследия и большом влиянии, которое ученые церковно-исторической школы Казанской духовной академии оказали на формирование и развитие университетской кафедры церковной истории в рассматриваемый период. Профессора этой школы не только вносили значимый вклад в исследование церковной истории, но и активно участвовали в педагогическом процессе, обучая студентов университета и указывая им необходимое направление в научно-исследовательском пространстве; они не только передавали свои знания и опыт, но и внедряли новые методы и подходы к изучению истории Церкви. Деятельность ученых церковно-исторической школы Казанской духовной академии на кафедре церковной истории Казанского Императорского университета в XIX – начале XX в . способствовала формированию нового поколения историков.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

I – ГА РТ. Ф.977. Оп. ИФФ. Д. 602: О назначении священника Владимирского преподавателем богословия, логики и психологии, 1850 г. 8 л.

II – ГА РТ. Ф.977. Оп. ИФФ. Д. 713: О разделении преподавания церковной истории на два курса, 1853 г. 11 л.

III – ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6387: Журналы Совета Казанской духовной академии, 1871 г. 240 л.

IV – ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 638: Выпускная работа протоиерея Александра Владимирского «Рассуждение о высоком достоинстве Богоматери и Ее значении в Царстве Благодати». 125 л.

V – ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11578: Послужной список ректора Казанской духовной академии прот. Александра Владимирского. Л. 120–130.

VI – ГА РТ. Ф. 10. Оп.2. Д. 38: Выпускная работа И.М. Добротворского «Иргизские монастыри: исторический очерк». 103 л.

VII – ГАРТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 840: О подготовке Добротворского к работе на кафедре церковной истории, 1864–1865 гг. 15 л.

VIII – ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 4741: Документы о назначении Добротворского доцентом на кафедру истории церкви и о командировании его за границу, 1864–1865 гг. 5 л.

IX – ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 4756: Протоколы заседаний Совета университета, 1865–1866 гг. 78 л.

X – ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8724: Документы об избрании в почетные члены Казанского университета профессора духовной академии П.В. Знаменского, о праздновании 50-летнего юбилея духовной академии, 1892 г. 68 л.

XI – ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 876: Об избрании Добротворского экстраординарным профессором, 1867 г. 5 л.

XII – ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 962: Отчет, обзоры преподавания на историко-филологическом факультете 1872 г. 97 л.

XIII – ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1070: О разделении историко-филологического факультета на отделения. 13 л.

XIV – ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1202: О расписании лекций и планы преподавания за 1881/1882 гг. 102 л.

XV – ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 6872: Документы о продлении срока службы ординарному профессору Добротворскому, 1881–1883 гг. 8 л.

XVI – ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1350: Протоколы заседаний историко-филологического факультета, 1885 г. 151 л.

XVII – ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1546: О пересмотре программ и полукурсовых испытаний, 1891 г. 7 л.

XVIII – ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 7389: Сообщение попечителя учебного округа о назначении ординарного профессора Московской духовной академии Лебедева А.П. ординарным профессором университета, 1885 г. 8 л.

XIX – ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1324: О назначении и увольнении профессора и доцента в разных должностях, 1885 г. 16 л.

XX – ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1381: О зачетах за I полугодие 1886/87 учебного года студентов историко-филологического факультета. 12 л.

XXI – ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1491: О рассмотрении составленной ректором Санкт-Петербургского университета и деканом историко-филологического факультета записки о перестройке учебных планов для факультета. 37 л.

XXII – ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8146: Переписка с учебным округом о составлении новых учебных планов на историко-филологическом факультете, 1889 1890 гг. 15 л.

XXIII – ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1791: О 30-тилетнем стаже работы профессора Курганова, 1900 г. 6 л.

XXIV – ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1859: Об объявлении конкурсов на замещении вакантных должностей на кафедрах, 1902–1908 гг. 28 л.

XXV – ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1771: Об утверждении преподавателя Казанской духовной семинарии Харламповича приват-доцентом по кафедре истории церкви, 1899–1900 г. 4 л.

XXVI – ГА РТ. Ф. 977. Оп. 619. Д. 29: Формулярные списки и документы о службе профессоро-преподавательских и технических работников университета: Константин Васильевич Харлампович. 25 л.

XXVII – ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2405: О желании магистра Никольского вступить в число приват-доцентов Казанского университета с последующим объявлением курса истории христианства среди инородцев Поволжья, 1915 г. 19 л.

XXVIII – ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13463: Документы об утверждении ученых степеней на кафедре церковной истории, 1917 г. 4 л.

XXIX – ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13248: Документы о подготовке Широкова к профессорскому званию. На кафедре истории церкви, 1916–1922 гг. 15 л.

XXX – ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2470: Протоколы заседаний историко-филологического факультета, 1917 г. 104 л.

XXXI – ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2497: Сообщения профессоров факультета о предполагаемых лекциях и практических занятиях 1917/1918 гг. для составления обзора преподавания. 62 л.

XXXII – ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2506а: Протоколы заседаний историко-филологического факультета, 1918 г. 112 л.

XXXIII – ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 2184: Выпускная работа В.А. Керенского «Происхождение старокатолицизма, его история и внутреннее развитие преимущественно в вероисповедном отношении. Историко-критическое исследование основных начал старокатолицизма в их отношении к православию». 262 л.

XXXIV – ГА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 27. Д. 13: Сведения о профессорах факультета общественных наук, 1921 г. 25 л.

XXXV – ГА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 32: Отчеты о состоянии личного состава Казанского университета за 1917–1919 гг. 43 л.

XXXVI – ГА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 18 л. Д. 1: Списки профессорско-преподавательских составов по факультетам, 1920 г. 56 л.

ОПЛ1 – Обозрение преподавания лекций в Императорском Казанском Университете за 1850–1851 гг. 30 с.

ОПЛ2 – Обозрение преподавания лекций в Императорском Казанском Университете за 1860–1861 гг. 36 с.

ОПЛ3 – Обозрение преподавания в первом полугодии 1885–1886 учебного года. 30 с.

ОПЛ4 – Обозрение преподавания за 1900–1901 учебный год. 97 с.

ОПЛ5 – Обозрение преподавания за 1901–1902 учебный год. 103 с.

ОПЛ6 – Обозрение преподавания за 1910–1911 учебный год. 40 с.

ОПЛ7 – Обозрение преподавания за 1911–1912 учебный год. 94 с.

Отч. Добр.1 – Первый заграничный отчет магистра И.М. Добротворского // Журнал Министерства народного просвещения. 1866. Т. 1. Отд. 3. С. 308–320.

Соб. зак. – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1856. Т. X. Отд. I. 1110 с.

СКУ 1 – Протоколы заседаний Совета Императорского Казанского университета 1907. 709 с.

СКУ 2 – Протоколы заседаний Совета Императорского Казанского университета 1909. 810 с.

ДЧ – *Владимирский А.П.* Древность человека // Православный собеседник. Казань. 1872. Ч. 1. С. 13–61;

БА – *Владимирский А.П.* Был ли апостол Иоанн в Ефесе? // Православный собеседник. Казань, 1872. Ч. 3. С. 40–67, 484–509;

КН – *Владимирский А.П.* Клинообразные надписи в отношении к библейской ветхозаветной истории // Православный собеседник. Казань, 1873. Ч. 3. С. 10–33.

ЗМ – *Владимирский А.П.* Защита Моисеева Пятикнижия против возражений отрицательной критики // Православный собеседник. Казань, 1870. Ч. 1. С. 191–219, 276–290; Ч. 2. С. 13–31, 101–135, 181–211; Ч. 3. С. 10–28, 215–239, 315–337.

ПМ – Добротворский И.М. Предмет и метод церковной истории // Христианское чтение. 1868. № 6. С. 856.

БС – *Загоскин Н.П.* Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904) // Казань: Тип-я Ун-та. 1904. Ч. 1. 552 с.

Некр. – *Зефиров М.М.* И.М. Добротворский, ординарный проф. Имп. Казанского ун-та по кафедре церковной истории: [Некролог]. Казань: Тип-я Ун-та. 1884. 55 с.

ИК – *Знаменский П.В.* История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 гг.). Казань: Тип-я Ун-та. 1892. Вып. 2. 593 с.

ВИ – *Курганов Ф.А.* Византийский идеал царя и царства и вытекающие отсюда, по сравнению его с идеалом церкви, отношения между церковной и гражданской властью. Казань: Тип-я Ун-та. 1881. 36 с.

РЦ – *Курганов Ф.А.* Наброски и очерки из новейшей истории румынской церкви. Казань: Тип-я Ун-та. 1899. 1048 с.

ОМ – *Курганов Ф.А.* Отношения между церковной и гражданской властью в Византийской империи в эпоху образования и окончательного установления характера этих взаимоотношений (325–565). Казань: Тип-я Ун-та. 1880. 434 с.

КГ – *Курганов Ф.А.* Устройство управления в церкви Королевства Греческого. Казань: Тип. Ун-та. 1871. 560 с.

УП – *Лебедев А.П.* Уроки и примеры из истории древних соборов – применительно к предстоящему Всероссийскому собору // Душеполезное чтение. 1907. № 1. С. 21–62.

Кург. – *Соколов И.И.* Ф.А. Курганов // Византийский временник. Том XXIV (1923–1926). Л., 1926. С. 103–104.

Ист. зап. – *Терновский С.А.* Историческая записка о состоянии Казанской духовной акад. после ее преобразования. Казань: Тип. Ун-та, 1892. 668 с.

КазДА – *Харлампович К.В.* Казанская духовная академия новая (1842–1907). Исторический очерк // Православная Богословская энциклопедия, Т. VIII. СПб., 1907. С. 702–853.

Устав – Университетский Устав 1863. СПб.: Тип. Иосафата Огризко, 1863. 128 с

Литература

1. *Нечкина М.В.* А.П. Щапов в годы революционной ситуации. Письмо к П.П. Вяземскому от 8 октября 1861 г. Революционные демократы. Новые материалы. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 645–668 с.
2. *Заливалова Л.Н., Лебедева Г.Е.* Из истории русской церковно-исторической науки. Ф.А. Курганов (1844–1920) // Историческая мысль в Византии и на средневековом Западе. Иваново: ИвГУ, 1998. С. 181–204.
3. Dixi et animam levavi. В.А. Игнатьев и его воспоминания / Сост. В.Г. Бояршинов. М.: Перо, 2018. 2000 с.
4. *Лебедева Г.Е.* Русские церковные историки о «Симфонии священства и царства» в Византии // Ленинградский юрид. журн. 2008. № 4. С. 107–117.
5. *Лебедева Г.Е.* Забытая глава в истории русского византиноведения // Вестн. СПбГУ. 2000. Сер. 2. Вып. 1. С. 3–13.

6. *Теплова В.А.* Константин Васильевич Харлампович (1870–1932): жизнь историка на переломе эпох // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории. Вып. 5 / Редкол.: И.А. Марзалюк (пред.) [и др.]. Минск: РИВШ, 2021. С. 102–121.
7. *Беднов В.А.* К.В. Харлампович. Варшава: Элпис, 1933. 18 с.
8. *Леонтьев А.П.* Н. В. Никольский – родоначальник чувашскоязычных СМИ // Вестн. Чуваш. ун-та. 2012. № 1. С. 37–40.
9. *Димитриев В.Д.* Николай Васильевич Никольский: Очерк жизни и деятельности // Вопросы историографии историко-этнографического изучения Чувашии. Чебоксары: НИИЯЛИ и экономики, 1981. С. 109–113.
10. *Димитриев В.Д.* Н.В. Никольский – ученый, педагог, общественный деятель. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 104 с.
11. *Леонтьева А.М.* К вопросу об этнографических взглядах Н.В. Никольского // Исторический сборник. Вып. 31. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1966. С. 310–320.
12. *Бажанов В.А.* Владимир Керенский: Жизненный путь и академическая карьера // Вече. 2003. Вып. 14. С. 88–93.

References

1. Nechkina M.V. *A.P. Shchapov v gody revolyutsionnoi situatsii. Pis'mo k P.P. Vyazemskomu ot 8 oktyabrya 1861 g. Revolyutsionnye demokraty. Novye materialy* [A.P. Shchapov in the Revolutionary Years. A Letter to P.P. Vyazemsky dated October 8, 1861. The Revolutionary Democrats. New Materials]. Moscow, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1959, pp. 645–668. (In Russian)
2. Zalivalova L.N., Lebedeva G.E. From the history of Russian church historiography. F.A. Kurganov (1844–1920). In: *Istoricheskaya mysl' v Vizantii i na srednevekovom Zapade* [Historical Thought in the Byzantine Empire and the Medieval West]. Ivanovo, IvGU, 1998, pp. 181–204. (In Russian)
3. Boyarshinov V.G. *Dixi et animam levavi. V.A. Ignat'ev i ego vospominaniya* [Dixi et animam levavi. V.A. Ignatiev and His Memoirs]. Moscow, Pero, 2018. 2000 p. (In Russian)
4. Lebedeva G.E. Russian church historians on the "symphony of the church and state" in the Byzantine Empire. *Leningradskii Yuridicheskii Zhurnal*, 2008, no. 4, pp. 107–117. (In Russian)
5. Lebedeva G.E. A forgotten chapter in the history of Russian Byzantine studies. *Vestnik SPbGU*, 2000, ser. 2, no. 1, pp. 3–13. (In Russian)
6. Teplova V.A. Konstantin Vasilyevich Kharlampovich (1870–1932): A historian's life at the turn of epochs. In: *"Dolgii XIX vek" v istorii Belarusi i Vostochnoi Yevropy: issledovaniya po Novoi i Noveishei istorii* [The "Long 19th Century" in the History of Belarus and Eastern Europe: Studies in Modern and Contemporary History]. Vol. 5. Marzalyuk I.A. et al. (Eds.). Minsk, RIVSh, 2021, pp. 102–121. (In Russian)
7. Bednov V.A. *K.V. Kharlampovich* [K.V. Kharlampovich]. Warsaw, Elpis, 1933. 18 p. (In Russian)
8. Leont'ev A.P. N.V. Nikolsky as the founder of Chuvash-language media. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*, 2012, no. 1, pp. 37–40. (In Russian)
9. Dimitriev V.D. Nikolay Vasilyevich Nikolsky: An essay on life and work. In: *Voprosy istoriografii istoriko-etnograficheskogo izucheniya Chuvashii* [Historiographical Issues in the Historical and Ethnographic Study of Chuvashia]. Cheboksary, NIIYaLi Ekon., 1981, pp. 109–113. (In Russian)
10. Dimitriev V.D. *Nikol'skii – uchenyi, pedagog, obshchestvennyi deyatel'* [Nikolsky as a Scholar, Educator, and Public Figure]. Cheboksary, Izd. Chuv. Univ., 2002. 104 p. (In Russian)
11. Leont'eva V.A. On the ethnographic views of N.V. Nikolsky. In: *Istoricheskii sbornik* [Historical Collection]. Vol. 31. Cheboksary, Chuvashknigoizdat, 1966, pp. 310–320. (In Russian)
12. Bazhanov V.A. Vladimir Kerensky: His life and academic career. *Veche*, 2003, vol. 14, pp. 88–93. (In Russian)

Информация об авторах

Ларионов Дмитрий Сергеевич, священник, старший преподаватель кафедры общей и церковной истории, Казанская православная духовная семинария; аспирант кафедры церковной истории, Московская духовная академия

E-mail: *d.larion@mail.ru*

ORCID: https://orcid.org/0009-0004-4815-3847

Author Information

Dmitrii S. Larionov, Priest, Senior Lecturer, Department of General and Church History, Kazan Orthodox Theological Seminary; Postgraduate Student, Department of Church History, Moscow Theological Academy

E-mail: *d.larion@mail.ru*

ORCID: https://orcid.org/0009-0004-4815-3847

Поступила в редакцию 10.02.2025 Received February 10, 2025

Принята к публикации 10.04.2025 Accepted April 10, 2025

Оригинальная статья

УДК 378"19"
https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.122-142

Профессор математики Н.Н. Парфентьев и реорганизация Казанского университета в первые десятилетия советской власти

С.А. Ежова✉, Ю.А. Альпин

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

✉*sezhova@mail.ru*

Аннотация

Настоящее исследование является продолжением авторских публикаций, посвященных профессору математики Казанского университета Николаю Николаевичу Парфентьеву. В статье освещены его деятельность на посту декана физико-математического факультета в послереволюционные годы и роль в организации учебного и научного процесса в первые десятилетия советской власти. Уделено внимание работе профессора по сохранению и развитию математической школы университета, подготовке празднования 100-летия геометрии Н.И. Лобачевского, образованию НИИ математики и механики при КГУ. Рассмотрены вопросы организации поездки Н.Н. Парфентьева в заграничную научную командировку в 1928 г. Привлечение архивных документов, ряда опубликованных источников, воспоминаний современников позволяет рассмотреть разнообразную деятельность Н.Н. Парфентьева по развитию высшего физико-математического образования в СССР. В статье опубликованы фотографии из Музея истории Казанского университета и семейного архива Т.Ю. Мираковой.

Ключевые слова: Н.Н. Парфентьев, Казанский университет, XX в., учебный процесс, научная жизнь, интеллигенция, ученые, профессора, биографии

Для цитирования: *Ежова С.А., Альпин Ю.А.* Профессор математики Н.Н. Парфентьев и реорганизация Казанского университета в первые десятилетия советской власти // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 2. С. 122–142. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.122-142.

Original article

https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.122-142

Professor of mathematics N.N. Parfentiev and the reorganization of Kazan University in the early decades of Soviet rule

S.A. Ezhova✉, Yu.A. Al'pin

Kazan Federal University, Kazan, Russia

✉*sezhova@mail.ru*

Abstract

This article continues a series of the authors' previous publications dedicated to Nikolai Nikolaevich Parfentiev, a prominent professor of mathematics at Kazan University. Here, his work as a dean of the Faculty of Physics and Mathematics in the post-revolutionary years is explored. His important role in the organization of the educational and research processes during the early decades of the Soviet era is demonstrated, as well as his initiatives to sustain and further advance Kazan University's school of mathematics, celebrate the centennial of the discovery of non-Euclidean geometry by N.I. Lobachevsky, and establish the Research Institute for Mathematics and Mechanics. Some thoughts on the scholar's research trip abroad in 1928 are provided. Using archival documents, published sources, and the memoirs of contemporaries, N.N. Parfentiev's diverse contributions to the development of Soviet higher education in physics and mathematics are analyzed. Photographs from the Kazan University History Museum and T.Yu. Mirakova's family archive are included.

Keywords: N.N. Parfentiev, Kazan University, 20th century, educational process, academic life, intelligentsia, scholars, professors, biographies

For citation: Ezhova S.A., Al'pin Yu.A. Professor of mathematics N.N. Parfentiev and the reorganization of Kazan University in the early decades of Soviet rule. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya GumanitarnyeNauki*, 2025, vol. 167, no. 2, pp. 122–142. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.122-142. (In Russian)

Введение. Деятельность профессора математики Николая Николаевича Парфентьева в Казанском университете и его личность запечатлены в воспоминаниях его учеников (см. [1; 2] (ВП)) и отражены в более поздних публикациях [3–5]. Н.Н. Парфентьев встретил революцию 1917 г. сложившимся ученым, высокообразованным и разносторонним математиком, обладавшим даром наставника и организатора. Носитель яркого общественного темперамента, он еще до революции проявлял себя в организациях, стремившихся к прогрессивным преобразованиям в средней и высшей школе. Приход к власти большевиков и ломка привычного уклада университетской жизни едва ли отвечали его представлениям о лучшем будущем, однако он стал одним из первых казанских профессоров, начавших плодотворное сотрудничество с советской властью.

Дважды, в 1918–1922 и в 1928–1933 гг., Н.Н. Парфентьев состоял деканом физико-математического факультета. Впервые он был избран на эту должность 14 декабря 1918 г., но на

основании декрета СНК (ДСНК) с 1 января 1919 г. выбыл из состава профессоров и сложил с себя полномочия. Для подтверждения дореволюционных званий был объявлен всероссийский конкурс с обязательными рекомендациями известных ученых. Такую рекомендацию казанским профессорам-математикам Д.Н. Зейлигеру и Н.Н. Парфентьеву дал академик В.А. Стеклов[1]: «Профессор Парфентьев известен своим отношением к вопросам преподавания как в высших, так и средних учебных заведениях, являясь опытным педагогом. Заслуживают внимания его работы по вопросу подготовки учителей для средней школы, сообщенные на одном из летних съездов преподавателей (Петроград). Следует также отметить его деятельное руководство математическим кружком, образованным на математическом отделении физико-математического факультета Казанского университета. Его сочинение "Исследование по теории роста функций" (Казань, 1905) свидетельствует о серьезной начитанности автора и содержит ряд интересных, хотя и не доказанных строго, соображений по вопросу о росте функций. Отмечу также издательскую и редакционную деятельность проф. Парфентьева. <…> Ко всему сказанному считаю проф. Парфентьева желательным кандидатом для замещения второй профессуры по кафедре математики в Казанском университете» (ГА РТ1, л. 147). 15–17 февраля 1919 г. в результате состоявшихся в университете выборов профессуры физико-математического факультета Н.Н. Парфентьев был избран на кафедру чистой математики, 22 февраля Совет утвердил его избрание деканом (ЛКГУ, с. 276).

Н.Н. Парфентьев – декан физмата и активный участник социалистической перестройки высшего образования. Деканом факультета Николай Николаевич стал в трудное для университета время. Помимо резкого изменения привычного уклада жизни и ментальных стереотипов, вызванных революцией, казанская профессура начала 20-х годов XX в. ощутила на себе экономические последствия Гражданской войны. Хозяйственное состояние университета было плачевным. В мае 1920 г. декан Н.Н. Парфентьев в ответ на требование ректора по поводу сдачи отчетов сообщил: «Требуемые отчеты по факультету за 1917/18 и 1918/19 учебные годы, имеющиеся в черновиках, не могут быть предоставлены немедленно ввиду полного отсутствия бумаги, необходимой для переписи отчетов… Канцелярия в настоящее время пользуется лишь обрывками, не пригодными для переписи отчетов» (ЛКГУ, с. 284). Не поступали средства на учебные расходы и покупку дров для отопления[2] замерзших аудиторий. В связи с муниципализацией жилья и перераспределением жилого фонда остро стоял вопрос об «уплотнении» и выселении профессоров. На заседании Ученого совета Н.Н. Парфентьев заявил, что жизнь университетских сотрудников находится «под постоянной угрозой очутиться на другой день на улице» [6, с. 54]. В апреле 1920 г. говорилось уже о «бедственном материальном положении, в каком находятся профессора и преподаватели университета и все вообще находящиеся в нем» [7, с. 269].

В 1921–1922 гг. ситуацию усугубил голод в Поволжье. Некоторой мерой поддержки крупных ученых в 1921 г. стали введенные советским правительством «академические»[3] ежемесячные пайки. Н.Н. Парфентьев получал такой паек вместе с профессорами А.Я. Гордягиным, М.Э. Ноинским, А.А. Остроумовым, Д.А. Гольдгаммером. В середине 20-х годов

[1] Стеклов Владимир Андреевич (1864–1926) – русский математик и механик, действительный член Петербургской Академии наук (1912), вице-президент АН СССР (1919–1926), организатор и первый директор Физико-математического института РАН, названного после смерти ученого его именем.

[2] Температура в здании университета зимой 1920–1921 гг. опускалась до 1–6 градусов ниже нуля.

[3] Академический паек включал в себя мыло, 15 фунтов крупы, 45 фунтов хлеба, 15 фунтов селедки или мяса, 4 фунта жира.

XX в. заработная плата профессора составляла 140 руб. в месяц. В отчете Казанского университета за 1925–1926 гг. эта сумма была признана достаточной для существования лишь при условии имеющегося у профессора дополнительного[4] заработка (КГУ1925, с. 26).

Новые правила приема в вузы отдавали приоритет рабоче-крестьянской молодежи, которой для успешного освоения программы необходимо было иметь школьное образование. Поскольку большинство такой базой не обладало, решение проблемы было возложено на рабфаки (рабочие факультеты), дававшие школьную подготовку в ускоренном темпе. 1 ноября 1919 г. в Казанском университете состоялось торжественное открытие пятого в РСФСР рабфака, для организации которого лично Н.Н. Парфентьев сделал очень много [3]. Но и помимо организации рабфака университет 20-х годов XX в. переживал серьезные структурные изменения. Альтернативой упраздненным юридическому (1919 г.) и историко-филологическому (1921 г.) факультетам стал ФОН – факультет общественных наук, который находился в составе университета до 1922 г., а затем перешел в Восточный педагогический институт (ВПИ). В этих условиях в январе 1921 г. ректор Е.А. Болотов, занимавший лояльную позицию по отношению к советской власти, досрочно сложил с себя ректорские обязанности.

Совет университета 5 февраля 1921 г. на выборах ректора проголосовал за профессора статистики А.А. Овчинникова, человека независимого и менее склонного к уступкам по отношению к власти. Наркомат просвещения Татреспублики с его избранием не согласился, но А.А. Овчинников все-таки стал ректором. Тогда 14 декабря 1921 г. было организовано общее собрание студентов университета, которое в пику профессорскому кандидату выдвинуло кандидатуру Н.Н. Парфентьева, однако профессорско-преподавательское собрание не изменило своего решения. В феврале 1922 г. преподаватели Казанского университета по примеру московской профессуры объявили забастовку, решив не начинать занятий после зимних каникул. Помимо тяжелых условий жизни протестные настроения вызвало разработанное Наркомпросом «Положение об управлении вузами» от 4 марта 1921 г., согласно которому высшим органом университета становилось правление из трех-пяти человек с обязательным включением представителя от студенчества. Правление назначалось Главпрофобром[5] из числа предложенных кандидатур, что, по сути, являлось ликвидацией автономии вузов. Главпрофобр 9 февраля 1922 г. утвердил правление Казанского университета в следующем составе: ректор – Н.Н. Парфентьев, члены правления – профессор В.А. Баранов и студент М.К. Корбут. Однако Николай Николаевич, осознавая всю двусмысленность своего положения в глазах коллег и не желая противопоставлять себя профессорской корпорации, 10 марта 1922 г. отказался от ректорства.

В период с 1922 по 1928 г. в Казанском университете оставалось только два[6] факультета: физико-математический и медицинский. Реальная угроза существованию университета возникла в 1923 г., когда Наркомпрос предложил перевести физико-математический факультет в состав ВПИ. И, хотя профессорско-преподавательский коллектив и ректор В.В. Чир-

[4] Одним из результатов перестройки высшего образования, предпринятого советской властью, в Казани стало увеличение числа вузов. На основании приказа Наркомата просвещения РСФСР от 2 января 1919 г. Казанский промышленный, экономический и художественный техникум был преобразован в Казанский политехнический институт. Первым ректором был избран профессор Д.Н. Зейлигер. Как и другие профессора университета, Н.Н. Парфентьев по совместительству читал там лекции.

[5] Главпрофобр – Главное управление профессионального образования, центральный орган управления профессиональным образованием в РСФСР в 20–30 годах XX в.

[6] В 1928 г. присоединился факультет советского строительства и права, а в 1930 г. приобрел права факультета рабфак, прежде являвшийся самостоятельным учебным заведением при КГУ.

ковский[7] смогли отстоять факультет в составе университета, неопределенность положения сохранялась.

Второй срок деканства Н.Н. Парфентьева (1928–1933) был сложным из-за постоянно менявшейся системы обучения в высшей школе. Он писал: «Университет в лице своего бывшего математического факультета должен был политехнизироваться. Это значило, что прежнее математическое отделение должно было перестать быть оторванным от всякого производства и должно было перестроить свои абстрактно-теоретические планы, увязав их с практикой социалистического строительства» (УЗКУ, с. 87). Как член методического комитета по математике и механике сектора науки Наркомпроса РСФСР, он регулярно выезжал в Москву на совещания, участвовал в выработке и обсуждении вузовских учебных планов, программ, производственной практики. Для каждой специальности[8] им были составлены отдельные учебные планы, подчиненные задаче ускоренной подготовки технических кадров. Профессор Б.Л. Лаптев вспоминал, что в 1931–1932 гг. ему пришлось руководить практикантами в Ленинграде в Палате мер и весов, а в следующем году ехать в Ижевск на заводы, договариваться о местах для студентов-практикантов (ВП, с. 125*).* К осени 1930 г., когда стало ясно, что «развернуть» все заявленные специальности университет не сможет, остановились на трех: теоретическая и прикладная математика, аэродинамика.

В 1931 г. продолжением реформы вузовского образования стала ликвидация факультетской структуры. Физико-математический факультет КГУ распался на 12 отделений, среди которых механико-математическое и аэродинамическое представляли бывшее математическое отделение. На механико-математическом изучались: прикладная механика, сопротивление материалов, теория упругости, теория вибрации, курсы по вычислительным и статистическим методам. Вместе с этим из плана подготовки изъяли такие теоретические дисциплины, как неевклидова геометрия, топология, теория множеств [7, с. 329]. Через несколько лет Н.Н. Парфентьев вспоминал: «Отрицательной стороной такого режима переходного характера являлось то, что в университетах тогда царила пестрота планов (ведь много было отделений, или, вернее, было обилие маленьких факультетов). Далее, эта пестрота планов требовала большого числа научных кадров, затем такими мелкими по специальности отделениями было трудно руководить…» (ОРРК НБЛ1, л. 17).

Вероятно, по названной причине он какое-то время рассматривал для себя возможность смены места работы. В 1927 г. в правлении Узбекского высшего педагогического института (г. Самарканд) обсуждался вариант с приглашением профессора Н.Н. Парфентьева заведовать кафедрой математики, так как по дошедшим до них «частным сведениям» он изъявил желание занять эту кафедру (ОРРК НБЛ2, л. 2–3). Спустя два года в сентябре 1929 г. Совет физико-технического отделения Дальневосточного университета озвучил телеграмму Н.Н. Парфентьева, в которой он выражал желание участвовать в конкурсе на замещение должности профессора кафедры математики. В обоих случаях вузы были рады его предложению, осознавая возможность привлечения видного научного работника как исключительно благоприятное обстоятельство (ОРРК НБЛ2, л. 4).

[7] Чирковский Василий Васильевич (1874–1956) – ученый-офтальмолог, доктор медицинских наук, профессор, академик АМН СССР (1946). В 1923–1925 гг. был ректором Казанского университета.

[8] В 1929 г. в перечне специальностей математического отделения физмата КГУ были заявлены: теоретическая математика, прикладная математика, математическая статистика, теоретическая механика (механик-исследователь, механик-преподаватель вуза, втуза), испытание материалов (математик-исследователь для заводских лабораторий), аэродинамика (механик-исследователь для лабораторий и аэродинамических исследовательских институтов).

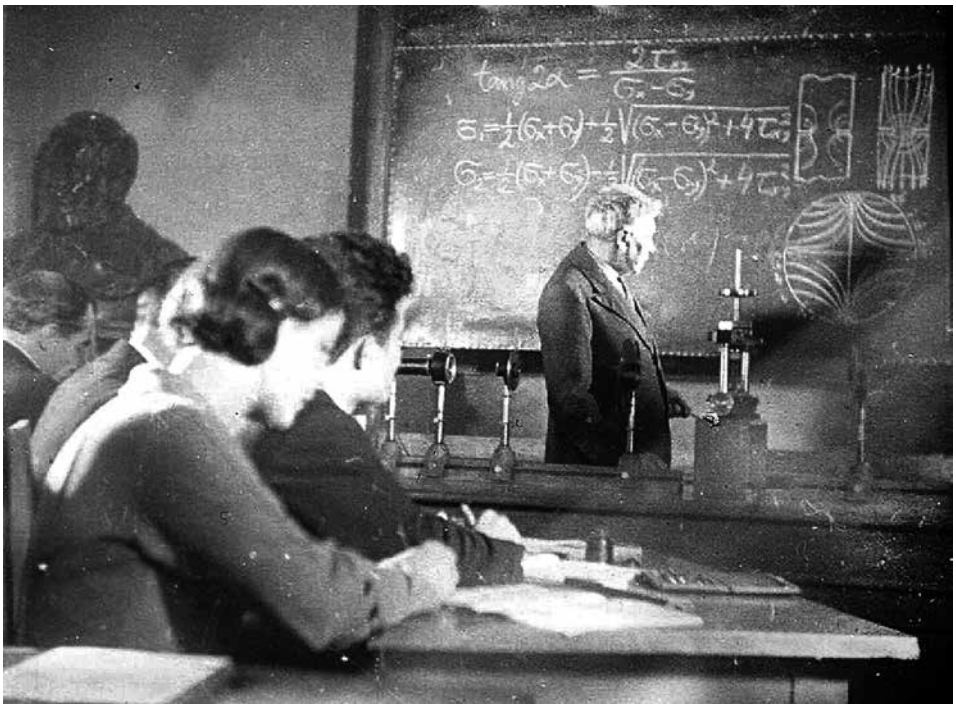

Фото 1. Н.Н. Парфентьев на лекции. Казань. 1937 г. Из личного архива Т.Ю. Мираковой
Photo 1. N.N. Parfentiev during a lecture. Kazan. 1937. From T.Yu. Mirakova's personal archive

Н.Н. Парфентьев – лектор широчайшего диапазона, воспитатель советского поколения математиков. В 20–30-х годах XX в. Николай Николаевич прочел в Казани огромное количество лекций. Кроме КГУ он преподавал математические дисциплины и прикладную механику в новых казанских вузах: педагогическом; политехническом; институте сельского хозяйства и лесоводства. С 1933 г. в течение нескольких лет читал лекции по ряду курсов из области прикладной механики в открывшемся в Казани авиационном институте. Профессор В.А. Яблоков отмечал, что «за последние 20 лет своей жизни Н.Н. прочитал столько различных курсов математического, механического и отчасти даже физического характера, что мне сейчас трудно среди предметов учебного плана по математике и механике указать такой, который бы в соответствующее время не читался Николаем Николаевичем; справляться с чтением всех этих курсов ему позволяла его исключительная эрудиция. Среди этого чрезвычайного обилия прочитанных Н.Н. курсов отмечу только лекции по теории интегральных уравнений, по теории относительности, по тензорному анализу, с его приложениями к многомерной дифференциальной геометрии, проводившиеся им в 1921–1923 гг.» [1, с. 17–18]. Лекционный курс[9] заканчивался сдачей экзамена, и в качестве экзаменатора профессор не был придирчив к студентам. Химик А.С. Ключевич, окончивший КГУ в 1928 г., вспоминал: «Сдача экзамена по теории вероятностей профессору Н.Н. Парфентьеву – человеку не очень умевшему "подтягивать" студентов, происходила в "геометричке" и по шуму и неорганизованности несколько напоминала базар. Выдав задания, он садился у стола в центре комнаты, усаживал около себя 3-4 человек и не строго спрашивал, мало следя за остальными» (ВХ, с. 22).

[9] В КГУ для разных специализаций он читал лекции по теории вероятностей, по методу наименьших квадратов, по математической статистике с теорией корреляций, по теории кривых распределения, а также следующие курсы: техника научных вычислений, приближенное интегрирование дифференциальных уравнений, теория номографических методов, гармонический анализ.

Профессор В.В. Морозов, обучавшийся в 1927–1930 гг. на физико-математическом факультете КГУ, отзывался о профессоре как о математике очень широкого диапазона[10]: «Он был здесь проводником новых математических идей; написал немало учебников, но самостоятельное его научное творчество, по существу, исчерпывалось диссертацией “Исследования по теории роста функций”. Увлекся ли он всецело процессом преподавания, пошла ли, как нередко бывает, ширина в ущерб глубине или сказалась неблагополучная семейная жизнь (романтическая женитьба на дочери казанского миллионера, вскоре уехавшей во Францию и оставшейся там) – не берусь судить, однако во всяком случае он мог заинтересовать молодежь наукой и указать направление работы, а в то время это, пожалуй, было самое важное» (НГЧ, с. 27). Под влиянием лекций Н.Н. Парфентьева по аналитической и вычислительной геометрии студент первого курса Б.Л. Лаптев, в 1923 г. поступивший в университет заниматься физикой, выбрал математическую специализацию. В очерке, посвященном учителю, он писал: «Свои лекции Парфентьев читал вдохновенно, увлекательно (автор настоящего очерка имел счастье в студенческие годы посещать некоторые его курсы лекций и под его влиянием заинтересовался методами приближенных вычислений, геометрией Лобачевского и по окончании университета стал его ассистентом). Он умел прекрасно обрисовать сущность, развитие, значение и перспективы того или иного круга математических идей. Он не стремился обязательно всегда привести все детали расчетов, но давал общее представление об их направлении, последовательности и результатах» [2, с. 25–26].

На протяжении всей жизни Н.Н. Парфентьев неизменно заботился о научной смене, сохранении и продолжении математической школы Казанского университета. Математически одаренную молодежь важно было сберечь в это сложное время, сохранить при университете. В 1930 г. Николай Николаевич дал отличную рекомендацию завершившему обучение Б.Л. Лаптеву: «Я знаю Б.Л. Лаптева со студенческих времен и горячо рекомендую его на должность ассистента при кабинете математической статистики. Б.Л. Лаптев широко развитой математик, хорошо разбирающийся не только в области анализа и геометрии в самых трудных частях, но он имеет и вкус, и способности к практическим приложениям и анализа, и геометрии… Я думаю, что из него вырабатывается талантливый научный исследователь, и посему горячо рекомендую его» [8, с. 5].

Десятью годами ранее (в самый разгар гражданской войны в июле 1919 г.) незадолго до этого утвержденный деканом Н.Н. Парфентьев направил ходатайство факультета об откомандировании из Красной Армии подающего большие надежды выпускника физмата П.А. Широкова для продолжения учебы в качестве профессорского стипендиата. В 1920 г., согласно предписанию Всероссийского главного штаба Полевому штабу Реввоенсовета Республики, П.А. Широков был освобожден от военной службы для прикомандирования к Казанскому университету [9, с. 5]. Профессор собственноручно составил подробную инструкцию для его научных занятий, отвечающую самым высоким требованиям, а в заключении написал: «Конечно, всего в инструкции не предусмотришь, да это отчасти и излишне: в лице Широкова мы имеем молодого человека с собственными мыслями и планами, уже солидно образованного, а потому даже и не нуждающегося в очень детальном руководстве: он сам в состоянии наметить себе то, что ему интересно и полезно» [9, с. 26]. После того как в 1923 г. П.А. Широков был назначен преподавателем кафедры математики, на осво-

[10] За два учебных года В.В. Морозов прослушал у Н.Н. Парфентьева курсы интегрального исчисления, теории вероятностей, теории наименьших квадратов, динамики точки и системы, теории непрерывных групп, номографии, а также курс техники научных вычислений.

бодившееся место профессорского стипендиата Н.Н. Парфентьев предложил выпускника математического отделения Б.М. Гагаева. В его характеристике Николай Николаевич написал: «…зарекомендовал себя как активный слушатель, не только записавший мои лекции, но и *оригинально*[11] разрешивший несколько вопросов, связанных с теорией интегральных уравнений. Я это обстоятельство подчеркиваю, так как это указывает на наличие научной инициативы у Гагаева… Это обстоятельство особенно важно, так как в Гагаеве мы имеем уже человека, пытающегося *самостоятельно* решать некоторые проблемы» [10, с. 108].

В 1936 г. из Казанского авиационного института на физико-математический факультет КГУ перешел М.Т. Нужин[12]. Профессор Н.Н. Парфентьев был научным руководителем его выпускной работы, в 1938 г. взял его ассистентом, а затем и аспирантом на кафедру механики. В 1939 г. он был мобилизован, воевал и вернулся в университет только в 1946 г., уже не застав в живых своего научного руководителя. У Николая Николаевича было множество учеников, из которых также отметим К.З. Галимова, ставшего впоследствии известным ученым-механиком.

Создание НИИ математики и механики при КГУ. Именно Н.Н. Парфентьев, познакомившись в 1924 г. в Москве с молодым талантливым математиком Н.Г. Чеботаревым[13], после защиты последним в 1927 г. докторской диссертации организовал его приглашение[14] на кафедру математики в Казанский университет. С приездом Н.Г. Чеботарева создалась благоприятная обстановка для открытия при университете Научно-исследовательского института математики и механики. В Казани сложилась группа математиков и механиков высокой квалификации: Н.Г. Чеботарев, П.А. Широков, Н.Г. Четаев, Н.Н. Парфентьев, под руководством которого продолжало работу Казанское физико-математическое общество. После отъезда в 1929 г. профессора Д.Н. Зейлигера Николаю Николаевичу было поручено заведование кабинетом механики. В 1930 г. он стал заведующим кафедрой теоретической механики, создал при ней лабораторию оптических методов исследования напряжения. В феврале 1931 г. Н.Г. Чеботарев подал заявление на имя директора КГУ об освобождении его от заведования кафедрой математики, и в марте заведующим был назначен Н.Н. Парфентьев, а во главе кафедры механики поставлен профессор П.А. Широков.

В январе 1932 г. Н.Н. Парфентьев от имени дирекции университета выступил с предложением об открытии НИИ математики и механики на сессии методического комитета сектора науки Наркомпроса РСФСР. Вопреки ожиданиям, последовала рекомендация открыть институт как филиал московского института, действовавшего при МГУ. Руководство КГУ настаивало на необходимости открытия самостоятельного НИИ при Казанском университете. В 1933 г. Н.Н. Парфентьев был включен в состав Математического комитета[15] при Наркомпросе (ГА РТ2, л. 275). Второй всесоюзный математический съезд (Ленинград, 1934 г.)

[11] Два слова в цитате выделены Н.Н. Парфентьевым.

[12] Нужин Михаил Тихонович (1914–1983) – математик и механик, доктор физико-математических наук, профессор (1955); заслуженный деятель науки РСФСР; ректор КГУ в 1954–1979 гг.

[13] Н.Г. Чеботарев (с 1929 г. член-корреспондент АН СССР) стал основателем Казанской алгебраической школы.

[14] В июне 1927 г. на заседании Ученого совета физико-математического факультета состоялась баллотировка, соискателей было двое – Н.Г. Чеботарев и бакинский профессор А.С. Кованько. Отзыв о них давал профессор Н.Н. Парфентьев. С похвалой отозвавшись о работах каждого, он рекомендовал предпочесть кандидатуру Н.Г. Чеботарева, который и был избран.

[15] В Математический комитет входили 16 человек, в том числе такие виднейшие математики страны, как председатель комитета В.В. Степанов; члены: П.С. Александров, Б.Н. Делоне, А.Н. Колмогоров, Н.Г. Чеботарев и др.

поддержал инициативу казанцев, указав в резолюции на «настоятельную необходимость организации математического института в Казани» [11, с. 7]. В организационный комитет были включены Н.Г. Чеботарев (председатель), Н.Н. Парфентьев, Н.Г. Четаев, П.А. Широков, Б.М. Гагаев, К.П. Персидский, Д.М. Крутов (секретарь) (ЛКГУ, с. 394). Они же стали членами-учредителями института. Н.Г. Чеботарев был назначен директором, Н.Н. Парфентьев возглавил секцию (отдел) механики, в котором занимался вопросами теории вибрации. В октябре 1934 г. в газете «Красная Татария» были опубликованы предложения ученых Казанского университета Н.Г. Чеботарева, Н.Н. Парфентьева, П.А. Широкова, связанные с открытием в Казани научно-исследовательского института математики и механики. В своей заметке о задачах секции механики Николай Николаевич писал: «Развернувшаяся широко советская индустрия повелительно выдвинула перед механиками института ряд теоретических задач в области аэродинамики, акустики, теории устойчивости, теории вибрации, теории упругости и в области артиллерийских проблем. Механическая секция должна по всем указанным разрезам вести теоретические изыскания» [12, с. 509], упомянув, что помимо чисто научных механическая секция будет разрабатывать и связанные философско-методологические проблемы.

Фото 2. Второй ряд слева направо: Б.Л. Лаптев, В.Е. Григорьев, П.А. Широков, Н.Н. Парфентьев, Е.И. Григорьев, Н.Г. Четаев, Е.С. Гинзбург. Казань. 1 апреля 1935 г. Из фонда Музея истории Казанского университета

Photo 2. Second row, left to right: B.L. Laptev, V.E. Grigoriev, P.A. Shirokov, N.N. Parfentiev, E.I. Grigoriev, N.G. Chetaev, and E.S. Ginzburg. Kazan. April 1, 1935. From the collection of the Kazan University History Museum

Выбор, сделанный в пользу Казанского университета, опирался на авторитет казанской математической школы. Не последнюю роль сыграло также широко проведенное в 1926 г. празднование 100-летия неевклидовой геометрии.

Празднование 100-летия геометрии Н.И. Лобачевского. Как известно, распространению идей Н.И. Лобачевского в мировом научном сообществе и увековечению его памяти решающим образом способствовала деятельность профессора Казанского университета А.В. Васильева. По его инициативе было торжественно отмечено 100-летие со дня рождения великого геометра и учреждена международная премия имени Н.И. Лобачевского[16].

После 1912 г. традиция присуждения премий из-за войны и революции была прервана. Н.Н. Парфентьев стремился продолжать традицию популяризации геометрии Н.И. Лобачевского, заложенную его учителем А.В. Васильевым. В конце апреля 1923 г. он направил в Астрономо-математическую предметную комиссию КГУ подробную записку с обоснованием и конкретными рекомендациями по проведению приближающегося 100-летнего юбилея со дня представления Н.И. Лобачевским знаменитого сочинения «Сжатое изложение начал геометрии со строгим доказательством теоремы о параллельных» (1826 г.). Члены КФМО подняли вопрос о необходимости организации широкого празднования открытия неевклидовой геометрии и возобновления международного конкурса на соискание премии имени Н.И. Лобачевского.

В Юбилейную комиссию помимо возглавившего ее Н.Н. Парфентьева были избраны профессор Н.И. Порфирьев и доцент П.А. Широков, к сотрудничеству приглашены академик В.А. Стеклов (Ленинград) и профессора А.В. Васильев (живший в то время в Москве) и В.Ф. Каган (Москва). Ходатайство Казанского университета было поддержано. Главное управление научными учреждениями (Главнаука) при Наркомпросе согласилось с организацией в Казани юбилейных торжеств в феврале 1926 г., одобрило проведение международного конкурса имени Н.И. Лобачевского, а также внесло в смету расход в 1000 руб. на выдачу премии. По мнению руководства Главнауки, «возобновление международной премии будет способствовать связи СССР с западной наукой и вполне соответствует мировому значению Лобачевского» [13, с. 9]. Средства на проведение юбилея выделили правительство Татарской республики и президиум коллегии Наркомпроса.

24–26 февраля 1926 г. на юбилейных мероприятиях в Казани с докладами выступили вице-президент АН СССР В.А. Стеклов, профессора А.В. Васильев, Н.Н. Парфентьев, В.Ф. Каган, Д.Н. Зейлигер. На торжественном объединенном заседании Совета университета и КФМО Николай Николаевич прочитал доклад «Неэвклидова геометрическая система Н.И. Лобачевского и ее роль в истории развития физико-математических наук и теории познания» [13, с. 34–54]. Д.Я. Мартынов вспоминал: «…областью главных его интересов была история математики в Казанском университете и сохранение традиций, идущих от Н.И. Лобачевского. Благодаря широкому кругозору, знанию языков Н.Н. Парфентьев занимал ведущую роль в праздновании столетия неевклидовой геометрии Лобачевского в 1926 г., которое прошло торжественно и интересно и на котором, к слову сказать, мы познакомились со многими ведущими математиками страны» (НБ, л. 9).

[16] Впервые конкурс был организован в 1897 г. и приурочен к 100-летию со дня рождения Н.И. Лобачевского. Проводился до революции шесть раз, последний состоялся в 1912 г. Премию (за исключением 1906 г., когда она не присуждалась) получили выдающиеся математики С. Ли, В. Киллинг, Д. Гильберт, Л. Шлезингер, Ф. Шур.

Традиция присуждения международной премии имени Н.И. Лобачевского была восстановлена, учреждена стипендия его имени. В 1927 г. после 14-летнего перерыва на VII международном конкурсе имени Н.И. Лобачевского премию присудили немецкому математику Герману Вейлю. Следующий конкурс был проведен только через 10 лет, в 1937 г. Наркомпрос выделил средства на три премии. Из них международная премия в 1000 р. предназначалась для иностранных ученых и две по 500 р. – для молодых советских математиков. Н.Н. Парфентьев и В.Ф. Каган предложили для советских ученых две темы: по неголономным пространствам и о роли неевклидовых геометрий и механики в развитии основных понятий геометрии и механики. Премию имени Н.И. Лобачевского получил Эли Картан, член Парижской академии наук. За решение трудных и важных проблем в области неголономных многообразий двойную премию для молодых советских ученых в 1000 р. получил профессор Саратовского университета В.В. Вагнер.

Заграничная научная командировка. В годы Первой мировой и Гражданской войны прервалось сотрудничество ученых России с научным миром Европы. Российские профессора стремились восстановить прежнюю практику заграничных поездок. Важность научного сотрудничества понимала и советская власть, которой было необходимо налаживание международных связей в том числе в области науки. В 20-х годах XX в. командировки за границу возобновляются, но в меньшем объеме и на короткий срок. В марте 1923 г. правление университета обратилось в Главпрофобр с ходатайством о разрешении профессору Н.Н. Парфентьеву трехмесячной командировки в Германию летом того же года для разработки математических оснований принципа относительности. Главпрофобр тянул с ответом и попросту «проволынил» обращение КГУ. В декабре 1925 г. правление снова рассмотрело просьбу профессора о заграничной командировке в Германию и Францию и возбудило ходатайство о ее предоставлении. В 1928 г. он наконец-то получил разрешение на командировку во Францию и Италию, рассчитанную на четыре месяца. Н.Н. Парфентьев выступил на Восьмом международном конгрессе математиков в Болонье (Италия) с докладом «Философия природы у Лобачевского», опубликованном впоследствии в трудах конгресса и «Ученых записках Казанского государственного университета»[17]. В докладе, в частности, были использованы только что найденные в архиве рукописные «Обозрения преподавания Н.И. Лобачевского»[18].

Во Франции жили жена Н.Н. Парфентьева Елизавета Петровна и тесть П.И. Александров (сын Борис жил в Марокко), и, конечно, командировки давали возможность увидеться. Гражданская война разделила его семью: опасаясь репрессий со стороны советской власти, жена и сын уехали за границу [4, с. 65].

Наличие родственников облегчило ему жизнь за границей осенью 1928 г., когда из-за несогласованности действий и бюрократических проволочек комиссия Наркомпроса по загранкомандировкам не выслала ему дополнительную денежную сумму, и он вынужден был занимать деньги у знакомых жены. Вопрос с возвратом долга волновал его, так как Елизавета Петровна жила очень скромно, зарабатывала тем, что служила чтицей у богатой женщины. Ее отец П.И. Александров, крупный предприниматель и состоятельный человек,

[17] *Парфентьев Н.Н.* Натурфилософия Н.И. Лобачевского // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. 1930. Т. 90. Кн. 3-4. С. 303–312.

[18] Опубликовано в кн. *Лобачевский Н.И.* Научно-педагогическое наследие. Руководство Казанским университетом. Фрагменты. Письма / Под общ. ред. П С. Александрова [и др.]; отв. ред. П.С. Александров и Б.Л. Лаптев. М.: Наука, 1976. 663 с.

спешно покидая Россию в 1918 г., ничего не вывез за границу и сам нуждался в деньгах. Волокита, в которую Николай Николаевич оказался «втянутым» по приезде, пытаясь получить положенную валюту, чтобы рассчитаться с долгом, ни к чему не привела – Особое валютное совещание Наркомфина отказало в переводе за границу 100 рублей (ГА РТ2, л. 175).

Фото 3. Е.П. Парфентьева с сыном Борисом. Канны. 30 декабря 1916 г. Из личного архива Т.Ю. Мираковой

Photo 3. E.P. Parfentieva and her son Boris. Cannes. December 30, 1916. From T.Yu. Mirakova's personal archive

Сокращение научных командировок и лишение возможности выписывать иностранную научную литературу были серьезными недостатком, и Н.Н. Парфентьев говорил, что спасает лишь научный обмен, дающий богатую журнальную литературу [13, с. 336]. Для атмосферы тех лет показательно заявление профессора, поданное им в 1933 г. в учебно-методический отдел КГУ: «К 15 годовщине Октября я был премирован заграничной командировкой, как и в прошлом году. Но Наркомпрос в прошлом году моей командировки не осуществил, обещая перенести на 1933 год. Я просил бы учебно-методический отдел через дирекцию КГУ возбудить ходатайство о командировке для меня нынешней весной 1933 г. сроком на 4 ½ месяца, начиная с 15 апреля по 1 сентября 1933 г. в Германию и Францию, для завершения некоторых начатых мной научных работ по математике и механике» (ГА РТ2, л. 261). Хорошо зная советские реалии и трудность получения разрешения на такую командировку, в том же заявлении он предложил альтернативу: «Если же почему-либо моя заграничная командировка состояться не может, то я просил бы дирекцию дать мне командировку в Ленинград, Москву, Киев, Харьков на один год для моих научных работ в библиотеках этих городов, а также в научно-исследовательских институтах Ленинграда, ЦАГИ (Москва) и южных аэродинамических лабораториях, причем просил бы помимо своего месячного оклада субсидировать меня еще специальной месячной суммой, обеспечивающей мои переезды и

закупку для меня специальной литературы» (ГА РТ2, л. 261). Ни та, ни другая возможность в 1933 г. ему предоставлены не были.

Неудачный эксперимент Наркомпроса. Официальная линия Наркомпроса в 1929–1930 гг. была направлена на отказ от лекционного метода обучения как устаревшего и пассивного. Учебная работа строилась по бригадному методу: основной упор делался на самостоятельное выполнение студентами учебно-лабораторных заданий в так называемых бригадах. Были отменены дипломные проекты, сокращено теоретическое обучение, чередуемое с непрерывной производственной практикой. Политика отказа от лекций не разделялась многими преподавателями университета. Иногда несогласие высказывалось открыто, иногда приобретало скрытые формы. Профессор зоологии позвоночных М.Е. Макушок долго отказывался прекращать чтение лекций и переходить на бригадный метод, пока его не заставили студенты. Новое студенчество, пришедшее через классовые приемы и рабфаки, обладало уже совершенно иным культурным кодом. Газета «Ленинец» 12 марта 1930 г. с возмущением писала о том, что профессор В.А. Ульянин вместо семинара проводит обычные лекции, прерывая их лишь для того, чтобы обменяться несколькими фразами с отдельными студентами [7, с. 330].

Особенно нелегко в подобной ситуации приходилось декану. Н.Н. Парфентьев должен был отчитаться перед властью об исполнении ее директивных указаний и в то же время сохранить дух настоящей университетской подготовки. В воспоминаниях академика Е.К. Завойского, а тогда аспиранта кафедры физики, сказано: «Излюбленным в то время методом нажима был “добровольный” отказ профессоров читать лекции студентам. Некоторые шли на это (например, Н.Н. Парфентьев, который на общем собрании университета бил себя в грудь и клялся, что вот в следующем учебном году он действительно не прочтет ни одной лекции!). Однако студенты хотели слушать своих любимых лекторов, и часто посещали тайные лекции в аудиториях или дома (профессора для этого сказывались больными, и приглашали студентов домой под видом консультации)» (КУ, с. 217). В тех же мемуарах Е.К. Завойский отдал должное самоотверженному труду ученых университета и назвал их пофамильно: «Здесь были люди, которые знали цену истинному жертвенному и свободному труду: профессора В.А. Ульянин, А.Е. Арбузов, Б.А. Арбузов, П.А. Широков, Н.Г. Чеботарев, Н.И. Порфирьев, Н.Н. Парфентьев, В.А. Яблоков, Д.Н. Зейлигер, Н.А. Ливанов, А.Ф. Самойлов и другие. Они не признавали никакой “новой” науки, которая строилась, исходя из закостенелых натурфилософских принципов, отвергнутых еще в прошлом веке, но насаждаемых везде с помощью винтовки. <…> Почему они делали это опасное дело? Все просто, без позы – сознание своей ответственности перед народом, которому они в душе поклялись служить бескорыстно, по-своему» (КУ, с. 217). Как видим, Н.Н. Парфентьева он включил в число беззаветных тружеников науки, несмотря на собственное довольно едкое описание его конформистской реакции на приказ об отмене лекций. Как верно отмечает О.А. Хабибрахманова, профессор «приветствовал все начинания советской администрации, но в то же время пытался сохранить профессиональные традиции старой высшей школы, выдавая их за новые» [5, с. 672].

Отказ от лекций, умаление роли преподавателя в объяснении нового материала быстро привело к снижению уровня подготовки студентов. Ю.П. Булашевич, член-корреспондент АН СССР, а в то время студент-физик и заместитель председателя студенческого профбюро, вспоминал, как недовольные слабой подготовкой по электродинамике[19] студенты решили

[19] Профессор А.Д. Гольдгаммер (1899–1941) приносил на занятия учебники по электродинамике и уходил, а студенты читали этот учебник самостоятельно.

улучшить дело и перейти на лекционный метод обучения: «Об этом я заявил Гольдгаммеру, когда он пришел со своими учебниками на следующее занятие. Гольдгаммер поблагодарил нас, сказал, что живое слово лектора имеет решающее значение в подготовке. <…> Ранней весной 1932 г. гром грянул. На наше самовольство поступило заявление в директивные органы Татарии. Все физическое отделение отправили заготовлять лес. Нам было сказано, что после возвращения с лесозаготовок профбюро как зачинщика будут судить показательным судом, исключение из университета неминуемо» [14, с. 24–25]. Спасло студентов то, что в 1932 г. применение бригадно-лабораторного метода обучения в качестве универсального было осуждено постановлением ЦИК СССР как вредное. Вернулась традиционная вузовская структура с факультетами, отделениями и кафедрами, были реабилитированы лекции и дипломные работы, уточнены специальности, введена дифференцированная оценка знаний. Однако красноармейский наскок на традиционный учебный процесс, сопровождаемый социально-политическим принципом подбора научных кадров, не прошел бесследно, и особенно наглядно его последствия проявились в Казанском университете на физическом отделении.

Проблемы с физикой. Осенью 1932 г. университет столкнулся с проблемой отсутствия лекторов по физике. В 1931 г. умер профессор В.А. Ульянин. По предложению ректора Н.-Б.З. Векслина для установления тесных связей науки с производством должность заведующего кафедрой физики занял (вместо профессора А.Д. Гольдгаммера) рабочий-изобретатель А.Г. Садреев, который «изобрел электрическую мышеловку и предложил проект использования энергии молний для энергетики первой пятилетки» (КУ, с. 213). В августе 1932 г. А.Д. Гольдгаммер перешел в Ленинградский физико-технический институт. Ранее на должности заведующих кафедрами физики в другие институты[20] ушли Б.И. Смирницкий, Н.А. Залесский, Б.М. Столбов. В итоге на кафедре физики не осталось ни одного сотрудника со степенью. Именно поэтому в 30-е годы Н.Н. Парфентьев был оппонентом большинства кандидатских диссертаций, защищавшихся по специальности «физика» [14, с. 59]. В марте 1933 г. он выступил оппонентом (вместе с профессором метеорологии и климатологии А.В. Шипчинским) на защите диссертаций Е.К. Завойского[21] и А.В. Несмелова. После успешной защиты оба соискателя по представлению декана физмата профессора В.А. Баранова получили звания и. о. доцентов, а Е.К. Завойский, назначенный и. о. заведующего кафедрой физики, начал читать значительную часть курсов общей физики в КГУ. А.В. Несмелов специализировался по теоретической физике и был учеником профессора В.А. Ульянина. После смерти последнего и отъезда А.Д. Гольдгаммера по причине отсутствия физиков-теоретиков в Казани научное руководство диссертацией А.В. Несмелова взял на себя Н.Н. Парфентьев, который хотел поддержать исследования по теоретической физике в Казанском университете. Физика переживала тогда период бурного развития, а Николай Николаевич хотя и отличался разносторонними интересами, особенно в области механики и аналитических функций, не владел глубоко специализированными знаниями в области квантовой механики. В силу этого и по причине большой загруженности Н.Н. Парфентьев

[20] В конце 1930 г. из состава Казанского университета выделились медицинский, химико-технологический институты, чуть позднее был образован авиационный институт.

[21] Завойский Евгений Константинович (1907–1976) – физик-экспериментатор, первооткрыватель электронного парамагнитного резонанса, академик АН СССР (1964). Его кандидатская диссертация была выполнена под руководством профессоров В.А. Ульянина и Г.А. Остроумова (лаборатория ультракоротких волн (УКВ), Ленинград)

не мог качественно осуществлять научное руководство диссертацией, а также критически оценить проведенные аспирантом расчеты. На защите он, уже в качестве оппонента, дал диссертации блестящий отзыв. Однако Ученый комитет Наркомпроса (аналог современного ВАК), рассмотрев диссертацию А.В. Несмелова, отказал ему в утверждении в звании доцента, установив, что идея и счетная часть его работы ошибочны [14, с. 38]. В дальнейшем А.В. Несмелов защитил кандидатскую диссертацию по физической химии.

В 1936 г. опять же за неимением в Казани дипломированных физиков-теоретиков Н.Н. Парфентьеву поручили рецензировать диссертацию аспиранта С.А. Альтшулера[22] о намагниченности нейтрона. Будучи далек от проблем ядерной физики, Николай Николаевич не смог провести объективную научную оценку работы С.А. Альтшулера и в рецензии дал отрицательный отзыв (не исключено, что сыграл свою роль и досадный опыт с защитой работы А.В. Несмелова). И.Е. Тамм[23], заведующий кафедрой теоретической физики МГУ и научный руководитель С.А. Альтшулера, узнав об этом факте, написал письмо, в котором выразил свое возмущение и даже намерение приехать на защиту [15, с. 122]. Этого делать не пришлось: Н.Н. Парфентьев отрицательную рецензию отозвал и высказался о диссертации положительно.

Социалистическое соревнование профессоров. В 30-х годах XX в. гигантские стройки, развернувшиеся в СССР и ознаменовавшие начало индустриализации, вызвали к жизни такое явление, как социалистическое соревнование, направленное на повышение производительности труда. Соревноваться можно было коллективно или индивидуально. Добровольное принятие плановых или сверхплановых социалистических обязательств распространялось на разные сферы деятельности людей, включая и образовательную. К примеру, 22 февраля 1931 г. физико-математический факультет Казанского университета заключил договор о социалистическом соревновании с артиллерийским полком (ЛКГУ, с. 362). Не оставались в стороне и научные работники, и здесь показателен договор о социалистическом соревновании, заключенный в 1932 г. между профессорами КГУ Н.Н. Парфентьевым и Н.Г. Четаевым. Документ содержал обязательство содействовать строительству авиационной промышленности Татарской республики. Проблемы устойчивости и аэродинамики брался разрабатывать Н.Г. Четаев со своей школой (Г.В. Каменков, М.Ш. Аминов), а проблемы теории упругости и вибрации – Н.Н. Парфентьев и его аспиранты-механики. Оба профессора к концу 1933 г. обещали подготовить учебные монографии: Н.Н. Парфентьев – по гидродинамике и теории вибраций, Н.Г. Четаев – по теории устойчивости движения (конспект лекций); определить программы курсов; провести специальные семинары по научным дисциплинам, в число тем включить темы производственного характера (ОРРК НБЛ2, л. 7).

Общественная деятельность Н.Н. Парфентьева и почетные звания. Кроме чрезвычайно разнообразных лекционных курсов для студентов Н.Н. Парфентьев прочел в Казани множество публичных лекций, создавших ему репутацию глубоко эрудированного оратора, который безотказно и со знанием дела сможет осветить любой научный вопрос в духе современности. К нему часто обращались с просьбой о выступлении в различных учреждениях и организациях. В 1929 г. собрание рабочих Казанской текстильной фабрики имени

[22] Альтшулер Семен Александрович (1911–1983) – физик-экспериментатор, первооткрыватель акустического парамагнитного резонанса (1952), член-корреспондент АН СССР (1976).

[23] Тамм Игорь Евгеньевич (1895–1971) – физик-теоретик, академик АН СССР (1953), лауреат Нобелевской премии по физике 1958 (совместно с П.А. Черенковым, И.М. Франком).

В.И. Ленина избрало Николая Николаевича Почетным рабочим, вручив ему расчетную книжку и спецодежду. Его большая работа по организации высшего образования в республике, проведенная в 20-х годах XX в., была отмечена советской властью. С формулировкой «За особо выдающиеся заслуги в борьбе за досрочное выполнение производственной программы, самоотверженную работу на фронте социалистического строительства» Президиум ЦИК ТАССР в июне 1932 г. присвоил Н.Н. Парфентьеву звание «Герой социалистической стройки Татарстана». В обстановке советизации сознания и внедрения идеологии во все сферы жизни подобная награда была свидетельством признания заслуг. Эта форма выражения народного отличия была высоко оценена Н.Н. Парфентьевым. Самые важные бумаги Николай Николаевич отныне подписывал так: «Профессор КГУ, Герой социалистической стройки Татарстана, Почетный работник текстилей, Лауреат золотой медали им. Н.И. Лобачевского, Почетный рабфаковец Казанского ун-та Н.Н. Парфентьев» (ГА РТ2, л. 307).

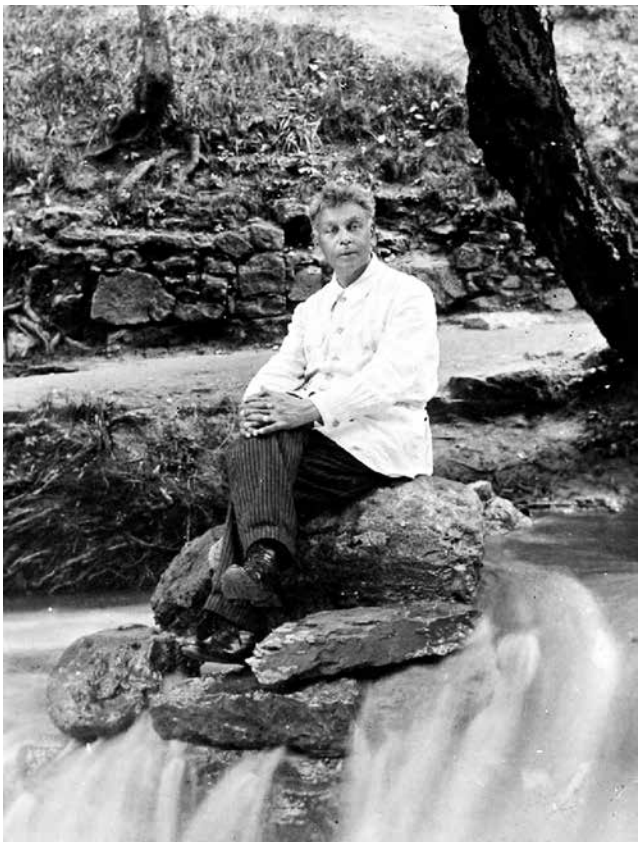

Фото 4. Н.Н. Парфентьев на отдыхе. Набережные Моркваши. 1937 г. Из личного архива Т.Ю. Мираковой

Photo 4. N.N. Parfentiev on vacation. Naberezhnye Morkvashy. 1937. From T.Yu. Mirakova's personal archive

Его вклад в дело образования, безотказность, с которой он «тянул воз» общественной работы, ценила власть. В 1930 г. в главной республиканской газете «Красная Татария» были напечатаны статьи М.К. Корбута и Н.Г. Чеботарева, вышедшие под общим заголовком «Тридцать лет научной и общественной деятельности проф. Н.Н. Парфентьева» [24], в которых воздавалось должное его научным, педагогическим и общественным заслугам;

[24] *Чеботарев Н.Г.* Н.Н. Парфентьев как деятель науки // Красная Татария. 1930. 15 февр.; *Корбут М.К.* Старый профессор – новый человек // Красная Татария. 1930. 15 февр.

в 1939 г. в связи с 135-летием Казанского университета опубликована статья В.А. Мартынова, посвященная Н.Н. Парфентьеву (Уч.).

Николай Николаевич состоял членом президиума Казанского городского совета (руководил финансово-бухгалтерской секцией), возглавлял комиссию о переименовании ряда казанских улиц в честь ученых и писателей – А.М. Бутлерова, А.П. Щапова, Н.В. Гоголя, Н.Г. Чернышевского, М. Горького, Г. Тукая (НБ, л. 9). В 1932–1935 гг. был кандидатом в члены представительного органа власти Татарской автономной республики (ТатЦик), являлся председателем казанского отделения ВАРНИТСО, членом Совета профсоюза работников высшей школы и научных учреждений (с 1934 г.). К нему хорошо относился ректор К.П. Ситников[25]. Николай Николаевич знал европейские языки: «Говорю, пишу и читаю на русском, немецком, французском и английском. Слабо владею татарским, довольно хорошо итальянским», – указано им в личном листке по учету кадров (ОРРК НБЛ2, л. 5), поэтому в случаях, когда у ректора иногда возникала необходимость общения с приезжим иностранцем, профессор математики выполнял обязанности переводчика – из университета за ним присылали автомобиль.

Фото 5. Слева направо: Н.П. Парфентьева (невестка); племянницы Нина (старшая) и Маргарита; Н.Н. Парфентьев и его сестра А.Н. Парфентьева. Казань. 1940 г. // Ленинец. 1941. 19 апреля

Photo 5. Left to right: N.P. Parfentieva (daughter-in-law), nieces Nina (older) and Margarita; N.N. Parfentiev and his sister A.N. Parfentieva. Kazan. 1940. From *Leninets*. April 19, 1941

В конце 1934 г. Н.Н. Парфентьев принялся хлопотать о пенсии. В заявлении на имя директора КГУ он писал: «За последние годы здоровье мое сильно ухудшилось и я, проработав свыше 35 лет на научно-педагогическом поприще, хотел бы серьезно заняться своим здоровьем. <…> Ввиду сего прошу Дирекцию КГУ не отказаться содействовать в ходатайстве перед инстанциями о выдаче мне академической пенсии за выслугу полных 35 лет» (ГА РТ2, л. 307). Документов, подтверждающих, что его хлопоты оказались успешными

[25] Ситников Кирилл Прокофьевич (1899–1988) – ректор Казанского университета в 1937–1951 гг.

и положенную пенсию он получил, найти не удалось[26]. Уважение, признание заслуг выражались по-разному. Его имя в апреле 1939 г. в числе первых было записано на Доску почета, учрежденную университетской газетой «Ленинец» (ЛКГУ, с. 415). В 1940 г. в ознаменование 20-й годовщины образования Татарской АССР Президиум Верховного совета СССР присвоил ему звание «Заслуженный деятель науки РСФСР». Весной 1941 г. в честь 40-летия научной, педагогической и общественной деятельности университет премировал Н.Н. Парфентьева суммой в 2000 рублей, а 19 апреля 1941 г. университетская газета посвятила ему большой материал, была опубликована фотография ученого в кругу семьи.

Заключение. Демонстрация лояльности советской власти, умение идти на компромиссы, работать в команде облегчали профессору Н.Н. Парфентьеву решение многих проблем, но главным для него оставалась искренняя любовь к своей работе, свойственная лучшим представителям российской интеллигенции: в его случае – любовь к университету, математике, общественной деятельности. Напряженный труд, включавший, помимо прочего, колоссальную лекционную и общественную нагрузку, позволил сократить научные и кадровые потери, неизбежные при реорганизации образовательной системы. Он принимал активное участие в создании рабочего факультета в Казанском университете (1919), способствовал становлению новых казанских вузов и преподавал математические дисциплины и прикладную механику в институтах: педагогическом, политехническом, авиационном, сельского хозяйства и лесоводства. В период структурных изменений и экспериментов с системой обучения, происходивших в высшей школе страны в послереволюционные и последующие годы, Н.Н. Парфентьев на посту декана физико-математического факультета всеми силами старался сохранить и развить математическую школу Казанского университета. Организовал приглашение в университет профессора Н.Г. Чеботарева, инициировал проведение в 1926 г. 100-летнего юбилея неевклидовой геометрии в Казани и открытие при университете Научно-исследовательского института математики и механики (1934).

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Источники

ДСНК – Декрет Совета Народных Комиссаров. О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Республики. 1 октября 1918 года // Изв. Всерос. центрального исполнительного комитета Советов. 1918. 9 окт. (№ 219).

ГА РТ1 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. 11 (Физ.-мат. ф-та). Д. 2587: Рекомендации, выданные разными учеными и учебными заведениями лицам для участия в конкурсе на замещение должностей профессоров и преподавателей факультета. Характеристики рекомендуемых. 354 л.

ЛКГУ – *Исаков А.П.* Летопись Казанского государственного университета: (история в фактах, подтвержденных документами): в 2 т. Казань; Лондон: МИАН, 2004. Т. 1: 1804– 1945. 487 с.

КГУ1925 – Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина в 1925–1926 учеб. году. Казань, 1926. 79 с.

УЗКУ – *Парфентьев Н.Н.* Из жизнедеятельности кафедр математики, механики и аэродинамики за последние годы // Учен. зап. Казан. ун-та. 1931. Кн. 4. Вып. 1. С. 87–89.

[26] Нина Дмитриевна Парфентьева (1926–2024), племянница Николая Николаевича, утверждала, что государственную пенсию он не получал.

ВП – *Лаптев Б.Л.* Воспоминания о Н.Н. Парфентьеве // Очерки истории НИИ математики и механики имени Н.Г. Чеботарева / Сост. А.М. Елизаров. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 1989. С. 119–125.

ОРРК НБЛ1 – *Парфентьев Н.Н.* Краткая историческая записка о Казанском университете // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 6635. 20 л.

ОРРК НБЛ2 – Материалы к биографии Н.Н. Парфентьева // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 4890. 15 л.

ВХ – *Ключевич А.С.* Воспоминания химика – выпускника КГУ. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 72 с.

НГЧ – *Морозов В.В.* Н.Г. Чеботарев // Николай Григорьевич Чеботарев (1894–1947). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. С. 11–65.

Уч. – *Мартынов В.А.* Ученый // Красная Татария. 1939. 23 сент.

НБ – *Мартынов Д.Я.* Недавнее былое // ОРРК НБЛ. Ед. хр. 10103. 29 л. Рукопись.

ГА РТ2 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. 4 (Совет). Д. 10199: Документы о служебной деятельности профессора Н.Н. Парфентьева. 536 л.

КУ – *Завойский Е.К.* Казанский университет конца двадцатых–тридцатых годов. Сороковые годы // Чародей эксперимента. Сборник статей об академике Е.К. Завойском. М: Наука, 1993. С. 212–222.

Литература

1. *Яблоков В.А.* Жизнь и деятельность профессора Николая Николаевича Парфентьева // Николай Николаевич Парфентьев (1877–1943): биобиблиогр. указатель. Казань. 1955. С. 3–21.
2. *Лаптев Б.Л.* Николай Николаевич Парфентьев // Рассказы о казанских ученых. Казань: Татар. кн. изд-во. 1983. С. 20–26.
3. *Альпин Ю.А., Ежова С.А.* «Тяжелы были наши первые шаги…»: Н.Н. Парфентьев и организация рабочего факультета Казанского университета (к 100-летию рабфака) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2019. № 4. С. 144–155.
4. *Хабибрахманова О.А.* Столкновение с советской реальностью: пути адаптации профессора математики Казанского университета Н.Н. Парфентьева // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. История и филология. 2019. Т. 29. № 4. С. 669–673. https://doi.org/10.35634/2412-9534-2019-29-4-669-673.
5. *Ежова С.А., Альпин Ю.А.* Профессор математики Н.Н. Парфентьев: русский интеллигент на сломе эпох // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2022. Т. 164, кн. 6. С. 51–68. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.6.51-68.
6. *Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. 498 с.
7. История Казанского университета, 1804–2004 / Гл. ред. И.П. Ермолаев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 651 с.
8. *Шапуков Б.Н.* Борис Лукич Лаптев. 1905–1989. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 23 с.
9. *Лаптев Б.Л., Широков А.П., Вишневский В.В.* Петр Алексеевич Широков. 1895–1944. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 27 с.
10. Механико-математический факультет Казанского университета: Очерки истории / Науч. ред.: В.В. Вишневский и др. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. 157 с.
11. *Лаптев Б.Л.* Становление и развитие НИИММ в 1934–1954 гг. // Научно-исследовательский институт математики и механики имени Н.Г. Чеботарева. 1993–1997 / Под ред. А.М. Елизарова, С.А. Кузнецова. Казань: Казан. мат. о-во: ДАС, 1998. С. 3–13.
12. Культурное строительство в Татарии. 1917–1941 / Под ред. М.К. Мухарямова, М.З. Тутаева. Казань: Татар. кн. изд-во, 1971. 670 с.
13. Празднование Казанским университетом столетия открытия неэвклидовой геометрии Н.И. Лобачевским: 24.2.1826 – 25.2.1926. Казань: Физико-математическое общество при Казанском университете, 1927. 110 с.

14. *Альтшулер Н.С., Ларионов А.Л.* Физическая школа Казанского университета с конца 20-х до 40-х годов XX века: история развития и научные достижения выпускников. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 150 с.
15. *Завойский В.К.* Академик Е.К. Завойский. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. 175 с.

References

1. Yablokov V.A. Life and work of Professor Nikolai Nikolaevich Parfentiev. In: *Nikolai Nikolaevich Parfent'ev (1877–1943): biobibliogr. ukazatel'* [Nikolai Nikolaevich Parfentiev (1877–1943): A Biobibliographical Index]. Kazan, 1955, pp. 3–21. (In Russian)
2. Laptev B.L. Nikolai Nikolaevich Parfentiev. In: *Rasskazy o kazanskikh uchenykh* [Stories about Kazan Scholars]. Kazan, Tatar. Kn. Izd., 1983, pp. 20–26. (In Russian)
3. Al'pin Yu.A., Ezhova S.A. "Our first steps were hard...": N.N. Parfentiev and the establishment of the Workers' Faculty at Kazan University (dedicated to the 100th anniversary of the Workers' Faculty). *Gasyrlar Avazy – Ekho Vekov*, 2019, no. 4, pp. 144–155. (In Russian)
4. Khabibrakhmanova O.A. Collision with Soviet reality: Adaptive strategies of N.N. Parfentiev, Professor of Mathematics at Kazan University. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya Istoriya i Filologiya*, 2019, vol. 29, no. 4, pp. 669–673. (In Russian)
5. Ezhova S.A., Al'pin Yu.A. Professor of mathematics N.N. Parfentiev: A member of Russia's intelligentsia during the transformative period between the epochs. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 6, pp. 51–68. doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.51-68 (In Russian)
6. Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. *Terra Universitatis: dva veka universitetskoi kul'tury v Kazani* [Terra Universitatis: Two Centuries of the University Culture in Kazan]. Kazan, Kazan. Gos. Univ., 2005. 498 p. (In Russian)
7. Ermolaev I.P. (Ed.) *Istoriya Kazanskogo universiteta, 1804–2004* [The History of Kazan University, 1804–2004]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2004. 651 p. (In Russian)
8. Shapukov B.N. *Boris Lukich Laptev. 1905–1989* [Boris Lukich Laptev. 1905–1989]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2001. 23 p. (In Russian)
9. Laptev B.L., Shirokov A.P., Vishnevsky V.V. *Petr Alekseevich Shirokov. 1895–1944* [Petr Alekseevich Shirokov. 1895–1944]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2001. 27 p. (In Russian)
10. Vishnevsky V.V. et al. (Eds.) *Mekhaniko-matematicheskii fakul'tet Kazanskogo universiteta: Ocherki istorii* [Faculty of Mechanics and Mathematics of Kazan University: Historical Essays]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2003. 157 p. (In Russian)
11. Laptev B.L. The establishment and development of the Chebotarev Research Institute for Mathematics and Mechanics in 1934–1954. In: Elizarov A.M., Kuznetsov S.A. (Eds.) *Nauchno-issledovatel'skii institut matematiki i mekhaniki imeni N.G. Chebotareva. 1993–1997* [Chebotarev Research Institute for Mathematics and Mechanics. 1993–1997]. Kazan, Kazan. Mat. O-vo., DAS, 1998, pp. 3–13. (In Russian)
12. Mukharyamov M.K., Tutaev M.Z. (Eds.) *Kul'turnoe stroitel'stvo v Tatarii. 1917–1941* [Cultural Development in Tataria. 1917–1941]. Kazan, Tatar. Kn. Izd., 1971. 670 p. (In Russian)
13. *Prazdnovanie Kazanskim universitetom stoletiya otkrytiya neevklidovoi geometrii N.I. Lobechevskim: 24.2.1826–25.2.1926* [Celebrating 100 Years Since N.I. Lobachevsky's Discovery of Non-Euclidean Geometry at Kazan University: February 24, 1826–February 25, 1926]. Kazan, Fiz.-Mat. O-vo. Kazan. Univ., 1927. 110 p. (In Russian)
14. Altshuler N.S., Larionov A.L. *Fizicheskaya shkola Kazanskogo universiteta s kontsa 20-kh do 40-kh godov XX veka: istoriya razvitiya i nauchnye dostizheniya vypusknikov* [Kazan University School of Physics from the Late 1920s to the 1940s: A History of Development and Scientific Achievements of Graduates]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2002. 150 p. (In Russian)
15. Zavoisky V.K. *Akademik E.K. Zavoiskii* [Academician E.K. Zavoisky]. Kazan, Tatar. Kn. Izd., 1986. 175 p. (In Russian)

Информация об авторах

Ежова Светлана Алексеевна, кандидат исторических наук, главный библиограф Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: sezhova@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0910-110X

Альпин Юрий Абдуллович, кандидат физико-математических наук, независимый исследователь
E-mail: *yurialpin016@gmail.com*
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8190-2916

Author Information

Svetlana A. Ezhova, Cand. Sci. (History), Chief Bibliographer, N.I. Lobachevsky Scientific Library of Kazan Federal University
E-mail: *sezhova@mail.ru*
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0910-110X

Yuri A. Al'pin, Cand. Sci. (Physics and Mathematics), Independent Researcher
E-mail: *yurialpin016@gmail.com*
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8190-2916

Поступила в редакцию 10.02.2025 Received February 10, 2025
Принята к публикации 10.04.2025 Accepted April 10, 2025

Оригинальная статья

УДК 94(47)
https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.143-153

Взаимодействие контор Торгсина Среднего Поволжья с местными партийными властями

А.А. Литвин, А.Е. Яковлев✉

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

✉*alexandr1197@mail.ru*

Аннотация

В настоящей статье исследуется взаимодействие контор Торгсина Среднего Поволжья (Татарской и Средне-Волжской) с местными партийными властями. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов вышеупомянутых контор определен круг вопросов, по которым происходило обозначенное взаимодействие. Вводимые в научный оборот источники также позволяют выявить способы давления руководства контор на местные власти с целью достижения собственных целей. На примере конфликтов, возникавших между руководством контор Торгсина и местных властей, показаны понимание руководством контор значения торгово-скупочной деятельности Торгсина в деле мобилизации ценностей и валюты и готовность отстаивать ведомственные интересы контор. Сделан вывод о противоречивом характере взаимодействия контор Торгсина с местными партийными властями, который объясняется тем, что конторы, находясь в зависимости от местных властей, в то же время могли оказывать давление на них через Правление Торгсина и вышестоящие партийные власти.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, Торгсин, Татарская областная контора, Средне-Волжская краевая контора, мобилизация ценностей, местные партийные власти

Для цитирования: *Литвин А.А., Яковлев А.Е.* Взаимодействие контор Торгсина Среднего Поволжья с местными партийными властями // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 2. С. 143–153. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.143-153.

Original article

https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.143-153

Interaction of Togrsin's trade offices in the Middle Volga region with local party authorities

A.A. Litvin, A.E. Yakovlev✉

Kazan Federal University, Kazan, Russia

✉*alexandr1197@mail.ru*

Abstract

The Tatar and Middle Volga trade offices of Torgsin in the Middle Volga region and their interaction with local party authorities are studied. Using previously unpublished archival sources, key features of this process are identified. The tactics employed by Torgsin's leaders to influence political officials for their own benefit are revealed. Analysis of the conflicts between Torgsin and the party demonstrates that Torgsin's leaders were well aware of the vital role that their organization played in mobilizing values and financial resources. Therefore, they were ready to protect their organizational interests and advance their agenda further. The study concludes that the interaction between the two offices of Torgsin and local party authorities in the Middle Volga region was surrounded by contradictions: although controlled by the local government, they wielded their influence through the central directorate of Torgsin and higher-level party structures.

Keywords: Middle Volga region, Torgsin, Tatar trade office, Middle Volga trade office, mobilization of values, local party authorities

For citation: Litvin A.A., Yakovlev A.E. Interaction of Togrsin's trade offices in the Middle Volga region with local party authorities. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 2, pp. 143–153. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.143-153. (In Russian)

Введение. Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами Торгсин появилось в 1930 г. в качестве небольшой конторы при Наркомате внешней и внутренней торговли СССР. Магазины Торгсина тогда открылись лишь в наиболее крупных городах и предназначались для обслуживания иностранцев. Иностранные граждане, в частности туристы и моряки, могли совершать покупки в магазинах Торгсина, обменивая его товары на иностранную валюту. Торговый ассортимент на тот момент был соответствующим: по большей части там продавались товары, которые могли заинтересовать иностранных граждан. Преимущественно это были антиквариат, предметы искусства и различного рода сувениры. Выручка Торгсина была небольшой, и большого значения в отношении пополнения государственного бюджета он тогда не имел.

Ключевым для судьбы Торгсина стало разрешение осуществлять покупки в его магазинах советским гражданам. В то время советское государство остро нуждалось в иностранной валюте, которая была нужна для закупки промышленного оборудования в странах Западной Европы и США. Мировой финансовый кризис, который охватил мир вследствие

Великой депрессии в США, вызвал снижение цен на сырьевых рынках, что, в свою очередь, снизило цены на основные товары советского экспорта: нефть, лес, зерно. Необходимо было искать дополнительные источники средств, и одним из них стали магазины Торгсина, которые летом 1931 г. были открыты для советских граждан, чтобы они могли совершать в них покупки на иностранную валюту или в обмен на сдачу золота.

За открытием магазинов Торгсина для советских граждан последовало значительное расширение его торгово-скупочной сети. За сравнительно короткое время конторы Торгсина появились на всей территории СССР; в частности, в начале 1932 г. открылись Средне-Волжская и Татарская конторы Среднего Поволжья, составляющие предмет нашего интереса. Конторам Торгсина приходилось выстраивать отношения с различного рода организациями и ведомствами, в том числе и с местными партийными властями. Коммуникации контор Торгсина с последними и посвящено данное исследование.

Результаты и обсуждение. Конторы Торгсина в процессе осуществления своей деятельности взаимодействовали с местными партийными властями по широкому кругу вопросов. Во многом от результатов этих контактов зависел успех осуществления торгово-скупочной деятельности той или иной конторы. В общем виде вышеназванные взаимодействия исследуются в работах Е.А. Осокиной [1–4], которая подчеркивает, что «зависимость варягов-инспекторов и торгсиновских директоров от сталиных местного масштаба была велика» [4, с. 75], а конторам Торгсина, так или иначе, приходилось взаимодействовать с местными партийными властями различного уровня «от районного комитета партии до республиканского ЦК и Совнаркома» [4, с. 75]. О.Ю. Орешкин в своей кандидатской диссертации не уделяет значительного внимания вопросу взаимодействия контор Торгсина с местными партийными органами, замечая, что «Объединение получало необходимую поддержку как на уровне центральной, так и местной власти» [5, с. 55], некоторые исследователи также отмечают помощь местных властей в вопросе предоставления помещений конторам Торгсина [6, с. 106], описывая процесс развертывания его торгово-скупочной сети [7, с. 35]. В то же время детального исследования механизмов коммуникации контор Торгсина и местных партийных властей в историографии фактически не проводилось, вследствие чего в настоящее время они остаются малоизученным вопросом. Ученых в большей степени интересовали аспекты взаимодействия упомянутых контор с органами ОГПУ [8], организационной деятельности отдельных контор [9–11], их повседневной жизни [12].

Важным аспектом взаимодействия контор Торгсина и местных партийных властей являлось обеспечение первых помещениями для ведения торговли и приемки ценностей. От того, насколько контора была обеспечена таковыми, во многом зависела успешность ее деятельности. С помещениями возникали проблемы: в частности, недостаточно хорошее снабжение ими Средне-Волжской конторы отмечается в составленном в марте 1933 г. докладе А.С. Мирзоева, который был отправлен председателю Правления Торгсина А.К. Сташевскому, а копия была послана уполномоченному Средне-Волжского крайкома ВКП(б) по госторговле и кооперации тов. Малишевскому. В числе прочего управляющий Средне-Волжской конторой описывал и ситуацию с предоставлением помещений для конторы как «отсутствие помещений для развертывания торговли и приемки ценностей, не предоставляемых нам благодаря волоките и недооценке нашей работы, допускаемой отдельными работниками Горсовета»[1] (I, л. 12. об). Можно заметить, что А.С. Мирзоев в

[1] В цитатах сохранены орфография и пунктуация оригинала.

определенной степени шантажирует местные партийные власти. Ведь тов. Малишевский должен был понимать, что Правлению Торгсина в Москве не понравятся сведения о недостаточном содействии местных властей в развертывании торговой сети конторы, что может обернуться их жалобами на местный крайком. Таким образом, это должно было способствовать решению проблем конторы с помещениями для торговли.

Местные партийные органы принимали участие в назначении на должности управляющих и заместителей управляющих конторами Торгсина. В частности, в фондах Татарской конторы сохранилось постановление Татарского областного комитета ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. (II, л. 1), согласно которому заместителем управляющего конторой был назначен В.Ф. Новиков. Постановления о назначении на должность его начальника, управляющего В.И. Баранова, не сохранилось, однако если учесть тот факт, что он происходил из местных партийцев (II, л. 23), то можно с уверенностью говорить о его назначении местными партийными органами. Аналогичным образом обстоит дело с первым управляющим Средне-Волжской конторой К.И. Шилинским. Местные партийные власти также осуществляли в отношении контор Торгсина контролирующие функции, проводя проверки их деятельности. В случаях, когда результаты проверок оказывались неудовлетворительными, происходило смещение управляющих и заместителей управляющих конторами Торгсина с должностей по инициативе местных партийных властей, взамен ими же подыскивались и назначались иные кандидаты. Так произошло в Татарской конторе, где после проверки ее деятельности вышло постановление ОКК ВКП(б)[2] и коллегии НК РКИ[3] о недочетах в работе Татарской конторы Торгсина от 3 января 1933 г. (III, л. 2), в котором отмечались неудовлетворительные тенденции, допущенные при управлении конторой со стороны ее руководства. В отношении заместителя управляющего конторой, В.Ф. Новикова, было принято решение сместить его с должности заместителя управляющего «как не обеспечивающего руководства торг. деятельностью Торгсина» (III, л. 2). Управляющему конторой В.И. Баранову при этом были сделаны замечания о недопустимости подобного положения дел в конторе. Заместителем управляющего вместо В.Ф. Новикова решением Татарского областного комитета ВКП(б) (III, л. 14) был назначен Ф.И. Шварцман. Также назначение последнего было оформлено и распоряжением Правления Торгсина от 17 февраля 1933 г., согласно которому он занимал должность заместителя управляющего Татарской конторой с 1 февраля 1933 г. (IV, л. 1).

В декабре 1933 г. местными партийными властями была вновь проведена проверка деятельности Татарской конторы, по итогам которой вышло постановление президиума ОКК ВКП(б) и НК РКИ от 27 декабря 1933 г. (V, л. 3). В нем давалась отрицательная оценка деятельности Татарской конторы, объектом критики преимущественно стала кадровая политика, в результате которой в рядах сотрудников конторы оказалось много «классово-чуждых элементов». По итогам проверки было принято решение об увольнении тов. Кузнецова, директора областной базы, и П.В. Марфина, кладовщика базы, которые привлекались к уголовной ответственности. Управляющий конторой, В.И. Баранов, тоже отстранялся от должности, его место занял назначенный ранее заместителем управляющего Ф.И. Шварцман. Все дальнейшие кадровые перестановки руководства Татарской конторы также осуществлялись распоряжениями местных партийных властей. Кроме того, 28 декабря вышло

[2] Окружные контрольные комиссии ВКП(б) – контролирующие органы, осуществлявшие контроль над соблюдением партийной дисциплины и этики.

[3] Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции – орган власти, выполнявший функции государственного контроля.

распоряжение Правления Торгсина о назначении Ф.И. Шварцмана управляющим Татарской конторой. В качестве основания назначения указывалось «согласование с местными властями» (IV, л. 29). Таким образом, можно заметить, что в случае с назначениями Ф.И. Шварцмана происходило их согласование между Правлением Торгсина и местными властями. Возможно, Ф.И. Щварцман был выдвиженцем Правления Торгсина, так как до назначения в Татарскую контору он с 1931 г. работал в Народном комиссариате внешней торговли, занимал должность референта по рыбе и икорным товарам в Австрии (VI, л. 27).

Относительно Средне-Волжской конторы дела обстояли следующим образом. Первый ее управляющий, К.И. Шилинский, как мы отмечали выше, вероятнее всего, был назначен на должность решением местных партийных властей. В декабре 1932 г. уполномоченный Правления Торгсина тов. Гарцев произвел проверку деятельности Средне-Волжской конторы, отметив медлительность в отношении развертывания сети Торгсина в Средне-Волжском крае (VII, л. 11). Правление Торгсина это, по всей видимости, не устроило, поэтому управляющий был отстранен от должности, вероятно, Правлением Торгсина, так как сменивший его на посту А.С. Мирзоев, прибывший в Самару из Тифлиса, был назначен на должность именно Правлением, а не местными партийными властями (VIII, л. 34). Несколько позже Правлением был также назначен на должность один из заместителей А.С. Мирзоева, тов. Буров (VIII, л. 81).

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что местные партийные власти играли заметную роль в кадровой политике контор Торгсина. К их прерогативам относились назначение на должности и смещение с них управляющих и заместителей управляющих конторами, а также некоторых иных сотрудников, как было отмечено выше. Стоит оговорить, что назначение руководства контор не было монополией местных партийных властей. Некоторые назначения управляющих и их заместителей санкционировались ими, но в ряде случаев руководство конторы назначалось Правлением Торгсина. Судя по логике назначений, первые управляющие и их заместители выдвигались на должности местными партийными властями, так как принадлежали к местным партийцам. Однако ими были допущены просчеты в руководстве конторами, вследствие чего ряд управляющих и их заместителей затем назначался Правлением Торгсина: это утверждение справедливо для управляющего Средне-Волжской конторой А.С. Мирзоева, а также для заместителя управляющего, а впоследствии управляющего Татарской конторой Ф.И. Шварцмана, учитывая приведенные нами детали его биографии.

В вопросы кадровых перестановок в конторах вмешивались не только республиканские или краевые, но и районные партийные власти. В письме от 19 августа 1933 г., обращенном к секретарю краевого комитета ВКП(б) тов. Лазареву, управляющий Средне-Волжской конторой замечает: «…несмотря на ряд директивных писем и указаний с Вашей стороны по периферии о запрещении мобилизации на другие работы и перемещении работников Торгсина, до сих пор продолжают иметь место случаи невыполнения Ваших директив» (I, л. 17). Далее приводится пример перемещения работника Торгсина, вызвавший возмущение управляющего: «Карсунский райком ВКП(б) без договоренности, ведома и согласия как Краевой конторы, так и Ульяновского филиала Торгсина произвел смену Заведующего Карсунским отделением Торгсина, назначив на эту должность жену работника КК-РКИ Мордухаева, последняя работающая уже в продолжение месяца даже не знает о цифрах преподанного плана, чем свидетельствует о своей работоспособности» (I, л. 17). Как можно заметить, у райкомов, в отличие от партийных властей респу-

бликанского или краевого уровня, не было полномочий самолично совершать кадровые перестановки в магазинах Торгсина. Тем не менее делать их они пытались, судя по тому, что А.С. Мирзоев упоминает об указаниях, которые краевые партийные власти давали нижестоящим властям о запрете перемещения работников Торгсина и их мобилизации на выполнение других работ. Следовательно, подобные практики были довольно частными, раз потребовалось вмешательство краевых партийных властей; случай с Карсунским райкомом показывает, что подобного рода действия местные партийные власти совершали и после запретительных директив крайкома. В то же время управляющий Средне-Волжской конторой подчеркивает, что смена заведующего отделением была произведена «без договоренности, ведома и согласия как Краевой конторы, так и Ульяновского филиала Торгсина», отсюда можно сделать вывод о том, что горкомы и райкомы могли производить кадровые перестановки в магазинах Торгсина, находившихся на их территории, но по согласованию с вышестоящим руководством конторы Торгсина.

Следует отметить также исполнение контролирующих функций со стороны местных партийных властей в отношении контор Торгсина. Выше мы приводили примеры проверок Татарской конторы Торгсина со стороны партийных контролирующих органов. По результатам подобных проверок конторам делались замечания по их работе, а также могли последовать кадровые перестановки. Заметим, что в отношении Средне-Волжской конторы подобные проверки также проводились. В частности, отчитываясь Правлению Торгсина 11 ноября 1933 г., управляющий А.С. Мирзоев указывал, что «при Краевой КК-РКИ была создана комиссия по проверке руководящих работников Краевой конторы и Базы. В результате этой проверки из аппарата Крайконторы выявлено с запрещением работать в системе Торгсина 4 человека: 1 ст. товаровед, как соц-чуждый элемент и 1 бухгалтер, как осужденный за спекуляцию» (IX, л. 123). Отметим, что контролирующие функции местных партийных властей в отношении контор Торгсина были довольно широкими, фактически местные власти, осуществляя проверки, могли снимать с должностей любых сотрудников. Следует также отметить, что подобные проверки осуществлялись не только на уровне республик или краев, но их также планировалось проводить и на низовых уровнях: «…аналогичную же проверку межрайбаз и агентств на местах Край КК-РКИ предложено провести местным Гор. Рай. КК-РКИ, результат каковой сообщим дополнительно» (IX, л. 123).

Неизвестно, насколько распространенным явлением были проверки контор Торгсина на уровне горкомов и райкомов, но можно утверждать, что таковые имели место. Так, примечательно постановление бюро Самарского горкома ВКП(б) от 26 августа 1934 г. (IX, л. 11–13), в котором дается негативная оценка деятельности Самарского отделения Торгсина: «семейственность верхушки аппарата, элементы бытового разложения, зажим самокритики, растраты и хищения, укрывательство руководством Торгсина растрат и хищений» (IX, л. 11). За постановлением последовали следующие решения: «…за застой в партийной работе распустить партком Торгсина, снять с партийной работы Секретаря парткома тов. Гинзбург с объявлением строгого выговора …объявить Управляющему Торгсином тов. Бурову строгий выговор и поставить перед Крайкомом партии вопрос о снятии его с работы» (IX, л. 11). Как видно из этих решений, полномочия местных партийных властей в отношении кадров контор были весьма широкими. По своему усмотрению они отстраняли тех или иных должностных лиц контор Торгсина от занимаемых должностей. Одновременно в этом же постановлении содержится указание на то, что полномочия местных партийных властей в отношении контор Торгсина не были безграничными, так как в числе его положений на-

ходится следующее: «…просить Московское Управление Торгсина, в связи наличием ряда беспорядков в работе Самарского Торгсина, в связи с выявленными излишками в 691 руб. золотом, безобразным состоянием учетной отчетности произвести детальную ревизию в магазинах и базах конторы» (IX, л. 12). Следовательно, контролирующие функции местных партийных властей в отношении контор Торгсина имели ограничения.

Между конторами Торгсина и местными партийными властями также могли происходить конфликты в случае расхождения их ведомственных интересов. Подобный случай произошел в Средне-Волжской конторе в августе 1933 г. Причиной спора выступила хлебопекарня, которая на тот момент принадлежала Торгсину, но 13 августа Самарский горком, по словам управляющего конторой А.С. Мирзоева, вынес следующее решение: «Тринадцатого августа с/г. Вами был вынесено постановление о мобилизации имеющийся в нашем распоряжении пекарни, помещающейся по Советской № 67» (I, л. 4). А.С. Мирзоев выступил против мобилизации пекарни: «Перевод нашей пекарни на Цыганский базар нарушит возможность использования времени до открытия торговли коммерческим хлебом для максимальной и возможной реализации указанной выше продукции и кроме того перевозка нежных сортов кондитерских и булочных изделий на далеком расстоянии сильно повлияет на качественное состояние продукции» (I, л. 4). В качестве причин мобилизации пекарни управляющий конторой называл следующее: «Выговор фактически сделан единолично 2-рым секретарем Горкома партии т. Кокиным, который, недооценивая вообще значение нашей работы (имеется ряд случаев невнимательного отношения к Торгсину), в данном случае был лично заинтересован, т. к. имел персональное поручение Крайкома ВКП(б) руководить работой по открытию в г. Самаре (к 20.08) 45 магазинов для торговли по коммерческим ценам хлебом» (IX, л. 84). Таким образом, возник конфликт между Средне-Волжской конторой Торгсина в лице управляющего А.С. Мирзоева, с одной стороны, и местными партийными властями в лице второго секретаря горкома партии тов. Кокина – с другой. В интересах конторы было оставить пекарню у себя, так как хлеб являлся в Торгсине одним из самых ходовых товаров. Второй секретарь горкома, в свою очередь, был заинтересован в отъеме пекарни у Торгсина, так как отвечал за развертывание сети коммерческих магазинов по торговле хлебом.

Несмотря на давление со стороны горкома, А.С. Мирзоев, как это видно из его собственных объяснений, решил всячески препятствовать отъему пекарни. Решение о передаче последней Тресту хлебопечения поступило в контору Торгсина 14 августа 1933 г., однако выполнять его А.С. Мирзоев отказался, что привело к следующим попыткам отстоять пекарню, которые управляющий Средне-Волжской конторой описал в письме к секретарю крайкома ВКП(б) Лазареву: «После этого я был вызван Секретарем Горкомитета партии т. Кокиным и мне было предложено немедленно сдать пекарню. От сдачи я отказался и просил ограничиться обязательством для Торгсина выпечки хлеба сверх контингента, потребного для торговли на валюту. 15.08 я обжаловал решение Горсовета перед Пред. Горсовета т. Сорокиным в письменной форме. 15.08 я был лично у Вас с моим Заместителем, членом партии т. Буровым и обратился к Вам с просьбой оставить пекарню в н/распоряжении. Вы, принципиально не возражая, предложили мне согласовать этот вопрос с Уполнаркомснаба СССР т. Кастериным. Последний дал согласие на оставление пекарни у нас. После этого я вновь был вызван к т. Кокину и мне было предложено сдать пекарню. Я опять вынужден был в интересах предотвращения снижения валютного плана отказать в сдаче, сославшись на Ваше принципиальное согласие и согласие т. Кастерина» (I, л. 26).

Упорное сопротивление А.С. Мирзоева в вопросе передачи пекарни вызвало ответные действия со стороны партийных властей, в постановлении секретариата Самарского горкома ВКП(б) от 16 августа содержалось требование передать пекарню, подчеркивалось, что, «если в 24 часа пекарня не будет передана, Горком вынужден будет принять к нему меры сурового воздействия» (I, л. 31). В том же постановлении предусматривалось и наказание для управляющего Средне-Волжской конторой: «…за введение в заблуждение Горкома, искажение указаний секретаря Крайкома т. Лазарева, за недостойное коммуниста поведение – объявить выговор с занесением в личное дело» (I, л. 31).

Как можно заметить, противостояние А.С. Мирзоева и тов. Кокина приняло довольно серьезный характер: первый не желал передавать хлебопекарню, второй усиливал давление, дело дошло до объявления официального выговора управляющему Средне-Волжской конторой, в случае дальнейшего упорства ему грозили некими «мерами сурового воздействия». В этот момент местные партийные власти решили уступить, 17 августа «вопрос о хлебопекарне был Председателем КрайККРКИ т. Поповым и Уполнаркомснаба т. Кастериным окончательно разрешен в смысле оставления пекарни в распоряжении Торгсина» (I, л. 26). Результаты вышеописанного противостояния хорошо показывают возникновение и исход ведомственных конфликтов контор Торгсина и местных партийных властей. В данной ситуации местные партийные власти уступили, пожертвовав собственными интересами.

Заключение. Таким образом, взаимодействовать конторам Торгсина приходилось как с обкомами или крайкомами, так и с горкомами, райкомами, ОКК ВКП(б) и местными отделениями НК РКИ. Следует отметить сложный и противоречивый характер коммуникации контор с местными партийными властями, определявшийся следующими обстоятельствами: с одной стороны, конторы осуществляли деятельность на территории, подведомственной местным партийным властям, которые обладали значительными полномочиями в отношении контор Торгсина, ставившими последние в зависимое положение. В то же время руководство контор осознавало собственную значимость в деле мобилизации ценностей и валюты у населения и в случае конфликта с местными партийными властями надеялось на помощь московского Правления Торгсина, которое через центральные партийные органы могло оказывать давление на местные власти. На практике подобный двойственный статус контор Торгсина приводил к противоречивым отношениям с местными партийными властями. Последние по согласованию с Правлением Торгсина назначали руководство контор, управляющих и заместителей управляющих, в то же время Правление могло по своему желанию вмешиваться в подобные кадровые вопросы, при необходимости осуществляя назначения самостоятельно. Местные партийные власти имели возможность проводить проверки деятельности контор, увольнять провинившихся сотрудников, однако в некоторых случаях они обращались к Правлению Торгсина с просьбой провести более детальные проверки, соответственно, полномочия местных властей при осуществлении проверок деятельности контор имели ограничения. Наиболее крупным конфликтом местных партийных властей и руководства конторы Торгсина, который нам удалось выявить, является спор о принадлежности хлебопекарни, которая входила в состав Средне-Волжской конторы, а второй секретарь крайкома тов. Кокин хотел добиться ее передачи Тресту хлебопечения. После описанного выше противостояния местных властей в лице второго секретаря крайкома Кокина и управляющего Средне-Волжской конторой А.С. Мирзоева пекарня была оставлена Торгсину, что показывает нежелание местных властей обострять конфликт и привлекать внимание вышестоящих властей.

Необходимо также отметить различия во взаимодействии местных партийных властей с изучаемыми нами конторами Торгсина – Татарской и Средне-Волжской. В отношении первой крупных конфликтов с местными властями не обнаруживается. Также Правление Торгсина вмешивается в кадровые назначения в Татарской конторе в начале 1933 г., выдвигая на должность заместителя управляющего Ф.И. Шварцмана, при этом выдвиженец местных партийных властей В.И. Баранов должность управляющего сохраняет. Ситуация, сложившаяся в Средне-Волжской конторе, была иной: здесь мы обнаруживаем и достаточно крупные конфликты между местными властями и руководством конторы, и более серьезное вмешательство Правления в кадровые назначения в руководстве; А.С. Мирзоев, выдвиженец Правления, занимает должность управляющего конторой в феврале 1933 г. Подобные различия, на наш взгляд, объясняются масштабами деятельности той или иной конторы (вероятно, более крупным Правление уделяло больше внимания) и слабой степенью институционализации взаимоотношений контор Торгсина и местных партийный властей, отличавшихся высокой степенью противоречивости и ситуативностью.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Источники

I – ЦГА СО. Ф. Р1078. Оп. 1. Д. 3: Переписка с Крайкомом, Горкомом, Райкомами и др. парторганизациями. 37 л.

II – ГА РТ. Ф. Р590. Оп. 3. Д. 1: Переписка по личному составу. 51 л.

III – ГА РТ. Ф. Р590. Оп. 3. Д. 3: Переписка по спецпроверке рабочих и служащих конторы. 168 л.

IV – ГА РТ. Ф. Р590. Оп. 1. Д. 5: Распоряжения всесоюзного объединения «Торгсин» и переписка по организационным вопросам. 29 л.

V – ГА РТ. Ф. Р590. Оп. 3. Д. 6: Переписка с Всесоюзным объединением «Торгсин» и ОГПУ РТ по спецпроверке сотрудников конторы. 75 л.

VI – ГАРТ. Ф. Р590. Оп. 1. Д. 27: Статистические отчеты. 40 л.

VII – ЦГА СО. Ф. Р1078. Оп. 1. Д. 10: Разная переписка Средневолжской крайконторы. 17 л.

VIII – ЦГА СО. Ф. Р 1078. Оп. 1. Д. 6: Переписка, не подлежащая оглашению. 133 л.

IX – ЦГА СО. Ф. Р1078. Оп. 1. Д. 62: Папка переписки с парторганизациями. 141 л.

Литература

1. *Осокина Е.А.* «Советские дома терпимости»: рассказ о портовых Торгсинах 1930-х гг. // Вестн. РУДН. Сер.: История России. 2007. № 2 (8). С. 50–59.
2. *Осокина Е.А.* Алхимия советской индустриализации: время Торгсина. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 341 с.
3. *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М.: Новое лит. обозрение, 2022. 424 с.
4. *Осокина Е.А.* Золото для индустриализации: Торгсин. М.: РОССПЭН, 2009. 589 с.
5. *Орешкин О.Ю.* Деятельность Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами в СССР (Торгсин) в 1932–1935 гг. (на материалах Ивановской промышленной области): дис. … канд. ист. наук. Иваново, 2022. 248 с.
6. *Горох М.В.* Становлення Чернігівської обласної контори «Торгсин» (1932–1936 гг.) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. 2010. № 19-2. С. 106–115.

7. *Семенова А.Ю.* Деятельность Вятского отделения всесоюзного объединения «Торгсин» (1932–1936 гг.) // Вестн. ВятГУ. 2010. № 4-1. С. 35–39.
8. *Яковлев А.Е.* Взаимодействие контор Торгсина Среднего Поволжья с органами ОГПУ в 1932–1936 гг. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2024. № 4 (117). С. 44–51.
9. *Ильин Ю.А. Орешкин О.Ю.* Опыт работы торговых учреждений Торгсина с населением Ивановской промышленной области в 1933–1935 гг. // Вестн. КГУ. 2021. Т. 27. № 3. С. 38–45. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-38-45.
10. *Ильин Ю.А. Орешкин О.Ю.* Торгово-хозяйственная деятельность Кинешемской межрайонной базы Ивановской областной конторы Торгсин в 1933–1935 гг. // Вестн. ИвГУ. Сер.: Гуманит. науки. 2022. № 1. С. 95–101. https://doi.org/10.46726/H.2022.1.9.
11. *Ильин Ю.А. Орешкин О.Ю.* Практические результаты деятельности Торгсина на территории Ивановской промышленной области в 1933–1935 гг. // Вестн. ИвГУ. Сер.: Гуманит. науки. 2022. № 4. С. 99–108. https://doi.org/10.46726/H.2022.4.10.
12. *Кобозева З.М., Алексеенко Е.В.* «Плавучий магазин не богадельня»: будни советского города эпохи Торгсина // Вестн. Самар. ун-та. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 47–54. https://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-47-54.

References

1. Osokina E.A. “Soviet brothels”: A story about the port Torgsins of the 1930s. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*, 2007, no. 2 (8), pp. 50–59. (In Russian)
2. Osokina E.A. *Alkhimiya sovetskoi industrializatsii: vremya Torgsina* [The Alchemy of Soviet Industrialization: The Time of Torgsin]. Moscow, Nov. Lit. Obozr., 2019. 341 p. (In Russian)
3. Osokina E.A. *Za fasadom “stalinskogo izobiliya”: raspredelenie i rynok v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii, 1927–1941* [Behind the Facade of “Stalin’s Abundance”: Distribution and the Market in the Supply of Population during the Years of Industrialization, 1927–1941]. Moscow, Nov. Lit. Obozr., 2022. 424 p. (In Russian)
4. Osokina E.A. *Zoloto dlya industrializatsii: Torgsin* [Gold for Industrialization: Torgsin]. Moscow, ROSSPEN, 2022. 589 p. (In Russian)
5. Oreshkin O.Yu. The All-Union Association for Trade with Foreigners in the USSR (Torgsin) in 1932–1935 (a case study of the Ivanovo industrial region). *Cand. Sci. (History) Diss*. Ivanovo, 2022. 248 p. (In Russian)
6. Gorokh M.V. Establishment of Torgsin’s trade office in the Chernihiv region (1932–1936). *Problemy Istorii Ukrainy: Fakti, Sudzhennia, Poshuky*, 2010, no. 19-2, pp. 106–115. (In Ukrainian)
7. Semenova A.Yu. Commercial operations performed by the Vyatka trade office of the Torgsin All-Union Association (1932–1936). *Vestnik VyatGU*, 2010, no. 4-1, pp. 35–39. (In Russian)
8. Yakovlev A.E. Collaboration between Torgsin’s trade offices in the Middle Volga region and the Joint State Political Directorate in 1932–1936. *Gasyrlar Avazy – Ekho Vekov*, 2024, no. 4 (117), pp. 44–51. (In Russian)
9. Il’in Yu.A., Oreshkin O.Yu. Torgsin’s trade institutions and the population of the Ivanovo industrial region in 1933–1935. *Vestnik KGU*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 38–45. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-38-45. (In Russian)
10. Il’in Yu.A., Oreshkin O.Yu. Trade and economic activities at the Kineshema interdistrict hub of the Ivanovo regional office of Torgsin in 1933–1935. *Vestnik IvGU. Seriya: Gumanitarnye Nauki*, 2022, no. 1, pp. 95–101. https://doi.org/10.46726/H.2022.1.9. (In Russian)
11. Il’in Yu.A., Oreshkin O.Yu. Practical outcomes of Torgsin’s work in the Ivanovo industrial region during 1933–1935. *Vestnik IvGU. Seriya: Gumanitarnye Nauki*, 2022, no. 4, pp. 99–108. https://doi.org/10.46726/H.2022.4.10. (In Russian)

12. Kobozeva Z.M., Alekseenko E.V. "A floating store is not an almshouse": Everyday life in a Soviet city during the Torgsin era. *Vestnik Samarskogo Universiteta. Istoriya, Pedagogika, Filologiya*, 2019, vol. 25, no. 4, pp. 47–54. https://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-47-54. (In Russian)

Информация об авторах

Литвин Александр Алтерович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и архивоведения, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: *hist33rus@yandex.ru*

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2337-3304

Яковлев Александр Евгеньевич, аспирант кафедры отечественной истории и архивоведения, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: *alexandr1197@mail.ru*

ORCID: https://orcid.org/0009-0000-5583-6460

Author Information

Alexander A. Litvin, Dr. Sci. (History), Full Professor, Department of Russian History and Archival Studies, Kazan Federal University

E-mail: *hist33rus@yandex.ru*

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2337-3304

Aleksandr E. Yakovlev, Postgraduate Student, Department of Russian History and Archival Studies, Kazan Federal University

E-mail: *alexandr1197@mail.ru*

ORCID: https://orcid.org/0009-0000-5583-6460

Поступила в редакцию 25.01.2025 Received January 25, 2025

Принята к публикации 25.03.2025 Accepted March 25, 2025

Оригинальная статья

УДК 93/94
https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.154-166

Вклад пионерской организации в преодоление безграмотности в татарских школах в 20–30-е годы XX века

И.И. Шайдуллин

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Shaidullin_ilnur1997@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу вклада пионерской организации в преодоление безграмотности в татарских школах в 20–30-е годы XX в. в Татарской АССР. В условиях сложной политической и социальной обстановки, вызванной революционными изменениями и экономическими трудностями, пионерские организации стали важным инструментом в борьбе с безграмотностью среди молодежи. Рассмотрены ключевые инициативы и реализованные пионерами программы, направленные на повышение уровня образования и вовлечение детей в учебный процесс. Особое внимание уделено обсуждению социалистического договора, который способствовал улучшению показателей образования и активизации работы пионерских отрядов. Исследование основано на анализе не изучавшихся ранее материалов Государственного архива Республики Татарстан. Сделан вывод о том, что активная деятельность пионеров внесла значительный вклад в ликвидацию безграмотности и помогала созданию условий для полноценного образования татарской молодежи в изучаемый период.

Ключевые слова: пионерская организация, татарская школа, пионер, ликвидация безграмотности, социалистическое соревнование, пионерский форпост, ТАССР

Для цитирования: *Шайдуллин И.И.* Вклад пионерской организации в преодоление безграмотности в татарских школах в 20–30-е годы XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 2. С. 154–166. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.154-166.

Original article

https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.154-166

The role of the Pioneer Organization in struggling against illiteracy in Tatar schools during the 1920s and 1930s

I.I. Shaidullin

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Shaidullin_ilnur1997@mail.ru

Abstract

The efforts undertaken by the Soviet Pioneer Organization to reduce illiteracy rates in the Tatar ASSR schools during the 1920s and 1930s are analyzed. Under the political and social challenges caused by the revolutionary events and economic hardships, the Pioneers became an important tool for promoting literacy among young people. The key initiatives and campaigns launched by the Pioneers to raise educational attainment and support children in learning are considered. Special attention is also given to the socialist agreements aimed at improving literacy and boosting the active participation of the Pioneers in implementing Soviet educational policies. The study demonstrates that the Pioneer Organization played a crucial role in eradicating illiteracy and improving the conditions for the education of Tatar youth, thus contributing immensely to the success of the literacy campaigns.

Keywords: Pioneer Organization, Tatar school, Pioneer, elimination of illiteracy, socialist emulation, pioneer outpost, TASSR

For citation: Shaidullin I.I. The role of the Pioneer Organization in struggling against illiteracy in Tatar schools during the 1920s and the 1930s. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 2, pp. 154–166. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.154-166. (In Russian)

Введение. В 20–30-х годах XX в. борьба с безграмотностью стала для Советской России одной из важнейших задач государственного строительства. В этот период активно развивалась пионерская организация, которая играла ключевую роль в образовательном процессе. Революционные преобразования, направленные на улучшение социальной структуры и развитие новых общественных институтов, затронули все сферы жизни, включая образование. Пионерская организация стала важным инструментом в распространении социалистических идеалов среди молодежи и борьбе с неграмотностью. Она не только выполняла воспитательные функции, но и активно включалась в процессы, направленные на улучшение образовательного процесса, агитируя сверстников за посещение школ и повышение уровня грамотности.

Исследователями неоднократно подчеркивалась значимость ликвидации безграмотности как центрального звена культурной революции в регионе. Специфика школьного образования в Татарии, особенности трансформации дореволюционной модели и сопротивление религиозных институтов рассмотрены А.Р. Ахметовой [1] и З.С. Ахмеровым [2].

Региональные аспекты политики в сфере народного образования раскрываются в исследовании М.З. Тутаева [3]. Современные работы, включая статьи М.Л. Майофиса, И.В. Кукулина [4], Ю.В. Войнаровской, О.В. Войнаровского [5], Ю.Г. Голуба, А.Н. Позднякова [6], а также В.Б. Помелова [7], акцентируют внимание на механизмах преодоления неграмотности, роли педагогического сообщества, трансформации образовательного пространства и формировании идеологии пионерского движения в советский период. Вопросы институционализации, интернационального воспитания и идеологического становления молодежи в контексте деятельности советских детских и молодежных организаций отражены в работах П.А. Меркулова [8] и Д.А. Пинаевой [9], в которых изучены роль комсомола и специфика формирования идентичности в многонациональном пространстве СССР.

Несмотря на многочисленные исследования, посвященные образовательным реформам в советской школе и деятельности пионерии, вклад последней в ликвидацию безграмотности в Татарии остается недостаточно освещенным. Татарская школа, как и другие образовательные учреждения в советский период, переживала важные изменения, связанные с национальной политикой, сменой образовательных программ и методов обучения. В условиях многоязычия и специфической культурной среды Татарстана борьба с безграмотностью была исключительно актуальной, требовала особого подхода, и важную роль в упомянутом процессе играла пионерская организация.

Для исследования вклада пионерской организации в преодоление безграмотности в татарских школах использованы неопубликованные материалы из Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ), включая отчеты пионерских организаций, протоколы заседаний РЛКСМ и документы о деятельности пионерских форпостов в школах. Также были изучены публикации по истории пионерского движения и образовательной политики в советской России. В методологическом плане применены историко-методологический анализ, контент-анализ архивных документов и сравнительный анализ, что позволило оценить влияние пионерской организации на образовательный процесс и ликвидацию безграмотности среди татарской молодежи. Настоящее исследование способствует выявлению особенностей социальной адаптации в условиях национальной и культурной специфики, а также изучению влияния пионерской работы на развитие татарской интеллигенции и формирование социалистического сознания.

Результаты и обсуждение. С развитием пионерского движения в молодой советской республике возникла необходимость наладить связь со школами. Рост числа пионерских организаций в ТАССР в 20–30-е годы XX в. был во многом обусловлен деятельностью татарских школ. Советская школа стала центром, где пионерские идеи находили свое воплощение, и их популяризация способствовала увеличению числа пионеров среди татарской молодежи. Деятельность пионерских организаций в татарских школах стала важным фактором в борьбе с безграмотностью и формировании нового социалистического сознания среди татарского населения ТАССР. Связь между пионерскими организациями и татарскими школами была особенно значимой, так как именно в этих учебных заведениях осуществлялась основная работа по обучению детей, а также внедрению советских идеалов.

В 1925 г. в резолюции по вопросам школьного строительства в национальных республиках и областях подчеркивается, что школа стала важным элементом общественно-политической жизни. В связи с этим развитие пионерского и комсомольского движения в учебных заведениях определяется в качестве одной из главных задач комсомола. Национальная советская школа заменила существовавшие до Октябрьской революции учебные заведения,

которые в большинстве своем имели духовно-религиозный уклон. Существовали также попытки саботажа со стороны некоторых слоев населения против новой школы, поэтому одной из первоочередных задач комсомола становится борьба с любыми другими образовательными учреждениями, кроме советских. Советская школа должна была получить всестороннюю поддержку для того, чтобы интегрироваться в общественную и практическую жизнь села, деревни. Это включает в себя строительство кооперативов, распространение сельскохозяйственных знаний, проведение революционных праздников и другие мероприятия, способствовавшие сближению школы с жизнью местного населения (I, л. 14, 17).

Пионерские отряды в городах формировались при фабриках и заводах, размещаясь в рабочих клубах, в то время как деревенские отряды сосредотачивались в избах-читальнях. Для интеграции пионерии в школы стали создаваться пионерские форпосты [10, с. 10]. В задачах деткомдвижения Татарской республики к третьему совещанию работников детского движения подчеркивается необходимость укрепления влияния пионерской организации в школах, акцентируется внимание на важности участия пионеров в процессе строительства новой советской школы, что отражает стремление интегрировать пионерское движение в систему образования. Лозунг «Ни одной школы без форпоста» символизирует стремление создать в каждой школе активные пионерские отряды, которые будут способствовать не только социалистическому воспитанию, но и формированию у детей чувства ответственности за свою учебу и участие в общественной жизни (II, л. 118 об.).

Пионерская организация начала активную работу в школах ТАССР только в 1925/1926 учебном году, и на тот момент пионеры еще не имели четкого представления о своих обязанностях и роли в образовательном процессе. Ветераны пионерского движения Татарской АССР, такие как И.И. Малкин, С.С. Носов, Ш.К. Яруллин [11, с. 51] и В.М. Даутов [12, с. 14], утверждают, что с сентября 1924 г. форпосты были созданы во всех школах первой и второй ступени, где обучалось не менее трех пионеров. Однако в отчете о работе в области детского коммунистического движения говорится, что в 1924/1925 учебном году школы первой ступени и первый концентр второй ступени оставались на 95 % не охваченными форпостами (III, л. 1). По данным отчета Областного комитета РЛКСМ Татреспублики, в 1925/1926 учебном году было создано 87 форпостов, из которых 59 находились в Казани, а 28 – в кантонных городах. В течение указанного периода работа пионеров в школах сводилась к нескольким ключевым направлениям: 1) распространение пионерского влияния на учащихся в целом, 2) вовлечение учащихся в активную общественную жизнь школы, 3) помощь в организации самоуправления в школах. Клубный день проводился самостоятельно самими пионерами под руководством вожатого, прикрепленного к отряду. Ребята активно работали в кружках, комиссиях и занимались другими формами деятельности. Все отрядные кружки, за исключением редакционной и санитарной комиссий, были перенесены в школы, что значительно разгрузило пионеров и позволило им сосредоточиться на более важных задачах (I, л. 240 об.–241).

Кроме того, было принято решение о том, что каждый форпост должен был сосредоточиться на завоевании влияния и руководстве всеми аспектами общественной работы с детьми в школе, а также на вовлечении учащихся в общественную жизнь, связанную со школой. Важно было согласовать план работы отряда со школьной программой и устранить дублирование общественной и клубной деятельности. Полноценное сотрудничество с учителями в деятельности форпоста и привлечение их к организации общественной работы среди учащихся также являлись ключевыми задачами. В деревенских условиях особенно важно было

вовлекать школьников во все аспекты общественно-политической работы, проводимой пионерами, а также начинать пропаганду среди взрослых и детей о необходимости удлинения учебного года. Кроме того, следовало активизировать усилия по ликвидации неграмотности среди пионеров, детей и взрослых через агитацию за посещение школ и ликвидационных пунктов (I, л. 119–119 об.).

В процессе выполнения обозначенных задач отряд или пионеры в школе через форпост, а также весь отряд в деревне должны были организовать ряд мероприятий, направленных на активизацию учебного процесса и сплочение коллектива. К числу таких мероприятий относились перевыборы в учкомах и класскомах, борьба с опозданиями на уроки, создание кружков, выпуск стенгазеты, а также улучшение работы существующих кружков, чтобы они стали более интересными и полезными для участников. Кроме того, важным аспектом было оказание помощи отстающим ученикам (II, л. 50).

В материалах к Третьему областному совещанию работников детского движения Татарии, проведенному в сентябре 1925 г., подчеркивалось, что в 1924 г. в некоторых кантонах форпосты отсутствовали вовсе, а в тех, где имелись один или два, они были крайне слабыми. Работа в татарских школах еще не была должным образом организована и оставалась практически неначатой. В Казани, где форпосты были более крепкими, удалось достичь определенных успехов. Влияние пионеров на широкие массы школьников и ученические организации значительно увеличилось, а форпосты стали оказывать организующее и дисциплинирующее воздействие на пионеров в школах. Под их влиянием активно развивалось детское движение, что свидетельствовало о положительных изменениях. Тем не менее в 1925/1926 учебном году работа в школах отличалась множеством серьезных недостатков. Отсутствие четкого руководства затрудняло организацию работы, и деятельность по организации форпостов была в целом неорганизованной, вследствие чего последние были не во всех школах. В некоторых районах к форпостам не были прикреплены вожатые, а там, где были, их нагрузка была колоссальной. Большинство вожатых работало в учреждениях и на производстве, что не позволяло им активно участвовать в школьной деятельности, в результате чего они не посещали школы. Эти обстоятельства привели к массовому развалу форпостов и угасанию их работы, что проявилось в полном отсутствии системы как в самих форпостах, так и в их взаимодействии. В конечном итоге это означало, что руководство форпостами оказалось в руках учителей, что негативно сказалось на пионерском движении и его эффективности. Кроме того, слабость и отсутствие системности в работе форпостов, а также нехватка клубного дня в школах и отсутствие согласования планов работы между Наркомпросом, Бюро юных пионеров и школами привели к значительной перегрузке детей.

В 1925/1926 учебном году основной задачей детского движения являлось широкое развертывание сети форпостов во всех школах, где есть пионеры. Лозунг должен был быть такой: «Ни одной городской школы без пионерского форпоста». Особое внимание необходимо было уделить работе в татарских и национальных школах. Всем комсомольским комитетам следовало составить точный список национальных школ и выяснить возможность организации форпоста или отряда в каждой из них (II, л. 120–120 об.).

В конце декабря 1925 г. всем кантонным и районным комитетам РЛКСМ были направлены указания, касающиеся организации работы в национальных школах. В этих указаниях отмечается, что работа в национальных школах имеет свои особенности и сопряжена с уникальными, по сравнению с другими школами, трудностями. Тем не менее национальная школа является подходящей площадкой для деятельности национальных отря-

дов, поэтому последним, а также комсомольским ячейкам и бюро юных пионеров следует уделить серьезное внимание организации в ней работы. Также подчеркнуто, что в конце 1925 г. наблюдается растущий интерес к открытию религиозных школ. Этот факт требовал особого внимания к работе в национальных школах. Для практической деятельности были выделены их характерные черты, которые необходимо было учитывать в работе: 1) в результате экономической и культурной отсталости в национальных деревнях существовала нехватка советских школ, где бы эффективно функционировало самоуправление и активно участвовали дети; 2) большинство деревенских учителей не имело возможности для культурного развития, в результате чего их методы преподавания оставались преимущественно предметными; 3) учителя и школы, как правило, не занимались общественно полезной работой среди населения. Учитывая перечисленные обстоятельства, было решено при активной поддержке и руководстве партии и комсомольских ячеек организовать отряды юных пионеров в деревенских национальных школах. В таких случаях форпосты в школах с созданными отрядами не формировались. Комсомольские ячейки должны были уделять особое внимание этим отрядам и назначать самых хороших и выдержанных руководителей для их работы (II, л. 36).

Работа в национальной школе охватывала несколько ключевых направлений организации учебного процесса и вовлечения учащихся. Основное внимание уделялось активному участию детей в учебе и самоуправлении, а также поддержке учителей в применении новых методов. Также акцентировалась необходимость агитации за отправку детей в советские школы и организации регулярных занятий для тех, кто не мог посещать школу. Важными аспектами были вовлеченность учащихся в общественно полезную деятельность и проведение культурных мероприятий, таких как праздники, игры и спектакли. Создание дружеских отношений между детьми через совместные мероприятия рассматривалось как важный элемент воспитания. Кроме этого, указание подчеркивает, что комсомольские ячейки должны тщательно контролировать работу отрядов и оказывать им помощь через отчеты о деятельности. Ячейки обязаны уделять внимание работе отрядов в национальных школах и предлагать практические мероприятия для их улучшения. Важно поддерживать тесную связь с культурными работниками деревни, активно вовлекая их в деятельность пионерских отрядов. Использование авторитета учителя должно помочь защитить детей от негативного влияния со стороны семей, что подчеркивает необходимость более широкого вовлечения педагогов в пионерскую работу (II, л. 36–36 об.).

Все указания, направленные в конце декабря 1925 г. кантонным и районным комитетам РЛКСМ, касались в первую очередь татарских школ. В Татарской АССР в этот период продолжали активно функционировать мусульманские школы. В ходе борьбы между религиозной и советской школой начинается активная работа с детьми пионерского возраста, основные направления которой включали агитацию среди населения за отправку детей в татарские советские школы, борьбу с безграмотностью и воспитание детей через различные формы культурной деятельности. Важными аспектами обозначенного процесса стали использование революционных песен, организация игр, экскурсий, прогулок, вечеров и спектаклей, а также украшение школьных зданий лозунгами, плакатами, портретами и рисунками. Эти меры были направлены на формирование нового советского человека, способного активно участвовать в жизни общества и поддерживать идеалы социализма.

Выписка из протокола № 68/12 заседания Бюро Спасского кантона ВКП(б) от 24 августа 1926 г. указывает на ряд проблем в пионерской работе. Отмечаются слабое руководство и

недостаточное внимание со стороны канткома и местных пионерских организаций. Неподготовленность вожатых приводит к плохому содержанию работы отрядов, формализму и массовому выходу детей из них. Несмотря на быстрый рост организации, наблюдаются низкая степень вовлечения татарских детей, а также несоответствие работы пионерских отрядов и школ, что затрудняет интеграцию культурных сил деревни. Для решения перечисленных проблем было решено принять следующие меры: активизировать вовлечение татарских детей в пионерские организации, обеспечить полную увязку воспитательной работы с учебным процессом, улучшить содержание деятельности отрядов, сочетая общественно-политическое воспитание с интересными для детей формами работы, такими как экскурсии и кружки. Кроме того, в целях интеграции работы отрядов со школой было решено провести их реорганизацию, создавая их при учебных заведениях, а также организовать совещание перед началом учебного года для обсуждения работы форпостов (IV, л. 37).

В отчете Суконно-Слободского райдетбюро, представленном в докладе тов. Николаева, говорится о наличии семи форпостов, из которых удовлетворительно функционируют только четыре (остальные либо работают плохо, либо совсем не работают). Наблюдается отсутствие на форпостах вожатых, а также пионеров. Крупным недостатком в работе форпостов является несогласованность с работой педагогов. В заявлениях учителей подчеркивается: «мы работаем не совместно», что указывает на необходимость улучшения взаимодействия между учителями и пионерскими организациями (III, л. 30).

Как было упомянуто ранее, в 20-х годах XX в. пионерские отряды создавались на базе предприятий, учреждений и клубов под непосредственным контролем партийных и комсомольских организаций. Подобный подход способствовал успешному формированию идейно-политического облика пионерии, однако у него также были значительные недостатки: жизнь отрядов протекала в отрыве от учебного процесса, а созданные форпосты в школах не всегда справлялись со своими обязанностями, что ограничивало их влияние и эффективность в воспитательной работе. Начиная с 1931 г. пионерские отряды стали создаваться непосредственно при школах, что позволило перенести центр их деятельности в образовательные учреждения [11, с. 86].

После IX съезда ВЛКСМ, который проходил с 16 по 26 января 1931 г., борьба с безграмотностью и усилия по повышению посещаемости среди пионеров и школьников активно продолжались. В городских школах Татарской АССР была создана бригада из 96 человек, задача которой заключалась в помощи ученикам, остающимся на второй год. Пионеры активно участвовали в этой инициативе, направленной на содействие второгодникам в ходе их учебы (V, л. 47). Создание такой бригады говорит о серьезном подходе к решению проблемы неуспеваемости.

Описанная система работы принесла положительные результаты. Например, в декабре 1933 г. в отчете о борьбе пионеров за качество учебы были подведены итоги первого квартала в Алексеевском районе. Посещаемость среди пионеров составила от 94 до 96 %, что свидетельствует о высоком уровне активности. Неуспевающих среди пионеров было 23 человека, или 1.9 %, все отстающие были прикреплены к сильным пионерам, которые регулярно проводили с ними занятия, что способствовало улучшению учебных результатов и повышению общей успеваемости в отряде (VI, л. 12).

Во время обследований было выявлено несколько школ, проявивших активную инициативу в борьбе за посещаемость. Нельзя не отметить, что некоторые учителя прибегали к жестким методам. В некоторых школах Тетюшского района, например, за пропуск занятий

ученика лишали права посещать школу на срок от трех до пяти дней. Также применялись штрафы без предварительного общественного воздействия, а наказания могли включать такие меры, как постановка в угол и другие формы дисциплинарного воздействия (VII, л. 73). Подобные жесткие методы могли отбить у учеников желание посещать школу, и в будущем это могло негативно сказаться на их посещаемости.

В преддверии десятилетнего юбилея пионерии в ТАССР успехи в борьбе с безграмотностью подтверждаются докладом члена Обкома бюро юных пионеров тов. Идрисова, который отмечает, что поведение, посещаемость и успеваемость пионеров значительно улучшились. В Кукморском районе, в деревне Маскара, татарский отряд «Мачкара» продемонстрировал отличные результаты: все пионеры стали ударниками и все экзамены были сданы успешно, что обеспечило 100-процентную посещаемость и успеваемость. Подобные примеры можно найти в сотнях школ по всей Татарской АССР. Так, в Актанышском районе, в селе Такталачук, отряд «Такталачык» тоже показал хорошие результаты. Тем не менее отряды еще не начали полноценную работу по улучшению качества образования. Руководители пионерских отрядов часто имели недостаточные знания о школьной системе. В рапорте из Мамадышского района, например, ничего не было указано насчет состояния образования и школьной жизни, отсутствовали факты, касавшиеся учебного процесса и качества образования, поэтому основной задачей оставалось улучшение последнего, что требовало более активного вовлечения пионерских организаций и их руководителей в образовательный процесс (VI, л. 4).

В 30-е годы XX в., помимо борьбы с безграмотностью и усилий по повышению посещаемости, значимую роль играло социалистическое соревнование, охватившее все сферы хозяйственной жизни СССР, включая образовательные учреждения. Соревнование было организовано на нескольких уровнях: на личном – между учениками в классе и учителями в школе, на групповом – между классами внутри школы и школами в районах и городах, на региональном – между различными областями. Подобная многоуровневая система способствовала повышению качества образования и активизации учебного процесса, культивируя дух соперничества и стремление к достижению высоких результатов как среди учащихся, так и среди педагогов [13, с. 68]. Пионеры также активно участвовали в социалистическом соревновании. Например, в Алексеевском районе в отряде имени Ленина в ряды ударников вступили 85 человек, что свидетельствует о массовом характере социалистического соревнования в школах и отрядах. В результате Алексеевский район по инициативе передовых отрядов заключил договор о социалистическом соревновании со Спасским районом (XII, л. 12). Это сотрудничество стало важным шагом в укреплении соревновательного духа и обмене опытом между районами, способствуя повышению качества образования и воспитания среди молодежи.

Часто инициаторами социалистического соревнования становились сами пионеры. На пленуме Мамадышского РК ВЛКСМ пионер Амир Фаляхов, ударник учебы, предложил организовать социальное соревнование по лучшим результатам учебного года между отрядами, звеньями и в районе в целом. Это предложение было поддержано, и в соответствии с ним соревнование было развернуто не только между районами Татарии, но и с другими областями. Для реализации этой инициативы было предложено провести Первое Всетатарское заседание делегатов Третьего Всетатарского слета, на котором планировалось заключить договор о сотрудничестве с другими районами (VI, л. 31).

В информационном отчете пионерской организации Буинского района сообщается, что 17 пионеров охвачены индивидуальными социалистическими договорами, которые включают

следующие пункты: 1) учиться на отметку «хорошо» по всем предметам, 2) не опаздывать на уроки и не пропускать занятия, 3) соблюдать дисциплину в школе, а также вести себя примерным образом дома и на улице, 4) заботиться о чистоте в пионерской избе (VI, л. 41). Установленные требования, способствовали не только личностному развитию каждого пионера, но и укреплению коллектива в целом.

Ряд пионерских отрядов организовывал соревнование по лучшим результатам полугодия в учебе, что способствовало повышению конкуренции среди пионеров и школьников. Например, в татарской деревне Новое Кадеево Первомайского района из 100 пионеров 50 являлись передовыми ударниками учебы и лишь двое имели «слабые» отметки. Эти ученики были прикреплены к более сильным товарищам, и с ними велась систематическая работа по повышению их успеваемости до уровня передовых учеников. Отряд имени Кирова соревновался в учебе с отрядом имени Сталина, что создавало здоровую конкуренцию между ними. Пионеры Хаят Хисматуллина, М. Шавалеева и Ф. Шакиров составили индивидуальные договоры, которые ежедневно проверялись по отдельным пунктам (VIII, л. 25). Эти инициативы подчеркивают активное участие пионеров в учебном процессе и их стремление к улучшению как личных, так и коллективных результатов.

В материалах о школах и борьбе пионеров за качество учебы в разных районах Татарской АССР представлена информация о значительных достижениях, а также о проблемах, с которыми сталкиваются пионеры. Например, в Мензелинском районе особое внимание привлекало татарское звено З. Харисова, входившее в состав отряда имени И. Сталина, которое зарекомендовало себя как передовое. Кроме того, звено было инициатором социального соревнования и ударничества в школе. Успеваемость пионеров в Спасском районе составляла 95.5 %. В части отрядов и школ проводились специальные конференции с отстающими учащимися, что помогло улучшить результаты. Пионеры организовывали родительские собрания и ходили бригадами по домам, чтобы убедить родителей создать все необходимые условия для подготовки уроков, обеспечить аккуратное посещение занятий без опозданий и прогулов. Этот метод не применялся в 4–5 школах и отрядах, в результате чего там наблюдалась крайне низкая посещаемость. Например, в Болгарской школе уровень посещаемости составлял 60–70 %, а в Порфировской – 72–75 %, что было обусловлено недостаточным вниманием педагогов к вопросам повышения качества учебы и достижению 100 % посещаемости. Вожатые, находясь под влиянием ситуации, также не могли эффективно решать подобные проблемы. В упомянутых школах были сняты с должности работники, которые мешали реализации обозначенных инициатив. Пионеры активно боролись за укрепление дисциплины, обсуждая этот вопрос на звеньевых собраниях и через стенгазеты. Недисциплинированные ребята выступали на звеньевых и отрядных сборах с докладами о защите социалистической собственности и необходимости соблюдения дисциплины в школе. После этих выступлений докладчики под давлением требований пионеров и всего собрания исправляли свое поведение. Такой подход был внедрен примерно в 55–60 % школ района, что способствовало повышению дисциплины и вовлеченности учащихся в учебный процесс (VI, л. 33–34 об.).

В отчете Пятой районной конференции Сабинского района, состоявшейся 15 декабря 1938 г., отмечается, что успеваемость в районе составляет 72.37 %, а посещаемость – 93.75 %. Например, в татарском селе Шикши во второй четверти успеваемость достигла 94 %, и 93 % учащихся активно участвовали в социалистических соревнованиях. В татарском селе Сатышево успеваемость во второй четверти составила 93 %, а посещаемость – 89 %.

В этой школе 8 учеников стали отличниками, 48 – хорошистами, однако число неуспевающих составило 92 человека. Тем не менее в некоторых отрядах были сложности: в Татарской Икшурме отряд имени А.С. Пушкина имел успеваемость 88 %, а в отряде имени Г. Тукая этот показатель составлял лишь 80 %. В татарской деревне Тнекеево успеваемость среди пионеров достигала 73 %, при этом четыре пионера не справлялись с учебной программой (IX, л. 14–17). Эти данные подчеркивали необходимость дальнейшей работы по улучшению успеваемости и вовлеченности учащихся в образовательный процесс, а также активизации социалистических соревнований для повышения качества образования в районе.

Качество учебы и дисциплина в школах Татарии продолжали оставаться в неудовлетворительном состоянии. Это подтверждается тем фактом, что в 1937/1938 учебном году в ТАССР количество второгодников в начальной и неполной средней школе составило 35 613 человек. Некоторые комсомольские организации не делали никаких политических выводов из этих данных и не организовали активную борьбу с второгодничеством. Например, Лаишевский РК ВЛКСМ в течение всего 1938 г. не обсуждал на заседаниях бюро вопросы качества учебы пионеров и школьников. Неудивительно, что количество второгодников продолжало расти из года в год. В 1936/1937 учебном году их было 592 человека, а в 1937/1938 – уже 792. В Дрожжановском районе ситуация была аналогичной: в 1936/1937 учебном году было 482 второгодника, а в 1937/1938 – 686 (IX, л. 144).

В отчетном докладе татарского областного комитета ВЛКСМ, представленном на 18-й областной конференции ВЛКСМ 26 сентября 1940 г., содержатся тревожные цифры, касающиеся успеваемости учащихся в Казани. В 1938/1939 учебном году количество второгодников составило 4 099 учеников, что соответствует 7.7 % от общего числа учащихся, в то время как 5 780 учеников, или 10.6 %, были оставлены на осенние испытания. В следующем учебном году (1939/1940) число второгодников возросло до 5 891, что составляло 10.7 %, а количество учащихся, оставленных на осенние испытания, увеличилось до 7 362, что эквивалентно 11.2 %. Кроме того, в 1939/1940 учебном году вне школьного охвата остались 7 434 ученика, 1 247 из которых проживали в Казани. Эти данные подчеркивали важность осознания руководителями Казанской городской организации комсомола того, что борьба за повышение успеваемости требует не только слов, но и конкретных действий. Необходимо было принимать практические меры для поддержки учащихся и улучшения качества образования в школах (X, л. 39).

Заключение. Таким образом, с развитием пионерского движения возникла необходимость установить тесную связь со школой. Важным шагом в этом направлении стало создание пионерских форпостов, что отражалось в лозунге «Ни одной школы без форпоста». Активная работа пионерской организации в школах ТАССР началась в 1925/1926 учебном году и включала разнообразные мероприятия, направленные на вовлечение учащихся в общественную жизнь, поддержку дисциплины и помощь отстающим. Работа в школах имела ряд серьезных недостатков, включая отсутствие четкого руководства и неорганизованность деятельности, что ограничивало создание форпостов во всех учебных заведениях. Однако национальные школы оставались важной площадкой для работы пионерских отрядов. Указания, направленные кантонным и районным комитетам РЛКСМ, подчеркивают необходимость учета специфики национальных школ и активизации работы в них. В ходе борьбы между религиозной и советской школой началась активная работа с детьми пионерского возраста, направленная на агитацию за посещение татарских советских школ, борьбу с безграмотностью и организацию культурных мероприятий. Несмотря на быстрый рост орга-

низации, наблюдается низкое вовлечение татарских детей, а также несоответствие между деятельностью пионерских отрядов и школами. Кроме того, основным недостатком работы этих форпостов была их замкнутость: они сосредоточивались исключительно на «своих» пионерах и осуществляли деятельность только внутри «своего круга». С 1931 г. пионерские отряды начали создаваться непосредственно при школах, что способствовало активизации усилий по борьбе с безграмотностью и улучшению посещаемости среди пионеров и школьников. Этот переход к интеграции пионерских организаций в образовательный процесс позволил более эффективно вовлекать детей в учебную деятельность. Татарские пионеры активно помогали второгодникам, в результате чего повышалась успеваемость. Однако в некоторых школах использовались жесткие методы, такие как лишение права посещения школы за пропуски, что могло негативно сказаться на желании учеников и пионеров учиться.

В 30-е годы XX в. социалистическое соревнование сыграло важную роль в повышении качества образования, активизируя участие пионеров в учебном процессе. Несмотря на успехи, не все татарские пионеры были охвачены договорами в рамках соревнования, и в некоторых отрядах уровень грамотности оставался низким. Однако инициативы, такие как специальные конференции для отстающих и родительские собрания, способствовали повышению успеваемости. В некоторых школах наблюдались недостаточная организованность и вовлеченность учащихся в учебу, что подчеркивало необходимость системного подхода и улучшения кадрового обеспечения. Кроме того, некоторые комсомольские организации не предпринимали активных действий для борьбы с второгодничеством. Из вышеизложенного следует, что к концу 1939/1940 учебного года проведенная в ТАССР работа не смогла полностью решить проблемы успеваемости и охвата учебой детей, не посещающих школу. Тем не менее пионерская организация сыграла положительную роль в борьбе с безграмотностью, активно вовлекая детей в образовательные инициативы и поддерживая их в процессе учебы.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

I – ГА РТ. Ф. П4034. Оп. 6. Д. 8а: Отчет о работе Тат. ОК РКСМ. 263 л.

II – ГА РТ. Ф. П4034. Оп. 6. Д. 104: Планы работ, инструкции и директивы Татобкома комсомола по пионерработе. 229 л.

III – ГА РТ. Ф. П4034. Оп. 6. Д. 106: Протоколы областного бюро юных пионеров. 72 л.

IV – ГА РТ. Ф. П8166. Оп. 1. Д. 243: Пионерские организации. 108 л.

V – ГА РТ. Ф. П4034. Оп. 12. Д. 77: Протоколы, тезисы и директивные указания областного бюро юных пионеров о работе с неорганизованными детьми, об участии пионеров в выполнении промфинплана коллективизации с/х., о подготовке кадров пионерработников, методические руководства пионеротрядов, райштабов и другое. 102 л.

VI – ГА РТ. Ф. П4034. Оп.14. Д. 242: Отчеты, характеристики, докладные записки о работе районных пионерских организаций, участии пионеров в уборочной и хлебозаготовительных кампаниях, в поднятии качества учебы в школе, состоянии пионер-лагерей. 122 л.

VII – ГА РТ. Ф. Р3682. Оп. 1. Д. 1763: Методические указания Народного комиссариата просвещения ТАССР по ученым планам и программы. 283 л.

VIII – ГА РТ. Ф. П4034. Оп. 16. Д. 425: Докладные записки о болезненных явлениях школы № 13, о работе школы № 22 Молотовского р-на г. Казани, информация о работе пионерской

организации Первомайского р-на. Характеристики пионеров, направляющих на курсы в Артек, премированных за лучшую работу вожатого. 112 л.

IX – ГА РТ. Ф. П4034. Оп. 20. Д. 437: Отчет ОК ВЛКСМ о работе пионерской организации Татарии. Докладные записки, протоколы заседания оргкомитетов райкомов по итогам внутришкольных оборонных соревнований пионеров и школьников имени XVIII-го съезда ВКП/б/, о проведении работы с детьми во время зимних школьных каникул, об итогах 1938–1939 уч. года и подготовке к новому учебному году. 162 л.

X – ГА РТ. Ф. П4034. Оп. 21. Д. 1: Отчетный доклад о работе Тат. ОК ВЛКСМ на XVIII-й областной конференции ВЛКСМ. 80 л.

Литература

1. *Ахметова А.Р.* Ликвидация религиозного образования в Татарстане в постреволюционной трансформации культурных традиций татарского народа (по материалам Национального архива РТ) // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. 2013. № 2. С. 140–143.
2. *Ахмеров З.С.* Н.К. Крупская и народное образование в многонациональном Среднем Поволжье. Казань: Таткнигоиздат, 1968. 146 с.
3. *Тутаев М.З.* Развитие народного образования в Татарии (1917–1940 гг.). Казань: Тат. кн. изд-во, 1975. 204 с.
4. *Майофис М.Л., Кукулин И.В.* Советская система образования и производство социальных идентичностей в 1920-е – начале 1940-х годов // Шаги/Steps. 2015. № 1. С. 40–45.
5. *Войнаровская Ю.В., Войнаровский О.В.* Ликвидация безграмотности в годы становления советской власти (на материалах малых городов Поволжья) // Вестн. ОмГПУ. Гуманит. исследования. 2015. № 2 (6). С. 50–52.
6. *Голуб Ю.Г., Поздняков А.Н.* Большевики и педагогическая общественность в первые месяцы советской власти // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер.: История. Международ. отношения. 2005. № 1–2. С. 29–36.
7. *Помелов В.Б.* «Мы пионеры советской страны. Нас – миллионы...». К столетию Всесоюзной пионерской организации в СССР // Историко-педагогич. журн. 2022. № 3. С. 10–30.
8. *Меркулов П.А.* Комсомол в системе молодежных общественных организаций 1920-х гг. // Вестн. РУДН. Сер.: История России. 2017. Т. 16. № 1. С. 49–58. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2017-16-1-49-58.
9. *Пинаева Д.А.* Практики интернационального воспитания в контексте формирования советской идентичности в позднесоветский период (на материалах Татарской АССР) // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер.: История и филология. 2022. Т. 32. № 6. С. 1251–1262. https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-6-1251-1262.
10. *Орлова Л.Н., Цыганкова Е.А.* Пионерские форпосты: исторический опыт становления и развития структуры детской общественной организации // Учен. зап. ОГУ. Сер.: Гуманит. и социальн. науки. 2020. № 3 (88). С. 10–15.
11. *Малкин И.И., Носов С.С., Яруллин Ш.К.* Марш пионерии Татарстана: Очерки истории пионерского движения Татар. АССР. Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. 184 с.
12. *Даутов В.М.* Славны пионерии дела. Казань: Таткнигоиздат, 1964. 40 с.
13. *Лелюхин С.В.* Учитель и власть: эволюция профессиональных требований в 1920–1930 годы // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3. № 1. С. 64–71. https://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-64-71.

References

1. Akhmetova A.R. The suppression of religious education in Tatarstan amid the post-revolutionary transformation of Tatar cultural traditions (based on materials from the National Archives of the Republic of Tatarstan). *Vestnik Kazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kultury i Iskusstv*, 2013, no. 2, pp. 140–143. (In Russian)

2. Akhmerov Z.S. *N.K. Krupskaya i narodnoe obrazovanie v mnogonatsional'nom Srednem Povolzh'e* [N.K. Krupskaya and Public Education in the Multiethnic Middle Volga Region]. Kazan, Tatknigoizdat, 1968. 146 p. (In Russian)
3. Tutaev M.Z. *Razvitie narodnogo obrazovaniya v Tatarii (1917–1940 gg.)* [Development of Public Education in Tatarstan (1917–1940)]. Kazan, Tatar. Kn. Izd., 1975. 204 p. (In Russian)
4. Maiofis M.L., Kukulin I.V. The Soviet education system and the production of social identities during the 1920s and early 1940s. *Shagi/Steps*, 2015, no. 1, pp. 40–45. (In Russian)
5. Voinarovskaya Yu.V., Voinarovskii O.V. The elimination of illiteracy in the early years of Soviet power (a case study of small towns in the Volga region). *Vestnik Omskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta. Gumanitarnye Issledovaniya*, 2015, no. 2(6), pp. 50–52. (In Russian)
6. Golub Yu.G., Pozdnyakov A.N. The Bolsheviks and the pedagogical community in the first months of Soviet power. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 2005, nos. 1–2, pp. 29–36. (In Russian)
7. Pomelov V.B. "We are the Pioneers of the Soviet country. There are millions of us...": Celebrating the centennial of the All-Union Pioneer Organization in the USSR. *Istoriko-Pedagogicheskii Zhurnal*, 2022, no. 3, pp. 10–30. (In Russian)
8. Merkulov P.A. The Komsomol within the system of youth public organizations during the 1920s. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, 2017, vol. 16, no. 1, pp. 49–58. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2017-16-1-49-58. (In Russian)
9. Pinaeva D.A. The role of international education in fostering the Soviet identity during the late Soviet period (Based on materials of the Tatar ASSR). *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya: Istoriya i Filologiya*, 2022, vol. 32, no. 6, pp. 1251–1262. https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-6-1251-1262. (In Russian)
10. Orlova L.N., Tsygankova E.A. Pioneer outposts: A historical perspective on the development of the children's public organization structure. *Uchenye Zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i Sotsial'nye Nauki*, 2020, no. 3(88), pp. 10–15. (In Russian)
11. Malkin I.I., Nosov S.S., Yarullin Sh.K. *Marsh pionerii Tatarstana: Ocherki istorii pionerskogo dvizheniya Tatar. ASSR* [The Pioneer March of Tatarstan: Essays on the History of the Pioneer Movement in the Tatar ASSR]. Kazan, Tatar. Kn. Izd., 1973. 184 p. (In Russian)
12. Dautov V.M. *Slavny pionerii dela* [Glorious Deeds of the Pioneers]. Kazan, Tatknigoizdat, 1964. 40 p. (In Russian)
13. Lelyukhin S.V. The teacher and authority: The evolution of professional requirements in the 1920s–1930s. *Semioticheskie Issledovaniya. Semiotic Studies*, 2023, vol. 3, no. 1, pp. 64–71. https://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-64-71. (In Russian)

Информация об авторе

Шайдуллин Ильнур Ильмирович, аспирант кафедры отечественной истории и архивоведения, старший преподаватель кафедры алтаистики, тюркских и центральноазиатских исследований, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: *Shaidullin_ilnur1997@mail.ru*

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4187-1086

Author Information

Ilnur I. Shaidullin, Postgraduate Student at the Department of Russian History and Archival Studies, Senior Lecturer at the Department of Altaic, Turkic and Central Asian Studies, Kazan Federal University

E-mail: *Shaidullin_ilnur1997@mail.ru*

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4187-1086

Поступила в редакцию 20.01.2025 Received January 20, 2025

Принята к публикации 14.03.2025 Accepted March 14, 2025

Оригинальная статья

УДК 394
https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.167-178

Конфессиональный фактор в формировании этнокультурной идентичности азербайджанского населения Республики Татарстан

Т.А. Титова✉, С.К. Гасанов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

✉*tatiana.titova@rambler.ru*

Аннотация

В статье рассмотрена роль религиозного (конфессионального) фактора в процессе формирования и поддержания этнокультурной идентичности азербайджанцев, проживающих в Республике Татарстан. Исследование основано на качественном подходе, включающем анализ теоретических источников и эмпирических данных, полученных в ходе проведения полевого исследования. Эмпирическую основу составили глубинные интервью с представителями разных поколений изучаемой группы, материалы включенного наблюдения на религиозных и семейных мероприятиях, а также контент-анализ публикаций этнических медиаресурсов. Предпринята попытка выявить ключевые механизмы, посредством которых религиозные практики, преимущественно связанные с шиитской традицией ислама, влияют на культурную самоидентификацию азербайджанцев в многонациональной и многоконфессиональной среде Татарстана. Уделено внимание анализу способов проявления религиозной принадлежности в повседневной жизни, семейных и общинных обрядах, а также в практиках межэтнического взаимодействия. Полученные в ходе исследования данные могут свидетельствовать о том, что религиозная принадлежность играет значимую роль не только в сохранении и трансформации традиционных обычаев и культурных традиций внутри этнической группы, но и в организации повседневного социального взаимодействия. Также подчеркивается важность конфессионального фактора, определяющего специфику межгрупповой коммуникации, в формировании отношений азербайджанского сообщества с другими этноконфессиональными группами Республики Татарстан.

Ключевые слова: этноконфессиональная идентичность, религиозные практики, теория диаспоры, социальный конструкционизм, этносоциологический подход, культурная интеграция, этнокультурные традиции, конфессиональный фактор

Для цитирования: *Титова Т.А., Гасанов С.К.* Конфессиональный фактор в формировании этнокультурной идентичности азербайджанского населения Республики Татарстан // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 2. С. 167–178. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.167-178.

Original article

https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.167-178

Confessional factor in shaping the ethnocultural identity of the Azerbaijani community in the Republic of Tatarstan

T.A. Titova✉, S.K. Gasanov

Kazan Federal University, Kazan, Russia

✉*tatiana.titova@rambler.ru*

Abstract

This article examines the role of religious (confessional) affiliation in the development and sustaining of the ethnocultural identity among the Azerbaijanis living in the Republic of Tatarstan. The study is based on a qualitative approach, which includes the investigation of theoretical sources and empirical field data obtained from the in-depth interviews with members of different generational cohorts, the participant observations at religious ceremonies and family events, and the content analysis of ethnic media narratives. Key mechanisms by which religious practices, primarily associated with the Shiite tradition of Islam, influence the cultural self-identification of the Azerbaijanis in the multicultural and multiconfessional environment of Tatarstan are revealed. Manifestations of religious beliefs in everyday life, family and community rituals, and interethnic relations are explored. The results of the study indicate that religious affiliation is crucial not only for preserving and adapting traditional customs and cultural activities within the ethnic group but also for structuring everyday social interactions. The importance of the confessional factor, a critical element of communication between various ethnic groups, in shaping the relations between the Azerbaijani community and other ethnoconfessional groups of the Republic of Tatarstan is demonstrated.

Keywords: ethnoconfessional identity, religious practices, diaspora theory, social constructivism, ethnosociological approach, cultural integration, ethnocultural traditions, confessional factor

For citation: Titova T.A., Gasanov S.K. Confessional factor in shaping the ethnocultural identity of the Azerbaijani community in the Republic of Tatarstan. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 2, pp. 167–178. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.167-178. (In Russian)

Введение. Республика Татарстан является одним из наиболее многонациональных и многоконфессиональных регионов Российской Федерации [1, с. 403]. На ее территории проживают представители более 130 различных этнических групп, в том числе 8 670 азербайджанцев (ВПН). Традиционно многие азербайджанцы исповедуют ислам, что роднит их с татарским большинством в регионе, однако при этом сохраняются и уникальные этнокультурные особенности, отличающие азербайджанское население Республики Татарстан от татар и других народов Республики, исповедующих ислам.

Актуальность исследования во многом определяется усилением роли религии в формировании коллективной идентичности в постсоветский период. В контексте азербайджанского сообщества шиизм играет не только конфессиональную, но и культурно-историческую роль, поскольку он составляет важнейший пласт национального самосознания. При этом значительная часть азербайджанцев в Татарстане включена в местное мусульманское (в ос-

новном суннитское) окружение и взаимодействует с религиозными институтами, а также с другими мусульманами-суннитами, что создает особую динамику «двойной» религиозно-этнической адаптации. Несмотря на то, что в последние годы тема взаимодействия ислама и этнической культуры получила широкое отражение в социологических и религиоведческих работах, шиитская специфичность азербайджанского населения в Татарстане пока еще недостаточно исследована в научной литературе.

Цель настоящего исследования – проанализировать, каким образом конфессиональный фактор участвует в формировании и поддержании этнокультурной идентичности азербайджанцев, проживающих в Республике Татарстан.

Методологическая основа исследования включает в себя качественные методы (глубинные интервью, полуструктурированные беседы, включенное наблюдение), а также анализ религиозных и культурных практик и контент-анализ. В качестве теоретической рамки выступает сочетание социально-конструкционистского, этносоциологического и диаспорального подходов, позволяющее комплексно рассмотреть процессы конструирования идентичности в поликультурном пространстве.

Эмпирическая база исследования. Эмпирическое исследование, проводившееся в течение двух лет (с перерывами), было направлено на изучение того, каким образом конфессиональный (религиозный) фактор – в частности принадлежность к шиитскому исламу – влияет на формирование этнокультурной идентичности азербайджанцев в Республике Татарстан. Целью являлось определение механизмов и условий становления этноконфессиональной идентичности в контексте шиитской традиции, а также в ситуации межконфессионального взаимодействия с окружающим суннитским большинством и другими религиозными группами.

В рамках исследования было проведено 26 полуструктурированных интервью с представителями азербайджанской общины Республики Татарстан (ПМ). Выборка носила целевой характер и включала респондентов разного пола и возраста, представляющих как активистов национально-культурной автономии, так и рядовых представителей этнического сообщества. Беседы строились вокруг релевантных тем, касающихся самоидентификации: сохранение родного языка и традиций, роль шиитского вероисповедания в повседневной жизни, участие в религиозных обрядах и отношение к суннитскому окружению, а также опыт межконфессионального взаимодействия.

Помимо интервью применялось включенное наблюдение за жизнью сообщества. Мы посетили общинные мероприятия (культурные праздники, религиозные собрания) в естественных условиях, что позволило фиксировать поведение и коммуникацию азербайджанцев в контексте суннитского большинства. Наблюдение проводилось открыто, при участии в мероприятиях общины, что обеспечило достоверность данных о реальных практиках поддержания этноконфессиональной идентичности.

Полученные данные были проанализированы с использованием методов качественного анализа. Применялся тематический анализ интервью и наблюдений: тексты расшифровок и полевые записи кодировались с выделением повторяющихся тем и смысловых категорий. Ключевое внимание уделялось вопросам конфессиональной принадлежности, практик поддержания религиозных традиций, языка и культуры, а также идентификационных стратегий в полиэтническом и поликонфессиональном окружении. Дополнительно проводился анализ содержимого локальных источников (например, материалов азербайд-

жанского сообщества в СМИ и социальных сетях) для контекстуализации индивидуальных нарративов. Такой многомерный подход к данным обеспечивает всесторонний обзор проявлений этноконфессиональной идентичности. Результаты анализа позволяют описать механизмы формирования и сохранения этнокультурной идентичности азербайджанцев Татарстана под влиянием шиитской религиозной традиции, а также показать, как межконфессиональная среда региона (включая взаимодействие с суннитским большинством) влияет на указанные процессы.

Анализ данных и результаты

Религиозные практики: праздники, традиции и встречи сообщества. Эмпирические данные показывают, что азербайджанское сообщество в Татарстане активно поддерживает свои религиозные традиции, отмечая как общемусульманские, так и специфические шиитские праздники. Респонденты из числа верующих азербайджанцев рассказали, что каждый год они соблюдают пост в месяц Рамадан и совместно празднуют Ураза-байрам и Курбан-байрам (Ид аль-Фитр и Ид аль-Адха) вместе с другими мусульманами региона. Нередко они присоединяются к мероприятиям, проводимым в суннитских мечетях Казани, разделяя радость праздника с татарстанскими суннитами. Один из интервьюируемых отметил: «*в мечети чувствуем себя частью единой уммы, разницы между суннитами и шиитами в эти дни никто не подчеркивает*»[1] (муж., 41 год). Таким образом, участие в общих праздниках (Мавлид ан-Наби, Рамадан и др.) способствует интеграции азербайджанцев в местное исламское сообщество и укреплению чувств общей мусульманской идентичности. Помимо общих праздников азербайджанцы уделяют большое внимание и своим конфессионально специфичным датам и обрядам. Шиитская часть азербайджанцев Татарстана особенно выделяет траурные дни месяца Мухаррам, прежде всего день Ашура, связанный с поминовением имама Хусейна. По словам участников исследования, в эти дни принято собираться небольшими группами для совместных молитв и поминовения имама Хусейна. В Татарстане подобные мероприятия не проводятся публично в мечетях, поэтому верующие организуют их самостоятельно: собираются на частных квартирах или арендуют помещения для религиозных встреч. Например, один из респондентов рассказал, что ежегодно приглашает единоверцев к себе домой 10-го дня Мухаррама: «*Мы стелим ковры, читаем зияваты (молитвенные тексты) об Ашуре и вместе готовим поминальный плов*» (муж., 56 лет). Такие домашние собрания позволяют сохранить важные элементы шиитской религиозной практики среди азербайджанского сообщества. В целом азербайджанцы отмечают и другие значимые даты шиитской традиции: дни рождения и смерти пророка Мухаммеда, его дочери Фатимы, имама Али и других потомков Пророка. Эти религиозные практики, включающие как праздники, так и траурные церемонии, выступают одним из ключевых факторов поддержания этноконфессиональной идентичности группы.

Вариативность религиозности: светский и религиозный подход. Анализ интервью показывает заметную вариативность уровня религиозности среди азербайджанцев Татарстана. Часть представителей азербайджанского сообщества придерживается, скорее, светского подхода в повседневной жизни: такие респонденты идентифицируют себя мусульманами культурно, по традиции, но не строго соблюдают обряды. К примеру, некоторые молодые азербайджанцы отмечают, что посещают мечеть лишь по случаю больших праздников или

[1] Здесь и далее использованы данные ПМ.

семейных торжеств, а в остальное время религия незначительно влияет на их образ жизни. Один из участников исследования признает: «*Я, конечно, мусульманин, но намаз читаю редко и больше по просьбе родителей, для меня главное – уважать традиции предков, а не строго следовать всем канонам*» (муж., 25 лет). Подобная позиция отчасти объясняется влиянием советского прошлого и урбанизированной среды: семьи, выросшие в светском контексте, могли передать детям больше культурных аспектов веры (например, уважение к старшим, празднование Новруза и свадебные обычаи) без глубокого религиозного воспитания. В то же время другая часть азербайджанцев демонстрирует высокую религиозность и приверженность шиитским канонам. Такие верующие регулярно совершают молитвы, держат пост, тщательно соблюдают *халяль* в питании и отмечают все религиозные даты. Интервью показывают, что религиозный образ жизни чаще присущ представителям старшего поколения и тем, кто получил религиозное воспитание в семье. Например, некоторые пожилые респонденты отмечали, что с детства учили своих детей азам шиитского вероучения: читали вместе с ними *дуга* (молитвы) на азербайджанском и арабском, водили в мечеть. Семейное воспитание действительно играет существенную роль: в семьях, где родители и бабушки/дедушки были религиозны, молодые азербайджанцы впитали конфессиональные ценности с детства. «*Моя бабушка каждый Мухаррам плакала по имаму Хусейну и нас собирала, мы с тех пор знаем, как важно помнить своих имамов*», – рассказывает 30-летний участник. Те, кто вырос в более светских семьях, зачастую приходят к вере позже самостоятельно: например, в студенческие годы под влиянием друзей или через поиск своих корней. Таким образом, внутри группы сосуществуют различные степени религиозности – от номинальной приверженности до глубокого погружения, обусловленные как личным выбором, так и преемственностью семейных норм.

Роль организаторов и неформальных религиозных объединений. Особое значение в жизни азербайджанского сообщества имеют инициаторы и организаторы религиозных мероприятий, а также неформальные объединения верующих. Полевые наблюдения и свидетельства респондентов указывают, что у среди определенной части азербайджанского населения Республики Татарстан фактически сформировался свой духовный актив – люди, которые берут на себя ответственность за поддержание религиозной жизни. Также организационная работа во многом держится на руководителях азербайджанских землячеств и национально-культурных объединений. В Казани действует Азербайджанская национально-культурная автономия Татарстана, которая помимо культурных событий курирует и некоторые религиозные инициативы. Так, азербайджанское сообщество совместно с местными властями и Духовным управлением мусульман участвует в проведении общегородских исламских праздников. Например, в январе 2014 г. представители азербайджанцев, включая своего духовного наставника Сеида Хабиля, приняли участие в массовом праздновании Мавлида (дня рождения Пророка) в мечети Марджани. На этом мероприятии, где собралось свыше 200 мусульман разных национальностей, азербайджанский духовный лидер выступил с рассказом о Пророке, а председатель азербайджанской автономии представил книгу о пророках[2]. Приведенный пример показывает, что организаторы играют роль связующего звена: они интегрируют азербайджанцев республики в широкий исламский контекст

2 Мовлуд ан Наби // Портал Ассамблеи и Дома дружбы народов Татарстана. URL: https://azr.addnt.ru/movlud-an-nabi, свободный.

Татарстана, одновременно представляя их интересы и традиции. Благодаря их усилиям праздники проходят с учетом азербайджанских обычаев (например, звучат молитвы на азербайджанском языке, готовятся национальные блюда на ифтары), что укрепляет у представителей этнической группы чувство признания и поддержки.

Наряду с официальными организациями значимую роль играют неформальные объединения верующих. В отсутствие отдельной шиитской инфраструктуры (своей мечети или имамов под эгидой муфтията) азербайджанцы самоорганизуются в малых группах по интересам и родственным связям. Такие группы можно назвать своего рода *махаллями* по месту жительства или кругу друзей, объединенных общей верой. Например, в Казани существует сплоченное ядро шиитской молодежи – выходцев из Азербайджана, которые регулярно собираются вместе для чтения Корана, обсуждения богословских вопросов и просто для общения на родном языке. Так, один из них отмечает: «*Мы каждую пятницу после работы встречаемся, обсуждаем айаты и делимся новостями из Азербайджана»* (муж., 27 лет). Подобные неформальные встречи выполняют одновременно религиозную и социальную функции: позволяют поддерживать практику веры (совместная молитва, чтение религиозной литературы) и создают ощущение братства, взаимопомощи внутри диаспоры. Кроме того, некоторые авторитетные члены сообщества выполняют роль неформальных имамов или наставников. Это могут быть старшие по возрасту уважаемые мужчины или молодые люди с религиозным образованием. Особое место в поддержании религиозных традиций занимают организаторы, такие как информант Р., который вдохновляет и направляет представителей азербайджанского сообщества. В возрасте 40 лет он принял решение получить психологическое образование в Казанском федеральном университете. Взяв за основу современные педагогические и психологические подходы, он проводит занятия для детей по школьным предметам, азербайджанскому языку и основам религии. Для молодежи и взрослых Р. организует отдельные встречи, посвященные философии шиизма, религиозной психологии и обсуждению духовных вопросов.

Форматы мероприятий разнообразны: от лекций и семинаров до практических заданий, где взрослым участникам предлагается подготовить выступления на разные темы. В дни религиозных праздников и памятных дат проводятся специальные встречи с чтением стихов, молитв, лекций и Корана. Есть группы в Телеграме и Ватсапе, в которых занятия ведутся удаленно, аккумулируются заинтересованные, приглашаются на мероприятия.

Таким образом, через сеть активистов и неофициальных объединений азербайджанское сообщество поддерживает религиозную жизнь самостоятельно, снизу, восполняя нехватку официальных институтов.

Исследование выявило ряд трудностей, с которыми сталкивается религиозная часть азербайджанцев при организации своих конфессиональных мероприятий. В Татарстане исторически доминирует суннитская ветвь ислама, поэтому институциональная инфраструктура (мечети, духовенство) ориентирована прежде всего на это направление. У шиитов в республике нет собственного зарегистрированного духовного управления или отдельных мечетей, где могли бы проводиться шиитские обряды. Как следствие, большая часть инициатив по проведению, например, церемоний Ашуры или собраний в честь имамов, зачастую остается неформальной.

В отдельных случаях верующие предпочитают не афишировать свою конфессиональную принадлежность, следуя принципу *такийя* – дозволенного в шиитской традиции сокрытия веры из соображений безопасности или избегания разногласий. Особенно это

касается тех, кто живет в отдаленных районах, где азербайджанцев мало: им легче соблюдать общие обычаи ислама, чем объяснять окружению детали шиитского мазхаба.

Таким образом, альтернативные площадки стали для сообщества пространством сохранения конфессиональной самобытности. Подобная гибкость в формах проведения обрядов позволяет азербайджанским шиитам Татарстана поддерживать свою веру и традиции, не вступая в противоречие с локальным суннитским большинством.

Интерпретация результатов

Социальный конструкционизм: ритуалы и конструирование религиозной идентичности (П. Бергер и Т. Лукман). Результаты исследования могут быть интерпретированы через призму социального конструкционизма, опирающегося на идеи Питера Бергера и Томаса Лукмана. Согласно этому подходу, реальность и идентичность не даны человеку раз и навсегда, они конструируются в процессе социального взаимодействия и через коллективные практики [2, с. 24–61].

В контексте настоящего исследования религиозная идентичность азербайджанцев-шиитов в Татарстане формируется и воспроизводится именно благодаря регулярным общим действиям – праздникам, ритуалам, совместным молитвам. Каждый раз, когда представители этнической группы собираются отметить Ашуру или разделить ифтар в Рамадан, происходит акт «создания социальной реальности» их сообщества. Как отмечают П. Бергер и Т. Лукман, группы, постоянно взаимодействуя, вырабатывают общую систему значений и привычных ролей [3, с. 70]. Азербайджанцы посредством своих ритуалов также вырабатывают коллективные смыслы: например, обряд поминовения имама Хусейна приобретает для них смысл подтверждения следующей идеи: «Мы – шииты, помнящие своих имамов даже вдали от родины». Эти смыслы передаются новым поколениям и институционализируются (становятся привычной частью жизни сообщества), что мы и наблюдаем – молодежь перенимает у старших практику посещения маджлисов, поста в Мухаррам и т. д. Таким образом, через совместные празднования и обряды азербайджанцы конструируют свою этноконфессиональную идентичность, делая ее ощутимой частью социальной реальности Татарстана. Их идентичность – быть азербайджанцем-шиитом – поддерживается не только внутренним чувством, но и внешними коллективными действиями, которые подтверждают и заново «создают» эту идентичность в каждом акте традиции. Вышесказанное согласуется с идеями социального конструкционизма о том, что идентичность – результат постоянного «строительства» через взаимодействие и общие смыслы.

Этносоциологический подход. Полученные данные также хорошо объясняются с позиций этносоциологического подхода, раскрытого в трудах В.А. Тишкова, М.Н. Губогло и др., подчеркивающего, что этнокультурная и конфессиональная идентичность формируются под влиянием социальных институтов, окружения и норм, усваиваемых в семье и внутри этнической группы [4, с. 95–124]. Настоящее исследование показывает, что у азербайджанцев Татарстана ключевыми институтами передачи идентичности являются семья и этнические, конфессиональные объединения.

Этносоциологический анализ также позволяет понять, как азербайджанское население сохраняет свою идентичность и адаптируется в мультикультурной среде. Конфессиональный фактор играет значимую роль как в контексте внутригрупповой идентичности, так и при внешнем взаимодействии с другими группами [5, с. 305]. Будучи мусульманами, азер-

байджанцы чувствуют религиозную общность с титульным народом Татарстана – татарами. Ислам выступает важным духовным мостом: около 66 % мигрантов (разных национальностей) отметили, что именно общая религия сближает их с окружающими [6, с. 212]. В случае азербайджанцев приведенное утверждение означает, что посещение мечети в праздничные дни, соблюдение основных обрядов (например, Курбан-байрама) помогают им ощущать себя «своими» в мусульманском сообществе республики. Хотя, согласно наблюдениям, азербайджанская молодежь не склонна к высокой религиозности или радикализму (в мечеть ходит нерегулярно) [7, с. 138], сама принадлежность к исламской умме остается значимой частью ее самосознания. В целом Татарстан воспринимается как комфортное пространство для верующих: свыше 70 % опрошенных азербайджанцев считают религиозную обстановку в республике благоприятной для мусульман [7, с. 138].

На примере представителей азербайджанского сообщества мы наблюдаем, как семейное воспитание прививает молодым практики (чтение молитв, почитание имамов, знание родного языка), а общественные институты – формальные или неформальные – поддерживают эти практики на коллективном уровне. Этническая идентичность динамична и во многом поддерживается социальными рамками, в которых живет индивид (образование, окружение, СМИ, политика государства). В Татарстане азербайджанское сообщество действует в поле сразу двух социальных систем – российской (татарстанской) и азербайджанской. Нормы, установленные в этих системах, определяют возможности сохранения их идентичности. Например, институциональная политика Татарстана в отношении культурных автономий (через Дом дружбы народов, Ассамблею народов Татарстана) дает азербайджанцам организационные ресурсы для поддержания культуры, языка и веры. Одновременно внутри самой группы существуют неписаные правила: соблюдать религиозные обряды, обучать детей традициям. Эти социальные нормы направляют поведение индивидов, формируя их представления о том, «как правильно быть азербайджанцем и шиитом» в такой среде.

М.Н. Губогло уделял особое внимание связке «язык – культура – религия» при передаче идентичности [8, с. 15–25]. Применительно к нашим результатам обозначенное единство проявляется в том, что азербайджанцы стремятся говорить дома на родном языке, давать детям основы родной культуры и ислама, тем самым интегрируя религиозную идентичность в широкий контекст этнической. Можно сказать, что социальные институты и семейные традиции совместно воспроизводят этноконфессиональную идентичность группы. Когда молодежь участвует в проведении Новруза или в коллективном намазе на Ураза-байрам, она учится чувствовать себя частью и азербайджанского народа, и уммы. Это как раз и есть механизм, описанный М.Н. Губогло: через социальную практику и институты закрепляется ощущение принадлежности к группе [9, с. 67]. Наши данные подтверждают, что без поддержки семьи и этнической группы индивидуальная идентичность склонна размываться, а при их активном влиянии – сохраняется и адаптируется к новым условиям.

Теория диаспоры: адаптация шиитского сообщества и транснациональная идентичность. Явления, наблюдаемые среди азербайджанского населения Татарстана, можно рассмотреть в русле теории диаспоры. Диаспора, согласно классическим определениям (У. Сафран и др.), характеризуется сохранением связей с исторической родиной, внутренней солидарностью группы и особой идентичностью, отличной от доминирующего окружения [10, с. 83–84; 11, с. 26]. Настоящее исследование демонстрирует, что азербайджанцы-шииты в Татарстане точно соответствуют приведенным критериям: они адаптируются к окру-

жающему суннитскому большинству, но одновременно поддерживают устойчивые связи – и друг с другом, и с родиной (Азербайджаном), и с глобальным шиитским сообществом. Адаптация выражается в стремлении встроиться в локальный исламский ландшафт Татарстана. Как мы выяснили, диаспора участвует в общих мероприятиях, посещает суннитские мечети, что облегчает их принятие местным обществом и снижает чувство изоляции.

Азербайджанцы перенимают татарстанские реалии: некоторые молодые ходят в местные медресе или слушают проповеди татарских имамов, некоторые вступают в межэтнические браки с татарами, где находят компромиссы между шиитскими и суннитскими обрядами. Все это говорит о высокой степени интеграции – диаспора не обособляется полностью, а ищет точки соприкосновения. Однако адаптация не ведет к растворению идентичности. Одновременно наблюдается иная важная черта – сохранение транснациональных связей, что придает группе качество транснациональной диаспоры [12, с. 83]. Во-первых, азербайджанские шииты Татарстана в большинстве своем сохраняют контакты со своей исторической родиной. Многие респонденты регулярно ездят в Азербайджан навещать родных или участвовать в больших праздниках (как, например, Новруз или свадьба), привозя оттуда религиозную литературу, сувениры, укрепляя тем самым связь поколений. Во-вторых, существует духовная связь с мировым центром шиитского ислама – святыми местами и лидерами. Проанализированные интервью показывают, что в отсутствие местных шиитских имамов верующие ориентируются на авторитетных религиозных лидеров за пределами России.

Фактически духовное руководство сообществом осуществляется дистанционно: казанские шииты следят за фетвами аятолл Али Хаменеи, Али Систани и других, получая от них наставления через книги, спутниковые каналы, Интернет. Это яркий пример транснациональной идентичности, когда религиозная жизнь локальной группы привязана к глобальной сети единоверцев.

Теория диаспоры утверждает, что подобная многослойная идентичность помогает сообществу выживать: балансируя между интеграцией и сохранением уникальности, диаспора получает преимущества обеих позиций, что подтверждается результатами проведенного исследования на примере шиитского сообщества в суннитском окружении: гибкая адаптация позволяет избегать конфликтов, а транснациональные связи не дают погаснуть искре родной традиции.

Заключение. Проведенное исследование показало, что религиозный фактор (прежде всего шиитская традиция ислама) играет одну из ключевых ролей в формировании и поддержании этноконфессиональной идентичности азербайджанского населения в Татарстане. Ислам, усвоенный в семейном кругу и через религиозные обряды, служит для азербайджанцев не только духовным ориентиром, но и важным культурно-историческим маркером, отличающим их от окружающего (преимущественно суннитского) мусульманского сообщества и позволяющим сохранять связь с исторической родиной.

Адаптация в суннитском окружении идет по двум направлениям. Во-первых, азербайджанцы активно используют общие исламские институты (местные мечети, крупные религиозные праздники), что упрощает интеграцию и укрепляет межконфессиональные контакты. Во-вторых, азербайджанское сообщество сохраняет специфические шиитские практики (поминальные церемонии в месяц Мухаррам, чтение текстов об имаме Хусейне и др.), часто осуществляя их в полуофициальном формате (в частных домах или арендованных помещениях), чтобы не нарушать установившийся в регионе суннитский религиозный уклад.

Важнейшую роль играет семья: именно там ребенок впервые приобщается к языку, религиозным ритуалам, ценностям и символам своей группы. Родной язык (азербайджанский) и обычаи (включая национальные блюда, свадьбы, семейные торжества) помогают поддерживать самобытность и передавать ее молодому поколению. При этом в семьях, где уважение к религии сочетается с готовностью к диалогу с внешним окружением, религиозные практики воспринимаются не в контексте противостояния местной культуре, а как ее дополнение.

Исследование также подтвердило тезис о том, что этноконфессиональная идентичность – не статичная данность, а динамичный процесс, в рамках которого группа постоянно осмысливает, как сохранить основу традиции, впитывая при этом новые элементы культурной среды (например, татарский или русский языки, местные религиозные нормы). Такая гибкость обеспечивает прочную базу для дальнейшей адаптации: даже проживая в различных городах, азербайджанцы поддерживают внутреннюю сплоченность через регулярные встречи, мероприятия и интернет-ресурсы.

Наконец, применение выбранных теоретических рамок (социальный конструкционизм, этносоциология, теория диаспоры) позволило осуществить глубокий анализ того, как религиозные практики становятся фундаментом этнокультурной идентичности в миграционном контексте. В случае азербайджанцев Татарстана ислам, будучи носителем традиций и коллективных воспоминаний, выступает «символической опорой», вокруг которой формируется общее «мы». Такая религиозная консолидация дает этнической группе ресурс для сохранения самобытности и одновременно способствует выстраиванию конструктивных отношений с местным мусульманским большинством.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Источники

ВПН – Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami, свободный.

ПМ – Полевые материалы автора, собранные на территории Республики Татарстан в 2023–2025 гг.

Литература

1. *Титова Т.А., Козлов В.Е., Фролова Е.В.* Особенности адаптации молодых мигрантов из Центральной Азии в Республике Татарстан (по материалам социо-антропологического исследования) // Oriental Studies. 2024. Т. 17, № 2. С. 402–413. https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-72-2-401-412.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 323 с.
3. *Осипова Е.Д.* Трансформация социальных практик: концепция П. Бергера и Т. Лукмана в условиях кризисного общества // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 2. С. 69–79.
4. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования по социал.-культур. антропологии. М.: Наука. 2003. 542 с.
5. *Титова Т.А., Фролова Е.В.* Религиозное пространство Казани: идентичности и практики (по материалам этносоциологического исследования) // Вестн. антропологии. 2023. № 3. С. 303–319. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-3/303-318.

6. *Титова Т.А., Фролова Е.В.* Идентичность и социокультурные процессы в сообществах мигрантов Республики Татарстан // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2017. № 4. С. 207–218.
7. *Титова Т.А., Фролова Е.В., Зеленеев Ю.А.* Мигранты в Республике Татарстан: этническая идентичность и языковое поведение // Вестник КазГУКИ. 2015. № 4. Ч 2. С. 135–139.
8. *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 763 с.
9. *Жаде З.А.* «Этничность» и «Этническая идентичность»: концептуальный анализ понятий // Общество и право. 2006. № 3 (13). С. 66–72.
10. *Safran W.* Diasporas in modern societies: Myths of homeland and return // Diaspora: J. Transnatl. Stud. 1991. V. 1, No 1. P. 83–99. https://doi.org/10.1353/dsp.1991.0004.
11. *Cohen R.* Global Diasporas: An Introduction. Ser.: Global Diasporas. London, New York, NY: Routledge, 2008. 240 p. https://doi.org/10.4324/9780203928943.
12. *Кочетков В.В., Калинкин В.Ю.* Национальные диаспоры в транснациональном пространстве // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2009. № 1. С. 72–85.

References

1. Titova T.A., Kozlov V.E., Frolova E.V. Adaptation practices of young Central Asian migrants in Tatarstan: A socioanthropological survey. *Oriental Studies*, 2024, vol. 17, no. 2, pp. 402–413. https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-72-2-401-412.
2. Berger P., Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow, Mosk. Filos. Fond, 1995. 323 p. (In Russian)
3. Osipova E.D. The transformation of social practices: P. Berger and T. Luckmann's concept in a crisis society. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*, 2015, no. 2, pp. 69–79. (In Russian)
4. Tishkov V.A. *Rekviem po etnosu: Issledovaniya po sotsial.-kul'tur. antropologii* [Requiem for Ethnos: Research in Social and Cultural Anthropology]. Moscow, Nauka, 2003. 542 p. (In Russian)
5. Titova T.A., Frolova E.V. Religious space of Kazan: Identities and practices (the results of ethnosociological research). *Vestnik Antropologii*, 2023, no. 3, pp. 303–319. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-3/303-318.
6. Titova T.A., Frolova E.V. Identity and social-cultural processes in the labor migrants' communities of the Republic of Tatarstan. *Izvestiya Obshchestva Arkheologii, Istorii i Etnografii pri Kazanskom Universitete*, 2017, no. 4, pp. 207–218. (In Russian)
7. Titova T.A., Frolova E.V., Zeleneev Yu.A. Migrants in the Republic of Tatarstan: Ethnic identity and language behavior. *Vestnik KazGUKI*, 2015, no. 4, pt. 2, pp. 135–139. (In Russian)
8. Guboglo M.N. *Identifikatsiya identichnosti: etnosotsiologicheskie ocherki* [Identification of Identity: Ethnosociological Essays]. Moscow, Nauka, 2003. 763 p. (In Russian)
9. Zhade Z.A. "Ethnicity" and "ethnic identity": A conceptual analysis of the terms. Obshchestvo i Pravo, 2006, no. 3 (13), pp. 66–72. (In Russian)
10. Safran W. Diasporas in modern societies: Myths of homeland and return. *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*, 1991, vol. 1, no. 1, pp. 83–99. https://doi.org/10.1353/dsp.1991.0004.
11. Cohen R. *Global Diasporas: An Introduction*. Ser.: Global Diasporas. London, New York, NY, Routledge, 2008. 240 p. https://doi.org/10.4324/9780203928943.
12. Kochetkov V.V., Kalinkin V.Yu. National diasporas in transnational space. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i Politologiya*, 2009, no. 1, pp. 72–85. (In Russian)

Информация об авторах

Титова Татьяна Алексеевна, профессор, доктор исторических наук, ведущий сотрудник кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: tatiana.titova@rambler.ru

ORCID: http://orcid.org/0000-0001-5921-3287

Гасанов Самир Комиссар Оглы, ассистент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: skgasanov@mail.ru

Author Information

Tatiana A. Titova, Dr. Sci. (History), Full Professor, Leading Researcher, Department of the History of Tatarstan, Anthropology, and Ethnography, Kazan Federal University

E-mail: *tatiana.titova@rambler.ru*

ORCID: http://orcid.org/0000-0001-5921-3287

Samir K. Gasanov, Teaching Assistant, Department of the History of Tatarstan, Anthropology, and Ethnography, Kazan Federal University

E-mail: *skgasanov@mail.ru*

Поступила в редакцию 20.02.2025 Received February 20, 2025

Принята к публикации 21.04.2025 Accepted April 21, 2025

ИСТОРИОГРАФИЯ

Оригинальная статья

УДК 930(477)"198"(045)
https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.179-192

Из опыта саморефлексии украинской советской историографии периода перестройки

В.В. Пузанов

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия

vvpuzanov@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрена проблема саморефлексии украинской советской историографии периода перестройки. С одной стороны, это было время расцвета советской марксистской историографии, а с другой – начало ее деструкции, завершившейся массовым отказом исследователей от марксистской парадигмы. Отправной точкой исследования является реконструкция представлений авторов фундаментального издания «Историография истории Украинской ССР», в котором отразились общие закономерности развития историографических изысканий в УССР, их состояние на историческом переломе. Данный труд увидел свет в начальный период развертывания политики гласности и поэтому сразу устарел, став символом ушедшей эпохи. Дальнейшее развитие историографии было тесно связано с социально-экономическими, политическими и национальными процессами, запущенными перестройкой. Особое внимание уделено исследованиям, посвященным историографии домонгольского периода истории восточных славян и проблеме воссоединения Украины с Россией, поскольку обозначенные вопросы были на тот момент менее идеологизированы и ревизионистские процессы здесь протекали более естественно, чем при изучении проблем новой и новейшей истории Украины. Сделан вывод о том, что и в указанной области украинскими историками за несколько лет был проделан огромный путь от восприятия себя неотъемлемой частью советской марксистской историографии до осознания национальной особости, что явилось не столько следствием естественной эволюции, сколько результатом внешнего воздействия со стороны общественных трансформаций, запущенных перестройкой.

Ключевые слова: украинская советская историография, домонгольская Русь, саморефлексия, перестройка, гласность, марксистская парадигма, национальный вопрос, сепаратизм

Для цитирования: *Пузанов В.В.* Из опыта саморефлексии украинской советской историографии периода перестройки // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 2. С. 179–192. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.179-192.

Original article

https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.179-192

Self-reflection in Ukrainian Soviet historiography during the period of perestroika

V.V. Puzanov

Udmurt State University, Izhevsk, Russia

vvpuzanov@gmail.com

Abstract

This study focuses on the self-reflection in Ukrainian Soviet historiography during perestroika. It was a paradoxical period marked by the flourishing of Marxist historiography and yet the beginning of its decline, which resulted in a massive rejection of the Marxist paradigm by researchers. The ideas expressed by the authors of the seminal work "Historiography of the History of the Ukrainian SSR", which defines the general trajectory of historiographical research in the Ukrainian SSR and its state at the moment of a major historical change, are reconstructed. The book was published at the dawn of glasnost policy and quickly became outdated and emblematic of a bygone era. The subsequent advance of historiography in the region was closely linked to the socio-economic, political, and national shifts caused by perestroika. Here, particular attention is paid to the studies on the historiography of the pre-Mongol period in the history of the Eastern Slavs and the reunification of Ukraine with Russia. Both of them were less ideologically influenced and thus revising them proceeded more naturally than studying the issues in the contemporary history of Ukraine. The analysis shows that Ukrainian Soviet historiographical research, even in these less politicized areas, experienced a shift from identifying itself as an integral part of Soviet Marxist historiography to prioritizing national uniqueness, which appeared not so much a consequence of natural evolution as the result of external influences from the social transformations driven by perestroika.

Keywords: Ukrainian Soviet historiography, pre-Mongol Rus', self-reflection, perestroika, glasnost, Marxist paradigm, national question, separatism

For citation: Puzanov V.V. Self-reflection in Ukrainian Soviet historiography during the period of perestroika. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 2, pp. 179–192. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.179-192. (In Russian)

Введение. Проблема взаимовосприятия украинских и российских историков, репрезентации ими национальной истории обрастает легендами и домыслами, распространяющимися в общественном сознании по принципу испорченного телефона. В большинстве случаев сформировавшиеся стереотипы не имеют отношения к серьезной науке. В связи с этим представляется важным именно с научной точки зрения проследить путь трансформации украинской историографии под влиянием социально-экономических и политических процессов, чтобы воссоздать по возможности объективную картину произошедшего и отделить досужие вымыслы от взглядов профессиональных историков.

Следует признать, что в Российской Федерации, несмотря на сотрудничество историков двух стран, на первых порах не проявляли сколько-нибудь значительного интереса к

украинской историографии. Только в начале нулевых годов XXI в. в российских научных изданиях стали появляться публикации украинских авторов, освещавшие первые десятилетия становления независимой национальной историографии [1–4]. Постепенно и у российских историков активизировался интерес к украинской исторической науке, особенно на рубеже второго и третьего десятилетий XXI столетия [5–14]. Помимо общих обзоров оценки современной украинской историографии содержатся и в работах, посвященных проблемам изучения истории Восточной Европы на постсоветском пространстве [15], «войнам памяти» [16–19] и др.

Все указанные публикации освещают современный этап развития украинской историографии. Настоящая статья посвящена особенностям саморефлексии украинских историков на последнем этапе существования СССР – в период перестройки. Именно в то противоречивое и динамичное время закладывались основы для «лихих» 90-х, «благословенных» нулевых и «драматичных» 10–20-х. Все обозначенные общественные трансформации кардинальным образом отразились на исторической науке.

В семье советских историков-марксистов: украинская историография накануне перестройки. В период СССР украинская историография позиционировала себя как марксистская и как составная часть советской исторической науки. Венцом ее развития стала многотомная «История Украинской ССР», опубликованная в Киеве на украинском (в восьми томах, десяти книгах, 1977–1979) и русском (в десяти томах, 1981–1985) языках. По словам авторов этого эпического труда, он был написан благодаря «творческому сотрудничеству» ученых Украины с коллегами из Москвы, Ленинграда, «других научных центров РСФСР и братских республик, опыту подготовки обобщающих работ… накоплению огромного фактического материала в монографиях и статьях» [20, с. 6]. Поскольку «создание этого труда стало возможным только на историографической основе, которая закладывалась несколькими поколениями советских историков» [21, с. 3], было принято решение подготовить и издать дополнительный том – «Историография истории Украинской ССР» (далее – *Историография*), который вышел в свет в 1987 г.[1] на русском языке. Этот обобщающий труд отразил общие закономерности развития историографических изысканий в УССР, их состояние на переломе исторических эпох. Появился он в неудачное для себя время. В конце декабря 1985 г., незадолго до сдачи тома в набор, заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС А.Н. Яковлев подал Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву аналитическую записку, в которой сформулировал концепцию политики гласности. Генсек впервые заявил о гласности на XXVII съезде КПСС 25 февраля 1986 г. в Политическом докладе, «запустив идею в массы» и нацелив на нее соответствующие партийные и государственные органы.

Таким образом, *Историография* вышла в свет в момент начала разрушения той общественно-политической и идеологической среды, а следовательно, и научной парадигмы, в условиях которых она создавалась. Этот труд для советской украинской исторической науки стал символом ушедшей научной эпохи и вершиной ее историографического жанра. Тем он и интересен для настоящего исследования, посвященного опыту саморефлексии украинской советской историографии на завершающем этапе ее развития.

Структурно книга состоит из десяти глав, каждая из которых соответствует определенному тому «Истории Украинской ССР» [21, с. 8–9]. В настоящей статье остановимся прежде

[1] Был сдан в набор 10 января 1987 г., а подписан в печать 29 октября 1986 г.

всего на первой главе, а именно на проблемах истории домонгольской Руси и, естественно, на методологической составляющей. Но для более полного понимания саморефлексии украинских авторов будут привлекаться и материалы, отражающие острые идеологические вопросы из других периодов украинской истории, в частности из эпохи национально-освободительных войн XVII в.

В духе уходящего времени рассматриваемый труд начинается с ритуальных для советской историографии заверений в верности марксистской методологии [21, с. 3 и др.]. Присутствует и обязательная ссылка на современные партийные документы или высказывания лидеров КПСС. Следует отметить оперативность издателей: несмотря на то, что материал был сдан в набор за полтора месяца до открытия XXVII съезда КПСС, в предисловии использована цитата из принятой на нем новой редакции Программы КПСС[2]. Значительно переписали заключение, вставив два сюжета с упоминанием съезда [21, с. 522, 523], в том числе процитировав место из Политического доклада М.С. Горбачева и интерпретировав его с точки зрения стоящих перед историками новых задач [21, с. 523–524]. В двух последних абзацах уделили внимание задачам, поставленным новой редакцией Программы КПСС [21, с. 524]. Соответствующие коррективы были внесены и в параграфы 1 и 12 главы X.

Авторы историографического тома (как и всей «Истории УССР») не только осмысливают себя частью советской исторической науки (речь даже идет о советской исторической школе [2, с. 3]) в методологическом плане, но и следуют руслу общих тенденций в оценке конкретных научных проблем (становление классового общества [21, с. 20–26], этногенез и ранняя история славян [21, с. 32–37], образование Древнерусского государства [2, с. 37–42], Киевская Русь в «период феодальной раздробленности» [21, с. 42–47], критика «антинаучной буржуазной историографии» (в том числе украинской диаспорной) [21, с. 51–59, 84–90] и др.). Для них не только украинская и советская, но и российская дореволюционная историография – это *отечественная историография*, что следует как из общего контекста очерков тома, так и из прямых указаний[3].

Полное единодушие с советским историческим цехом проявляют украинские исследователи и при решении проблем, ставших впоследствии полями сражения «войн памяти»: древнерусская народность, древнерусское наследие [21, с. 51–59], культурное единство домонгольской Руси [21, с. 55] и т. п.

В анализируемом томе отмечается и другая отличительная черта официальной науки – стремление представлять историографическую ситуацию в выгодном для исследователей, придерживающихся общепринятых, «правильных» взглядов, свете. Например, из чтения сюжета, посвященного историографии происхождения славян, читатель не получает объективного представления о реальном положении дел. Анализируются труды, «удревняющие» процессы славянского этногенеза. О работах Д.А. Мачинского,

[2] «Социализм, – отмечалось в новой редакции Программы КПСС, – обеспечил господство в духовной жизни советского общества научного мировоззрения, основу которого составляет марксизм-ленинизм как цельная и стройная система философских, экономических и социально-политических взглядов» [21, с. 3].

[3] Например: «Интерес к истории этих народов зародился в отечественной науке еще в конце XVII в. Первой попыткой систематизации материалов о древнейшей истории России является “Скифская история” Андрея Лызлова» (далее следуют М.В. Ломоносов, В.К. Тредиаковский, И.Е. Забелин и др.) [21, с. 20]; «Изучение истории Киевской Руси периода феодальной раздробленности имеет в отечественной медиевистике давнюю историографическую традицию, идущую со времен создания в 1715 г. А.И. Манкиевым труда “Ядро российской истории”» [21, с. 42] и др.

М.А. Тихановой, Н.Б. Щукина, Р.В. Терпиловского и др. исследователей не упоминается. Из археологов, следовавших в русле новых научных тенденций, указан только В.Д. Баран. Не рассмотрены труды лингвистов, у которых к тому времени сложилась стройная концепция балто-славянского этногенеза. Неслучайно сюжет завершается рассмотрением взглядов Б.А. Рыбакова, воспринимавшихся как решающее слово в науке [21, с. 34–36], но являвшихся ко времени написания тома устаревшими.

Взгляды Б.А. Рыбакова трактуются как непреложная истина и при изучении проблемы образования Древнерусского государства: «В настоящее время все более находит подтверждение в конкретно-исторических изысканиях советских историков выдвинутое Рыбаковым Б.А. мнение о том, что понятие “Русь” родилось в VI в. н. э., а государственное начало в ее структуре проявляется примерно в VIII–IX вв. Время, охватывающее VI–VIII вв., было тем периодом, когда оформлялись все предпосылки классовых феодальных отношений». Ну и, кончено же, «характерным проявлением этого процесса является раннее [конец V – начало VI в.] возникновение Киева» [21, с. 40][4].

Подобные выводы отбрасывали советскую историографию к послевоенному десятилетию, когда имела место тенденция к «удревнению» процессов этно-, социо- и политогенеза у восточных славян.

Естественно, подвергаются критике взгляды историков, не придерживавшихся «правильных» взглядов [21, с. 45–46].

В таком же ключе написаны вторая и третья главы, посвященные историографии истории Украины XIII–XVIII вв. Особенно показательно отношение к проблеме воссоединения Украины с Россией. В тексте говорится об изначальном тяготении украинского народа к воссоединению с русским народом в едином государстве [21, с. 7–8, 75, 91–98], жестко критикуются представители «буржуазно-националистической» историографии, не разделявшие эти взгляды [21, с. 133–139].

Таким образом, украинские исследователи позиционировали себя в качестве составной части советского исторического цеха, историю Украины вписывали в историю России, а украинскую и российскую историографию считали «отечественной», жестко дистанцируясь от украинской диаспорной историографии. При этом они в основной массе следовали за наиболее консервативными историками московской школы, а многие пытались быть еще более радикальными в плане «удревнения» истории восточных славян, постулирования исторической общности восточнославянских народов и т. п.

Перестройка и начало украинского «исторического пробуждения». Украинское «историческое пробуждение» наметилось в период перестройки и раскручивалось по мере деструкции советской политической системы, обретения независимости и углубления процессов становления независимого государства. В 1987–1991 гг. СССР оказался во власти «исторического бума». Инициативу в свои руки взяли публицисты, решительно закрывавшие белые пятна истории. Профессиональные историки, находясь в арьергарде новых веяний, выслушивали в свой адрес критику по этому поводу и «сверху» (со стороны представителей власти), и «снизу» (от лица «неравнодушной» общественности). Важным толчком для развития плюрализма в исторической науке стал доклад М.С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается», произнесенный 2 ноября 1987 г. по случаю 70-лет-

[4] Б.А. Рыбаков и П.П. Толочко стали главными исполнителями политического заказа на «научное» обоснование 1500-летнего юбилея Киева, который широко отмечался в 1982 г.

него юбилея Великого Октября. В нем обозначалась задача возвращения к ленинским принципам, что стало сигналом и для историков (прежде всего для историков КПСС, борцов с буржуазным национализмом и буржуазной историографией), специалистов по научному коммунизму и марксистско-ленинской философии. 28 июня – 1 июля 1988 г. проходила XIX партконференция, на которой была принята резолюция «О гласности», давшая новый импульс демократизации общества в целом и свободе слова в частности. В борьбе с консервативной частью КПСС ЦК содействовал (по крайней мере – не препятствовал) созданию в союзных республиках народных фронтов в «поддержку перестройки». На Украине он был создан позднее остальных: 8–10 сентября 1989 г. прошел учредительный съезд «Народного руха в поддержку перестройки», объединившего на начальном этапе в своих рядах представителей самых разных политических сил – от коммунистов до националистов. Очень быстро он превратился в политическую организацию националистического толка, нанеся удар по монопольному положению компартии.

24 декабря 1989 г. Съезд народных депутатов СССР принял резолюцию, в которой признал подлинность секретного протокола к договору СССР и Германии 1939 г. о ненападении и выступил с его осуждением, что способствовало нарастанию сепаратистских настроений в Прибалтике и Западной Украине. ЦК КПСС, инициировав демократизацию и гласность, выпустил на свободу силы, которые он уже не мог контролировать. На самом деле, единства ни в ЦК КПСС, ни в ЦК союзных республик, ни в КПСС в целом уже не существовало: шла борьба за власть и за ресурсы. Историческая наука использовалась политическими силами в их интересах. Это не могло не сказаться на состоянии официального «исторического фронта», который стал «трещать» по всем направлениям (см. [22, с. 142]).

Покидали свои посты политики «старой» партийной закалки. 28 сентября 1989 г. по настоянию М.С. Горбачева ушел в отставку В.В. Щербицкий, много сделавший и для социально-экономического и культурного развития Украины, и в плане противостояния националистическим силам. Серьезным ударом по его репутации стало замалчивание на первых порах чернобыльской трагедии, хотя в данном случае он выполнял указания Кремля. На выборах в марте 1990 г. около трети мест в Верховной раде получили «национально-свидомые».

С осени 1989 г. начинается принятие союзными республиками деклараций о государственном суверенитете. Решающим для дальнейшей судьбы СССР стало принятие Съездом народных депутатов РСФСР декларации о государственном суверенитете 12 июня 1990 г. И только месяц с небольшим спустя, 16 июля 1990 г., декларацию о государственном суверенитете Украины принимает Верховная рада.

Пиком политики гласности стал закон «О печати и других средствах массовой информации» от 12 июня 1990 г., отменивший политическую цензуру в СССР[5]. Все упомянутые политические пертурбации оказали непосредственное влияние и на историческую науку.

Возвращение М.С. Грушевского. Исследователи древности и Средневековья менее склонны реагировать на колебания политического курса в отличие от публицистов и своих «заидеологизированных» коллег по научному цеху. Поэтому на начальном этапе потребность в «свежем слове» для интересующихся досоветским периодом отечественной истории удовлетворяли работы дореволюционных авторов, которых начали активно публиковать с 1988 г. В УССР особенно популярен стал М.С. Грушевский, которого до этого считали

[5] Впрочем, цензура как таковая практически сошла на нет раньше, а если и действовала, то в отношении, скорее, «охранителей», а не «перестройщиков». Вспомним, например, историю с опубликованием и осуждением статьи Н.А. Андреевой «Не могу поступиться принципами» в марте 1988 г.

«украинским буржуазным националистом» и чьи труды в библиотеках республики отсутствовали в открытом доступе[6]. О нем, как и ряде других украинских «историков-националистов», если и упоминали, то преимущественно в негативном контексте. В той же *Историографии*, например, писалось: «Огромный вред развитию исторических знаний принесли работы украинских буржуазно-националистических историков П. Кулиша, В. Антоновича, М. Грушевского и других, выступивших с теорией “бесклассовости украинского народа”» [21, с. 64, 65; ср. с. 73, 78–79, 91, 92, 100, 109; 114, 149, 183, 194–195], пытавшихся «посеять вражду между братскими русским и украинским народами» [21, с. 126] и т. п.

По мере развертывания политики гласности акценты смещались и оценки работ М.С. Грушевского и его единомышленников в украинской историографии менялись. Именно эти изменения на рассматриваемом этапе наиболее наглядно отражают эволюцию самовосприятия историков того времени, тем более что в большинстве рассматриваемых далее случаев в качестве авторов или соавторов статей, посвященных М.С. Грушевскому, выступают историки, принимавшие самое активное участие в написании первой и третьей глав *Историографии* – В.М. Рычка, Ф.П. Шевченко, В.А. Смолий.

Надо сказать, что попытки отхода от официально принятых оценок творчества М.С. Грушевского в УССР предпринимались еще в 1966 г. в связи со столетним юбилеем ученого [23; 24]. Но решающие изменения в осмыслении деятельности М.С. Грушевского как предшественника современной украинской историографии происходят в годы перестройки. Неоднозначные оценки получила статья кандидата филологических наук С.И. Белоконя в рупоре украинского писательского цеха и национально-ориентированной интеллигенции – «Литературной Украине», опубликованная спустя 20 дней после XIX партконференции [25] и вызвавшая недовольство в ортодоксальных кругах[7].

Большинство же историков на первом этапе политических изменений соблюдали осторожность. В 1989 г. журнал «Отчизна» начинает публикацию седьмого тома «Истории Украины-Руси». Предваряет ее статья В.А. Смолия и А.И. Гуржия, которые объясняют возможность публикации процессами демократизации в советском обществе. Авторы еще не выходят за рамки традиционного советского украинского нарратива, в котором речь шла о «буржуазных историках-националистах»: упрекают М.С. Грушевского в «прямом» осуждении «революционно-освободительного движения широких народных масс Украины», «пронемецкой ориентации» [26, с. 169], неприятии марксистско-ленинского учения, отождествлении политики царизма «с отношением всего русского народа к украинцам…» [26, с. 170] и т. п.

В 1990 г. в послесловии к монографии М.С. Грушевского «Очерк истории украинского народа» Ф.П. Шевченко и В.А. Смолий рассматривают деятельность и научное творчество историка в более позитивном ключе [27]: замечаний немного, высказываются они в мягкой и обтекаемой форме. Здесь уже нет упоминаний ни о перестройке, ни о революционном движении, ни о марксизме, отсутствуют обвинения в пронемецкой ориентации. В то же время авторы еще не отошли окончательно от советской историографии. Так, касаясь изменения политических взглядов М.С. Грушевского, исследователи подчеркивают, что он в итоге «пришел к полному признанию Советской власти на Украине» [27, с. 345], отзываясь при

[6] В 1982 и 1984 гг. автору настоящей статьи еще студентом довелось работать в библиотеке Академии наук в Киеве, где он был поражен невозможностью получить на руки труды М.С. Грушевского. Ознакомиться с ними удалось в 1985 г. в библиотеках Ленинграда, где они находились в открытом доступе.

[7] *Рубльов О.С.* М.С. Грушевський // Сергій Білокінь. Персональний сайт історика. URL: https://www.s-bilokin.name/Bio/60Anniversary/Hrushevsky.html, свободный.

этом негативно о его недостаточном внимании к вопросам «формационного развития общества», акцентированности на освещении гонений украинской культуры со стороны царского правительства, идеализации «условий развития духовной жизни на западноукраинских землях», «односторонности» освещения «украинско-русских отношений» и т. п. [27, с. 365].

Кульминацией развития грушевсковедения советского времени можно считать пришедшееся на 1991 г. начало процесса полного издания его «Истории Украины-Руси». Вступительная статья В.А. Смолия и П.С. Соханя [28] была почти сплошь написана в позитивном ключе. В целом в смягченном варианте формировался традиционный набор оценок деятельности М.С. Грушевского, характерный для его адептов в современной украинской историографии [28, с. X, XII, XIV–XIX, XXIII, XXXVIII]. Авторы статьи излагали взгляды М.С. Грушевского либо нейтрально, либо комплементарно. Пожалуй, только один раз они четко выразили свою точку зрения, причем вполне в духе советской историографии, когда посчитали нецелесообразным «ставить в одну историческую плоскость как равноценные для Б. Хмельницкого силы… Россию и… Турцию, Крымское ханство или Молдавское княжество», так как «принципиальная разница заключалась в… этнических, языковых и религиозных факторах, глубокой исторической традиции, объединявшей украинский и русский народы» [28, с. XXXV].

В.М. Рычка, подготовивший к публикации в «Украинском историческом журнале» в связи с 125-летием М.С. Грушевского его работу «Великая, Малая и Белая Русь» [29],[8] отказался давать какие-либо оценки. В небольшой сопроводительной статье он кратко остановился на истории самой публикации и журнала, в котором означенная работа впервые увидела свет [30, с. 86–87], отметил нерешенность поднятого М.С. Грушевским вопроса о происхождении терминов «Великая», «Малая» и «Белая» Русь, хотя «попытки его разрешения в советской историографии… предпринимались» [30, с. 87]. Последнее замечание указывает на отнесение автором себя к руслу советской историографии. В такой позиции нет ничего удивительного: многие бывшие советские историки даже после того, как их разделили границы, какое-то время продолжали подсознательно ощущать себя частью единой научной корпорации.

В конце 1991 г. выходит репринтное издание первой, еще студенческой, монографии М.С. Грушевского «Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия». Послесловие написал П.П. Толочко, который отдал должное «великому украинскому историку» [31, с. 527–529, 541], однако подверг работу столетней давности основательной критике – без упоминаний о марксистских принципах, но под углом воззрений, характерных для советских историков [31, с. 526–540].

В плане эволюции самовосприятия отдельных украинских историков показательна статья А.И. Кияна, посвященная жизни и творчеству учителя М.С. Грушевского – В.Б. Антоновича. Исследователь реабилитировал основателя знаменитой Киевской школы, которая «как бы заново открыла историю украинского народа», но «была полностью проигнорирована централистской системой С.М. Соловьева и его великодержавных последователей» [32 , с. 71]. Достоинством В.Б. Антоновича, по мнению А.И. Кияна, является то, что он, в отличие от других украинских историков, своих современников, испытал влияние не российской, а польской и французской культуры, ориентировался «на западноевропейскую научную мысль» [32, с. 72]. Автор пытается опровергнуть имевшие место обвинения

[8] Статья была публикована в журнале «Украина» (1917, кн. 1) (см. [30, с. 86–87]).

В.Б. Антоновича в украинском национализме и – более того – упрекает последнего в том, что он считал украинскую нацию «негосударственной», а большинство украинцев политически инертными [32, с. 73–74]. А.И. Киян в упомянутой статье уже никак не ассоциирует себя с советской, тем более – с российской историографией. Напротив, он жестко противопоставляет «передовую» на тот момент украинскую историческую мысль в лице В.Б. Антоновича как польским «буржуазно-националистическим историкам», так и «русской великодержавно-шовинистической историографии» [32, с. 74].

Показательно, что в конце апреля 1991 г. И.А. Киян защитил кандидатскую диссертацию, во введении которой, согласно автореферату, содержалась цитата из доклада М.С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается» [33, с. 1], русская дореволюционная периодика называлась «отечественной» [33, с. 2–3], провозглашалось следование принципам «марксистско-ленинской методологии» [33, с. 7].

Таким образом, в 1987–1991 гг. происходят важные изменения в саморефлексии украинских исследователей, которые все чаще начинают ассоциировать себя не с советской[9], а с украинской национально-ориентированной историографией, включая как дореволюционных, так и диаспорных авторов. В русле подобных изменений украинские исследователи «с легкой руки» М.С. Грушевского (термин впервые в оборот ввел его учитель – В.Б. Антонович) [32, с. 74] стали использовать понятие «Украина-Русь»[10], которое раскрывало преемственность современной Украины и домонгольской Руси, но было не очень удачным с точки зрения семантики [16, с. 171–172]. Среди историков начался первый этап дерусификации (переход на украинский язык, отказ от признания общих исторических корней и т. п.). Впрочем, серьезные исследователи быстро стали отходить и от «Украины-Руси», и от ограничения сферы применения русского языка. В последнем случае имел место и прагматичный посыл – украиноязычные труды были в меньшей степени востребованны за рубежом. За небольшим исключением в 90-х годах XX в. (как и в советское время) преимущественно на украинском языке писали авторы, чьи работы были рассчитаны на внутреннее потребление и не вызывали интерес за пределами Украины и украиноязычной диаспоры. Но именно они оказались наиболее востребованы националистическим спектром общественно-политического сознания. Зачастую по ним судят об украинской историографии в целом, что несправедливо, особенно в отношении историков, изучающих средневековую Русь.

В рассматриваемый период активно налаживались связи с украинской зарубежной диаспорой. Знаковым стало приглашение на Украину по инициативе Б.Е. Патона известного историка Омельяна Прицака и избрание его академиком АН УССР.

Показательна эволюция тематики публикаций в «Украинском историческом журнале». В 1989 г. еще доминируют идеологически окрашенные рубрики: «Курсом обновления социализма», «К 119-летию со дня рождения В.И. Ленина», «Материалы к “Очеркам истории Компартии Украины”», «Борцы за счастье народа», «Материалы к биографии выдающихся деятелей Октябрьской революции и гражданской войны на Украине», «Люди, факты, события в воспоминаниях революционеров» и т. п. В 1990 г. их количество сокращается, а в 1991 советский, марксистский идеологический дискурс исчезает, полностью заменяясь национальным.

Таким образом, переломным является 1990 г. В то же время следует учитывать, что историки КПСС, борцы с буржуазным национализмом и иные представители «заидеологи-

[9] Не говоря уже о дореволюционной российской историографии.

[10] Использование термина *Украина-Русь* может являться определенным маркером ассоциирования себя не с советской, а с украинской дореволюционной и диаспорной историографией.

зированных» направлений в основной своей массе перестраивались быстрее, чем исследователи, изучавшие Древнюю Русь.

Заключение. В 90-х годах XX в. украинская историография развивалась в том же русле, что и российская – отход от марксистской парадигмы и поиски новых методологических ориентиров. Но было и существенное отличие: Украина активно строила независимое государство. При этом независимость понималась в первую очередь не как обретение реального суверенитета, а как ослабление зависимости от России. Для этого, по мнению украинской элиты, требовались десоветизация, декоммунизация и дерусификация[11]. Усиление зависимости от США и ЕС, напротив, воспринималось как процесс обретения суверенитета[12]. По большому счету, обе «революции» («оранжевая» и «достоинства») помимо внешнего фактора были вызваны и внутренним противостоянием в украинском обществе между сторонниками прозападной и пророссийской ориентаций. В итоге возобладали сторонники прозападной ориентации: они оказались активнее, а не многочисленнее.

Созидание «Незалежной» неизбежно вело к украинизации и общественно-политической мысли, и историографии. И здесь главным «раздражителем» снова была Россия. По словам Г.В. Касьянова, «Россия присутствует в украинской национализированной истории по определению – без этого Другого фактически невозможно формирование собственного национального нарратива, поскольку он играет чрезвычайно мобилизационную роль в определении собственного национального “Я”»[13].

Таким образом, именно внешний импульс со стороны перестроечных процессов (а не логика внутреннего развития) стал главным фактором кардинальной смены научной и идеологической парадигмы у советских, в том числе украинских, историков. Не будь перестройки с ее гласностью и демократизацией, историки, вероятно, продолжали бы восхвалять марксистскую историческую науку, «гвоздить к позорному столбу» буржуазную историографию, клясться в верности ленинскому курсу и КПСС. Конечно, имела бы место, как и прежде, определенная фронда, но, скорее всего, большинство ее немногочисленных представителей подкрепляло бы свои научные новации многочисленными цитатами из трудов классиков марксизма-ленинизма, обвиняя оппонентов в том, что это они неправильно понимают К. Маркса, Ф. Энгельса или В.И. Ленина.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

[11] Очень точно такие настроения охарактеризовал один из идеологов украинизации В.А. Смолий: «Речь идет о стремлении Украины во что бы то ни стало вырваться из постсоветских сетей, избавиться от старого имперского и советского наследия, завершить десоветизацию, которую, в свою очередь, нельзя достигнуть вполне без решительной дерусификации» [34, с. 7]. Конечно, эти слова могут быть обусловлены эмоциональным восприятием событий последних лет. Реально же подобная политика, но в более мягкой и завуалированной форме, проводилась изначально.

[12] Здесь можно провести определенные параллели с отношениями европейских стран и США в 90-е годы XX в. и начале нулевых. Распад СССР пробудил в странах «старой Европы» (прежде всего это ФРГ, Франция, Италия) определенные надежды на ослабление зависимости от США путем наращивания сотрудничества с Россией. Напротив, страны «новой Европы» (бывшие участники Варшавского договора) заняли выраженные проамериканские позиции. Для них независимость ассоциировалось с дистанцированием от России – правопреемницы СССР.

[13] *Касьянов Г.В.* Націоналізація історії та образ Іншого: Україна і посткомуністичний простір // Образ Іншого в сусідніх історіях: міфи, стереотипи, наукові інтерпретації (матеріали междунар. наук. конф., Київ, 15–16 грудня 2005 року) / Упорядник и наук. ред. Г.В. Касьянов. Київ: Інститут історії України НАНУ, 2008. С. 19.

Литература

1. *Касьянов Г.* Современное состояние украинской историографии: методологические и институциональные аспекты // Ab Imperio. 2003. № 2. С. 491–519.
2. *Грицак Я.* Украинская историография: 1991–2001. Десятилетие перемен // Ab Imperio. 2003. № 2. С. 427–454.
3. *Hrytsak Y.* What do we write about when we write about Ukraine? // Ab Imperio. 2022. № 1. P. 51–66. https://doi.org/10.1353/imp.2022.0003.
4. *Гаухман М.* В поисках новой истории: историографические дискуссии начала XXI в. о метанарративе истории Украины // Ab Imperio. 2022. № 3. С. 27–67. https://doi.org/10.1353/IMP.2022.0060.
5. *Михальченко С.И.* Грушевский М.С. в историографии науки // Среднерус. вестн. общественных наук. 2007. № 2 (3). С. 30–35.
6. *Карнишин В.Ю.* «Украинский вопрос» в политической публицистике М.С. Грушевского // Изв. ВУЗов. Поволжский регион. Гуманит. науки. 2014. № 1 (29). С. 77–83.
7. *Карнишин В.Ю.* Историческая наука Украины в современных реалиях // Изв. ВУЗов. Поволжский регион. Гуманит. науки. 2021. № 1. С. 90–99. https://doi.org/10.21685/2072-3024-2021-1-9.
8. *Баранов А.В.* Актуальное исследование мифотворчества в украинской историографии и публицистике // Historia Provinciae – журн. региональной истории. 2018. Т. 2. № 3. С. 173–191. https://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-3-6.
9. *Мозохин О.Б.* Дело академика М.С. Грушевского // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманит. науки. 2019. № 3 (51). С. 39–50. https://doi.org/10.21685/2072-3024-2019-3-5.
10. *Пашковская Т.Г.* Постсоветская историография Украины: новый канон национальной истории // Гуманитарно-педагогические исследования. 2021. Т. 5. № 4. С. 101–109. https://doi.org/10.18503/2658-3186-2021-5-4-101-109.
11. *Шинаков Е.А., Украинцев Д.А.* Владимир Святой и процесс крещения Руси в украинской историографии конца XX – начала XXI в. // Христианское чтение. 2024. № 1. С. 243–254. https://doi.org/10.47132/1814-5574_2024_1_243.
12. *Ковеля В.В., Шинаков Е.А.* Теория «пар городов» в древнерусском государствогенезе (на примере «пары» Чернигов – Шестовица в украинской историографии) // Вестн. Самар. ун-та. История, педагогика, филология. 2024. Т. 30. № 4. С. 59–67. https://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-4-59-67.
13. *Дубровский А.М.* Украинская историческая мысль на современном этапе (по поводу книги А. Палия «Краткий курс истории Украины» // Вестн. Брянского гос. ун-та: историч. науки. 2023. № 3 (57). С. 66–74. https://doi.org/10.22281/2413-9912-2023-07-03-66-74.
14. *Дубровский А.М.* «Краткий курс истории Украины» А. Палия и предшествующая историография // Вестн. Брянского гос. ун-та: историч. науки. 2024. №2 (60). С. 52–60. https://doi.org/10.22281/2413-9912-2024-08-02-52-60.
15. *Филюшкин А.И.* Как сегодня изучать историю Восточной Европы? // Stud. Slav. Balc. Petrop. SSBP Петербургские славянские и балканские исследования. 2020. № 1 (27). С. 3–24. https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.101.
16. *Пузанов В.В.* И плакашася по немь боляре акы заступника ихъ земли, оубозии акы заступника и кормителя… Памяти святого равноапостольного князя Владимира // Вестн. Удмурт. ун-та. 2015. Т. 25, вып. 4. С. 170–179.
17. *Ищенко А.С.* Война памятей, или о том, кому принадлежит наследие Киевской Руси // Историческая экспертиза. 2022. № 2. С. 109–122. https://doi.org/10.31754/2409-6105-2022-2.
18. *Асеев А.Д., Шишков В.В.* Россия в «войнах памяти»: историческая политика в Восточной Европе // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Обществ. науки. 2020. № 2 (839). С. 9–23.
19. *Токарева Е.А.* Современные войны памяти, или подходы к интерпретации исторических событий в истории, политике и образовании // Преподаватель XXI век. 2021. № 2. Часть 2. С. 288–300. https://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-3-288-300.

20. История Украинской ССР: в 10 т. / Гл. ред. Ю.Ю. Кондуфор. Киев: Наук. думка, 1981. Т. 1: Первобытнообщинный строй и зарождение классового общества. Киевская Русь (до второй половины XIII в.) / Отв. ред. И.И. Артеменко. 496 с.
21. Историография истории Украинской ССР / Отв. ред. И.С. Хмель. Киев: Наук. думка, 1987. 557 с.
22. *Касьянов Г.В.* Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. М.: НЛО, 2019. 282 с.
23. *Шевченко Ф.П.* Чому Михайло Грушевський повернувся на Радянську Україну? // Українській історичний журнал. 1966. № 11. С. 13–30.
24. *Бойко І., Кирилюк Є.* Михайло Грушевський. З нагоди 100-річчя від дня народження // Літературна Україна. 1966. 30 вересня (№ 77). С. 3–4.
25. *Білокінь С.* Михайло Грушевський // Літературна Україна. 1988. 21 липня (№ 29 (4282)). С. 7.
26. *Смолій В., Гуржій О.* Спадщина // Вітчизна. 1989. №. 1. С. 168–172.
27. *Шевченко Ф.П., Смолий В.А.* М.С. Грушевский. Краткий очерк жизни и научной деятельности // Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. Киев: Лыбидь, 1990. С. 345–365.
28. *Смолій В.А., Сохань П.С.* Видатний історик України // Грушевський М. С. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. Київ: Наук. думка, 1991. Т. 1: До початку XI віка. С. X–XXXIX.
29. *Грушевський М.С.* Велика, Мала і Біла Русь // Українській історичний журнал. 1991. № 2. С. 77–85.
30. *Ричка В.М.* Про еволюцію назви «Русь» в етнополітичній історії України // Українській історичний журнал. 1991. № 2. С. 86–88.
31. *Толочко П.П.* Післямова // Грушевський М.С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV століття. Київ: Наук. думка, 1991. С. 526–541.
32. *Киян О.І.* Життєвий та творчий шлях В.Б. Антоновича // Українській історичний журнал. 1991. № 2. С. 64–75.
33. *Киян А.И.* История Украины на страницах русской журнальной исторической периодики второй половины XIX – начала XX века: автореф. дис. … канд. ист. наук. Киев, 1991. 18 с.
34. «На зорі новітньої історичної доби…»: Інтерв'ю головного редактора «Українського історичного журналу» академіка НАН України В. Смолія (записав і підготував до друку О. Ясь) // Український історичний журнал. 2024. № 6. С. 5–19.

References

1. Kas'yanov G. The current state of Ukrainian historiography: Methodological and institutional aspects. *Ab Imperio*, 2003, no. 2, pp. 491–519. (In Russian)
2. Hrytsak Y. Ukrainian historiography: 1991–2001. A decade of change. *Ab Imperio*, 2003, no. 2, pp. 427–454. (In Russian)
3. Hrytsak Y. What do we write about when we write about Ukraine? *Ab Imperio*, 2022, no. 1, pp. 51–66. https://doi.org/10.1353/imp.2022.0003. (In Russian)
4. Gaukhman M. In search of a new history: Historiographical debates on Ukraine's historical metanarrative in the early 21st century. *Ab Imperio*, 2022, no. 3, pp. 27–67. (In Russian)
5. Mikhal'chenko S.I. M.S. Hrushevsky in the historiography of science. *Srednerusskii Vestnik Obshchestvennykh Nauk*, 2007, no. 2 (3), pp. 30–35. (In Russian)
6. Karnishin V.Yu. "The Ukranian question" in M.S. Hrushevsky's political publications. *Izvestiya VUZov. Povolzhskii Region. Gumanitarnye Nauki*, 2014, no. 1 (29), pp. 77–83. (In Russian)
7. Karnishin V.Yu. Historical research in Ukraine under the current conditions. *Izvestiya VUZov. Povolzhskii Region. Gumanitarnye Nauki*, 2021, no. 1, pp. 90–99. https://doi.org/10.21685/2072-3024-2021-1-9. (In Russian)
8. Baranov A.V. A current study of mythogenesis in Ukrainian historiography and political essays. *Historia Provinciae – Zhurnal Regional'noi Istorii*, 2018, vol. 2, no. 3, pp. 173–191. https://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-3-6. (In Russian)

9. Mozokhin O.B. Academician M.S. Hrushevsky's case. *Izvestiya VUZov. Povolzhskii Region. Gumanitarnye Nauki*, 2019, no. 3 (51), pp. 39–50. (In Russian)
10. Pashkovskaya T.G. Ukrainian historiography in the post-Soviet period: A new national history narrative. *Gumanitarno-Pedagogicheskie Issledovaniya*, 2021, vol. 5, no. 4, pp. 101–109. (In Russian)
11. Shinakov E.A., Ukraintsev D.A. Saint Vladimir and the process of Kievan Rus' Christianization in Ukrainian historiography during the late 20th and early 21st centuries. *Khristianskoe Chtenie*, 2024, no. 1, pp. 243–254. (In Russian)
12. Kovelya V.V., Shinakov E.A. The theory of "twin cities" in the Old Russian state genesis (a case study of the Chernihiv–Shestovitsa pair in Ukrainian historiography). *Vestnik Samarskogo Universiteta. Istoriya, Pedagogika, Filologiia*, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 59–67. https://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-4-59-67. (In Russian)
13. Dubrovskii A.M. Ukrainian historical thought in the contemporary period (about O. Palii's book "A History of Ukraine: A Short Course"). *Vestnik Bryanskogo Gosudarstvennogo Universiteta: Istoricheskie Nauki*, 2023, no. 3 (57), pp. 66–74. (In Russian)
14. Dubrovskii A.M. "A History of Ukraine: A Short Course" by O. Palii and earlier historiography. *Vestnik Bryanskogo Gosudarstvennogo Universiteta: Istoricheskie Nauki*, 2024, no. 2 (60), pp. 52–60. https://doi.org/10.22281/2413-9912-2024-08-02-52-60. (In Russian)
15. Filyushkin A.I. How to study the history of Eastern Europe today? *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2020, no. 1, pp. 3–24. https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.101. (In Russian)
16. Puzanov V.V. "And the boyars mourned him as the defender of their land, while the poor grieved for him as their guardian and feeder…". In memory of Saint Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta*, 2015, vol. 25, no. 4, pp. 170–179. (In Russian)
17. Ishchenko A.S. The war of memories or who owns the heritage of Kievan Rus'. *Istoricheskaya Ekspertiza*, 2022, no. 2, pp. 109–122. https://doi.org/10.31754/2409-6105-2022-2. (In Russian)
18. Aseev A.D., Shishkov V.V. Russia in the "memory wars": Historical politics in Eastern Europe. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta. Obshchestvennye Nauki*, 2020, no. 2 (839), pp. 9–23. (In Russian)
19. Tokareva E.A. Today's "memory wars", or approaches to the interpretation of historical events in history, politics, and education. *Prepodavatel' XXI Vek*, 2021, no. 2, pt. 2, pp. 288–300. https://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-3-288-300. (In Russian)
20. Kondufor Yu.Yu. (Ed.) *Istoriya Ukrainskoi SSR* [A History of the Ukrainian SSR]. Vol. 1: Primitive communal structure and the birth of a class society. Kievan Rus' (up to the second half of the 13th century). Kyiv, Naukova Dumka, 1981. 496 p. (In Russian)
21. *Istoriografiya istorii Ukrainskoi SSR* [Historiography of the History of the Ukrainian SSR]. Khmel' I.S. (Ed.). Kyiv, Naukova Dumka, 1987. 557 p. (In Russian)
22. Kas'yanov G.V. *Ukraina i sosedi: istoricheskaya politika. 1987–2018* [Ukraine and Its Neighbors: A Historical Policy. 1987–2018]. Moscow, NLO, 2019. 282 p. (In Russian)
23. Shevchenko F.P. Why did Mykhailo Hrushevsky return to Soviet Ukraine? *Ukrains'kii Istorychnyi Zhurnal*, 1996, no. 11, pp. 13–30. (In Ukrainian)
24. Boiko I., Kiriliuk Y. Mykhailo Hrushevsky. Commemorative centennial of birth. *Literaturna Ukraina*, 1966, Sept. 30 (no. 77), pp. 3–4. (In Ukrainian)
25. Bilokin' S. Mykhailo Hrushevsky. *Literaturna Ukraina*, 1988, July 21 (no. 29 (4282)), p. 7. (In Ukrainian)
26. Smolii V., Hurzhii O. Heritage. *Vitchyzna*, 1989, no. 1, pp. 168–172. (In Ukrainian)
27. Shevchenko F.P., Smolii V.A. M.S. Hrushevsky. A brief sketch of his life and scientific activity. In: Hrushevsky M.S. *Ocherk istorii ukrainskogo naroda* [An Essay on the History of the Ukrainian People]. Kyiv, Lybid', 1990, pp. 345–365. (In Russian)
28. Smolii V.A., Sokhan' P.S. An outstanding historian of Ukraine. In: Hrushevsky M.S. *The History of Ukraine–Rus*. Vol. 1: Before the early the 11th century. Kyiv, Naukova Dumka, 1991, pp. X–XXXIX. (In Ukrainian)

29. Hrushevsky M.S. Great, Little and White Rus'. *Ukrains'kii Istorychnyi Zhurnal*, 1991, no. 2, pp. 77–85. (In Ukrainian)
30. Rychka V.M. Reconsidering the evolution of the name "Rus' " in the ethnopolitical history of Ukraine. *Ukrains'kii Istorychnyi Zhurnal*, 1991, no. 2, pp. 86–88. (In Ukrainian)
31. Tolochko P.P. Afterword. In: Hrushevsky M.S. *Essay on the History of the Kyiv Land from the Death of Yaroslav to the Late 14th Century*. Kyiv, Naukova Dumka, 1991, pp. 526–541. (In Ukrainian)
32. Kyian O.I. Life and work of V.B. Antonovich. *Ukrains'kii Istorychnyi Zhurnal*, 1991, no. 2, pp. 64–75. (In Ukrainian)
33. Kyian A.I. The history of Ukraine on the pages of Russian historical journals in the second half of the 19th and early 20th centuries. *Extended Abstract of Cand. Sci. (History) Diss*. Kyiv, 1991, 18 p. (In Russian)
34. "At the dawn of the modern historical era…": An interview with V. Smolii, the Editor-in-Chief of Ukrains'kii Istorychnyi Zhurnal (Ukrainian Historical Journal) and the Member of the National Academy of Sciences of Ukraine (recorded and prepared by O. Yas'). *Ukrains'kii Istorychnyi Zhurnal*, 2024, no. 6, pp. 5–19.

Информация об авторе

Пузанов Виктор Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Удмуртский государственный университет
E-mail: *vvpuzanov@gmail.com*
ORCID: https://orcid.org/0009-0000-0937-9545

Author Information

Viktor V. Puzanov, Dr. Sci. (History), Full Professor, Head of Department of Russian History, Udmurt State University
E-mail: *vvpuzanov@gmail.com*
ORCID: https://orcid.org/0009-0000-0937-9545

Поступила в редакцию 10.02.2025 Received February 10, 2025
Принята к публикации 10.04.2025 Accepted April 10, 2025

Оригинальная статья

УДК 930.2
https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.193-206

Дискуссия Н.И. Кареева и Л.З. Слонимского: антропологический разворот

Г.А. Щукин, Н.И. Недашковская✉

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

✉*n.nedashkovskaya@yandex.ru*

Аннотация

В статье рассмотрена журнальная полемика Н.И. Кареева и Л.З. Слонимского, развернувшаяся в 1883 г. на страницах российских журналов в связи с публикацией Н.И. Кареевым монографии «Основные вопросы философии истории» по подготовленной им к защите докторской диссертации. В названной работе были представлены оригинальные положения относительно иерархии наук, природы законов истории, формулы «прогресса». В настоящем исследовании раскрыты некоторые новые антропологические контексты полемической ситуации, значимые для реконструкции причин существенного расхождения ценностных представлений Н.И. Кареева и Л.З. Слонимского об устройстве исторического процесса и месте человека в нем. Сделан вывод о том, что по отношению к идее и теории нации как значимых теоретических составляющих идейных исканий интеллектуалов изучаемой эпохи публицист и историк не только базируются на принципиально различном личном опыте, аналитической и риторической традициях, но и находятся на разных уровнях метарефлексии, ставя перед собой и существенно различающиеся цели теоретизирования.

Ключевые слова: историография, Н.И. Кареев, Л.З. Слонимский, «Основные вопросы философии истории», полемика, дискурс, теория национализма

Для цитирования: *Щукин Г.А., Недашковская Н.И.* Дискуссия Н.И. Кареева и Л.З. Слонимского: антропологический разворот // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 2. С. 193–206. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.193-206.

Original article

https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.193-206

A debate between N.I. Kareev and L.Z. Slonimsky: The anthropological turn

G.A. Shchukin, N.I. Nedashkovskaya✉

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

✉*n.nedashkovskaya@yandex.ru*

Abstract

This article examines an intellectual debate between N.I. Kareev and L.Z. Slonimsky, which unfolded in Russian journals in 1883, following the publication of N.I. Kareev's monograph "Key Issues in the Philosophy of History" based on his doctoral dissertation, which introduced his original but controversial perspective of the hierarchy of sciences, the nature of the laws of history, and the "progress" formula. New, previously unexplored anthropological contexts of the polemical exchange between the two scholars are explored that help uncover the reasons behind the sharp differences in how they understood the structure of the historical process and the place of the human being in it. The results show that, with respect to the idea and theory of the nation perceived as the central theoretical components of intellectual pursuits at that time, N.I. Kareev and L.Z. Slonimsky's views reflect their fundamentally different personal experiences, as well as the alternative analytical and rhetorical traditions they accepted. Because they pursued different goals in their theorizing, their reasonings developed at different levels of meta-reflection.

Keywords: historiography, N.I. Kareev, L.Z. Slonimsky, "Key Issues in the Philosophy of History," controversy, discourse, theory of nationalism

For citation: Shchukin G.A., Nedashkovskaya N.I. A debate between N.I. Kareev and L.Z. Slonimsky: The anthropological turn. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. 2025, vol. 167, no. 2, pp. 193–206. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.193-206. (In Russian)

Введение. Наследию Н.И. Кареева посвящены многочисленные труды историографов науки и новейшие работы по интеллектуальной истории[1] [1]. Однако сами исследователи признают, что разгадка его концепции философии истории не только еще не реализована в

[1] *Репина Л.П.* Роль метафор в историческом синтезе Н.И. Кареева // Николай Иванович Кареев: жизненный путь и научное наследие в трансдисциплинарном контексте современного историознания: сборник статей и сообщений III Междунар. науч.-образоват. конф., Казань, 19–21 ноября 2020 года / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. Казань: К(П)ФУ, 2021. С. 231–236; *Мягков Г.П.* Он был «хозяином в любой области историографии»: эмпирическое и философско-историческое в творчестве Н.И. Кареева // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: материалы междунар. науч. конф., Москва, 12–14 ноября 2008 года / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 303–305; *Золотарев В.П.* «Быстрый труд»: к истории создания Н.И. Кареевым докторского исследования // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: материалы междунар. науч. конф., 12–14 ноября 2008 года / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 282–283; *Филимонов В.А.* «Основные вопросы философии истории» и «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» Н.И. Кареева в рецензиях отечественных исследователей // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: материалы междунар. науч. конф., 12–14 ноября 2008 года / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 286–288.

полной мере, но и требует пересборки оптики анализа и расширения контекстов, в которых рассматриваются высказывания историка[2].

В рамках настоящей статьи в качестве основного выбран антропологический ракурс историографического исследования, который позволяет сделать видимыми в их взаимодействии не только прямые контакты и влияния, но и опосредованные пересечения направлений и традиций мысли и таким образом представить текст историка как часть большого дискурса исторического мышления эпохи, а следовательно, и приблизиться к расшифровке самой «тайны антропологии науки» (Б. Латур) изучаемого периода. Важным для нас аспектом анализа является внимание к самоидентификации и автомоделированию картины мира[3], к практикам и самообъяснению участниками дискуссии, сам факт возникновения которой вскрывает для наблюдателя дискурс во всей его многослойности.

О предмете дискуссии Н.И. Кареева и Л.З. Слонимского. В 1883 г. на свет появились два тома «Основных вопросов философии истории» Н.И. Кареева (Кареев1, Кареев2). На момент публикации автор уже был признанным ученым: в 1879 г. он защитил магистерскую диссертацию по крестьянскому вопросу Франции последней четверти XVIII в. и его имя звучало наравне с именами П.Г. Виноградова, М.М. Ковалевского и И.В. Лучицкого, «"главных" представителей "русской исторической школы"» [4, с. 157]. Для ученых названной школы среди прочего было характерно «обращение к вопросам историографии», особенно ярко проявившееся именно в творчестве Н.И. Кареева, «вообще склонного к библиоисториографической работе» [4, с. 20].

Необходимо учитывать, что в целом за размышлениями Н.И. Кареева в рамках «основных вопросов философии истории» стоит долгая философская и научная традиция осмысления исторического процесса, представленная лучшими умами европейской и российской мысли. Прежде всего здесь следует вспомнить его учителей: Т.Н. Грановского, В.И. Герье – первых русских «всеобщников», глубоко погруженных в европейскую интеллектуальную традицию, представленную особенно ярко немецкой романтической мыслью.

Высоко оценивая своих учителей и их вклад в российскую науку (например, в отношении Т.Н. Грановского историк прямо заявляет, что последний «начинает у нас ряд русских ученых, которые стали самостоятельно заниматься историей европейского Запада» (Кареев3, с. 2)), Н.И. Кареев перенял у них взгляд на Россию как на «неотъемлемую часть европейской цивилизации» [5, с. 16]. Более того, он имел возможность лично соприкоснуться с европейскими идеями во время подготовки своей докторской диссертации. Так, согласно письмам Н.И. Кареева М.С. Корелину[4], первый обстоятельно работал с источниками, находящимися в Париже, Берлине и Варшаве.

Важно отметить, что Н.И. Кареев был активно вовлечен в интеллектуальное производство эпохи[5]. Так, в 1876 г. он опубликовал статью «Расы и национальности с психологи-

[2] В этом направлении отчасти действует В.А. Филимонов, рассматривая рецепцию Н.И. Кареевым античного культурного наследия [2; 3].

[3] Данный термин отличается многозначностью и используется в разных областях науки, поэтому оговорим, что в рамках настоящей статьи мы подразумеваем под ним индивидуальный «способ моделирования и интерпретации мира» [1, с. 58].

[4] *Золотарев В.П.* «Быстрый труд»: к истории создания Н.И. Кареевым докторского исследования // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: материалы междунар. науч. конф., 12–14 ноября 2008 года / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 283.

[5] *Золотарев В.П.* Об исследовательской лаборатории Н.И. Кареева (к постановке проблемы) // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. / Под общ. ред. В.Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ ун-т им. А.С. Пушкина, 2013. С. 267.

ческой точки зрения» (Кареев4), в которой критически осмыслял сформулированные на тот момент положения Э. Ренана[6], а во вступительной лекции «Формула прогресса» 1879 г. высказывал свои соображения в отношении исторического процесса и роли прогресса в нем. Публикуя «Основные вопросы философии истории», адресованные широкой публике, Н.И. Кареев намеревался решить сразу две задачи: получить критику, которая затем будет использована в дальнейшей работе над третьим томом, и одновременно представить обществу свое видение исторического процесса и отношение к нему, на что указывают его замечание относительно печати докторской диссертации: «…я видел в полемике средство для уяснения и популяризации своих историко-философских воззрений» (Кареев7, с. 1) – и следующее утверждение: «…особенностью научной лаборатории Кареева является то, что из нее выходили исследования, отвечавшие, как ныне говорят, на вызовы времени»[7].

«Крупнейшие русские ученые по истории европейских народов» всегда ориентировались на решение «русской “злобы дня”»[8], что было характерно в том числе и для штудий русской исторической школы, которые «стимулировались современными общественными дискуссиями вокруг перспектив российской модернизации и попыток найти решение насущных российских проблем через постижение европейского исторического опыта» [5, с. 24]. Сам Н.И. Кареев поясняет, что докторская диссертация, в которой он перешел от крестьянского вопроса к историософским исследованиям, была невольным откликом на «пропаганду и распространение у нас в последних годах прошлого столетия теории экономического материализма» (Кареев5, с. 251). В связи со всем вышесказанным мы можем заключить, что публикация «Основных вопросов философии истории» оказывалась не только общепринятой научной процедурой, но и политическим актом ученого, вступающего таким образом в публичную полемику с другими позициями.

Среди «около тридцати рецензий»[9] на опубликованный труд, на наш взгляд, выделяются рецензии за авторством Л.З. Слонимского, которые получили своеобразный отклик Н.И. Кареева: можно констатировать практически полное отсутствие диалога между спорящими сторонами. Всего обсуждение включает в себя пять публикаций, четыре из которых связаны с непосредственным спором историка и публициста, а пятая и последняя является обобщающим высказыванием Н.И. Кареева, в котором он подводит итоги своих дискуссий с критиками.

Границы и структура дискурса. Чтобы лучше понять особенность упомянутой дискуссии, необходимо охарактеризовать спорящие стороны. Взгляды Н.И. Кареева как в политическом, так и в научном поле можно определить как либерально-позитивистские. Известно, что ученый выступал за либерализацию публичной сферы: он ратовал за сни-

[6] *Недашковская Н.И.* История идеи нации: версия В.И. Герье // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ: материалы Всерос. науч. конф. / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 21.

[7] *Золотарев В.П.* Об исследовательской лаборатории Н.И. Кареева (к постановке проблемы) // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. / Под общ. ред. В.Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ ун-т им. А.С. Пушкина, 2013. С. 268.

[8] *Золотарев В.П.* Эссе Н.И. Кареева «О духе русской науки»: новое прочтение // Национальный/социальный характер археология идей и современное наследство: материалы Всерос. науч. конф. / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 277.

[9] *Филимонов В.А.* «Основные вопросы философии истории» и «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» Н.И. Кареева в рецензиях отечественных исследователей // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: материалы междунар. науч. конф., 12–14 ноября 2008 года / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 286.

жение государственного надзора за деятельностью университетов, отстаивая их исследовательскую и преподавательскую автономию (З. 342); выступал с критикой цензуры и устаревших административных порядков в царской России (см., например, [6]) и всячески приветствовал Временное правительство как знак перемен (Кареев6)[10]. Внешняя борьба за либерализацию была отражением идейных установок ученого, ярко проявившихся в его учении об историческом прогрессе: «Мы можем понятие прогресса разложить на пять понятий частных: прогресс умственный есть воспитание способности к духовным интересам и улучшение миросозерцания; прогресс нравственный есть воспитание способности действовать по убеждению и улучшение принципов этики; прогресс политический есть развитие свободы и улучшение государства; прогресс юридический есть развитие равенства и улучшение права; прогресс экономический есть развитие солидарности и улучшение способов совместного добывания средств к существованию» (Кареев2, с. 330). Косвенным доказательством либеральности его взглядов является и тот факт, что Л.З. Слонимский называет ценности, отстаиваемые Н.И. Кареевым, «истинно либеральными» (Слоним.1, с. 256) и высказывает им всяческое сочувствие, а у последнего не возникает никаких возражений против такого определения в последующих ответах.

Что касается научных взглядов ученого, то достаточно отметить характерные для него установку на поиск объективной исторической истины и работу с однозначными трактуемыми фактами, которыми оперирует наука. Сегодня такую позицию принято называть «классической рациональностью»: она характеризуется верой в познаваемость «истинного» устройства дел, приверженностью «рационализму» – то есть вере в разум как в адекватное средство познания окружающей реальности, субъектно-объектную дихотомию взаимодействия с миром. Можно спорить о степени комплексности понимания Н.И. Кареевым предмета исторической науки, склонности к междисциплинарности и научному синтезу теоретических систем, которые характерны, скорее, для «неклассической рациональности», однако в рамках настоящего исследования мы будем придерживаться все же указанного нами понимания. Примечательно, наконец, и то, что именно незадолго до защиты докторской диссертации ученый окончательно утверждается на «почве позитивизма» [8, с. 76], что позволяет нам более определенно трактовать его методологические установки.

Л.З. Слонимский, выпускник юридического факультета Киевского университета, на момент публикации Н.И. Кареевым «Основных вопросов философии истории» являлся известным публицистом, специализировавшимся на экономике и праве, и правоведом. С 1872 г. он активно печатался в столичных журналах, публикуя критические обзоры популярных экономических и социально-политических теорий.

Несмотря на отсутствие у Л.З. Слонимского степени и формальной принадлежности к научному цеху, его библиография отмечена объемными исследованиями, претендующими на научный анализ. Среди них следует выделить критический обзор «Капитала» К. Маркса (Слоним.2), само появление которого указывает на теоретические амбиции рецензента, а также «Взгляд на юридическое положение евреев в России и заграницей» (Слоним.3), посвященный социальной судьбе обозначенной группы в контексте ее правовой истории, где публицист констатирует отсутствие каких-либо объективных исторических причин для угнетенного положения евреев, в котором они находились в конце XIX – начале XX в.

[10] Проблема деятельности Н.И. Кареева как ученого в эпоху революции 1917 г. детально рассмотрена в исследовании Ю.С. Никифорова [7].

В начале 80-х годов XIX в. Л.З. Слонимский сотрудничал с «Вестником Европы». Ему были близки как либеральные ценности журнала (по замечанию В.А. Китаева, «к концу 60-х годов “Вестник Европы” вполне определился в своем либерализме» [9, с. 32]), которые он стремился соотнести с некоторыми социалистическими преобразованиями, так и активная борьба с народнической идеологией, развернутая А.Н. Пыпиным. Примечателен тот факт, что и свои рецензии на труд Н.И. Кареева Л.З. Слонимский публиковал в «Вестнике Европы» – это может указывать на то, что изначальный интерес к работе Н.И. Кареева был вызван включением последнего в сферу интересов и самого публициста, и журнала.

Что касается исследовательского подхода Л.З. Слонимского, то он преимущественно основывает свой анализ на тех же исходных предпосылках с опорой на «классическую рациональность», которые были характерны и для Н.И. Кареева. Мы имеем в виду установку на познаваемость «истинного» порядка, убежденность в адекватности рационального подхода для осуществления познавательной деятельности; ориентацию на сохранение объективной дистанции в отношении исследуемого объекта (то есть субъектно-объектной дихотомии). Вышесказанное позволяет оценивать подход Л.З. Слонимского к фактическому материалу, в том числе историческому, как позитивистский. Впрочем, так же как и в случае с Н.И. Кареевым, можно обнаружить и определенные установки, присущие «неклассической рациональности», наиболее характерной из которых является понимание относительности таких категорий, как «законы» (исторические и биологические) (Слоним.1, с. 265).

Следовательно, в контексте полемики названных авторов мы говорим об относительно неординарном казусе спора между оппонентами, которые на эксплицитном уровне придерживаются схожих идеологических установок как в отношении социально-политической, так и научной сферы. Следовательно, случай их «столкновения» требует более детального изучения, нежели простая констатация их тезисов в рамках полемики.

Дискурсивная борьба. Мы предлагаем трактовать дискуссию Н.И. Кареева и Л.З. Слонимского как дискурсивную борьбу[11]. Подобное прочтение обнаруживает сразу два новых акцента: во-первых, мы рассматриваем конкретную научно-публицистическую полемику не только в рамках ее самой, но в рамках всего общества, понимаемого как поле динамичных социальных и политических отношений. Этот пункт созвучен сделанному нами выше замечанию о том, что публикация «Основных вопросов философии истории» являлась для широкой публики в том числе политическим (или дискурсивным) действием[12].

Во-вторых, сама полемика при подобном прочтении видится не как фактический обмен тезисами между автономными инстанциями, но, напротив, является столкновением и отстаиванием собственной картины мира – предлагаемой как Н.И. Кареевым, так и Л.З. Слонимским. Поскольку под картиной мира мы понимаем «индивидуальный способ моделирования мира», то дискурсивная борьба, очевидно, захватывает не только высказан-

[11] В обозначенном вопросе мы опираемся на теорию дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф в интерпретации О. Байши. Согласно названной теории «все “социальное” (т. е. наделенное смыслом) следует понимать как “дискурсивное”, где “дискурс” является матрицей, на которой “действующие лица занимают различные позиции”. Дискурс, по теории Лаклау и Муфф, – это “реальная сила, способствующая формированию и становлению социальных отношений”». При таком прочтении дискурсивная борьба Н.И. Кареева и Л.З. Слонимского – это артикуляционные практики, цель которых – «установление доминирования одного значения посредством вытеснения других» [10, с. 14].

[12] Когда речь идет о дискурсивной борьбе, мы употребляем термины «политический» и «дискурсивный» как синонимы, подразумевая стремление к утверждению своих позиций над прочими.

ные Н.И. Кареевым в рамках «Основных вопросов философии истории» соображения, но и весь жизненный опыт авторов, в том числе те глубинные области их индивидуальной идентичности (религиозной, этнической и др.), которые чаще всего остаются не вовлеченными в поле историографического анализа.

Подытожим предварительные замечания: перед нами неординарный казус столкновения двух равноценно образованных и идеологически близких людей, которые акцентируют глубокое несогласие между собой. Несмотря на то, что обмен замечаниями растянулся на четыре публикации (две у Н.И. Кареева и две у Л.З. Слонимского), авторы оказались не в состоянии достичь продуктивного диалога и ограничились абстрактными или, наоборот, слишком мелкими замечаниями – можно сказать, что в целом диалога как такового не состоялось.

Представляется актуальным и продуктивным изучить ход и имплицитное содержание печатного «не-диалога», а также соотнести его с более широкими течениями общественной жизни России конца XIX в., поскольку понимание внутренних механизмов рассматриваемого спора расширяет видение истории интеллектуальной жизни в нескольких новых контекстах: культуры полемики конца XIX в., персональной идентичности интеллектуалов Н.И. Кареева и Л.З. Слонимского, а также жизни русского общества в целом.

При анализе всего массива рецензий, посвященных «Основным вопросам философии истории», В.А. Филимонов отметил, что «узловыми вопросами ученого спора стали: кареевская классификация наук и их деление на номологические и феноменологические, различие предмета исторической науки и социологии; соотношение субъекта и объекта (“субъективный метод”) и необходимость этической оценки в историческом исследовании (“законный субъективизм”), формула прогресса и историческая эволюция, законосообразность в истории и существование специфических исторических законов»[13]. И теперь, чтобы представить узловые точки несогласия сторон в рамках интересующего нас сюжета, необходимо обратиться к тезисам Н.И. Кареева и Л.З. Слонимского. Так, в самой дискуссии можно выделить три смысловых точки несогласия:

1) спор об иерархии наук;
2) спор о природе законов и законах в истории;
3) спор о формуле прогресса и телеологии в истории.

Н.И. Кареев отстаивает разделение наук на *номологические* и *идиографические* и предлагает расширение классификации за счет введения двух новых наук – историософии и философии истории. Задача первой – обнаружить и обосновать закономерности хода истории, поэтому ученый относит историософию к номологическим наукам. Философия истории как идиографическая наука, в свою очередь, представляется Н.И. Карееву как «изображение всемирной жизни человечества», примеры чего можно найти даже в древности, например в «грандиозной картине пророка Даниила» (Кареев1, с. 5).

Л.З. Слонимский же считает подобное разграничение изначально искусственным, относя упомянутое действие «к напрасным хлопотам о точном размежевании и раздроблении наук, связанных единством целей и содержания» (Слоним.1, с. 262). Бесплодна данная деятельность еще и потому, что для «обычных» историков так же характерны процедуры реф-

[13] *Филимонов В.А.* «Основные вопросы философии истории» и «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» Н.И. Кареева в рецензиях отечественных исследователей // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: материалы междунар. науч. конф., 12–14 ноября 2008 года / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 288.

лексии и обобщения материала, понятые в смысле не простой систематизации единичных фактов, а отыскания «в них пружины человеческих действий» (Слоним.1, с. 261).

В вопросе о существовании исторических законов у спорящих сторон наблюдается большая путаница: в последней своей рецензии Л.З. Слонимский подчеркивает противоположное отношение оппонентов к законам в истории, так как для него они есть, а для Н.И. Кареева – их нет (Слоним.4, с. 432). Между тем следует понимать, что отношение ученого к историческим законам более сложное, поскольку он лишь изымал из «ведения философии истории разработку философских исследований общих законов исторического процесса и передавал их социологии» [8, с. 39]. Для Л.З. Слонимского подобные уточнения не имеют смысла, поскольку, как мы выяснили ранее, он отвергает предложенную Н.И. Кареевым иерархию наук.

Обратимся к главной идее Н.И. Кареева, в которой он видит наибольшую ценность свой работы, – к формуле прогресса. Не признавая исторических законов, а также определенного плана, по которому может разворачиваться история (то есть телеологию истории), ученый тем не менее поставил себе задачу отыскать научно обоснованный[14] «смысл истории». Видит он его в планомерном разворачивании в мировой истории прогресса, который следует отличать от безоценочного развития, называемого «эволюцией».

Несмотря на сочувственное отношение к «истинно либеральным» ценностям ученого, Л.З. Слонимский выступает с жесткой критикой упомянутых тезисов. Главный контраргумент публициста состоит в избирательности фактического материала, его мозаичности и раздробленности. Н.И. Кареев выбирает его в исторических эпохах, порой опуская целые периоды, если они не подтверждают его точку зрения: «Целые народы и эпохи исключаются из круга материалов для обобщений историка; важнейшие условия политической жизни совершенно игнорируются, насколько они основаны на элементах силы, борьбы и произвола» (Слоним.1, с. 277). В стороне остается рассмотрение войн, особенно совсем недавних, и всевозможная модернизация средств для уничтожения людей, например, появление крупповских пушек. В итоге, заключает публицист, ученый строит свою формулу прогресса «как чистый метафизик» (Слоним.1, с. 279).

Примечателен тот факт, что рассматриваемая полемика не имела продолжения: стороны остались при своем мнении, Н.И. Кареев успешно защитил докторскую диссертацию и лишь вскользь упомянул Л.З. Слонимского в своей работе, подводящей итог дискуссии вокруг «Основных вопросов философии истории», отметив только резкость, с которой был склонен писать публицист, и вновь повторив уже звучавший в ответах тезис о непонимании рецензентом содержания работы по причине поверхностного ознакомления с нею (Кареев7, с. 3).

Мы, впрочем, считаем, что, хотя все вышесказанное и приблизило нас к пониманию полемики, этого недостаточно для того, чтобы составить более детальное представление, и следует контекстуализировать как саму дискуссию, так и дискутантов.

Профессор Н.И. Кареев, как справедливо отмечено в другой рецензии (П.К., с. 702), уже был человеком науки, обладающим авторитетом и статусом ученого в обществе. Однако мы предполагаем, что существует определенная дистанция между статусом в публичной и академической сферах: ранее мы заметили, что Н.И. Кареев, обнародовав свою работу, вынес ее обсуждение за рамки академического пространства (можно сказать, из академическо-

[14] А не философски спекулятивный. В вопросе значимости философии как самостоятельного инструмента построения теории исторического процесса Н.И. Кареев полемизировал, например, с В. Соловьевым [11, с. 10].

го дискурса, если под последним мы понимаем определенные социокультурные и речевые практики) в публичное поле, в котором сосуществуют различные критерии экспертности и авторитетности. Лучше всего приведенный тезис подтверждается тем фактом, что экспертная и авторитетная позиция ученого может оспариваться (и поддерживаться, как это было в случае с письмами недовольных студентов (Глин.)) теми, кто не имел бы голоса в рамках академического дискурса – публицистами, журналистами, студентами (Трн.) и т. п.

В подобных обстоятельствах работа ученого воспринимается как одна из возможных точек зрения. Предложенная читателю картина мира, претендующая на истинность, вступает в открытую конфронтацию с уже существующими, поскольку лишь одна из них может претендовать на статус «верной».

Исходя из вышесказанного, представляется продуктивным рассматривать работу Н.И. Кареева и полемику с Л.З. Слонимским как дискурсивную борьбу двух разных картин мира, находящихся в непримиримом противоречии по тем пунктам, которые будут раскрыты далее. Выбранная оптика позволяет политизировать высказывания Н.И. Кареева несмотря на то, что сам ученый старается отвечать исключительно на замечания, которые считает относящимися к содержанию работы, и не обращается в рамках ответных статей к теме политики.

В контексте своих рассуждений Н.И. Кареев касается двух второстепенных для него пунктов, которые, как мы полагаем, являются значимыми для понимания полемики.

Во-первых, речь идет о судьбе национальности «мелких этнографических групп» (Кареев8, с. 194), к которым ученый относит цыган и евреев. Хотя он отмечает собственные сожаления по этому поводу и надеется на бескровность процесса сокращения их самостоятельного присутствия в большой истории, он однозначно предрекает упомянутым народностям полное исчезновение вследствие их ассимиляции с другими большими народами: «…ибо маленькие этнографические группы, малочисленные и не имеющие замкнутой территории, неспособные образовать собственного государства, развить собственную литературу и т. д., самою судьбою обречены на погибель…» (Кареев2, с. 352). Л.З. Слонимский выступает с критикой данного тезиса и отмечает, что, если отбросить бесполезные в науке сантименты, Н.И. Кареев рассуждает как метафизик, ненаучно предрекающий неизбежную гибель таких этнических групп: «…это похвальное заявление [о неприемлемости замкнутости и враждебности наций] значительно ослабляется тою легкостью, с какой в нескольких словах решается участь мелких народностей… Откуда эта жестокость у теоретика прогресса, ставящего свой идеал в благе личностей “без всякого минуса”?» (Слоним.1, с. 278–279); «…бесцельные личные пожелания не имеют смысла в серьезном научном исследовании» (Слоним.4, с. 433).

Критические точки дискурса. Для понимания данного момента необходимо обратить внимание на следующий факт: Л.З. Слонимский сам был выходцем из еврейской семьи, который принял христианство в абсолютно сознательно возрасте – после окончания обучения в Киевском университете, в 22 года. Одной из причин крещения был брак с Фаиной Венгеровой, сестрой известной дореволюционной писательницы и литературного критика Зинаиды Венгеровой и историка литературы и библиографа Семена Венгерова, а другой – намерение перебраться в Санкт-Петербург на постоянное жительство. Заметим, что речь идет об эпохе сложившейся национальной политики Российской империи в отношении инородцев, когда существовала черта оседлости, за которой некрещеным евреям селиться не дозволялось (это почти вся центральная часть России с обеими столицами). На существование рефлексии в связи с проблемой принятия православия в частном пространстве

Л.З. Слонимского указывает смежная история семьи его жены: Паулина Венгерова, мать Фаины, писала в своих мемуарах: «Постепенно это страдание перестало быть для меня личной драмой. Оно все больше приобретало характер национального бедствия. Не только как мать, но и как еврейка я испытывала боль за весь еврейский народ, который терял столько благородных сил» [12, с. 337].

В связи с вышеизложенным представляется закономерным, что человек, который больше двадцати лет жил и формировался в еврейской культурной среде, а православие принял по практическим причинам ради развития карьеры, сохраняет хотя бы частичную связь со своей еврейской идентичностью и еврейским сообществом в России, разделяя все его невзгоды и трудности.

Становится ясно, почему заявление Н.И. Кареева о судьбе малых народностей оказывается для Л.З. Слонимского неприемлемым. Несмотря на то, что Н.И. Кареев был последовательным противником антисемитизма, что проявлялось даже в период его политической деятельности в партии кадетов[15], его «метафизическая» позиция в отношении неизбежной судьбы малых народностей, а в данном случае конкретно евреев, задевает «живую» персональную идентичность рецензента.

Кроме того, Л.З. Слонимский занимался изучением исторического положения евреев в России и констатировал необоснованность их угнетенного положения и всевозможных притеснений, опираясь на «рациональные» аргументы. Ученый же, очевидно, использует здесь романтическую идеологему «судьба “исторических” народов», которая активно разрабатывалась и реализовалась в рассматриваемый период в научной исторической и официально-политической риторике империи, и таким образом отходит от логики позитивизма (что характерно для многих позитивистов, обратившихся к вопросам теории национализма). При этом, находясь в конкретном историческом моменте, рецензент не учитывает, что нации – исторически сравнительно поздний феномен, и потому теория национализма, находящаяся на этапе дисциплинарного оформления, закономерно использует имеющийся/унаследованный идеологический аппарат и современные ей политические риторики в качестве аналога метаязыка.

Второй тезис касается войн и провоенных риторик. Л.З. Слонимский не обвиняет Н.И. Кареева в поддержке военных и империалистических настроений напрямую, однако уделяет большое внимание тому, что политики современной им эпохи склонны прибегать к квазинаучной риторике, обосновывая права своих стран на уничтожение или захват других. «Франко-прусская война 1870 г., – пишет публицист, – произошла отчасти потому, что в обоих государствах господствовало убеждение в исторической неизбежности борьбы» (Слоним.1, с. 255). Для Л.З. Слонимского этот вопрос является принципиальным, поскольку отстаивание либеральных ценностей состоит в том числе и в борьбе против «вредных заблуждений» захватнической политики и шовинизма (Слоним.1, с. 255).

В то же время в упомянутом вопросе есть определенная сложность: в отношении антивоенной позиции Н.И. Кареева Л.З. Слонимский высказался в заключительной рецензии лишь следующим образом: «Это все равно, как если б естествоиспытатель заявлял, что он – противник бурь и непогоды, что он не одобряет землетрясений и т. д.» (Слоним.4, с. 433). Чтобы понять логику и смысл данной фразы, необходимо сделать несколько замечаний.

[15] *Филимонов В.А.* Н.И. Кареев о «еврейском вопросе» в Западной Европе и в России // Николай Иванович Кареев: жизненный путь и научное наследие в трансдисциплинарном контексте современного историознания: сборник статей и сообщений III Междунар. науч.-образоват. конф. / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. Казань: К(П)ФУ, 2021. С. 201–208.

Несмотря на то, что Н.И. Кареев выступает против «замкнутости и враждебности наций», его формула прогресса подразумевает лишь постепенное преодоление «теории исторического круговращения Вико» (Кареев2, с. 341); приведенный тезис, в свою очередь, означает, что, «пока этот порядок [колебания прогрессивного развития] не изменится, колесо истории будет периодически выбрасывать неожиданные, но знакомые явления» (Кареев2, с. 341) и что «если для прогресса необходимо разделение общества на вождей и массу, на правящие и управляемые классы, то не сам прогресс, а условия, в которые он поставлен, грубость животной стороны человека превращают это разделение в культурный и социальный раскол…» (Кареев2, с. 341). Позволим себе заметить противоречивость позиции ученого, на которую между прочим указывает и рецензент: «…в разных местах сочинения он высказывает различные взгляды…» (Слоним.4, с. 432).

Таким образом, Н.И. Кареев выступает против войн и враждебности наций, но считает возможным установление контрпрогрессивных порядков, если в том есть необходимость прогресса. И, хотя ученый ни разу не говорит о войне в контексте подобных размышлений, можно констатировать глубокое сходство этих идей Н.И. Кареева с его взглядами на «еврейский вопрос». В связи с обозначенным фактом в ответ на слова ученого о его личном отношении к войне и звучит реплика Л.З. Слонимского, выдержанная в том же ключе, что и замечания по поводу судьбы малых народностей: пацифистски настроенный рецензент иронически оспаривает строгую концепцию «прогресса» Н.И. Кареева, которую считает «метафизической».

Анализ замечаний Л.З. Слонимского позволяет выявить «критические точки» столкновения. Там, где Н.И. Кареев стремится вести рассуждение на метауровне, привлекая обширную теоретическую и идеологическую терминологию, Л.З. Слонимский склонен говорить «по сути»: «Посвятив разбору сочинения г. Кареева особую статью… мы полагали, что такое наше внимание к “Основным вопросам философии истории” оправдывается прежде всего важностью тем, затронутых в этой книге; но, к сожалению, из небольшой заметки автора… мы должны были убедиться, что г. Кареев не понял ни мотивов, ни цели нашей статьи: он представил себе, будто нашей задачею могло быть только истолкование взглядов и рассуждений, заключающихся в его труде» (Слоним.4, с. 430).

В то время как Н.И. Кареев стремится выстроить четкую иерархию наук и сообразно с ее логикой и с опорой на имеющийся терминологический аппарат развивает свои идеи, рецензент считает такой подход навязыванием: «Г-н Кареев упорно навязывает нам свое воззрение на философию истории как “науку повествовательную”, хотя мы очень определенно высказались, что держимся совсем другого взгляда…» (Слоним.4, с. 432). Более того, Л.З. Слонимский считает упомянутый вопрос второстепенным относительно содержания предложенной концепции: «Наконец, пусть автор называет свою науку как ему угодно, пусть отнесет ее к категории наук теоретических или конкретных; – от этого не изменяется ведь достоинство ее содержания; а только это содержание и метод мы и разбирали при оценке труда г. Кареева» (Слоним.4, с. 432).

Заключение. Как видим, именно в отношении своего содержания «Основные вопросы философии истории» провоцируют не столько научное, сколько политическое несогласие рецензента, поскольку противоречат его личному опыту, исключают публициста из равного диалога и опосредованно легитимизируют ту дискурсивную ситуацию (антисемитизм и военные настроения), в которой он оказывается в угнетенном состоянии и против которой выступает.

Примечательно, что личная позиция Н.И. Кареева в отношении войн и «еврейского вопроса» однозначна, но стремление работы к метаописанию – привлечение богатого теоретического аппарата, вполне логичного для научного исследования методологического характера – иначе воспринимается за пределами академического дискурса. В рамках общественной дискуссии предложенная оптика является лишь одной из возможных, а потому подвержена критике не только с точки зрения ее соответствия истине в ее научном понимании, но и с отличных ценностных позиций.

Таким образом, ситуация глубокого непонимания и несогласия между идейно близкими авторами и неординарная критика «Основных вопросов философии истории» стали возможны потому, что Н.И. Кареев вынес свою работу в публичное поле, функционирующее по другим правилам и включающее текст в более широкие – культурные, социальные, политические – сферы, в которых он получает иное, порой абсолютно противоположное, прочтение. Очевидно также, что по отношению к идее и теории нации как значимой теоретической составляющей идейных исканий интеллектуалов изучаемой эпохи публицист и историк не только базируются на принципиально различном личном опыте, аналитической и риторической традициях (историческая школа Петербургского университета и юридическая школа Киевского университета), но и находятся на разных уровнях метарефлексии, имея в виду, вероятно, и существенно различные цели теоретизирования.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Источники

Кареев1 – *Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории: в 3 т. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Кº, 1883. Т. I. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса. 456 с.

Кареев2 – *Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории: в 3 т. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Кº, 1883. Т. II. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса. 400 с.

Кареев3 – *Кареев Н.И.* Историческое миросозерцание Грановского. Речь на торжественном акте Императорского С.-Петербургского университета 8 февраля 1896 г. // Годичный акт. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1895 год. СПб.: Типо-лит. Б.М. Вольфа, 1896. С. 1–72.

Кареев4 – *Кареев Н.И.* Расы и национальности с психологической точки зрения // Филологич. записки. 1876. Вып. II. С. 1–24

Кареев5 – *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 382 с.

З.342. – Записка о современном положении и нуждах русской школы (Записка 342) // Право. 1905. № 3. Стлб. 180–182.

Кареев6 – *Кареев Н.И.* «Россия больна…» // Вестн. городского самоуправления. СПб., 1917. 12 нояб.

Слоним.1 – *Слонимский Л.З.* Законы истории и социальный прогресс. По поводу сочинения Н.И. Кареева «Основные вопросы философии истории» // Вестн. Европы. Т. 6, № 11. 1883. С. 253–282.

Слоним.2 – *Слонимский Л.З.* Экономическое учение Карла Маркса. Изложение и критический разбор. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. VI + 211 с.

Слоним.3 – *Слонимский Л.З.* Взгляд на юридическое положение евреев в России и заграницей. (Историко-политический этюд) // Еврейская библиотека: историко-литературный сборник. 1878. Т. 6. СПб.: В тип. Вульфа. С. 135–159.

Слоним.4 – *Л.С.* [Слонимский Л.З.]. Еще об «Основных вопросах философии истории» г. Кареева // Вестн. Европы. 1884. № 1. С. 430–433.

Кареев7 – *Кареев Н.И.* Моим критикам. Защита книги «Основные вопросы философии истории». Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1884. IV + 84 с.

П.К. – *П.К.* [Конский П.А.] // Исторический вестник. 1902. № 2. С. 702–703.

Трн. – *Трнко А.О.* Ответ одного из учащейся молодежи на письма к ней г. Кареева о самообразовании. СПб.: Общественная польза, 1895. 24 с.

Глин. – *Глинский Б.Б.* Молодежь и ее руководители // Историч. вестн. 1895. Т. 62. С. 931–960.

Кареев8 – *Кареев Н.И.* Pro domo sua. Несколько слов по поводу статьи г. Слонимского // Русская мысль. 1883. № 12. Отд. II. С. 190–194.

Литература

1. *Абрамова Ю.С., Ларина Т.А.* К вопросу о «картине мира» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 11 (77): в 3 ч. Ч. 1. С. 55–59.
2. *Филимонов В.А.* Н.И. Кареев о рецепции античного культурного наследия в средние века и новое время // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 240–257.
3. *Филимонов В.А.* Н.И. Кареев: античность сквозь призму политики // Диалог со временем. 2007. Вып. 20. С. 337–352.
4. *Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. 298 с.
5. *Репина Л.П.* Идея всеобщей истории в России: от классики к неоклассике. М.: Гос. ун-т – Высшая школа экономики, 2009. 37 с.
6. *Мягков Г.П., Филимонов В.А.* Н.И. Кареев в 1899–1906 годы: «досуговый дискурс» историка // Учен. Зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2010. Т. 152, кн. 3. Ч. 1. С. 169–178.
7. *Никифоров Ю.С.* Великая российская революция 1917 г. и культура историка: размышления Н.И. Кареева // Яросл. пед. вестн. 2017. № 4. С. 332–336.
8. *Золотарев В.П.* Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция. Л.: Изд-во ЛГУ. 1988. 155 с.
9. *Китаев В.А.* XIX век: пути русской мысли. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2008. 355 с.
10. *Байша О.* Дискурсивный разлом социального поля: уроки Евромайдана. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 184 с.
11. *Сидорин В.В.* Вл.С. Соловьев и Н.И. Кареев: к творческой истории «Оправдания добра» // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 4(68). С. 8–19. https://doi.org/10.17588/2076-9210.2020.4.008-019
12. *Чикалова И.Р.* «Крещение моих детей было для меня самым тяжелым ударом»: сопротивление и эмансипация евреек на периферии Империи (на примере биографий Паулины и Зинаиды Венгеровых) // Диалог со временем. 2014. Вып. 48. С. 333–346.

References

1. Abramova Yu.S., Larina T.A. On the issue of the “worldview”. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, 2017, no. 11 (77), pt. 1, pp. 55–59. (In Russian)
2. Filimonov V.A. N.I. Kareev on the reception of the ancient cultural heritage in the Middle Ages and Modern Era. *Dialog so Vremenem*, 2012, no. 40, pp. 240–257. (In Russian)
3. Filimonov V.A. N.I. Kareev: Antiquity through the prism of politics. *Dialog so Vremenem*, 2007, no. 20, pp. 337–352. (In Russian)

4. Myagkov G.P. *Nauchnoe soobshchestvo v istoricheskoi nauke: opyt "russkoi istoricheskoi shkoly"* [Academic Community in Historical Science: "Russian Historical School"]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2000. 298 p. (In Russian)
5. Repina L.P. *Ideya vseobshchei istorii v Rossii: ot klassiki k neoklassike* [The Idea of Universal History in Russia: From Classics to Neoclassicism]. Moscow, Gos. Univ. – Vyssh. Shk. Ekon., 2009. 37 p. (In Russian)
6. Myagkov G.P., Filimonov V.A. Nikolay I. Kareev in 1899–1906: Historian's "leisure discourse". *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2010, vol. 152, no. 3, pt. 1, pp. 169–178. (In Russian)
7. Nikiforov Yu.S. The Russian Revolution of 1917 and the culture of a historian: N.I. Kareev's reflections. *Yaroslavskii Pedagogicheskii Vestnik*, 2017, no. 4, pp. 332–336. (In Russian)
8. Zolotarev V.P. *Istoricheskaya kontseptsiya N.I. Kareeva: soderzhanie i evolyutsiya* [N.I. Kareev's Historical Concept: Content and Evolution]. Leningrad, Izd. LGU, 1988. 155 p. (In Russian)
9. Kitaev V.A. *XIX vek: puti russkoi mysli* [19th Century: Paths of Russian Thought]. Nizhny Novgorod, Izd. Nizhegorod. Gos. Univ., 2008. 355 p. (In Russian)
10. Baysha O. *Diskursivnyi razlom sotsial'nogo polya: uroki Evromaidana* [Discursive Rift of the Social Field: Lessons from Euromaidan]. Moscow, Izd. Dom VShE, 2021. 184 p. (In Russian)
11. Sidorin V.V. V.S. Solovyov and N.I. Kareev: A creative history of "The Justification of the Good". *Solov'evskie Issledovaniya*, 2020. no. 4(68), pp. 8–19. (In Russian)
12. Chikalova I.R. "The baptism of my children was the hardest blow for me": Resistance and emancipation of Jews on the periphery of the Empire (the case of Paulina and Zinaida Vengerov). *Dialog so Vremenem*, 2014, no. 48, pp. 333–346. (In Russian)

Информация об авторах

Григорий Алексеевич Щукин, магистрант кафедры теории и истории гуманитарного знания, Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: *tiranovez11@yandex.ru*
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0107-4138

Надежда Игоревна Недашковская, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания, Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: *N.Nedashkovskaya@yandex.ru*
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1757-6287

Author Information

Grigory A. Shchukin, Master's Student, Department of Theory and History of Humanitarian Knowledge, Russian State University for the Humanities
E-mail: *tiranovez11@yandex.ru*
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0107-4138

Nadezhda I. Nedashkovskaya, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Theory and History of Humanitarian Knowledge, Russian State University for the Humanities
E-mail: *N.Nedashkovskaya@yandex.ru*
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1757-6287

Поступила в редакцию 10.02.2025 Received February 10, 2025
Принята к публикации 10.04.2025 Accepted April 10, 2025

Оригинальная статья

УДК 93/94+930+929
https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.207-215

«Других новостей у меня нет…»: письмо историка Н.И. Радцига Н.И. Карееву (1931 г.)

В.В. Слискова

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия

vvaleriesss@gmail.com

Аннотация

В настоящей статье в научный оборот вводится письмо, полученное Н.И. Кареевым от коллеги, историка-новиста Н.И. Радцига в январе 1931 г. Отмечается, что данное письмо, сохранившееся в личном фонде Н.И. Кареева в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), стало последним в переписке ученых. Н.И. Кареев и Н.И. Радциг поддерживали общение на протяжении длительного времени, оба являлись выпускниками Московского университета и учениками выдающегося историка В.И. Герье. Кроме того, важное место в научных работах Н.И. Кареева и Н.И. Радцига занимала история Франции, ставшая точкой пересечения их исследовательских интересов. Однако помимо профессиональной коммуникации ученые также поддерживали личное общение, о чем свидетельствуют документы личного фонда Н.И. Кареева: записные книжки историка и материалы переписки.

Ключевые слова: Н.И. Радциг, Н.И. Кареев, переписка, история науки, 1931 г.

Для цитирования: *Слискова В.В.* «Других новостей у меня нет…»: письмо историка Н.И. Радцига Н.И. Карееву (1931 г.) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 2. С. 207–215. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.207-215.

Original article

https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.207-215

“I have no other news to share for now…”: A letter from historian N.I. Radtsig to N.I. Kareev (1931)

V.V. Sliskova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

vvaleriesss@gmail.com

Abstract

A previously unpublished letter sent in January 1931 by N.I. Radtsig, a historian of the modern era, to N.I. Kareev, his colleague, is introduced into academic discourse and analyzed. Found in N.I. Kareev’s collection at the Manuscripts Department of the Russian State Library, this letter is the last known contact between the two scholars who studied at Moscow University under V.I. Guerrier, one of the greatest historians of his time, and maintained a long correspondence thereafter. They did not only discuss the history of France, in which they were both interested, but also developed a friendly relationship, as evidenced by N.I. Kareev’s notebooks, where he recorded all his visits and the correspondence he received or sent in 1920–1930, as well as by several letters from N.I. Radtsig, including the last one, that were written in 1925, 1930, and 1931.

Keywords: N.I. Radtsig, N.I. Kareev, correspondence, history of science, 1931

For citation: Sliskova V.V. “I have no other news to share for now…”: A letter from historian N.I. Radtsig to N.I. Kareev (1931). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 2, pp. 207–215. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.207-215. (In Russian)

Введение. В январе 1931 г. к Николаю Ивановичу Карееву (1850–1931), историку, одному из главных специалистов по истории Франции, обратился в письме историк-новист, профессор Московской государственной консерватории и Тверского педагогического института Николай Иванович Радциг1 (1881–1957). Ученые были знакомы и поддерживали общение на протяжении длительного времени. Н.И. Радциг, так же как и Н.И. Кареев, являлся выпускником Московского государственного университета и учеником выдающегося историка Владимира Ивановича Герье (1837–1919)2, под руководством которого работал над диссертацией по истории Франции середины XIV в. [1, с. 301]. Среди основных исследовательских сюжетов научной работы ученого были история Франции, Реформация и колониальная

[1] *Воробьева И.Г.* Н.И. Радциг – первый профессор-историк Тверского пединститута // Современные тенденции развития мировой, национальной и региональной индустрии гостеприимства: сб. статей участников IV международной научно-практической конференции. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2015. С. 9–10.

[2] Герье Владимир Иванович (1837–1919) – историк, специалист по истории Великой французской революции, католической церкви и вопросам образования, профессор Московского государственного университета, организатор и руководитель Высших женских курсов в Москве в 1872–1905 гг.

политика XVI–XVIII вв. В своей последней статье, написанной для французского издания “Revue d’histoire moderne” [2, с. 374–380], Н.И. Кареев отметил работу Н.И. Радцига 1913 г. «Общественное движение во Франции в 1355–1358 гг.» (“Le mouvement social en France en 1355–1358”) [3] в числе наиболее значимых для французской историографии публикаций за авторством отечественных специалистов [4, с. 373]. Как указано в работе И.Г. Воробьевой, Н.И. Радциг не имел возможности отправиться в заграничную командировку для работы с документами в архивах Франции, но данное обстоятельство не помешало написанию текста [1, с. 301], что подтвердил в своей обзорной статье Николай Иванович [4].

Однако об общении ученых свидетельствовали не только публикации. Так, в записных книжках Н.И. Кареева, представленных в его личном фонде в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ (НИОР РГБ. Ф. 199), с достаточной регулярностью встречаются упоминания о встречах и переписке с Н.И. Радцигом: «4 октября 1926 г. …[Н.И.] Радцига» [5, с. 303], «27 февраля 1927 г. …Открытки …[Н.И.] Радцигу» [5, с. 313], «11 апреля 1927 г. Заказное письмо …[Н.И.] Радцигу» [5, с. 314], «14 августа 1928 г. Был [Н.И.] Радциг» [5, с. 357], «30 августа 1929 г. У [Н.И.] Радцига» [5, с. 388], «26 декабря 1929 г. Открытка … [Н.И.] Радцигу (с оплаченным ответом)» [5, с. 398] и др. Кроме того, в фонде Н.И. Кареева сохранились письма, написанные Н.И. Радцигом в 1925–1930 гг., в которых ученый поздравлял коллегу с юбилеями, делился идеями относительно будущих работ, накопленных материалах по той или иной теме, ожидавших «своего часа», а также сообщал о стесненных обстоятельствах, препятствующих научной работе (I, л. 1; II, л. 3). Публикуемое письмо стало последним и было получено Н.И. Кареевым 14 января 1931 г., незадолго до его смерти.

Последнее письмо Н.И. Радцига Н.И. Карееву. В письме Н.И. Карееву Н.И. Радциг писал о нескольких сюжетах: о публикации франкоязычной рецензии на свою работу во французском издании, о «книжных новинках», о новостях «круга историков» и ликвидации Жилищной комиссии Центральной комиссии по улучшению быта ученых[3] (далее – ЦеКУБУ) в начале 1931 г. Письмо начиналось рассказом Н.И. Радцига о публикации рецензии на его работу 1929 г. «Страница из истории французского империализма XVIII в. Дюпле в Индии (1722–1754)» [6], посвященную губернатору французских колоний Жозефу Франсуа Дюпле (1697–1763). Рецензия была напечатана в 1930 г. во французском научном журнале “Revue de l’histoire des colonies françaises”, издававшемся с 1913 г. Обществом истории французских колоний (Société de l’histoire des colonies françaises). Автором рецензии выступил французский историк И.М.М. Трамон (1882–1935), о чем сообщил в письме Н.И. Радциг: «В последнем номере за минувший год в журнале “Revue de l’histoire des colonies françaises” появилась рецензия на моего Дюпле большого специалиста по колониальной и морской истории Франции Иоаннеса Трамона» (III, л. 1). Несмотря на то, что новость о выходе рецензии была для Н.И. Радцига приятной, публикацию сопровождал ряд «курьезов». Так, например, были перепутаны инициалы ученого, а также его аффилиация – на тот момент Николай Иванович работал в Московской государственной консерватории, Тверском и Ярославском (до 1930 г.[4]) педагогических институтах [1, с. 304]: «Мое имя оказалось не N.I., а N.J., потом я оказался профессором в Херсоне» (III, л. 1).

[3] Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦеКУБУ) – исполнительный орган советской власти, занимавшийся учетом и регистрацией, социально-бытовым обеспечением работников науки и деятелей искусства в 1921–1931 гг. (см. *Долгова Е.А.* Центральная комиссия по улучшению быта ученых // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/tsentral-naia-komissiia-po-uluchsheniiu-byta-uchionykh-80f970, свободный).

[4] В 1930 г. Н.И. Радциг был уволен из Ярославского педагогического института за чтение антимарксистского курса.

Также Н.И. Радциг упомянул и несколько положительных моментов, отмеченных рецензентом: сходство исторического портрета Ж.Ф. Дюпле, созданного советским ученым, с характеристикой, данной ему французским историком А. Мартино (1859–1945), и высокую оценку выводов исследования, однако в то же время Николай Иванович указал на замечание, сделанное рецензентом относительно его приверженности историческому детерминизму. Ввиду трудностей с выявлением в архиве издания “Revue de l’histoire des colonies françaises” оригинального текста рецензии единственным источником, сообщающим сведения о данной работе, остается цитируемое письмо.

Следующим, но не менее важным сюжетом, о котором Н.И. Радциг писал Н.И. Карееву в начале 1931 г., стала ликвидация Жилищной секции ЦеКУБУ. Данное событие было упомянуто ученым в контексте решения его жилищного вопроса: «…очень озабочен судьбой своей дополнительной комнаты» (III, л. 2). Отметим, что стесненность условий проживания была отмечена Николаем Ивановичем в письме от 2 ноября 1930 г.: «Писал я ее [статью] во время квартирных неприятностей, о которых в прежнее время никто из нас не знал …был стеснен малым размером отведенного мне места» (II, л. 3). Как указывал Н.И. Радциг, прошение о выделении ему дополнительной комнаты было направлено на рассмотрение в Моссекцию научных работников в связи с ликвидацией Жилищной комиссии ЦеКУБУ. Следует отметить, что ЦеКУБУ была учреждена в 1921 г. как временный орган при СНК РСФСР, задачей которого являлось улучшение материального положения научных работников и деятелей искусства после окончания Гражданской войны и периода «военного коммунизма»[5] [7, с. 22–23]. В ее ведение также входило решение вопросов, связанных с улучшением жилищных условий научных работников и деятелей искусства [8, с. 141; 9, с. 101–103]. Однако, несмотря на временный статус, ЦеКУБУ продолжила работать до конца 20-х годов XX в., пока не была ликвидирована и заменена Комиссией содействия ученым в 1931 г. Именно на данный период пришлось рассмотрение вопроса о выделении Н.И. Радцигу дополнительной комнаты.

Кроме того, в своем письме ученый сообщил, что передача дел по его вопросу в Моссекцию[6] научных работников совпала с выселением Комиссии содействия ученым из занимаемого ей помещения, что создало дополнительные трудности: «Выселение производилось силами милиции, причем все пожитки секции выносились прямо на лестницу и складывались в кучу. Вообразите, какой из всего этого выйдет хаос» (III, л. 2). Проблема жилплощади в указанный период являлась для Н.И. Радцига ключевой, поскольку после увольнения в 1930 г. из Ярославского педагогического института он вернулся в Москву, где работал по совместительству в Московской государственной консерватории [1, с. 305]. Данное обстоятельство объясняет сетование ученого относительно задержки с разрешением жилищного вопроса, высказанное им в письме Н.И. Карееву: «Этот инцидент лучше всего показывает, как относятся у нас к союзу просветленцев и вообще к просвещению. Всему этому было бы трудно поверить, если бы все это не происходило на глазах сторонних очевидцев» (III, л. 3). К сожалению, ввиду того, что личный фонд Н.И. Радцига не был передан на архивное хранение, выявить дополнительные детали по изложенному в письме сюжету не представляется возможным. Также не сохрани-

[5] *Долгова Е.А.* Центральная комиссия по улучшению быта ученых. URL: https://bigenc.ru/c/tsentral-naia-komissiia-po-uluchsheniiu-byta-uchionykh-80f970, свободный.

[6] Московская секция научных работников – московское отделение Секции научных работников (СНР), учрежденной в начале 20-х годов XX в. в качестве профессионального объединения ученых, в ведение которого входили решение вопросов материального обеспечения научных работников, систематизация данных об оплате труда, организационные вопросы. В своей деятельности СНР взаимодействовала с ЦеКУБУ и Главным управлением научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнаукой) (см. [10]).

лось других писем ученого за указанный период и в личном фонде Н.И. Кареева. Тем не менее письмо от 14 января 1931 г. хотя и фрагментированно, но реконструирует один из ключевых эпизодов в биографии Н.И. Радцига начала 30-х годов XX в.

Заключительная часть письма Н.И. Карееву посвящена обзору «книжных новинок». В первую очередь Н.И. Радциг упомянул два тома воспоминаний Р.Н.Л. Пуанкаре (1860–1934), добавив, что краткое резюме на них было опубликовано во французском иллюстрированном издании "Illustration". Далее ученый сообщил о публикации двух томов воспоминаний немецкого государственного деятеля Б. фон Бюлова [11], в которых наибольший интерес вызвал у него рассказ о деле А. Дрейфуса (1859–1935): «Что в них для меня было наиболее интересно, это рассказ о деле Дрейфуса. Теперь окончательно решен вопрос о его невиновности» (III, л. 3). Завершается письмо сообщением об аресте коллеги Н.И. Радцига по Ярославскому педагогическому институту – историка В.Н. Бочкарева (1880–1967). Подобно Н.И. Радцигу, В.Н. Бочкарев обвинялся в антимарксистской позиции, за что был арестован и осужден в 1931 г. на три года ссылки [12, с. 138]. Рассказывая Н.И. Карееву об аресте В.Н. Бочкарева, Н.И. Радциг, избегая открытых формулировок, писал об отправке историка «на дачу»: «Круг историков, отправляемых на дачу, увеличился – в конце декабря в Ярославле взят и препровожден в Иваново-Вознесенск [Валентин Николаевич] Бочкарев. В чем тут дело, не знаю. Ужасно во всем этом то, что он почти слепой» (III, л. 4). Не указывая причину ареста, Н.И. Радциг отметил, что все предъявленные его коллеге обвинения являлись безосновательными по следующей причине: «Про него я хорошо знаю, что он вполне стал на советскую платформу и всегда был самым просоветским марксистом» (III, л. 4). Данной новостью Н.И. Радциг подвел итог своему сообщению. Из записной книжки Н.И. Кареева известно, что 18 января 1931 г. им было направлено ответное письмо [5, с. 410], однако восстановить его содержание не представляется возможным ввиду отсутствия в фонде ученого чернового текста послания и утраты материалов переписки самого Н.И. Радцига [1, с. 299]. Таким образом, выявленное в личном фонде Н.И. Кареева письмо Н.И. Радцига стало единственным источником, на основании которого стало возможно реконструировать, хотя и частично, последние сюжеты коммуникации ученых.

Публикуемый источник является подлинной рукописью. Документ печатается в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации; фрагменты, написанные автором на иностранных языках, выделены курсивом, а восстановленные публикатором – приведены в квадратных скобках. Сведения об упоминаемых в источнике лицах даны в подстрочном примечании.

Письмо Н.И. Радцига Н.И. Карееву. 14 января 1931 г.

14 янв[аря] [19]31 г.

Многоуважаемый и дорогой Николай Иванович!

Письмо Ваше и поздравление я получил. Очень рад за Вас, что Вы храните бодрость орла и пребываете в добром здравии. В настоящее время хорошо, если и это есть. Я могу сообщить Вам приятную для меня новость. В последнем номере за минувший год в журнале *"Revue de l'histoire des colonies françaises"*[7] появилась рецензия на моего [Жозефа Фран-

[7] *Revue de l'histoire des colonies françaises* – французский научный журнал Общества истории французских колоний (*Société de l'histoire des colonies françaises*, 1912), издававшийся с 1913 г. См.: *Rivallain J.* La Société française d'histoire d'Outre-mer // 20&21 Revue d'histoire. 2004. No 83 (Jul. – Sep.). P. 198–200. Точную ссылку на публикацию рецензии выявить не удалось.

суа] Дюпле[8] большого специалиста по колониальной и морской истории Франции Иоанна Трампона[9]. Рецензия занимает 1 ¼ страницы. Дело не обошлось без курьезов. Мое имя оказалось не N.I., а N.J., потом я оказался профессором в Херсоне (sic.[10]). Дальше все идет благополучно. Рецензент верно думает, что задача моей работы осветить перед широкой публикой современное состояние Франции его времени. Затем находит совершенно естественным, что я даю облик Дюпле близко подходящим к его характеристике у [Альфреда] Мартино[11]. Наконец, повторяет все мои главные выводы, находя их *“particulièrement précieuses”*[12]. В заключение делает косой взгляд в сторону историч[еского] детерминизма, в чем, как Вы знаете, Ваш покорнейший слуга совсем не грешен, но которого он, очевидно, как всякого советского историка, считает им зараженным.

Далее, скажу о себе, что очень озабочен судьбой своей дополнительной[13] комнаты. Жилищная секция ЦеКУБУ закрыта с 1 янв[аря]. Ее дела переданы в Моссекцию научных работников. Передача этих дел совпала с выселением Секции из занимаемого ею помещения. Выселение производилось силами милиции, причем все пожитки секции выносились прямо на лестницу и складывались в кучу. Вообразите, какой из всего этого выйдет хаос. Этот инцидент лучше всего показывает, как относятся у нас к союзу просветленцев[14] и вообще к просвещению. Всему этому было бы трудно поверить, если бы все это не происходило на глазах сторонних очевидцев.

Из книжных новинок последнего времени могу назвать сразу вышедшие два тома воспоминаний Пуанкаре[15]: 7.VI – *Les tranchées. 1915*[16] и 7.VII *La guerre des sièges. 1915*[17]. О них можете краткое резюме прочесть в “Illustration”[18]. Кроме того, не знаю, писал ли я Вам по-немецки и по-французски воспоминания Бюлова[19]. Вышли пока два тома, доведенные до мировой войны. Что в них для меня было наиболее интересно, это рассказ о деле Дрейфуса[20]. Теперь окончательно решен вопрос о его невиновности. Бюлов рассказывает,

[8] Дюпле (Дюплекс), Жозеф Франсуа (*Dupleix, Joseph-François,* 1697–1763) – французский колониальный деятель, с 1730 г. – губернатор французской колонии Шандернагор в Индии, с 1742 г. – генерал-губернатор всех французских владений в Индии с центром в Пондишери (см. *Алаев Л.Б.* Дюплекс Жозеф Франсуа. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/1972788, свободный). Имеется в виду работа [6].

[9] Так в тексте. Трамон Иоаннес Марсьяль Мари (*Tramond, Joannès Martial Marie,* 1882–1935) – французский историк, специалист по морской истории.

[10] Пометка автора.

[11] Вероятно, имеется в виду многотомная работа французского историка и администратора французских колоний Альфреда Мартино (*Alfred Martineau,* 1859–1945) “Dupleix et l’Inde française. 1749–1754”, издававшаяся на протяжении нескольких лет в 20-х годах XX в.

[12] Так в тексте. Перевод с французского: «особенно ценными».

[13] Здесь и далее – подчеркивание синим карандашом.

[14] Так в тексте.

[15] Пуанкаре Раймон Николя Ландри (*Poincaré, Raymond Nicolas Landry, 1860–1934*) – французский государственный деятель, премьер-министр и десятый президент Франции (1913–1920).

[16] Имеется в виду работа: *Poincaré R.* Au service de la France: neuf années de souvenirs. VI, Les tranchées, 1915.

[17] Имеется в виду работа: *Poincaré R.* Au service de la France: neuf années de souvenirs. VII, Guerre de siège, 1915.

[18] *Illustration* – первое французское иллюстративное издание, издававшееся с 1843 г. (см. Illustration. URL: https://www.lillustration.com/, свободный).

[19] Фамилия указана неразборчиво. Вероятно, имеется в виду немецкий государственный деятель Бернгард фон Бюлов (1849–1929).

[20] Дело Дрейфуса (*Affaire Dreyfus*) – затяжной политический скандал во Франции период конца XIX – начала XX в., спровоцированный судебным преследованием капитана генерального штаба, еврея по происхождению, Альфреда Дрейфуса (*Alfred Dreyfus,* 1859–1935), ложно обвиненного в шпионаже в пользу Германии и приговоренного военным судом в 1894 г. к пожизненной каторге.

что он в свое время заявлял в газетах, что немецкая разведка с Дрейфусом никаких сношений не имела. Этому во Франции не поверят, но сказать больше ни Бюлов, ни нем[ецкий] агент Шварцк[нрзб][21] не могли, чтобы не компрометировать свою страну. И оба они с горестью в сердце сознавали, что на каторгу идет невинный…

Круг историков, отправляемых на дачу, увеличился – в конце декабря в Ярославле взят и препровожден в Иваново-Вознесенск [Валентин Николаевич] Бочкарев[22]. В чем тут дело, не знаю. Ужасно во всем этом то, что он почти слепой. Про него я хорошо знаю, что он вполне стал на советскую платформу и всегда был самым просоветским марксистом. Др[угих] новостей у меня нет, почему пожеланием Вам доброго здоровья, спокойствия я и закончу свое послание.

Ваш N.R.[23]

Мои старушки благодарят Вас за поклон и просят передать Вам свои пожелания.

НИОР РГБ. Ф. 119. П. 6. Д. 193. Л. 1–4. Подлинник.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

I – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 119. П. 4. Д. 29: Письмо Н.И. Радцига. 5 декабря 1925 г. 1 л.

II – НИОР РГБ. Ф. 119. П. 10. Д. 126–127: Письмо Н.И. Радцига. 2 ноября 1930 г. Л. 1–3.

III – НИОР РГБ. Ф. 119. П. 6. Д. 193: Письмо Н.И. Радцига Н.И. Карееву. 14 января 1931 г. Л. 1–4.

Литература

1. *Воробьева И.Г.* Профессор Н.И. Радциг в письмах к С.И. Архангельскому // Диалог со временем. 2012. № 40. С. 298–316.
2. *Слискова В.В.* «Нам известен Ваш уровень компетенции в историографии»: письма Анри Сэ Н.И. Карееву в 1930–1931 гг. // Диалог со временем. 2021. № 77. С. 374–380. URL: https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.027.
3. *Радциг Н.И.* Общественное движение во Франции в 1355–1358 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. № 5–8.
4. *Karéiev N.* Les études sur l'histoire de France depuis vingt ans (1911–1931) [Работы по истории Франции, изданные в России за последние двадцать лет] // Revue d'histoire moderne. 1931. T. 6, No 35 (sept. – oct.). P. 369–389.
5. Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг.: исследования и материалы / Авт.-сост. Е.А. Долгова. М.: РОССПЭН, 2015. 511 с.
6. *Радциг Н.И.* Страница из истории французского империализма XVIII в.: Дюпле в Индии. 1722–1754. Ярославль: Яросл. педагогич. ин-т, 1929 (Ярполиграфтрест. Октябрьская т.-л.). 149 с. (Труды Ярославского педагогического института; Т. 4, вып. 1).
7. *Петаченко Г.А.* Проблема жилищных прав научных работников РСФСР в 1920-х гг. // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. Сер. 3. 2010. № 1. С. 22–25.

[21] Фамилия указана неразборчиво, установить личность не удалось.

[22] Бочкарев Валентин Николаевич (1880–1967) – российский и советский историк, автор работ по отечественной истории.

[23] Инициалы Николая Ивановича Радцига.

8. *Долгова Е.А.* Квартирный вопрос для научных работников: от дома-коммуны к жилищному кооперативу // Изв. УрФУ. Сер. 2: Гуманит. науки. 2021. Т. 23, № 4. С. 139–158. https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.4.071.
9. *Долгова Е.*А. «ЦЕКУБУ играет до сих пор значительную роль в деле материально-бытового обслуживания научных работников. Вместе с тем...». Дискуссия о ЦЕКУБУ в 1929–1931 гг. // Исторический архив. 2022. № 1. С. 102–132.
10. *Петаченко Г.А.* Профессиональные объединения научных работников в советской России (1918–1928 гг.) // «Вышэйшая школа»: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. 2016. № 4. С. 36–39.
11. *Бюлов Б.* Воспоминания / Пер. с нем.; под ред. и с пред. В.М. Хвостова. М.–Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. 562 с.
12. *Ермаков А.М.* Разгром преподавательских кадров Ярославского пединститута в начале 1930-х гг. и его последствия // Ярослав. педагогич. вестн. 2001. № 3-4. С. 135–143.

References

1. Vorobieva I.G. Professor N.I. Radtsig and his letters to S.I. Archangelsky. *Dialog so Vremenem*, 2012, no. 40, pp. 298–316. (In Russian)
2. Sliskova V.V. “We are familiar with your level of competence in historiography”: The correspondence from Henri See to Nikolay Kareev in 1930–1931. *Dialog so Vremenem*, 2021, no. 77, pp. 374–380. https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.027. (In Russian)
3. Radtsig N.I. The social movement in France in 1355–1358. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*, 1913, nos. 5–8. (In Russian)
4. Karéiev N. Les études sur l’histoire de France en Russie depuis vingt ans (1911–1931) (1). *Revue d’histoire moderne*. Paris, 1931, t. 6, no. 35 (Sept.–Oct.), pp. 369–389. (In French)
5. Dolgova E.A. *Uchenyi v epokhu peremen: N.I. Kareev v 1914–1931 gg.: issledovaniya i materialy* [The Scholar in the Era of Change: N.I. Kareev in 1914–1931: Studies and Materials]. Moscow, ROSSPEN, 2015. 511 p. (In Russian)
6. Radtsig N.I. *Stranitsa iz istorii frantsuzskogo imperializma XVIII v.: Dyuple v Indii. 1722–1754* [A Chapter from the History of French Imperialism in the 18th Century: Dupleix in India. 1722–1754]. Yaroslavl, Yarosl. Padagog. Inst., 1929 (Yarpoligraftrest, Oktyabr’skaya T.-L.). 149 p. *Trudy Yaroslavskogo Pedagogicheskogo Instituta* [Transactions of Yaroslavl State Pedagogical University], vol. 4, no. 1. (In Russian)
7. Petachenko G.A. The housing rights of the RSFSR scholars during the 1920s. *Vesnik Belaruskaga Dzyarzhaynaga Universiteta. Seriya 3*, 2010, no. 1, pp. 22–25. (In Russian)
8. Dolgova E.A. The housing question for scholars: From communal to cooperative living. *Izvestiya UrFU. Seriya 2: Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 23, no. 4, pp. 139–158. https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.4.071. (In Russian)
9. Dolgova E.A. “The Central Commission for the Welfare of Scholars is still important for providing the material and household support to scholars. At the same time...”: Debating the role of the Central Commission for the Welfare of Scholars in 1929–1931. *Istoricheskii Arhiv*, 2022, no. 1, pp. 102–132. (In Russian)
10. Petachenko G.A. Professional associations of scholars in Soviet Russia (1918–1928). *Vysheishaya Shkola*, 2016, no. 4, pp. 36–39. (In Russian)
11. Von Bülow B. *Vospominaniya* [Memoirs]. Khvostov V.M. (Trans.). Moscow, Leningrad, Gos. Sotst.-Ekon. Izd., 1935. 562 p. (In Russian)
12. Ermakov A.M. The purge of the academic staff at the Yaroslavl Pedagogical Institute in the early 1930s and its consequences. *Yaroslavskii Pedagogicheskii Vestnik*, 2001, nos. 3–4, pp. 135–143. (In Russian)

Информация об авторе

Слискова Валерия Викторовна, младший научный сотрудник Центра истории российской науки и научно-технологического развития, Российский государственный гуманитарный университет; начальник отдела архива, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

E-mail: *vvaleriesss@gmail.com*

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1724-184X

Author Information

Valeriya V. Sliskova, Junior Researcher, Center for the History of Russian Science and Scientific-Technological Development, Russian State University for the Humanities; Head of Archives Department, N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences

E-mail: *vvaleriesss@gmail.com*

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1724-184X

Поступила в редакцию 10.07.2024 Received July 10, 2024

Принята к публикации 19.10.2024 Accepted October 19, 2024